

ВЕСТНИК
Брянского
государственного
университета

№ 1(55)
2023

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации (Категория научных журналов - К1).

Группа научных специальностей: 5.6 - исторические науки.

Научные специальности: 5.6.1. - Отечественная история; 5.6.2. - Всеобщая история; 5.6.3. - Археология; 5.6.5. - Историография, источниковедение, методы исторического исследования; 5.6.7. - История международных отношений и внешней политики.

Журнал индексируется в следующих системах и каталогах:
РИНЦ, Directory of Open Access Journals (DOAJ),
CROSSref, Ulrich's Periodicals Directory.

ISSN 2072-2087 (PRINT)
ISSN 2413-9912 (ONLINE)

The Bryansk State University Herald

**№1(55)
2023**

HISTORICAL SCIENCES

ББК 74.58 В 38

Вестник Брянского государственного университета.
№1 (55) 2023: исторические науки. Брянск: РИСО
БГУ, 2023. 176 с.

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала — Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Заместитель главного редактора журнала — Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Ответственный секретарь журнала — Федин Андрей Валентинович, доктор исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Члены редакционной коллегии:

Альбу Ион — доктор истории, профессор кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук Университета «Лучиан Блага», Сибиу (Румыния);

Белецкий Сергей Васильевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург (Россия);

Блохин Валерий Федорович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Блуменау Семен Федорович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Бондаренко Дмитрий Михайлович — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного центра антропологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва (Россия);

Гайдуков Петр Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института археологии РАН, член-корреспондент РАН, Москва (Россия);

Гелла Тамара Николаевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орел (Россия);

Горбачев Олег Витальевич — доктор исторических наук, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Россия);

Гребенкин Игорь Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань (Россия);

Дубровский Александр Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 7 **Адрианов А.К.**
УКРАИНСКИЙ КРИЗИС В ПУБЛИКАЦИЯХ ЕГИПЕТСКИХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ
- 18 **Брянцев М.В.**
СЕНТЯБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1923 Г. В БОЛГАРИИ В ОСВЕЩЕНИИ СОВЕТСКИХ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГАЗЕТ
- 27 **Букалова С.В.**
РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ДЕТСКОГО ПРИЗРЕНИЯ В ГОДЫ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ
- 38 **Варганын Э.Г.**
НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОДОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА НА БАЛКАНАХ В 1860-Е – 1870-Е ГГ. И ПОЗИЦИИ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ НАКАНУНЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ
- 47 **Вырупаева А.П.**
СОВЕТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ ПРОТИВ «ВОЛШЕБСТВА»: БОРЬБА СО СКАЗКОЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ
- 55 **Галкина Ю.М.**
УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В ОСВЕЩЕНИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
- 63 **Исламов Д.Р.**
ОПЫТ ВСТУПЛЕНИЯ ХОРВАТИИ В ЕС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕСС ЕВРОИНТЕГРАЦИИ ЗАПАДНЫХ БАЛКАН В 2010-Е ГГ.
- 72 **Красноперов А. А.**
ФИБУЛЫ С КНОПКОЙ НА КОНЦЕ СПЛОШНОГО ПЛАСТИНЧАТОГО ПРИЕМНИКА В ПРИКАМЬЕ И ВЕРОЯТНЫЕ ПУТИ ИХ ПОСТУПЛЕНИЯ
- 84 **Кривченков Г.В.**
ПОДГОТОВКА КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ В СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ: ПРОБЛЕМА КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
- 91 **Кристов И.Ю.**
ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЕ И ГЕРМАНО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ К. АДЕНАУЭРА В 1949-1955 ГГ.

государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Енуков Владимир Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Курский государственный университет, директор НИИ археологии юго-востока Руси, Курск (Россия);

Иванц Блаж — доктор философии, доцент Люблянского университета, специалист по истории политических учений, Любляна (Словения);

Иволина Людмила Ивановна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет, Смоленск (Россия);

Кащенко Сергей Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург (Россия);

Ливцов Виктор Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления-филиала, Орел (Россия);

Мезга Николай Николаевич — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель (Беларусь);

Метельский Андрей Анатольевич — доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Беларуси IX-XVIII вв., Институт истории НАН Беларуси, Минск (Беларусь);

Мягков Герман Пантелеймонович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева, Казань (Россия);

Нахтигаль Райнхард — доктор истории хабилитат, профессор Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига, научный сотрудник, Фрайбург (Германия);

Патрушева Наталья Генриховна — доктор исторических наук, заведующая сектором книговедения, Отдел редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (Россия);

Попов Стоян — доктор истории, доцент исторического факультета, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, Пловдив (Болгария);

Рогинский Вадим Вадимович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Новой истории, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва (Россия);

Сагимбаев Алексей Викторович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Цуття Иосифуру — профессор Нихонского университета, кафедра исторических наук, Токио (Япония);

Шинаков Евгений Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

Технический секретарь журнала:

Мельников Игорь Владимирович — кандидат биологических наук, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс

«Пресса России»: 40705 годовая

100 Ланник Л.В.
ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕРМАНСКОГО ПОСОЛЬСТВА В МОСКВЕ В 1918 Г.: ДЕФИЦИТ ПОКАЗАНИЙ

110 Лохов А.Ю., Еремин Е.И., Нащвин А.В.
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ АЛБАЗИНСКОГО ОСТРОГА ПЕРИОДА ВТОРОЙ ОСАДЫ. II

119 Майоров А.А.
ВЯТИЧСКОЕ ЭТНОПОТЕСТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ IX - X ВВ.

131 Меер Е. С.
И. ТАЛМОН И ШКОЛА А. КОББЕНА: ПРОСВЕЩЕНИЕ, ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ТОТАЛИТАРИЗМ

137 Мякотин А.А., Кузьмин В.Ю.
ГУБЕРНАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ САМАРСКИХ АРХИВОВ)

147 Пуневский Я.В.
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЯРОСЛАВСКОГО КУПЕЧЕСТВА В ГОРОДСКОМ САМОУПРАВЛЕНИИ (1870-ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1914 ГГ.)

155 Турьпин А.А.
ПАНГЕРМАНИЗМ: НЕГЕРМАНСКИЙ ВЗГЛЯД НА ГЕРМАНСКУЮ ПРОБЛЕМУ В КОНЦЕ XIX — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВВ.

163 Шумаков А.А.
ОРЛЕАНСКОЕ ВОССТАНИЕ РАБОВ 1811 Г.: ПРИЧИНЫ, ХОД, ПОСЛЕДСТВИЯ

The Bryansk State University Herald

The Bryansk State University Herald.
№ 1(55) 2023: historical sciences. Bryansk: RISO BSU, 2022.
176 p.

Editorial Board

Chief editor:

Mikhailchenko Sergei Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Deputy Editor-in-Chief:

Artamoshin Sergey Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Executive secretary:

Fedin Andrey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Editorial board:

Albu Ion — Doctor of History habilitat, Professor of the Department of History, Faculty of Social and Human Sciences, University «Lucian Blaga», Sibiu (Romania);

Beletskiy Sergey Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Slavic-Finnish Archeology, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia);

Blokhin Valery Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Blumenau Semyon Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Bondarenko Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the International Center for Anthropology, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia);

Gaidukov Petr Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Gella Tamara Nikolaevna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History and Regional Studies, Oryol State University named after I.S. Turgeneva, Orel (Russia);

Gorbachev Oleg Vitalievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Documentation and Information Support of Management, Ural Federal University, Ekaterinburg (Russia);

Grebenkin Igor Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan (Russia);

Dubrovsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Enukov Vladimir Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Kursk State University, Director of the Research Institute of Archeology of South-East Russia, Kursk (Russia);

Ivants Blaj — Doctor of Philosophy, Associate Professor at the University of Ljubljana, Political History Specialist, Ljubljana (Slovenia);

Vol.1 – No.55 Scientific peer-reviewed journal MARCH

ISSN 2072-2087

ISSN 2413-9912

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

- 7 Adrianov A.K.**
THE UKRAINIAN CRISIS IN THE PUBLICATIONS OF EGYPTIAN THINK CENTERS
- 18 Bryantsev M.V.**
THE 1923 SEPTEMBER UPRISING IN BULGARIA AS REPORTED BY SOVIET PROVINCIAL NEWSPAPERS
- 27 Bukalova S.V.**
DEVELOPMENT OF THE CHILDREN'S CHARITY SYSTEM DURING THE WORLD WAR I
- 38 Vartanyan E.G.**
THE NATIONAL CONCLUSION FIGHT IN THE BALKANS IN THE 1860S - 1870S. AND POSITIONS OF THE GREAT POWERS ON THE EVE OF THE RUSSIAN-TURKISH WAR
- 47 Vyrupeva A.P.**
SOVIET IDEOLOGY AGAINST «MAGIC»: THE STRUGGLE WITH THE FAIRY TALE IN THE SECOND HALF OF THE 1920S
- 55 Galkina Yu.M.**
WOMEN'S PARTICIPATION IN THE FIRST WORLD WAR IN THE FRENCH HISTORIOGRAPHY
- 63 Islamov D.R.**
EXPERIENCE OF CROATIAN ACCESSION TO THE EU AND ITS IMPACT ON THE EUROPEAN INTEGRATION OF THE WESTERN BALKANS IN THE 2010S
- 72 Krasnopeorov A.A.**
FIBULAE WITH A BUTTON AT THE END OF THE CATCH RECEIVER IN THE KAMA REGION AND THE PROBABLE WAYS OF THEIR RECEIPT
- 84 Krivchenkov G.V.**
PREPARATION OF THE PEASANT REFORM IN THE SMOLENSK PROVINCE: THE PROBLEM OF PEASANT SELF-GOVERNMENT
- 91 Kristov I.Yu.**
GERMAN-SOVIET AND GERMAN-GERMAN RELATIONS AS A FACTOR OF THE INTEGRATION POLICY OF K.

Ivonina Lyudmila Ivanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Smolensk State University, Smolensk (Russia);

Kashchenko Sergey Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Source Study of Russian History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);

Litvov Viktor Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Central Russian Institute of Branch Management, Orel (Russia);

Mezga Nikolai Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Francisk Skorina Gomel State University, Gomel (Belarus);

Metelsky Andrey Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the History of Belarus in the IX-XVIII Centuries, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus);

Myagkov German Panteleimonovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryazeva, Kazan (Russia);

Nachtigall Reinhard — Doctor of History habilitat, Professor at the University of Freiburg, Albert-Ludwig, Research Fellow, Freiburg (Germany);

Patrusheva Natalya Genrikhovna — Doctor of Historical Sciences, Head of the Bibliology Sector, Rare Books Department of the Russian National Library, St. Petersburg (Russia);

Popov Stoyan — Doctor of History, Associate Professor of the Faculty of History, Paisiy Khilendarsky University of Plovdiv, Plovdiv (Bulgaria);

Roginsky Vadim Vadimovich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Modern History, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Sagimbaev Aleksey Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Tsuchiya Iosifuru — Professor, Nihon University, Department of Historical Sciences, Tokyo (Japan);

Shinakov Evgeny Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Technical secretary

Melnikov Igor Vladimirovich — Candidate of Biological Sciences, Chief of Editorial-publishing Department at Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University.

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.

Materials of articles are printed in author's edition.

INDEX 40705 OF GENERAL CATALOG
«PRESS OF RUSSIA»

ADENAUER IN 1949-1955

100 Lannik L.V.

SOURCES OF PERSONAL ORIGIN ABOUT THE ACTIVITIES OF THE GERMAN EMBASSY IN MOSCOW IN 1918: LACK OF EVIDENCE

110 Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V.

HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL MODELING OF THE ALBAZIN FORT DURING THE SECOND SIEGE. II

119 Mayorov A.A.

VYATICHY ETHNO-POTESTAR FORMATION IN THE CONTEXT OF ECONOMIC AND POLITICAL PROCESSES WITHIN EASTERN EUROPE IN THE 9TH-10TH CENTURIES

131 Meer E.S.

J. TALMON AND SCIENTIFIC SCHOOL OF A. COBBAN: THE ENLIGHTENMENT, THE FRENCH REVOLUTION AND THE TOTALITARISM

137 Myakotin A.A., Kuzmin V.Yu.

GOVERNOR'S POWER IN THE FINAL THIRD OF THE 19TH CENTURY (BASED ON SAMARA ARCHIVES)

147 Punevsky Ya.V.

CHARITABLE ACTIVITY OF THE YAROSLAVL MERCHANTS IN THE CITY GOVERNMENT (1870-THE FIRST HALF OF 1914)

155 Turygin A.A.

PAN-GERMANISM: A NON-GERMAN VIEW ON THE GERMAN PROBLEM IN THE END OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES

163 Shumakov A.A.

ORLEANS SLAVE REVOLT OF 1811: CAUSES, COURSE, CONSEQUENCES

Адрианов А.К., стажер-исследователь Центра ближневосточных и африканских исследований ИМИ МГИМО МИД России (Россия)

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС В ПУБЛИКАЦИЯХ ЕГИПЕТСКИХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ¹

В статье проводится анализ публикаций трех ключевых египетских мозговых центров, посвященных причинам, последствиям, глобальному контексту украинского кризиса, а также его влиянию на страны Ближнего Востока и позицию Египта. Автор рассматривает публикации мозговых центров, способных оказывать влияние на принятие внешнеполитических решений в Египте с целью оценки потенциала изменения его позиции относительно российской СВО, а также доминирующих в египетском экспертном сообществе представлений о влиянии украинского кризиса на международные отношения. В своих публикациях египетские центры концентрируются на трех ключевых темах: глобальный контекст украинского кризиса и его последствия для системы международных отношений, влияние украинского кризиса на ситуацию на Ближнем Востоке и позиция Египта по украинскому кризису. Египетские эксперты видят в украинском кризисе проявление великодержавной конкуренции и рассматривают его как точку отсчета в будущем изменении мирового порядка. При этом они ясно видят его негативные последствия для экономической ситуации в странах Ближнего Востока и особенно в Египте, однако с удовлетворением оценивают нейтральную позицию, занятую Каиром в данном противостоянии.

Ключевые слова: Ближний Восток, российско-египетские отношения, мозговые центры, украинский кризис.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-07-17

Введение

В 2022 году украинский кризис перестал быть региональным явлением и стал одним из определяющих факторов развития мировой экономики и системы международных отношений. Начало российской СВО 24 февраля 2022 года привело к крупнейшему в Европе вооруженному конфликту с момента окончания Второй мировой войны, а также значительно повлияло на мировые товарные и финансовые потоки. Влияние данных изменений ощутили многие страны мира, особенно государства глобального юга. В связи с этим представляет значительный интерес исследование того, каково отношение данных стран к украинскому кризису, его причинам и последствиям.

С вводом западных санкций значение стран «мирового большинства» для России увеличилось в виду того, что возможности взаимодействия российских компаний, государственных и частных учреждений с западными странами сократились. В связи с этим встает вопрос о том, насколько страны Азии, Африки и Латинской Америки готовы к сотрудничеству с Россией, несмотря на западные санкции и давление, оказываемое по дипломатическим каналам на государства, стремящиеся сохранить или нарастить сотрудничество с Россией.

Объекты и методы исследования

В контексте формирования «мирового большинства» для России особую важность представляет Египет. Он является одним из важнейших российских партнеров на Ближнем Востоке – регионе, роль которого значительно возросла в контексте украинского кризиса как поставщика энергоресурсов и посредника в торговле между Западом и Востоком. Египет является одним из главных

российских торговых партнеров среди стран глобального юга, а также исторически стремится к сотрудничеству с Россией. Значение Египта особенно велико, учитывая его значимую роль в Арабском мире: на территории страны располагается штаб-квартира Лиги арабских государств – ключевой арабской международной организации.

Российско-египетские отношения – одни из самых прочных на Ближнем Востоке. На официальных встречах обе стороны описывают их как традиционно дружественные и подчеркивают их историческую глубину. Советско-египетские отношения были установлены в 1943 году, и стали активно развиваться в начале 1950-х гг. под влиянием идеологической близости советской и египетской внешней политики. Революция свободных офицеров в Египте привела к свержению монархического режима и переходу страны на антиколониальные позиции, а целью внешней политики стало освобождение Египта от политического и экономического влияния европейских держав.

В результате Суэцкого кризиса, в котором СССР поддержал позицию Египта, советско-египетские отношения значительно укрепились. Дальнейшее развитие они получили с развитием инфраструктурных проектов в Египте, реализуемых при значительной помощи СССР. Так, в Египте до сих пор помнят и высоко ценят роль СССР в строительстве высотной Асуанской плотины, металлургического комбината в Хелуане и Наг-Хаммади и других проектов. Всего в Египте при помощи советских специалистов до распада СССР было построено 97 крупных промышленных объектов [1, с. 5].

Именно на эти достижения советско-египетских опираются и российско-египетские отношения.

© Адрианов А.К.

© Adrianov A.K.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта ИМИ МГИМО № 2025-04-08 «Российско-африканское взаимодействие в восприятии африканских партнеров».

Как отмечает М.Л. Богданов «российско-египетские отношения прошли три основных этапа в своем развитии: кризисный период (первая половина 1970-х - середина 1990-х гг.), поиск путей восстановления и новых форм взаимодействия (середина 1990-х - начало 2000 гг.), этап модернизации и подъема (первое десятилетие XXI века) [1, с. 2]. После 1991 года, когда по замечанию академика А.М. Васильева, исследовавшего российскую политику на Ближнем Востоке, в России наступили «окаянные девяностые», Москва значительно снизила свое присутствие на Ближнем Востоке, российско-египетские отношения пережили относительный спад – это касалось и военного, и экономического, и гуманитарного сотрудничества [2, с. 363].

Если в ходе Холодной войны Египет присоединялся поочередно, то к советскому, то к американскому лагерю, то после 1991 года стал полагаться на США как основного внерегионального союзника. Однако при этом исторические связи играли свою роль, и диалог с Россией сохранялся. В результате с 2010-х гг. можно наблюдать новый период роста в российско-египетских экономических отношениях. На ряду с этим росло и политическое сотрудничество, а также взаимопонимание по ключевым вопросам международной и региональной повестки. Масштабы египетско-американского сотрудничества значительно превосходят египетско-российское, однако в ходе Украинского кризиса Египет занял в целом нейтральную позицию. Хотя Каир и голосовал против российской позиции в Генеральной ассамблее ООН (Резолюция ES-11/1 от 2 марта 2022 г. и Резолюция № ES-11/4 от 12 октября 2022 г.), он сохранил торгово-экономическое сотрудничество с Москвой и поддерживает на высоком уровне экономические, гуманитарные и политические связи. Ярче всего это продемонстрировало начало строительства Росатомом АЭС Эд-Дабаа в июле 2022 года, а также посредническая роль, которую Каир стремится играть в отношения между Москвой и Вашингтоном: именно в Каире должен был пройти очередной раунд российско-американских консультаций по стратегическим вооружениям.

Для того, чтобы понять мотивы подобной внешнеполитической линии Египта, а также оценить возможности ее изменения в сторону большей поддержки позиции западных стран, необходимо изучить доминирующие представления о России, ее роли в украинском кризисе, его причинах и последствиях в кругу лиц принимающих решения. Одним из способов оценки этих представлений может быть анализ дискурса египетских официальных лиц, однако он этот метод оценки имеет свои недостатки: зачастую в данных речах встречаются протокольные фразы о важности сотрудничества, которые далеко не всегда приводят к реальным последствиям. Кроме того, в

официальных заявлениях и выступлениях не всегда можно встретить объяснение реальных мотивов тех или иных действий государства в виду закрытости процесса принятия внешнеполитических решений.

Необходимо было использовать источники, в которых египетская позиция могла бы быть выражена более открыто. Для этого автором были выбраны публикации египетских мозговых центров. В Египте хорошо развита отрасль исследовательских центров, многие из которых представляют качественную аналитику в органы власти. Метод кейс-стади и сквозной анализ публикаций мозговых центров позволяет рассмотреть дискуссию по внешнеполитическим вопросам в стране, и выявить основные направления мысли. Таким образом, возможно на раннем этапе определить возможные изменения в позиции страны по российскому досье.

Мозговые центры на Ближнем Востоке

Работа мозговых, или аналитических, центров в принятии внешнеполитических решений исследуется уже на протяжении длительного времени. Однако роль аналитических центров в принятии внешнеполитических решений в странах Ближнего Востока – тема относительно новая, она стала обсуждаться совсем недавно, в связи с чем для оценки роли мозговых центров на принятие решений в Египте необходимо дать общий обзор состояния этой отрасли в арабских странах и на Ближнем Востоке [7; 8].

Число мозговых центров на Ближнем Востоке постепенно растет. Так, в докладе саудовского исследовательского центра KAPSARC, посвященного мозговым центрам в Арабском мире указывалось, что их доля от общего числа исследовательских центров в мире составляет 6%, а число достигает 140 [5, с. 10]. Авторы доклада отмечают, что ситуация меняется в позитивном ключе: если раньше страны Ближнего Востока и Арабского мира изучали в основном в центрах, находящихся за пределами региона, то за последние три десятилетия «эта картина изменилась с созданием национальных мозговых и исследовательских центров» [5, с. 6].

В наиболее известном рейтинге аналитических центров, ежегодно составляемым Пенсильванским университетом, существует отдельный региональный раздел по Ближнему Востоку и Северной Африке, что подтверждает важность мозговых центров региона в производстве аналитики. Однако в глобальный рейтинг мозговых центров входит всего 7 центров из этого региона (из 174), что с одной стороны говорит о более низком уровне их работы, по мнению авторов рейтинга, а с другой может свидетельствовать о слабом знакомстве авторов с работой этих центров и особенностями их деятельности [4, с. 55].

Аналитические центры присутствуют во всех ближневосточных странах; согласно данным рейтинга Пенсильванского университета, их число наиболее велико в Иране (87), Израиле (78), Турции (53), Египте (47), Ливане (35) и Ираке (35) [4, с. 47]. В докладе KAPSARC, посвященном арабским исследовательским центрам, приводятся следующие данные: наибольшее число исследовательских центров в Арабском мире находится в Египте (19), затем следуют Марокко (18), Иордания (14) и Ливан (13) [5, с. 10]. Таким образом, Египет возглавляет рейтинг арабских стран по числу аналитических центров. При этом именно египетские аналитические центры считаются одними из лучших в регионе. Так, в рейтинге Пенсильванского университета GlobalToGo Think Tanks Index по региону Ближнего Востока и Северной Африки входит 10 египетских исследовательских центров (из 104) [4, с. 129]. В другом рейтинге, составленном Эмирским Центром стратегических исследований, египетский Центр Аль-Ахрам находится на первом месте среди всех ближневосточных центров [6].

Результаты и их обсуждение

В данном разделе будет проведен анализ публикаций ключевых египетских мозговых центров в отношении украинского кризиса. Для анализа были выбраны три мозговых центра: Центр политических и стратегических исследований Аль-Ахрам, Центр информации и поддержки принятия решений при Правительстве Египта и Египетский центр стратегических исследований.

Выбор именно этих центров обусловлен рядом причин. Как ранее упоминалось, в рейтинге Центра стратегических исследований Эмиратов Центр Аль-Ахрам занимает первое место в рейтинге ближневосточных мозговых центров [6]. Центр Аль-Ахрам также занимает наивысшую позицию среди египетских мозговых центров в рейтинге Пенсильванского университета – в 2020 году (последний доступный рейтинг) он занимал четвертую строчку в рейтинге центров на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Таким образом, Центр Аль-Ахрам считается наиболее авторитетным арабским мозговым центром, публикующим лучшую аналитику в регионе. Он также входит в Фонд Аль-Ахрам, находящийся под управлением Высшего совета по журналистике Египта, и таким образом, по сути, является государственным учреждением [17].

Центр информации и поддержки принятия решений в рейтинге Пенсильванского университета занял 14 строчку, став третьим египетским центром в рейтинге. Его опередил только Египетский центр экономических исследований, однако его работа сконцентрирована на внутренних проблемах страны и не затрагивает международную повестку. Центр информации и поддержки принятия решений был не только из-за его высокой

позиции в рейтинге, но также вследствие его прямого влияния на принятие решений в Египте – Центр официально работает при правительстве страны, а его директор занимает должность помощника премьер-министра.

По схожей причине для анализа была выбран Египетский центр стратегических исследований (ЕЦСИ). Центр был создан в 2018 году, однако о его серьезном потенциале влияния на принятие решений говорит состав руководства. Центром руководят бывшие высокопоставленные военные: управляющим директором является бригадный генерал Халед Укаша, а его заместителем – генерал-майор Мохаммед Ибрагим Ад-Дуэйри. Они оба часто выступают на телевидении, дают комментарии египетским СМИ и публикуют статьи собственного авторства. В Египте армия традиционно имеет значительное влияние на управление страной.

Важно отметить, что некоторые исследователи имеют аффилиацию сразу с несколькими центрами или публикуют свои статьи на сайте других центров. Так, например, исследователи из ЕЦСИ и Центра Аль-Ахрам писали аналитические статьи для Центра информации и поддержки принятия решений.

Публикации Центра Аль-Ахрам, Центра информации и поддержки принятых решений и Египетского центра стратегических исследований можно разделить на три основные группы: публикации, посвященные причинам и последствиям украинского кризиса, а также его глобальному контексту; влияние украинского кризиса на ситуацию на Ближнем Востоке; позиция Египта по украинскому кризису.

Центр политических и стратегических исследований Аль-Ахрам

Центр политических и стратегических исследований Аль-Ахрам был создан в 1968 году как независимое исследовательское подразделение в Фонде Аль-Ахрам, также владеющего известной египетской газетой «Аль-Ахрам». Фонд находится под управлением правительства через Высший совет журналистики. Изначально Центр занимался изучением Израиля и палестинской проблемы, однако со временем его сфера компетенций стала включать международные отношения во всех регионах мира с акцентом на арабском регионе. Центр также занимается проведением исследований по актуальным вопросам экономического и социального развития Египта [17].

В течение 2022 года и начале 2023 года эксперты Центра Аль-Ахрам пристально следили за украинским кризисом и его глобальным контекстом. Авторы регулярно публиковали аналитику, посвященную отдельным аспектам кризиса, а спустя год после его начала выпустили 69-страничный сборник статей, посвященный его

различным аспектам кризиса. В целом публикации Центра Аль-Ахрам можно разделить на три категории: 1) оценка промежуточных итогов кризиса, приуроченная к определенным датам – месяц, 100 дней, год после 24 февраля 2022 года; 2) связь кризиса с событиями на Ближнем Востоке; 3) позиция Египта по глобальному противостоянию России и Запада.

Через статьи, приуроченные к определенным «круглым» датам после начала российской СВО, можно проследить определенную эволюцию в понимании кризиса египетскими экспертами. Так, в статье написанной спустя месяц после начала СВО исследователь Центра Ахмад Улейбе в основном рассуждает о ходе военных действий, тогда как в статье, опубликованной спустя сто дней после 24 февраля делаются общие выводы о влиянии украинского кризиса на систему международных отношений и мировую экономику. В своей статье Ахмад Улейбе делает лишь один общий вывод относительно ожидаемых последствий украинского кризиса. По его мнению, захват Киева российской армией не даст Москве гарантий того, что она сможет диктовать свои условия за столом переговоров с НАТО [25]. В статье, приуроченной к 100 дням с момента начала СВО, директор Центра Аль-Ахрам Мохаммед Фаиз Фархат анализирует четыре ключевых тенденции мировой политики, проявившиеся после начала военных действий: 1) возвращение реализма в международные отношения после долгого периода доминирования конструктивизма и либерального институционализма; 2) роль международных альянсов как инструмента построения баланса в мировой системе; 3) подтверждение важности Индо-Тихоокеанского региона как будущего основного театра международной борьбы, поскольку следующим на повестке дня встанет конфликт США и КНР; 4) снижение роли США в защите мирового либерального экономического порядка [15]. Подобный уровень обобщений ярко демонстрирует переход к анализу долгосрочных последствий кризиса, который стал рассматриваться египетскими экспертами не как европейский конфликт, а событие мирового масштаба, способное изменить мировой порядок.

Ярче всего это понимание проявилось в докладе Центр Аль-Ахрам, публикация которого была приурочена к году с начала СВО. Во вступлении к докладу главный редактор сайта Центра Аль-Ахрам Мохаммед Аббас Наги прямо пишет о том, что текущий кризис, «после того как в него ввязалось множество региональных и глобальных игроков», каждый из которых имеет свои интересы», больше не касается лишь России и Украины. Автор указывает, что украинский кризис повлиял на «модели взаимодействия» между государствами на мировой и региональной

(ближневосточной) арене. Мохаммед Наги особенно подчеркивает возросшую роль Ближнего Востока, оказавшегося в центре внимания США, России, КНР и ЕС, в то время как страны региона сами оказались в той или иной мере втянуты в украинский кризис. В завершение вступительной статьи Мохаммед Аббас Наги указывает на отсутствие ясности итогов данного кризиса и задает множество риторических вопросов о том, в каком направлении он может развиваться [13].

В доклад, приуроченный к году с начала СВО, также вошли статьи, посвященные влиянию кризиса на ситуацию на Ближнем Востоке – приоритетном направлении внешней политики Египта. В этой связи обращают на себя внимание две статьи, посвященные данной теме. В статье «Как российско-украинская война способствовала росту влияния стран Ближнего Востока» директор отдела арабских и региональных исследований Центра Аль-Ахрам Мохаммед Изз Аль-Араб указывает, что некоторые арабские страны смогли использовать украинский как возможность для достижения своих национальных интересов. Автор особо подчеркивает значение роста спроса европейских стран на нефть и газ, добываемые в странах Персидского залива и Алжире. Также он выделяет посреднические усилия Египта, Саудовской Аравии и ОАЭ в урегулировании кризиса [11]. Таким образом, египетские эксперты отмечают не только негативное влияние кризиса на мировую экономику, выразившееся в росте цен на продовольствие и энергоносители, но и выделяют его позитивное значение для арабских стран.

Во второй статье эксперт Центра Сафиназ Мухаммад Ахмад анализирует влияние украинского кризиса на сирийский конфликт. По мнению автора, вовлеченность России в украинский конфликт имела «ясные последствия для сирийского кризиса». Она выделяет три группы последствий: политические, военные и экономические. К первой группе эксперт относит замедление процесса возвращения Сирии в международное сообщество, зависимость турецко-сирийского примирения от развития событий на Украине, а также использование Россией механизма трансграничных поставок гуманитарной помощи на северо-западе Сирии как инструмента поддержания диалога с международным сообществом. Среди военных последствий, выделяемых экспертом, стоит отметить расширение роли Ирана на сирийской арене как результат снижения военного присутствия России в этой стране. К экономическим последствиям эксперт относит снижение российских инвестиций в сирийскую экономику при одновременном расширении финансовой поддержки со стороны Ирана. В результате эксперт располагает украинский кризис на ближневосточной системе координат, а также вписывает его в

глобальный контекст, ясно показывая сложное переплетение интересов России, Турции и Ирана на Ближнем Востоке и Украине [10].

Наконец, необходимо обратить внимание на то, как египетские эксперты осмысливают роль своей страны в украинском кризисе и конфликте России и Запада. В статье «Российско-украинская война и принцип балансирования во внешней политике Египта» эксперт Центра Аль-Ахрам Муатазз Салама стремится доказать, что несмотря на то, что в ООН Египет голосовал против России и поддерживал прозападные резолюции, Каир придерживается нейтралитета в данном конфликте. По мнению эксперта, ключевое внимание необходимо обращать не столько на сам факт голосования, сколько на то, как его мотивы объяснял египетский МИД. Как указывает Муатазз Салама, Египет не мог не поддержать две резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей против России (имеются в виду Резолюция ES-11/1 от 2 марта 2022 г. и Резолюция № ES-11/4 от 12 октября 2022 г.), поскольку будучи «одним из основателей ООН не имел выбора, кроме как выбрать позицию, соответствующую международному праву». Однако, подчеркивает автор, при этом в реальном взаимодействии с Россией Египет демонстрирует нейтралитет, что проявилось в его предложении предоставить площадку для переговоров России и США по стратегическим вооружениям. Кроме того, в заявлении, изданном после принятия первой резолюции Египет выступил с осуждением односторонних западных санкций и призывал передавать гуманитарную помощь всем без исключения сторонам конфликта. В то же время в заявлении после голосования 12 октября Египет призвал отказаться от двойных стандартов в оценке международных проблем и задаться вопросом о том, можно ли было избежать данного кризиса [24]. Таким образом, в данной статье автор стремится исправить сложившееся впечатление о поддержке Египтом позиции западных стран и приводит убедительные аргументы того, почему на самом деле Каир по-прежнему придерживается нейтральной позиции по украинскому кризису.

Центр информации и поддержки принятия решений

Центр информации и поддержки принятия решений (ЦИППР) является одним из главных египетских мозговых центров. Центр был создан в 1985 году при Правительстве Египта и занимается широким спектром вопросов, большинство из которых связаны с вопросами внутренней политики, экономическими и социальными реформами в Египте. Центр также публикует аналитику, связанную с внешнеполитическими вопросами. Директором Центра с мая 2022 года является Усама Аль-Джаухари, занимавший пост исполняющего

обязанности директора Центра с 2019 года. Директор Центра также официально занимает пост помощника премьер-министра [21].

Одной из наиболее интересных публикаций центра является доклад от августа 2022 г., посвященный исследованию «будущего» украинского кризиса. Авторы доклада, используя метод «колеса будущего» визуально представляют возможные последствия украинского кризиса для мировой политики и экономики. Интересно отметить, что большинство последствий, рассматриваемых авторами, носят экономический характер. Из 14 последствий первого порядка лишь 4 носят политический характер (согласно классификации самих авторов), в то время как остальные являются чисто экономическими: повышение цен на энергоносители, на золото, на товары, снижение объема туристического потока, задержка продовольственных поставок и т.д. Также обращает на себя внимание описание точки отсчета, с которой авторы начали строить колесо будущего – инфляционные последствия кризиса описываются как «одно из самых важных прямых экономических и политических последствий, проистекающих от продолжающейся с февраля и по июль 2022 года войны» [19]. Наряду с ранее рассмотренной статьей, опубликованной Центром Аль-Ахрам, данный доклад ярко отражает египетскую точку зрения на конфликт – экономика страны, находившаяся в довольно хрупком состоянии уже до февраля 2022 года, с трудом справилась с ценовыми шоками: Египет является одним из главных импортеров продовольствия из России и Украины (на них приходилось 80% импорта), закупает топливо на мировых рынках и зависит от доступа к иностранной валюте, необходимой для выплаты растущего внешнего долга [3]. В результате для египетских экспертов интерес представляют экономические последствия кризиса, а не только его политическое влияние на систему международных отношений.

Фокус на экономических последствиях кризиса также прослеживается в статье советника и бывшего директора Центра Аль-Ахрам Вахида Абдельмаджида, опубликованной Центром информации и поддержки принятий решений в марте 2022 года. Тем не менее наряду с экономическими автор также стремится рассмотреть и геополитические последствия кризиса, рассматривая его как важное испытание для системы институтов, ограничивающих начало новой мировой войны. Что касается глобального контекста украинского кризиса, то автор четко постулирует, что конфликт на Украине является проявлением конфликта России и Запада, в ходе которого может произойти рождение нового мирового порядка. По мнению Вахида Абдельмаджида в случае, если Россия не достигнет своих целей в ходе военного конфликта, Запад не признает

законности ее требований и изменений мирового порядка так и не произойдет [26].

Схожую мысль проводит в своей статье Абдельмонеим Саид, директор управляющего совета информационного сайта «Аль-Масри Аль-Яум» и директор палаты советников ЕЦСИ. В публикации «Будущее европейской и мировой безопасности» он отмечает, что Россия и Китай стремятся к пересмотру мирового порядка. По его мнению, после распада СССР США и НАТО пытались переформатировать мир в соответствии со своим видением и правилами глобализации. В результате Россия стала стремиться вернуть утраченные после распада СССР позиции и пересмотреть несправедливую систему, сложившуюся после конца Холодной войны. К 2022 году, по мнению автора, сложилась система трех полюсов в виде США, России и КНР. Несмотря на то, что во вступительной части статьи Абдельмонеим Саид рассматривает истоки украинского кризиса и различные этапы его эскалации, в конце он акцентирует факторы, интересующие в первую очередь египетскую общественность: экономические последствия кризиса, а также растущую роль Китая, с которым Египет последние десять лет активно развивает торгово-экономические и инвестиционные связи. Автор указывает на растущую инфляцию и проблемы с доступом к продовольствию и энергии – все это было стало последствием украинского кризиса. Что касается КНР, то Абдельмонеим Саид указывает, что в будущем Пекин применит свое влияние на мировой арене для прекращения военных действий, чтобы таким образом предотвратить эскалацию конфликта с США. Именно КНР, по мнению автора, принадлежит решающая роль в разрешении кризиса: «китайский фактор в украинском кризиса определит множество черт нового мирового порядка» [23].

Авторов Центра также влияние украинского кризиса на Европу. Профессор политологии Усама Фарук Мухеймар в статье «Последствия украинского кризиса для европейской безопасности» рассматривает долгосрочное влияние ситуации на Украине на международную безопасность на европейском континенте. Свою статью он начинает с краткого изложения предыстории конфликта, которая во многом соответствует российской точки зрения: Россия неоднократно пыталась получить от Запада гарантии нерасширения НАТО на восток и требовала сохранения нейтральности Украины. При этом Запад отвергал «попытки России войти в европейскую и западную систему, а США стремились «представить Россию как врага или другую сторону конфликта». В результате начала военных действий стабильность, установившаяся в Европе с окончанием Второй мировой войны, оказалась под угрозой. Среди ключевых угроз автор выделяет следующие: 1) ядерная угроза; 2)

иностраные боевики; 3) кризис беженцев; 4) энергетический кризис. Все эти угрозы могут лишь обостриться в рамках стратегии войны на истощение, которую, как указывает автор, США и Запад пытаются вести против России [18].

Таким образом, эксперты Центра информации и поддержки принятия решений в своих публикациях концентрируются на том, как украинский кризис может повлиять на глобальную систему международных отношений и привести к изменению баланса сил между великими державами.

Египетский центр стратегических исследований

Египетский центр стратегических исследований (ЕЦСИ) был создан в 2018 году рядом бывших высокопоставленных официальных лиц, связанных с армией. В Египте армия традиционно играет значительную роль в принятии политических и экономических решений. Достаточно упомянуть, что начиная с падения монархии в 1952 году все президенты Египта, кроме представителя Братьев-мусульман Мохаммеда Мурси, являлись военными. Нынешний президент страны Абдель Фаттах Ас-Сиси пришел к власти в 2013 году в результате военного переворота, в результате чего военные вернули контроль над управлением страной.

Наряду с Центром Аль-Ахрам и ЕЦППР ЕЦСИ активно исследовал украинский кризис. Главной работой ЕЦСИ в этой области стал 96-страничный сборник статей «Россия и Украина», опубликованный 20 марта 2022 года. В нем делается попытка осмыслить кризис с точки зрения конфликта великих держав, анализируются позиции различных государств (Германия, КНР, Турция, Великобритания, Беларусь, США), а также ожидаемые последствия конфликта на различные региональные и глобальные проблемы [22]. Тот факт, что статьи, написанные еще до 24 февраля 2022 года, также были включены в сборник указывает на их актуальность и способность быть использованными для объяснения нынешнего кризиса спустя почти месяц после его начала, по мнению экспертов центра.

Наибольший интерес представляет первая часть сборника, в которой опубликованы две статьи, через которые эксперты Центра стремятся представить российскую и украинскую точку зрения на то, как может развиваться конфликт и каковы его движущие силы. Сборник открывается статьей от сентября 2020 года эксперта ЕЦСИ Аи Абдельазиз, в которой подробно излагается содержание статьи бывшего главы СВР Украины Валерия Кондратюка «Не время расслабляться», опубликованной в 2020 году. Фактически автор делает пересказ статьи, полностью излагая аргументы украинской стороны о перспективах начала «российской агрессии». Ая Абдельазиз

завершает свою статью цитатой из статьи Кондратюка о том, что Россия может попытаться использовать соглашения о прекращении огня, чтобы возложить вину за их нарушение на Украину [9]. Во второй статье генеральный директор ЕЦСИ Халид Укаша анализирует российскую точку зрения на украинский кризис через призму работ известного философа и политолога Александра Дугина, популярного на Ближнем Востоке [27]. В конце статьи автор поясняет, что статьи Дугина помогают понять «над чем сейчас работают в Кремле». Эксперт пересказывает одну из статей Дугина, в которой обострение противостояния России и Запада объясняется сквозь призму геополитики и конфликта сухопутных и морских держав. Конфликт России и Запада таким образом приведет к «полному реструктурированию мира и системы международной безопасности».

Включение данных статей в сборник говорит, во-первых, о стремлении экспертов Центра прислушаться к мнению экспертов, представляющих обе стороны конфликта, в объяснении его причин; во-вторых, используя первую статью авторы сборник стремятся показать читателям, что конфликт назревал давно, а ссылаясь на вторую, описывают глобальный контекст противостояния. Однако обе статьи были написаны до 24 февраля 2022 года, более интересны публикации, сделанные после этой даты, когда Египту пришлось четко определить свою позицию по конфликту, который ранее представлялся далеким от его интересов и вопросов национальной безопасности.

Первой серьезной попыткой осмыслить кризис после 24 февраля стала статья заместителя директора Центра Мохаммеда Ибрагима Ад-Дуэйри «Российско-украинская война: что дальше?», опубликованная 3 марта 2022 года. Автор указывает, что для тех, кто наблюдал за развитием российско-украинских отношений военное решение выглядело неизбежным и «оставалось лишь определить час «Ч», который Вашингтон называл и предсказывал не один раз». Наряду с перечислением нескольких тенденций, уже проявивших себя в военной сфере, автор концентрируется на осмыслении долгосрочных последствий украинского кризиса для международной безопасности, среди которых он выделяет неготовность России идти на уступки в вопросах, касающихся ее национальной безопасности. По мнению автора, нет смысла надеяться на скорое улучшение отношений России и Запада – оно невозможно, поскольку в определенный момент западным странам придется «встать в один ряд с США и занять единую позицию», особенно после того как «они почувствуют, что существует возможность угрозы их безопасности или Россия пренебрегает их статусом и силой». Однако при этом Мохаммед Ад-Дуэйри отмечает, что Россия

и США стремятся избежать прямого столкновения. Автор указывает, что, по сути, нынешний и будущие конфликты сводятся к конкуренции великих держав – России, США и Китая – вследствие чего подобные конфликты будут повторяться [12]. Таким образом, подобно экспертам из Центра Аль-Ахрам и ЦИППР эксперт ЕЦСИ рассматривает украинский кризис не как региональный, а как проявление глобального противостояния великих держав, уделяя при этом значительное внимание Китаю.

Значительный интерес также представляет статья от 27 октября 2022 года, в которой эксперт ЕЦСИ Азза Хамиш анализирует причины сочувственного отношения к России, господствующего в некоторых арабских странах. Автор выделяет следующие причины: харизматичная личность президента России В.В. Путина; взгляд на Россию в рамках противоборства с США – «враг моего врага – мой друг»; двойные стандарты Запада – Израиль не осуждают за его действия на палестинских территориях; разрушение системы однополярности; российская система пропаганды и информационной войны. По мнению автора, распространение сочувственного отношения к России в украинском кризисе свидетельствует о пределах влияния западных СМИ на арабское общественное мнение и сложившемся негативном образе США и европейских стран на Ближнем Востоке [16]. Таким образом, автор показывает, что нейтралитет и в некоторых случаях благожелательное отношение к России не является лишь прагматичным выбором руководства страны, но также имеет свои корни в господствующих среди населения арабских стран взглядах на украинский кризис, популярных в том числе и в Египте.

Логичным продолжением данной статьи является публикация директора Центра Уалида Рабии, опубликованная на сайте ЕЦСИ 8 февраля 2023 года, где автор рассуждает о причинах отсутствия полной изоляции России на мировой арене и устойчивости российской экономики перед западными санкциями. По мнению автора, Запад не смог эффективно применить стратегию санкций против России, в результате чего санкции негативно повлияли на сами западные страны, особенно на их экономику. При этом западные лидеры недооценили влияние России на международной арене, а также не отдавали себе отчета о «быстро меняющемся мировом ландшафте». В качестве вывода Уалид Рабия указывает, что Запад «использовал все карты для оказания давления на Россию в этом конфликте». Эти попытки оказались unsuccessfulными, в то время как Россия смогла успешно использовать «энергетическое оружие» [20]. Интересно отметить, что о неэффективности санкций как средства изменения политики того или иного государства еще в

середине марта 2022 года на сайте ЕЦСИ писала Басинт Гамаль. По ее мнению, ограниченность влияния санкций на Россию проявилась еще в 2014 году, в результате чего вновь наложенные в феврале-марте 2023 года санкции «не удержат ее от целей, которые она намеревается достигнуть путем завоевания Украины» [14]. Содержание данных публикаций говорит о пристальном внимании, которые египетские эксперты уделяют экономическому аспекту украинского кризиса и его влиянию на мировую экономическую и финансовую систему, с которой тесно связан Египет.

Заключение

Проанализировав публикации трех ключевых египетских мозговых центров относительно причин и глобального контекста украинского кризиса, а также его влияния на страны Ближнего Востока и Египет, можно заключить, что египетское экспертное сообщество относится к российским действиям в контексте кризиса нейтрально или позитивно. За противостоянием на Украине эксперты почти сразу увидели признаки конкуренции великих держав, проявляющейся в противостоянии России и НАТО, и стали рассматривать его как точку отсчета масштабных глобальных изменений. При этом некоторые авторы видят российско-американский конфликт за Украину как первый в ряду великодержавных конфликтов в ближайшие годы – за ним должна последовать американо-китайская конфронтация в Индо-Тихоокеанском регионе.

Рассуждая о причинах украинского кризиса и начала российской СВО, египетские эксперты

прослеживают историю развития конфликта вплоть до распада СССР. Они указывают на то, что Россия не раз требовала прекратить расширение НАТО на восток и добивалась гарантий нейтральности Украины, однако ее требования не были услышаны. В результате, защищая свои национальные интересы, Россия была вынуждена начать СВО.

Эксперты отмечают, что конфликт вызвал целый ряд негативных экономических последствий, особенно сильно затронувших страны глобального юга в целом и Ближнего Востока в частности. Под ударом оказался и Египет, зависящий от цен на продовольствие, энергоносители и стабильности на мировых финансовых рынках. Однако при этом Египет стремится демонстрировать нейтральность в конфликте, придерживаясь своей традиционной внешнеполитической линии и национальных интересов. Отмечается также, что Каир, наряду с Саудовской Аравией и ОАЭ, стремился выступить посредником в конфликте, который таким образом способствовал росту влияния арабских стран на мировой арене.

Оценка украинского кризиса египетскими экспертами, способными оказывать влияние на лиц, принимающих решения, говорит о перспективах сохранения нейтральной позиции Египта и его стремлении продолжить сотрудничество с Россией, несмотря на западные санкции и политическое давление западных стран. В Каире с пониманием относятся к стремлению Москвы защитить свои национальные интересы, хотя это и стало причиной ухудшения экономического положения Египта.

Список литературы

На русском языке

1. Богданов М.Л. Российско-египетские отношения на рубеже веков // *Азия и Африка сегодня*, №12, М., 2013 – С. 2-7.
2. Васильев А.М. От Ленина до Путина: Россия на Ближнем и Среднем Востоке, М.: Центрполиграф, 2018. – 670 с.
3. Ибрагимов И.Э. Египет сползает в кризис // РСМД [Электронный ресурс] URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/egipet-spolzaet-v-krizis/?sphrase_id=96614903 (дата обращения: 09.03.2023).

На английской языке

4. 2020 Global Go To Think Tank Index Report / Think Tanks and Civil Societies Program, University of Pennsylvania. 2021. [Электронный ресурс] URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/18/ (дата обращения: 09.03.2023).
5. Governance of Arab Think Tanks For Stakeholder Impact and Sustainability / KAPSARC. 2020. May [Электронный ресурс] URL: <https://govern.center/wp-content/uploads/2020/05/Governance-of-Arab-Think-Tanks-Report.pdf> (дата обращения: 09.03.2023).
6. Evaluation of Arab and International Strategic Studies Centers 2018-2019 / The Emirates Center for Strategic Studies and Research. 2019 [Электронный ресурс] URL: https://www.ecssr.ae/en/free_publication/evaluation-of-arab-and-international-strategic-studies-centers-2018-2019/
7. The Role of Think Tanks in Shaping Middle East Policy / Middle East Institute. 2019. January [Электронный ресурс] URL: <https://www.mei.edu/events/role-think-tanks-shaping-middle-east-policy> (дата обращения: 09.03.2023).
8. Why think tanks matter: The importance of evidence-based policymaking in the Arab world /

Brookings. 2019 January [Электронный ресурс] URL: <https://www.brookings.edu/events/why-think-tanks-matter-the-importance-of-evidence-based-policy-making-in-the-mena-region/> (дата обращения: 09.03.2023);

На арабском языке

9. Abdulaziz, Aya. Luwa wakta lilistikha: ruyat istikhabarat li anmat al-tahdidat al-raisiya allti tuwajihuha ukraniya [Не время расслабляться: взгляд разведки на характер основных угроз, с которыми сталкивается Украина] // Egyptian Center for Strategic Studies. 2020, September 8. [Электронный ресурс] URL: <https://ecss.com.eg/10682/> (дата обращения: 09.03.2023).

10. Ahmad, Safinaz Muhammad. Suriya: am min al-harb al-rusiya al-ukraniya [Сирия: год российско-украинской войны] // Al-Ahram Center for Political and Strategic Studies. 2023, March 4. [Электронный ресурс] URL: <https://acpss.ahram.org.eg/News/17830.aspx> (дата обращения: 09.03.2023).

11. Al-Arab, Muhammad Izz. Keifa ashamat al-harb al-rusiya al-ukraniya fi taaziz nufuth duyul al-sharq al-awsat [Как российско-украинская война способствовала росту влияния стран Ближнего Востока] // Al-Ahram Center for Political and Strategic Studies. 2023, February 27. [Электронный ресурс] URL: <https://acpss.ahram.org.eg/News/17823.aspx> (дата обращения: 09.03.2023).

12. Al-Duweiri, Muhammad Ibrahim. Al-harb al-rusiya al-ukraniya: matha baad [Российско-украинская война: что дальше?] // Egyptian Center for Strategic Studies. 2022, March 3. [Электронный ресурс] URL: <https://ecss.com.eg/18746/> (дата обращения: 09.03.2023).

13. Am ala al-harb al-rusiya al-ukraniya: tahawwulat wa masarat [Год российско-украинской войне: изменения и тенденции] // Al-Ahram Center for Political and Strategic Studies. 2023, February [Электронный ресурс] URL: <https://acpss.ahram.org.eg/media/News/2023/2/22/2023-638126600356951558-695.pdf> (дата обращения: 09.03.2023).

14. Basint Jamal. Faailiya mahduda : silah al-ukubat al-iqtisadiya fi muwajahat rusiya [Ограниченная эффективность: оружие экономических санкций в борьбе с Россией] // Egyptian Center for Strategic Studies. 2022, March 15. [Электронный ресурс] URL: <https://ecss.com.eg/18846/> (дата обращения: 09.03.2023).

15. Farhat, Muhammad Faiz. Ma baada miyat youm min al-harb al-rusiya al-ukraniya [Что будет спустя 100 дней российско-украинской войны] // Al-Ahram Center for Political and Strategic Studies. 2022, June 6 [Электронный ресурс] URL: <https://acpss.ahram.org.eg/News/17506.aspx> (дата обращения: 09.03.2023).

16. Hashim, Izza. Al-Mizaj al-am: li matha tataatifu baadhu al-shuub al-arabiya laa rusiya fi al-harb? [Общее настроение: почему некоторые арабские народы сочувствуют России в войне?] // Egyptian Center for Strategic Studies. 2022, October 27. [Электронный ресурс] URL: <https://ecss.com.eg/21417/> (дата обращения: 09.03.2023).

17. Man Nahnu [Кто мы] // Al-Ahram Center for Political and Strategic Studies. [Электронный ресурс] URL: <https://acpss.ahram.org.eg/ui/front/AboutUs.aspx> (дата обращения: 09.03.2023)

18. Mukhaimar, Usama F. Athr al-azma al-ukraniya aala al-amni al-urubiyyi [Влияние украинского кризиса на европейскую безопасность] // Information and Decision Support Center. 2022, March. [Электронный ресурс] URL: <https://www.idsc.gov.eg/DocumentLibrary/View/6911> (дата обращения: 09.03.2023).

19. Mustaqbal imtidad ajl al-azma al-rusiya al-ukraniya bistikhdam minhajiyat ajalal al-mustqbaliyat [Будущее затягивающегося российско-украинско кризиса сквозь призму метода колеса будущего] // Information and Decision Support Center. 2022, August. [Электронный ресурс] URL: <https://www.idsc.gov.eg/DocumentLibrary/View/7425> (дата обращения: 09.03.2023).

20. Rabea, Walid. Fi aamiha al-awwal: keifa adarat rusiya al-harb fi ukraniya? [Год спустя: как Россия управляла войной на Украине?] // Egyptian Center for Strategic Studies. 2023, February 8. [Электронный ресурс] URL: <https://ecss.com.eg/32674/> (дата обращения: 09.03.2023).

21. Rais al-wuzara yousdir kararan bi taayin usama al-jawhari raisan li markaz al-maalumat [Премьер-министр издал указ о назначении Усамы Аль-Джаухари директором Центра информации] // Al-Youm Al-Sabia. 2022, May 26. [Электронный ресурс] URL: <https://www.youm7.com/story/2022/5/26/-رئيس-الوزراء-5777188/المعلومات-المركز-رئيسا-لمركز-الجوهري-رئيسا-لمركز-المعلومات/5777188> (дата обращения: 09.03.2023).

22. Rusiya wa Ukaniya [Россия и Украина] // Egyptian Center for Strategic Studies. 2022, March 20. [Электронный ресурс] URL: <https://ecss.com.eg/18915/> (дата обращения: 09.03.2023).

23. Said, Abdel Moneim. Mustaqbal al-amn al-duwaliyi wa al-urubiyyi [Будущее международной и европейской безопасности] // Information and Decision Support Center. 2022, March. [Электронный ресурс] URL: https://idsc.gov.eg/Upload/DocumentLibrary/Attachment_A/6912/مستقبل%20الامن%20الدولي%20والاوروبى.pdf (дата обращения: 09.03.2023).

24. Salamah, Moutazz. Al-harb al-rusiya al-ukraniya wa mabda al-tawazun fi al-siyasa al-kharijiya al-misriya [Российско-украинская война и принцип баланса во внешней политике Египта] // Al-Ahram Center for Political and Strategic Studies. 2023, March 4. [Электронный ресурс] URL: <https://acpss.ahram.org.eg/News/17831.aspx> (дата обращения: 09.03.2023).

25. Uleyba, Ahmad. Shahr ala al-harb al-rusiya fi ukrania: ma al-nataij [Месяц после начала российской войны на Украине: каковы результаты] // Al-Ahram Center for Political and Strategic Studies. 2022, March 27. [Электронный ресурс] URL: <https://acpss.ahram.org.eg/News/17441.aspx> (дата обращения: 09.03.2023).

26. Wahid, Abdel Majid. Al-nizam al-alamiyi fi du al-harb al-rusiya al-ukraniya [Мировой порядок в свете российско-украинской войны] // Information and Decision Support Center. 2022, March. [Электронный ресурс] URL: <https://idsc.gov.eg/DocumentLibrary/View/6913> (дата обращения: 09.03.2023).

27. Ukasha, Khalid. Fi al-azma al-ukraniya: hal hunaka saddam bi akthar mimma huwa bqdin lilayan [Об украинском кризисе: является ли это столкновение более масштабным, чем кажется] // Egyptian Center for Strategic Studies. 2022, February 17. [Электронный ресурс] URL: <https://ecss.com.eg/18514/> (дата обращения: 09.03.2023).

THE UKRAINIAN CRISIS IN THE PUBLICATIONS OF EGYPTIAN THINK CENTERS

The article analyzes the publications of three key Egyptian think tanks on the causes, consequences and global context of the Ukrainian crisis, as well as its impact on the Middle Eastern countries and Egypt's position. The author examines the publications of think tanks that are able to influence foreign policy decisions in Egypt. In this way the author seeks to assess the potential for Egypt changing its position on the Russian SMO, as well as analyse the prevailing views on the impact of the Ukrainian crisis on international relations among the Egyptian expert community. In their publications, the Egyptian think tanks focus on the three key topics: the global context of the Ukrainian crisis and its consequences for the system of international relations, the impact of the Ukrainian crisis on the situation in the Middle East, and Egypt's position on the Ukrainian crisis. Egyptian experts see the Ukrainian crisis as a manifestation of great-power competition and view it as a starting point for future changes in the world order. At the same time, they clearly see its negative consequences for the economic situation in the Middle Eastern countries and especially in Egypt, however, they highly value the neutral position taken by Cairo

Key words: Middle East, Russian-Egyptian relations, think tanks, Ukraine crisis.

References

In Russian

1. Bogdanov, M.L. (2013). Rossiysko-egipetskiye otnosheniya na rubezhe vekov [Russian-Egyptian Relations at the Turn of the Centuries]. *Azitya I Afrika Segodnya [Asia and Africa Today]*, 12, 2-7.

2. Vasiliev, A.M. (2018). Ot Lenina do Putina: Rossiya na blizhnem I srednem vostokey [From Lenin to Putin: Russia in the Near and Middle East]. Moskva: Centerpoligraf.

3. Ibragimov, I.E. (2023). Egipet spolzayet v kredis [Egypt Is Slipping into Crisis]. RSMD. URL: https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/egipet-spolzaet-v-kredis/?sphrase_id=96614903

In English

4. 2020 Global Go To Think Tank Index Report / Think Tanks and Civil Societies Program, University of Pennsylvania. 2021. [Электронный ресурс] URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/18/ (дата обращения: 09.03.2023).

5. Governance of Arab Think Tanks For Stakeholder Impact and Sustainability / KAPSARC. 2020. May [Электронный ресурс] URL: <https://govern.center/wp-content/uploads/2020/05/Governance-of-Arab-Think-Tanks-Report.pdf> (дата обращения: 09.03.2023).

6. Evaluation of Arab and International Strategic Studies Centers 2018-2019 / The Emirates Center for Strategic Studies and Research. 2019 [Электронный ресурс] URL: https://www.ecssr.ae/en/free_publication/evaluation-of-arab-and-international-strategic-studies-centers-2018-2019/

7. The Role of Think Tanks in Shaping Middle East Policy / Middle East Institute. 2019. January [Электронный ресурс] URL: <https://www.mei.edu/events/role-think-tanks-shaping-middle-east-policy> (дата обращения: 09.03.2023).

8. Why think tanks matter: The importance of evidence-based policymaking in the Arab world / Brookings. 2019 January [Электронный ресурс] URL: <https://www.brookings.edu/events/why-think-tanks-matter-the-importance-of-evidence-based-policymaking-in-the-mena-region/> (дата обращения: 09.03.2023);

In Arabic

9. Abdulaziz, Aya. Lya wakta lilistikha: ruyat istikhabarat li anmat al-tahdidat al-raisiya allti tuwajihuha ukraniya [No Time to Relax: the View of the Intelligence on the Qualities of the Most Important Threats that Ukraine Faces] // Egyptian Center for Strategic Studies. 2020, September 8. URL: <https://ecss.com.eg/10682/> (accessed 09.03.2023).

10. Ahmad, Safinaz Muhammad. Suriya: am min al-harb al-rusiya al-ukraniya [Syria: One Year after Russia-Ukraine War] // Al-Ahram Center for Political and Strategic Studies. 2023, March 4. URL: <https://acpss.ahram.org.eg/News/17830.aspx> (accessed: 09.03.2023).

11. Al-Arab, Muhammad Izz. Keifa ashamat al-harb al-rusiya al-ukraniya fi taaziz nufuth duyayl al-sharq al-awsat [How Russia-Ukraine War Contributed to the Rise of the Influence of Middle Eastern States] // Al-

- Ahram Center for Political and Strategic Studies. 2023, February 27. URL: <https://acpss.ahram.org.eg/News/17823.aspx> (accessed: 09.03.2023).
12. Al-Duweiri, Muhammad Ibrahim. Al-harb al-rusiya al-ukraniya: matha baad [Russia-Ukraine War: What Next] // Egyptian Center for Strategic Studies. 2022, March 3. URL: <https://ecss.com.eg/18746/> (accessed: 09.03.2023).
13. Am ala al-harb al-rusiya al-ukraniya: tahawwulat wa masarat [One Year of the Russia-Ukraine War: Changes and Tendencies] // Al-Ahram Center for Political and Strategic Studies. 2023, February URL: <https://acpss.ahram.org.eg/media/News/2023/2/22/2023-638126600356951558-695.pdf> (accessed: 09.03.2023).
14. Basint Jamal. Faailiya mahduda: silah al-ukubat al-iqtisadiya fi muwajahat rusiya [Limited Effectiveness: The arm of Economic Sanctions in Fighting Russia] // Egyptian Center for Strategic Studies. 2022, March 15. URL: <https://ecss.com.eg/18846/> (accessed: 09.03.2023).
15. Farhat, Muhammad Faiz. Ma baada miyat youm min al-harb al-rusiya al-ukraniya [What Next after 100 Days of Russia-Ukraine War] // Al-Ahram Center for Political and Strategic Studies. 2022, June 6 URL: <https://acpss.ahram.org.eg/News/17506.aspx> (accessed: 09.03.2023).
16. Hashim, Izza. Al-Misaj al-am: li matha tataatifu baadhu al-shuub al-arabiya laa rusiya fi al-harb? [General Mood: Why Do Some Arab Peoples Sympathize with Russian in War?] // Egyptian Center for Strategic Studies. 2022, October 27. URL: <https://ecss.com.eg/21417/> (accessed: 09.03.2023).
17. Man Nahnu [Who Are We] // Al-Ahram Center for Political and Strategic Studies. URL: <https://acpss.ahram.org.eg/ui/front/AboutUs.aspx> (accessed: 09.03.2023)
18. Mukhaimar, Usama F. Athr al-azma al-ukraniya aala al-amni al-urubiyyi [The Influence of the Ukraine Crisis on European Security] // Information and Decision Support Center. 2022, March. URL: <https://www.idsc.gov.eg/DocumentLibrary/View/6911> (accessed: 09.03.2023).
19. Mustaqbal imtidad ajl al-azma al-rusiya al-ukraniya bistikhdam minhajiyat ajal al-mustqbaliyat [The Future of Prolonging Russia-Ukraine Crisis Using the Method of the Futures Wheel] // Information and Decision Support Center. 2022, August. URL: <https://www.idsc.gov.eg/DocumentLibrary/View/7425> (accessed: 09.03.2023).
20. Rabea, Walid. Fi aamiha al-awwal: keifa adarat rusiya al-harb fi ukraniya? [A Year Later: How Did Russia Manage the War in Ukraine?] // Egyptian Center for Strategic Studies. 2022, February 8. URL: <https://en.ecss.com.eg/4538/> (accessed: 09.03.2023).
21. Rais al-wuzara yousdir kararan bi taayin usama al-jawhari raisan li markaz al-maalumat [Prime Minister Issues Order to Nominate Usama Al-Jawhari as Head of Information Center] // Al-Youm Al-Sabia. 2022, May 26. URL: <https://www.youm7.com/story/2022/5/26/-رئيس-الوزراء-يصدر-قرار-ابتعيين-أسامة-الجوهري-رئيسا-لمركز-المعلومات/5777188> (accessed: 09.03.2023).
22. Rusiya wa Ukraniya [Russia and Ukraine] // Egyptian Center for Strategic Studies. 2022, March 20. URL: <https://ecss.com.eg/18915/> (accessed: 09.03.2023).
23. Said, Abdel Moneim. Mustaqbal al-amn al-duwaliyi wa al-urubiyyi [The Future of International and European Security] // Information and Decision Support Center. 2022, March. URL: https://idsc.gov.eg/Upload/DocumentLibrary/Attachment_A/6912/مستقبل%20الأمن%20الدولي%20والأوروبي.pdf (accessed: 09.03.2023).
24. Salamah, Moutazz. Al-harb al-rusiya al-ukraniya wa mabda al-tawazun fi al-siyasa al-kharijiya al-misriya [Russia-Ukraine War and the Principle of Balance in Egyptian Foreign Policy] // Al-Ahram Center for Political and Strategic Studies. 2023, March 4. URL: <https://acpss.ahram.org.eg/News/17831.aspx> (accessed: 09.03.2023).
25. Uleyba. Ahmad. Shahr ala al-harb al-rusiya fi ukrania: ma al-nataij [One Month of Russia-Ukraine War: What Are the Results] // Al-Ahram Center for Political and Strategic Studies. 2022, March 27. URL: <https://acpss.ahram.org.eg/News/17441.aspx> (accessed: 09.03.2023).
26. Wahid, Abdel Majid. Al-nizam al-alamiyi fi du al-harb al-rusiya al-ukraniya [The World Order in the Light of the Russia-Ukraine War] // Information and Decision Support Center. 2022, March. URL: <https://idsc.gov.eg/DocumentLibrary/View/6913> (accessed: 09.03.2023).
27. Ukasha, Khalid. Fi al-azma al-ukraniya: hal hunaka saddam bi akthar mimma huwa bqdin lilayan [On the Ukraine Crisis: Is there a Bigger Fight than There Appears to Be] // Egyptian Center for Strategic Studies. 2022, February 17. URL: <https://ecss.com.eg/18514/> (accessed: 09.03.2023).

Об авторе

Адрианов Артем Константинович – стажер-исследователь Центра ближневосточных и африканских исследований ИМИ МГИМО МИД России (Россия), E-mail: artemadrianov1@gmail.com

Adrianov Artem Konstantinovich – Intern Researcher at the Center for Middle Eastern and African Studies of the Institute for International Studies, MGIMO University (Russia), E-mail: artemadrianov1@gmail.com

УДК 94(47) 084.3+94(497.2)

Брянцев М.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

СЕНТЯБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1923 Г. В БОЛГАРИИ В ОСВЕЩЕНИИ СОВЕТСКИХ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГАЗЕТ

Сложившаяся историографическая ситуация в изучении сентябрьских событий 1923 г. в Болгарии определила цель исследования, которая заключается в анализе публикаций сентябрьских событий на страницах советских провинциальных газет, которые отображали официальную позицию властей, старавшихся сформировать определенный образ происходящего в Болгарии. Анализу были подвергнуты не только информационные материалы, «передовицы», но и авторские аналитические статьи, часто перепечатанные из центральных изданий, чаще всего, из газет «Правда» и «Известия». Приход к власти 12 июня 1923 г. А. Цанкова и его репрессивная политика в отношении крестьянских выступлений и коммунистов поставил известия из Болгарии в ряд наиболее актуальных, наряду с сообщениями из Польши и, конечно, Германии. Советские газеты вынуждены были признать неготовность болгарских коммунистов к восстанию, хотя еще в августе 1923 г. было принято решение о подготовке вооруженного восстания в ближайшие 2-3 года. С некоторым запозданием они стали писать об успехах восставших, определяя эти события как гражданскую войну и даже, как революцию. Последовавшее за успехами поражение объяснялось устами болгарских и советских коммунистов совершенно необъективно. Руководители восстания Коларов и Димитров видели причину в предательстве одного из членов софийского ревкома. Другие искали эти причины в недостаточной организационной работе и нехватке оружия. Все это является свидетельством не только поверхностной оценки событий, но и стремлением выдать желаемое за действительное. Об этом же свидетельствует и отраженный в публикациях оптимизм, связанный с судьбой пролетарской революции в Болгарии в будущем.

Ключевые слова: Болгария, восстание, газеты, гражданская война, коммунисты, крестьяне, революция.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-18-26

Введение

1923 год в истории мирового революционного движения занимает особое место. Именно в этот год в Европе случился ряд выступлений, породивших надежду на осуществление мировой пролетарской революции, и в то же время, показавших спад революционного движения, отдаливший мечту большевиков. В ряду таких ожиданий стояли события, развернувшиеся в Болгарии в сентябре 1923 г., которые были заслонены другими, как казалось, более значимыми. А между тем, как писала томская газета «Красное знамя», в Болгарии «в течение 2-х с лишним недель, длилась ожесточенная гражданская война» [9, 5 октября].

Объекты и методы исследования

Следует отметить, что историография сентябрьских событий в Болгарии имеет богатую традицию. Не только болгарские, но и отечественные исследователи уделяли большое внимание случившемуся в Болгарии в сентябре 1923 г. Первая работа по осмыслению произошедшего в Болгарии была выпущена ИК МОПР еще в 1924 г. Весь смысл ее сводился к тому, что действия правительства А. Цанкова 12-го сентября под предлогом коммунистического восстания, назначенного на 17-е сентября, являются вопиющим вымыслом с целью уничтожения коммунистических идей в Болгарии [13].

В послевоенной историографии сентябрьское восстание нашло свое отражение в «Истории Болгарии» (1955 г.), где этому уделена целая глава [6]. Заметное место вопросы сентябрьского

восстания заняли в монографии Р. П. Гришиной [2].

В постсоветской историографии сентябрьское восстание было освещено в коллективной работе «История Болгарии в XX веке: Очерки политической истории» [6] и большой статье Р. П. Гришиной [3, 4]. Таким образом, следует сказать, что сентябрьские события в Болгарии нашли живой отклик в отечественной исторической науке. Однако о том, как советская пропаганда подавала и интерпретировала эти события в средствах массовой информации (газетах) оставалось вне исследовательского интереса.

Между тем огромный массив материала содержится в советской периодической печати, который позволяет определить основные направления пропагандистско-агитационной работы в деле освещения зарубежных событий, позволявших сформировать у населения определённый взгляд на международное положение советской России и на возможность дальнейшего развития революционных процессов. Анализу были подвергнуты, в основном, провинциальные газеты, освещавшие болгарские события исходя из официальных материалов РОСТА и публикаций в центральных газетах «Правда» и «Известия». Для анализа был использован метод сплошного просмотра провинциальных газет, охватывающих всю территорию СССР – от южной Украины до Сибири.

Результаты и их обсуждения

После военного переворота 9 июня в Болгарии началось усиленное преследование болгарской компартии, которая к осени 1923 г. наконец-

то продавала идею единого фронта с социал-демократами, в чем правительство А. Цанкова увидело реальную угрозу, которая становилась все более реальной в связи с воззванием Балканской коммунистической федерации (БКФ) к балканским народам. По мнению газеты «Советская Сибирь», это обращение послужило непосредственным поводом к массовым арестам лидеров компартии, закрытию парторганизаций и газет, изданию распоряжения о запрещении коммунистам продолжать всякую деятельность [8, 19 сент.]. В отношении компартии были открыты следственные действия, от результатов которых или партия в целом должна была быть объявлена террористической организацией, или к ответственности будут привлечены отдельные лидеры партии [9, 27 сент.]. К сожалению, газеты не освещали ход и результаты следствия, но 12-го сентября правительство обвинило болгарских коммунистов в подготовке государственного переворота, якобы назначенного на 16-е (так!) сентября. Чуть позднее этот слух о готовящемся восстании В. Коларов назовет «легендой о восстании» [14, 27 окт.]. Советские газеты, чтобы опровергнуть сам факт подготовки восстания, ссылались на национал-либеральный орган «Независимость», который признал, что правительство не располагает материалом о готовившемся будто бы на 17-е сентября перевороте [14, 10 окт.].

Следует признать, что в борьбе с коммунизмом его противники не чурались прибегать к фальсификациям, становившимся достоянием гласности. Вероятно, и правительство Цанкова не устояло перед таким соблазном. В этом ряду стоит опубликованный бухарестской газетой «Универсаль» сфабрикованный протокол состоявшегося в августе в Софии съезда БКФ, якобы найденный при обысках в Софии [9, 6 окт.]¹. Чуть позже, газета «Красный путь» отмечала, что правительство в попытке компрометации компартии публикует «поддельные воззвания, якобы исходящие от местных коммунистических групп» [10, 21 окт.]. Согласно сведениям советских газет, новое правительство пустило в ход «ложные известия о том, будто у т. Кабакчиева и других арестованных видных работников партии найдена компрометирующая переписка с Москвой, в том числе и какие-то письма работников Коминтерна»². Причем, «арестованные вожди партии объявлены заложниками и им угрожают расстрелом в случае какого-либо революционного движения». В этой ситуации

Исполком Коминтерна поспешил заявить, что «все сообщения о заговоре и т.п. являются злостной провокацией».

Провокационная деятельность правительства Цанкова, как сообщали газеты, вызвала небывалое движение протеста болгарского пролетариата, что подтверждалось выступлением министра внутренних дел Ивана Русева на заседании правительства. Как полагала томская газета «Красное знамя», по-видимому, аресты и «привели к вооружённой схватке между пролетариатом и контрреволюционной буржуазией» [9, 5 окт.]. Репрессивная политика правительства против коммунистов, как заявил представитель ЦК болгарской коммунистической партии в Коминтерне Сапунов, вызвала симпатии крестьян к компартии и привела к созданию единого рабоче-крестьянского фронта, ставшего ответом на террор правительства. «Разорённые минувшими войнами трудовые массы примкнули к движению», – заявил он [14, 28 сент.; 9, 28 сент.]. Чуть позже Сапунов отметил, что «Болгарское крестьянство почти поголовно шло за коммунистами, повстанцы действовали с редким единодушием» [8, 9 окт.; 10, 9 окт.; 9, 10 окт.].

Вину правительства Цанкова в начавшемся восстании увидел и софийский корреспондент «Нью-Йорк Трибьюн», обвинивший болгарское правительство в провоцировании восстания с целью «планомерной травли коммунистов» [9, 10 окт.]. Эта мысль была выражена в письме Коларова из Югославии, в котором он писал: «Мы были злостно спровоцированы белогвардейским правительством». Здесь же он заявлял о стихийности восстания: «Возмутившиеся массы поднялись стихийно, не спрашивая никого». Развивавшиеся стихийно события, по словам Коларова, поставили перед партией вопрос: «быть с массами хотя бы в поражении, или оставить массы на произвол судьбы. Мы решили пойти с ними и стать во главе их» [8, 17 окт.]. «ЦК компартии, в полном сознании всех недостатков организации, а также всех трудностей начавшейся борьбы, вынес решение об общем вооружённом восстании», – заключил он [14, 27 окт.]. Уже 17-го сентября коммунисты расклеили на улицах Софии воззвание, призывающее к борьбе [7, 25 сент.]³. В ответ полиция заняла помещение бюро партии, конфисковало бумаги и арестовала 40 вождей партии. Были произведены аресты и конфискации в

¹ Возможно, речь идет о протоколах «исторического заседания» ЦК БКП 5-7 августа 1923 г., на котором было принято решение о подготовке вооружённого восстания в Болгарии в течение ближайших 2-2,5 лет [3, с. 187-189].

² Власти нашли и опубликовали только одно письмо из Москвы, посланное Кабакчиеву, в котором говорилось о 500 долларах, посланных Международной Организацией Помощи Борцам Революции (МОПР) рабочим и крестьянам, пострадавшим от преследований правительства, после 9-го июня. Иных документов не было найдено [13].

³ В непростой обстановке ЦК БКП по настоянию Коларова и Димитрова принял решение назначить вооруженное восстание на 22 сентября [3, с.187-189; 6, с.175].

провинции. Коммунистические органы закрыты, агитация запрещена [7, 16 сент.]. По заявлению Коларова, правительство стало подавлять попытки протеста вооруженной силой, убивая рабочих и крестьян. К этому нужно добавить, что полученная крестьянами во время правления Стамболийского земля отнималась силой, промышленники фактически отменили 8-часовой рабочий день, дороговизна непомерно возросла [14, 27 окт.]. Все это, с точки зрения коммунистических вождей Болгарии, являлось свидетельством того, что не коммунисты, а само правительство толкало население к сопротивлению.

Коммунисты обвинялись не только в подготовке переворота, но и в организации вооруженных сотен.

Момент начала восстания, по газетным сообщениям, определить трудно, вероятно, оно вспыхивало в разных местах и в разное время. Провинциальные советские газеты отреагировали на происходящее в Болгарии только в начале 20-х чисел сентября, поместив сообщение из Вены о начавшейся в Болгарии революции. Они писали, что коммунисты, объединившись с крестьянами, во многих городах, в том числе в Софии, ведут бои с правительственными войсками. В некоторых местах им удалось захватить власть [14, 22 сент.; 10, 23 сент.]. Однако и «Правда» первые материалы о происходящих в Болгарии событиях поместила в номере за 18-е сентября, пометив их 16-м числом, и, указав на неустойчивость положения Цанкова, в условиях усиления деятельности коммунистов. Однако о каких-либо военных столкновениях ничего не сообщалось [11, 18 сент.]. Только в номере за 20-е сентября «Правда» стала рассказывать о вооруженных столкновениях коммунистов с правительственными войсками. Хотя все началось еще 13-го сентября с протестных действий в Софии, где вооруженные коммунисты попытались безуспешно освободить арестованных товарищей [11, 20 сент.]. В номере за 21-е сентября (сведения от 19-го числа) газета поместила сообщение РОСТА о начале революции в Болгарии, которое опровергалось болгарским посольством в Берлине [11, 21 сент.].

Ситуация в Болгарии была неясна и сведения поступали со значительным опозданием, что отразилось на сообщениях газет, помещавших противоречивые данные. Говоря о спокойствии в Болгарии, газеты здесь же, со ссылкой на югославскую печать, отмечали, что в отдельных болгарских городах продолжается борьба крестьян и коммунистов с правительственными войсками и повстанцы, которые укрепились вблизи Софии, в Радомире нанесли сокрушительное поражение правительственным войскам [7, 23 сент.]. Это же случилось в Карлове, Добрице и Салкове. По сообщению агентства Рейтер, коммунисты

захватили власть в Новой Загоре, продержавшись в течение 15-ти часов. 19-го сентября в Старой Загоре произошли столкновения вооруженных коммунистов с правительственными войсками.

Несмотря на официальные сообщения о подавлении восстания, болгарское правительство вынуждено было признать его серьезный характер. Правительственное сообщение от 24-го сентября гласило, что «В некоторых местностях северной Болгарии провозглашена революционная власть», что «В северо-западной части страны, несколько коммунистических групп еще держатся», но «Прерванное железнодорожное сообщение с Софией и Филиппополем восстановлено», а «Сосредоточившиеся в Дуннице коммунисты окружены» и, в целом, «Усилия коммунистов вызвать движение в северной Болгарии не удалось». Однако, чтобы породить недоверие читателя к официальным сообщениям болгарского правительства, советская пресса со ссылкой на софийские буржуазные газеты сообщала, что «в южной Болгарии продолжаются бои, многие селения Филиппольского округа находятся в руках повстанцев». О сложности ситуации в Болгарии говорит и тот факт, что 21-го сентября Болгария было объявлена на осадном положении, а 22-го начались бои в Северной Болгарии.

Эти сведения подтверждали и лондонские газеты, указывающие, что в сражениях участвуют несколько тысяч рабочих и крестьян. На многих угольных шахтах Перника половина углекопов покинула шахты и сражалась против правительственных войск [7, 25 сент.; 9, 28 сент.; 14, 28 сент., 7 окт.].

В руках повстанцев оказалась вся территория до линии Варна, Бургас, Старая и Новая Загора. Газеты отмечали, что сообщение с Варной и Софией прервано вследствие забастовки железнодорожников, к которой присоединились служащие почт и телеграфа. В различных пунктах округа Кажинлюк коммунисты провозгласили советскую власть. В сражениях возле Чалпана и Новая Загора убито более 100 коммунистов, вождь крестьянских пролетарских отрядов генерал Вельге взят в плен, а его сын убит. В Софии полиция ворвалась на заседание коммунистического комитета действия, застрелила коммуниста Гичева, арестовала пятерых, одному удалось скрыться.

В этой ситуации царь Борис прибыл в Софию для подписания декрета о чрезвычайном положении, роспуске палаты и назначении новых выборов. Здесь же Цанков вручил ему прошение об отставке кабинета и возможности образования нового без участия национал-либералов, с целью удовлетворения требований социал-демократов [14, 26 сент.; 7, 26 сент., 27 сент.; 9, 27 сент.], которые всеми силами поддерживали правительство Цанкова при подавлении восстания. Социал-

демократическая газета «Народ» назвала выступление коммунистов и крестьян «авантюристским анархизмом». Чтобы усилить неприятие коммунистов, социал-демократический железнодорожный союз телеграфно сообщил всем отделам, что коммунисты во многих местах вызывали крушение поездов, повлекших за собой человеческие жертвы [14, 28 сент.].

О напряжении в стране говорили и мероприятия самого правительства, которое в Софии учредило военный комитет при участии верных правительству членов македонских организаций. К чрезвычайному положению добавилась милитаризация почты и телеграфа [14, 30 сент.]. Эти меры свидетельствовали о сложности в разрешении возникшей проблемы: все заявления правительства о стабилизации ситуации в стране разбивались о новые вспышки восстаний. Уже в 20-х числах сентября, после многочисленных заявлений правительства, газеты отмечали распространение повстанческого движения, особенно в западной Болгарии, где во главе восстания стояли Коларов и Димитров. В руках повстанцев оказались многие пункты в округах Тырнова, Филлиполя и Самокова [9, 30 сент.; 14, 30 сент.; 7, 30 сент.]. Для наглядности и более ясного понимания происходящего в Болгарии некоторые газеты поместили карту Болгарии, где были показаны очаги сопротивления правительственным войскам [14, 7 окт.]. По сообщению газет, в Болгарии действовало 5 повстанческих армий под руководством Коларова, Димитрова и подполковника Жалкова. Говорилось также и о боях повстанцев с правительственными войсками в самой Софии, где имелись с обеих сторон более двух тысяч убитых [7, 2 окт.; 9, 2 окт.]. Повстанцы потеряли Видден, Фердинандово. Часть из них ушла в горы, продолжая сопротивление, другие перешли югославскую границу. Попытки же покинуть территорию Болгарии через румынскую границу были пресечены румынами, закрывшими свою границу [9, 3 окт.; 14, 4 окт.].

Но, несмотря на известия о сопротивлении, советские газеты стали передавать сведения о подавлении восстания, ссылаясь не только на официальные болгарские источники, но и на свидетельства, поступающие из Югославии и Румынии. Говоря о восстановлении в Болгарии порядка, газеты отмечали заметную роль в этом империалистических стран, особенно Англии и Италии, поддерживающих правительство Цанкова в борьбе с коммунистами. Даже югославское правительство, сначала сочувствовавшее революционному движению, резко поменяло свою позицию, узнав о коммунистическом характере движения [9, 5 окт.]. Очевидно, что соседние государства тревожила ситуация в Болгарии и никто не

хотел появления у своих границ нового очага беспокорств в лице пролетарского государства.

Само же правительство Цанкова прилагало все усилия для усмирения очагов сопротивления, мобилизуя всевозможные силы. Не обладая достаточными военными ресурсами, правительство активно использовало против повстанцев врангелевцев и македонские дружины. Представитель исполкома Коминтерна при Балканской коммунистической федерации, в беседе сотрудником РОСТА особо отмечал роль врангелевцев, которые были поголовно вооружены и дрались в первых рядах. Вооружённые дальнобойными орудиями, пулеметами и аэропланами, они свирепствовали в деревнях, грабя население, убивая женщин и детей [14, 11 окт.; 8, 11 окт., 19 окт.].

Важную роль в подавлении восстания, по мнению советских газет, сыграла «предательская» позиция болгарских социал-демократов, получивших министерские портфели в правительстве Цанкова после переворота 9-го июня, и, сделавших всевозможное для разгрома восставших трудящихся [14, 26 сент.; 12, 24 ноября]. Ответственность «за подлые убийства вождей крестьянской партии и компартии, массовые аресты и расправы над крестьянами и рабочими – падает в равной мере на болгарских социал-демократов», – говорилось в воззвании Коминтерна и Профинтерна [12, 16 ноября]. Самарская «Коммуна» прямо называла болгарских социал-демократов палачами, которые требовали наказания организаторов восстания [7, 26 окт.].

Таким образом, причина неудачи восстания в Болгарии виделась в едином фронте болгарской буржуазии и различных политических сил, противостоящих коммунистам. Заметную роль в победе правительства сыграла и поддержка со стороны империалистических государств.

Нельзя сбрасывать со счетов и понимание правительством Цанкова необходимости примирительных шагов навстречу недовольных масс. По сообщениям болгарских правительственных газет, в ближайшее время будут приняты меры к облегчению положения крестьян, чтобы уничтожить влияние на них «преступных элементов» [14, 11 окт.; 8, 11 окт.]. Спустя два месяца, в советских газетах появились сведения о том, что правительство намерено отобрать у крестьян земли, преданные им правительством Стамболийского [8, 14 дек.].

Примиряющим шагом стало и назначение выборов в Народное собрание. В первоначальном варианте коммунисты и крестьянская партия из выборов были исключены, однако, впоследствии (с подавлением восстания) они были допущены и выступили с общим кандидатским списком, добившись, как писали газеты, «блестящего успеха», получив 39 мандатов [10, 13 ноября, 25

ноября; 12, 1 дек.]. Насколько этот успех был «блестящим» сказать сложно, но опубликованные данные говорят об обратном – согласно сообщению из официальных болгарских источников, правительственный блок одержал победу, получив свыше 200 депутатских мест из 247-ми [1, 22 ноября]. Эти результаты были признаны советской прессой, как «сфабрикованные» и убеждали в неэффективности парламентской формы правления.

Несмотря на свое отрицательное отношение к парламенту и системе парламентаризма, советские газеты поспешили сообщить своим читателям о нарушении болгарским правительством прав депутатов Национального собрания, которые представляли коммунистическую партию. Они отмечали, что коммунист Максимов, избранный в парламент, арестован, Х. Кабакчиев, также избранный, продолжает держаться в тюрьме, несмотря на требование об его освобождении [8, 23 дек.]¹. Военный суд в Варне приговорил бывших крестьянских депутатов Попова и Михайлова к 15-летнему тюремному заключению [7, 26 окт.].

Несмотря на это, болгарское правительство было намерено объявить амнистию участникам восстания, за исключением двадцати вождей. Кроме того, в виду снятия осадного положения, участников недавнего восстания предполагалось судить гражданским, а не военным судом [10, 13 ноября, 20 ноября; 1, 19 ноября]. Итак, очевидно, что правительство Цанкова проявляло определенное намерение к примирению с частью восставших, куда явно не входили лидеры болгарских коммунистов, возглавлявшие восстание.

Однако основным методом борьбы с коммунизмом правительство Цанкова избрало «белый террор». Газеты отмечали, что острее репрессий было направлено против коммунистов и крестьян, которые «расстреливаются массами». В Софии увольняют служащих коммунистов [15, 10 окт.]. «Тверская Правда» в номере за 12-е октября заявляла об аресте 15.000 человек, которые предаются военно-полевому суду [15, 12 окт.]². Недели позже «Красная армия» писала о 25 тысячах арестованных [8, 19 окт.]. Спустя несколько дней она же рассказывала о том, что в Болгарии уже насчитывается 3.000 жертв белого террора. Кроме того, ожидалось вынесение смертных приговоров активным участникам восстания и вождям коммунистов [8, 17 окт.]. А для того чтобы впечатлить читателя, газеты приводили конкретные случаи насилия. Они сообщали об убийстве в г. Пловдиве

«более 30 коммунистических и крестьянских вождей», трупы которых обезображены до неузнаваемости [8, 31 окт.; 10, 1 ноября]. Из Вены поступили сведения о том, что при взятии Фердинанда и Берковицы македонскими солдатами убиты 3 тысячи повстанцев. В Виддене погибла тысяча пленных, 2 тысячи беженцев, окруженных македонцами недалеко от сербской границы, расстреляны [9, 6 окт.]. Усиливало эффект сообщение об убийстве в Фердинандове маленьких детей [8, 31 окт.; 10, 1 ноября].

Со слов беженцев, прибывших из Болгарии, «банды македонцев и врангелевцев сжигали многие города и села целиком: в г. Враца из 500 домов уничтожено 200. Озверевшие «фашисты» расстреляли всех захваченных вождей восстания. За две недели расстреляно свыше 10.000. Полиция, в буквальном смысле слова, охотилась за коммунистами. Отдельные отряды повстанцев отошли в горы, совершая «партизанские набеги на правительственные войска» [14, 11 окт.; 8, 11 окт., 19 окт.]. В Пазарджике вывели из тюрьмы и убили 20 коммунистов во главе с Поповым [14, 27 окт.]. Убит был секретарь Варненской организации коммунистической партии Кандов, якобы при попытке к побегу. В Софии только 28 сентября арестовано 500 рабочих, главным образом, печатников и кожевников [9, 5 окт.]. Чтобы показать масштабы и жестокость производимого террора, советские газеты приводили слова Коларова, вернувшегося из Болгарии, заявлявшего, «что правительство само было вынуждено опубликовать воззвание к своим палачам под заглавием “довольно крови и ненужных жестокостей”» [8, 31 окт.].

Газеты писали, что все болгарские тюрьмы переполнены арестованными революционерами, членами коммунистической и крестьянской партий. Все неугодные правительству газеты закрыты. Крупнейшая рабочая кооперативная организация «Освобождение» подверглась полному разгрому [10, 14 окт.; 12, 24 ноября], чем воспользовались капиталисты. Так, текстильные фабриканты в Славине понизили заработную плату на 120% и увеличили рабочий день до 10-ти часов. На 2 часа был увеличен рабочий день на табачной фабрике в Варне. Многие мастерские в Софии уменьшили заработную плату своим рабочим [12, 13 дек.; 7, 14 дек.]. Все это накаляло обстановку в стране и не способствовало примирению в условиях социального и экономического кризиса. Ситуация усугублялась еще и тем, что попытки

¹ Здесь же помещен портрет Христо Кабакчиева с подписью: «один из вождей болгарской коммунистической партии, редактор газеты «тесняков» (болгарских большевиков) — «Роботнический Вестник». В сентябре 1923 г. во время восстания в Болгарии тов. Кабакчиев был арестован в г. Банки возле Софии и заточен Цанковым в тюрьму. Во время его пребывания в тюрьме, его избрали членом Национального Собрания Болгарии, но кровавое правительство продолжает тов. Кабакчиева держать в тюрьме».

² Вероятно, эти сведения были перепечаткой из московской «Правды», которая опиралась на данные корреспондента РОСТА в Софии [11, 11 окт.].

правительства Цанкова получить иностранный заем наталкивались на некредитоспособность Болгарии. Это заставляло правительство пойти по пути увеличения косвенных налогов, «падающих всей тяжестью на трудящихся» [8, 14 дек.]. Таким образом, газеты рисовали картину усиливающегося гнета трудящихся масс, перекладывания всего бремени экономического кризиса на плечи простых людей – рабочих и крестьян.

В результате террора и преследований огромные массы повстанцев оказались вне пределов своей страны. Большинство из них очутилось в соседней Югославии, в том числе и вожди компартии, участвовавшие в восстании – Коларов, Димитров и другие, что заметно осложнило и без того непростые отношения между этими странами. Болгарское правительство требовало от Югославии выдачи Коларова и Димитрова как руководителей восстания. Однако правительство Югославии, по сообщению югославских газет, решило интернировать их в одном из южно-сербских провинциальных городов [15, 6 окт.; 9, 6 окт.]. Отказалось югославское правительство и от выдачи 600 беженцев-повстанцев из северной Болгарии. Наоборот, оно обещало им даже помощь, расселив в южных провинциях.

Сложнее было с беженцами в Румынии, которым угрожала выдача [7, 5 окт.; 14, 11 окт.]. Однако, несмотря на угрозу, небольшие группы болгарских беженцев были интернированы в Калафато [9, 12 окт.]. Обеспокоенные возможной выдачей румынским правительством беженцев, «вожди болгарских трудящихся призывают общественное мнение всех стран выступить на защиту истребляемых» [7, 5 окт.]. Особую надежду возлагали они на компартии Англии и Италии, правительства которых пользовались большим влиянием на правительство Цанкова [14, 11 окт.].

Важную роль в помощи беженцам играла Советская Россия, принимавшая через Одессу не только коммунистов, но и сторонников Земледельческого союза, о чем не преминули рассказать читателям советские газеты [10, 24 ноября, 24 ноября, 27 ноября, 4 дек.; 15, 21 дек.].

Развернувшийся в Болгарии террор против восставших позволил их сторонникам указать мировой общественности на жестокость правительства Цанкова при подавлении восстания. Первыми, еще находясь на территории Югославии в г. Нише, к мировому общественному мнению апеллировали вожди восставших в лице коммунистов Коларова и Димитрова. Члены крестьянской партии Коссовский, Станжеев и другие, рассказали в телеграмме, что «семьи их умерщвляются, целые селения предаются огню. Кроважадность правительственных банд неопишима» [9, 6 окт.].

Вслед за ними «ко всем цивилизованным

народам» «от имени рабоче-крестьянского народа» с призывом к протесту «против действий правительства Цанкова, раздавившего болгарское народное восстание оружием и с невероятной жестокостью истребляющего раненых, задержанных и пленных, разгромляющего повстанческие семьи и сжигающего деревни, взывает к совести цивилизованные народы, прося защиты тысяч жертв от произвола палачей» обратился Болгарский крестьянский союз [9, 14 ноября]. Эту эстафету протеста подхватил, чуть позже, Международный комитет действия Коминтерна и Профинтерна [15, 23 окт.]. В это же время секретарь объединения болгарских профсоюзов Димитров обратился к амстердамскому Интернационалу и Профинтерну с сообщением о преследованиях членов профсоюзов в Болгарии и призывом «протестовать против белого террора в Болгарии и выступить на защиту болгарского пролетариата» [7, 26 окт.; 10, 26 окт.].

Призывы были услышаны. Бывший болгарский Комитет помощи голодающим России был преобразован в Комитет помощи болгарским беженцам. Подобные комитеты работали в Вене, Праге и Берлине. Успешно протекала работа Международного комитета помощи жертвам белого террора в Болгарии. Все революционные организации Югославии и Чехословакии сочувственно отозвались на призыв о помощи болгарским товарищам, отмечали газеты [8, 31 окт.].

О необходимости международной солидарности трудящихся в деле помощи болгарским революционерам говорил в беседе с сотрудником РОСТА, вернувшийся из Болгарии руководитель восстания Коларов [8, 31 окт.]. Об этом заявлял Исполком Коминтерна и Профинтерна в своем воззвании к рабочим и крестьянам всех стран. «Дайте всячески почувствовать болгарской буржуазии возмущение и грозный гнев международного пролетариата, болгарскому революционному народу дайте на деле убедиться, что он имеет на своей стороне симпатии и поддержку многочисленных легионов трудящихся всего мира», – призывал Исполком [1, 19 ноября]. Таким образом, следует обратить внимание на то, что, вероятно, реакция международного пролетариата на призывы помощи болгарским революционерам была слишком слабой и коммунистическим организациям, их лидерам приходилось периодически обращать внимание на сложившуюся проблему.

Несмотря на неудачу восстания в Болгарии, в Советской России была сделана попытка разобраться в произошедших событиях. Первое осмысление случившегося в Болгарии принадлежит газете «Правда», которая 2-го октября в передовой статье «Партизанская борьба в Болгарии» [11, 2 окт.] дала оценку происходящих событий, отметив, что там идет гражданская война, которая

«вскрывает и освещает целый ряд вопросов международного пролетарского движения». Прежде всего, была отмечена ошибочная позиция «нейтралитета» болгарской компартии в ходе переворота 9-го июня, когда было свергнуто правительство Стамболийского. В тех событиях следовало бы предложить «от имени пролетариата» блок крестьянству против помещиков и буржуазии.

Важным уроком болгарских событий должно стать понимание того, что «демократия» в наш век невозможна. «Крестьянство может быть наверху социальной лестницы, только тогда, когда оно находится под руководством пролетариата».

Передовая «Правды» также упрекнула болгарских коммунистов в нерешительности, заявив, что «в момент, когда можно брать власть, ее брать необходимо». В статье выражалась уверенность в том, что впредь «не будут сделаны ошибки, сделанные раньше»¹. Эти положения «Правды» были развиты в статье «Чему учат ошибки» некоего «Д.Т.» в газете «Советская Сибирь». Автор отмечал, что движение в Болгарии «не только по своим размерам, но и по существу» является «гражданской войной между двумя основными классами населения». На это указывало и то, что «Правительство ведет себя, как на войне». Сообщая о достигнутых успехах, правительство «не столько рисует действительные победы фашистского правительства Цанкова, сколько серьезность разыгравшейся борьбы, идущей под лозунгом создания рабоче-крестьянского правительства».

В силу того, что правительство Стамболийского «вело не только борьбу против крупных капиталистов, но, отражая крупно-кулацкие интересы, вело политику, направленную и против рабочего класса». В результате этой политики рабочий класс и крестьянство были разъединены, что, в конечном счете, привело к тому, что «генеральский фашизм, подкреплённый профессорской ученостью» поднялся против правительства Стамбулийского.

Несмотря на то, что партия обезглавлена, «движение к настоящему моменту приняло тот массовый характер, который обуславливает его дальнейшее развитие и успех, несмотря на неизбежные в борьбе тяжелые уроки».

Не преминул автор сказать и о том, что в обстановке социальных потрясений в Европе, нарастания революционного рабочего движения, «болгарские события, ведущие к свержению Цанкова, а вместе с ним и всей буржуазной системы, могут оказать исключительное влияние на более быстрый и решительный темп развития мировой катастрофы». С надеждой «Д.Т.» заключал, что «прежде всего, этими уроками воспользуется

германский рабочий класс, подымающийся из дымящегося хаоса Германии, на «последний и решительный бой» [14, 4 окт.].

Смысл болгарских событий попытался объяснить в газете «Правда» [11, 9 окт.] лидер Коминтерна Г. Зиновьев. Констатируя, что «восстание рабочих и крестьян в Болгарии подавлено», он обратился к событиям переворота Цанкова, случившегося 9-го июня, в котором, по его мнению, компартия Болгарии заняла неправильную позицию, не сумев «выступить вместе с крестьянством против белых». И только в ходе сентябрьских выступлений БКП поступила правильно, избрав путь борьбы и, несмотря на риски и жертвы, «Сентябрьское поражение таит в себе грядущую победу». Эта борьба показала, что крестьянство «поголовно готово идти с коммунистами», а армия Цанкова ненадежна. Важным уроком для всех компартий стала «предательская роль» социал-демократов [14, 10 окт.; 9, 11 окт.]. Позже, в начале декабря, Зиновьев, оценивая осенние выступления трудящихся в Болгарии, Германии и Польше, увидел в них начало «второй волны международной пролетарской революции». «Это еще не девятый вал, еще не мировой Октябрь, но это гигантское приближение к мировому Октябрю. Уже вторая волна революции в сильнейшей степени подмывает здание европейского капитализма. И это здание неизбежно рухнет», – заявлял он [1, 3 дек.].

Признав поражение восстания, представитель болгарской компартии при исполкоме Коминтерна, Сапунов сказал: «Хотя восстание не достигло своей прямой цели, однако, оно нанесло значительный удар буржуазному правительству. Народные массы его ненавидят, оно может держаться только на штыках». Отмечался бодрый тон письма, заканчивавшегося уверенностью: «а все-таки в Болгарии будет рабоче-крестьянское правительство» [8, 9 окт.; 10, 9 окт.].

Эту уверенность в будущем успехе выразил на общегородском партийном собрании Одессы Наркомздрав Н. А. Семашко, сказав: в «Болгарии еще далеко не все кончено, еще будет наша победа в грядущей борьбе, будет окончательная лишь за теми, кто будет в союзе с крестьянством, а в союзе с ним только рабочий класс и компартия. Незабываемый урок болгарской революция каждая страна должна усвоить в своей классовой борьбе» [10, 21 окт.]. Этот урок, по заявлению «Тверской правды» заключается в том, что «в ряде государств, где победила буржуазия, – она зверски расправилась с рабочими и крестьянами. На примере Болгарии видно, что крестьянам необходимо идти вместе с рабочими» [15, 21 окт.]. Это понимание было характерно и для российских большевиков

¹ Эта статья «Правды» была пересказана в газете «Красное Знамя» [9, 3 окт.]

Мысль о необходимости союза пролетариата и крестьянства для успеха революции проводилась в передовице «Правды» под названием «Крестьянские резервы международной пролетарской революции» [11, 10 окт.], посвященной открывающейся в Москве первой международной крестьянской конференции. «На опыте Италии, Болгарии доказано, что победа крестьянином помещика возможна только в блоке крестьян и рабочих, упрочение победы возможно только под руководством рабочего класса – старшего брата и более опытного», – отмечалось в передовице [10, 11 окт.]. На последующих заседаниях конференции этот тезис стал общепризнанным. Об этом говорил германский представитель Гессенер, этому посвятил часть своей речи Г. Зиновьев, отметивший, что «Рассматривая международную обстановку, мы видим, что в Германии, в Болгарии, и в Италии – всюду задачи революции упираются в вопрос о создании тесного союза между рабочим классом и крестьянством» [11, 16 окт.; 15, 16 окт.].

Заключение

Таким образом, следует отметить, что на протяжении восстания советские газеты во всех подробностях освещали его ход, отмечая репрессивность действий правительства Цанкова. Если в начальный период восстания существовал оптимизм в деле завоевания власти коммунистами, то в последующем, разбирая причины неудачи, газеты отмечали недостаток солидарности рабочих и крестьян Болгарии. Впрочем, эта солидарность не прошла проверку на прочность и в отношении международного пролетариата: правительственный

террор, развернутый против восставших, не нашел горячего отклика в рядах пролетариев других стран.

Слабой стороной восстания явилась организационная, о чем свидетельствуют признания вождей болгарской компартии, отмечавших неожиданность для них развернувшихся в сентябре событий. Как оказалось, ни уровень организационной готовности, ни вооружение не соответствовали решаемым задачам. Не случайно, руководители восстания Коларов и Димитров объяснили его неудачу предательством одного из членов софийского ревкома [7, 11 окт.], что свидетельствует о поверхностном понимании случившегося. Причины были более глубокими и скрывались в экономической, социальной и политической неготовности болгарского общества к совершенно иной общественной системе, чем та, которая существовала в Болгарии.

Однако, несмотря на все недостатки в деле организации восстания, болгарские и советские коммунисты были полны оптимизма в отношении революционного будущего в Болгарии. Уже 11-го октября в беседе с сотрудником РОСТА представитель БКФ в исполкоме Коминтерна заявил, что «восстание в Болгарии неизбежно, как неизбежна победа пролетариата и крестьянства. Белогвардейцы рано торжествуют победу. На место убитых товарищей придут новые массы» [8, 12 окт.; 9, 12 окт.]. Несомненно, такое объяснение сентябрьских событий было связано с надеждой на мировую революцию, которая не должна была уходить с поля зрения населения, которому внушалась мысль о ее неизбежности.

Список литературы

1. Вечерние известия. Экстренный выпуск. Прибавление к «Вістям ВУЦИК» 1923.
2. Гришина Р.П. Возникновение фашизма в Болгарии 1919-1925 г. София, 1976. 343 с.
3. Гришина Р.П. Сентябрьское восстание 1923 г. в Болгарии в свете новых документов // Новая и новейшая история. 1996. №5. С. 175-194.
4. Гришина Р.П. Сентябрьское восстание 1923 г. в Болгарии в свете новых документов // Новая и новейшая история. 1996. №6. С.131-151.
5. История Болгарии в 2-х томах. Т. II. М., 1955. 610 с.
6. История Болгарии в XX веке: Очерки политической истории / Отв. Редактор Е.Л. Валева; Ин-т славяноведения. М., 2003. 463 с.
7. Коммуна. Орган Самарского Губкома РКП (б), Самарского Губисполкома и Губпрофсовета. 1923.
8. Красная армия. Ежедневная газета. Орган Политического управления Украинского военного Округа. 1923.
9. Красное Знамя. Орган Томского Губисполкома и Губкома РКП. 1923.
10. Красный путь. Орган Окрисполкома, Окркома КП(б) У и Окпрпрофбюро. Елизаветград. 1923.
11. Правда. Орган Центрального Комитета и Московского Комитета РКП (б). 1923.
12. Пролетарий. Всеукраинская рабочая газета. 1923.
13. Сентябрьское восстание в Болгарии в 1923 г. М., 1924 // URL: <http://saint-juste.narod.ru/aresty.html> (дата обращения: 31.08.2021).
14. Советская Сибирь. Ежедневная газета Сиббюро ЦК РКП и Сибревкома. 1923.
15. Тверская Правда. Издатель – Губком, Губисполком и Губпрофсовет. 1923.

THE 1923 SEPTEMBER UPRISING IN BULGARIA AS REPORTED BY SOVIET PROVINCIAL NEWSPAPERS

The current historiographical situation in the study of the events of September 1923 in Bulgaria determined the purpose of the study, which is to analyze the publications of the September events on the pages of Soviet provincial newspapers, which reflected the official position of the authorities, who tried to form a certain image of what was happening in Bulgaria. We analyzed newspaper materials, mostly from provincial Soviet newspapers from 1923. We considered not only informational materials, editorials, but also the authors' analytical articles and reprints from central newspapers, most often Pravda and Izvestiya. Tsankov's assumption of power on 12 June 1923 and his repressive policy toward peasant revolts and communists placed news from Bulgaria among the most topical, along with reports from Poland and, of course, Germany. The newspapers were forced to admit that the Bulgarian Communists were not ready for an uprising, although as early as August 1923 it had been decided to prepare an armed uprising in the next 2-3 years. With some delay the Soviet newspapers began to write about the success of the uprising, defining these events as a civil war and even a revolution. The defeat that followed the uprising was explained by the Bulgarian and Soviet Communists in a completely biased way. The leaders of the uprising, Kolarov and Dimitrov, saw the cause in the betrayal of one of the members of the Sofia Revolutionary Committee. Others looked for these causes in insufficient organization and lack of weapons. All this is evidence not only of a superficial assessment of events, but also of a wishful thinking. The optimism reflected in the publications about the fate of the proletarian revolution in Bulgaria in the future also testifies to this.

Keywords: Bulgaria, uprising, newspapers, civil war, communists, peasants, revolution.

Reference

1. Vechernie izvestiya. Ekstrennyj vypusk. Pribavlenie k «Vistyam VUCIK» [Evening news. An emergency issue. Addition to the "Vist VUTSIK"]. 1923
2. Grishina R.P. (1976). Voznikovenie fashizma v Bolgarii 1919-1925 g. [The Emergence of Fascism in Bulgaria 1919-1925]. Sofija, 1976. 343 p.
3. Grishina R.P. (1996). Sentjabr'skoe vosstanie 1923 g. v Bolgarii v svete novyh dokumentov [Grishina R.P. The September Uprising of 1923 in Bulgaria in the light of new documents] // Novaja i novejsaja istorija. [New and Contemporary History]. 1996. № 5, pp.175-194.
4. Grishina R.P. (1996). Sentjabr'skoe vosstanie 1923 g. v Bolgarii v svete novyh dokumentov [Grishina R.P. The September Uprising of 1923 in Bulgaria in the light of new documents] // Novaja i novejsaja istorija. [New and Contemporary History]. 1996. № 6, pp.131-151.
5. Istorija Bolgarii v 2-h tomah. (1955). [History of Bulgaria in two volumes]. Vol. II. Moscow, 1955. 610 p.
6. Istorija Bolgarii v XX veke: Oчерki politicheskoj istorii / Otv. Redaktor E.L. Valeva; In-t slavjanovedenija. (2003). [The History of Bulgaria in the 20th Century: Essays on Political History. Editor E.L. Valeva; Institute for Slavic Studies]. Moscow, 2003. 463 p.
7. Kommuna. Organ Samarskogo Gubkoma RKP (b), Samarskogo Gubispolkoma i Gubprofsoвета [Commune. The organ of the Samara Gubkom of the RCP (b), Samara Gub Executive Committee and Gubprofsovet]. 1923.
8. Krasnaya armiya. Ezhednevnyaya gazeta. Organ Politicheskogo upravleniya Ukrainского voennogo Okruga [Red Army. Daily newspaper. The political management body of the Ukrainian Military District]. 1923.
9. Krasnoe Znamya. Organ Tomskogo Gubispolkoma i Gubkoma RKP [The Red Banner. The organ of the Tomsk Gubernatorial Executive Committee and the Gubernatorial Committee of the RCP]. 1923
10. Krasnyj put'. Organ Okrispolkoma, Okrkoma KP(b) U i Okrprofbyuro. Elizavetgrad [The Red Way. The body of the Executive Committee, the Executive Committee of the KP(b) At and Okrprofbyuro. Elizavetgrad]. 1923.
11. Pravda. Organ Central'nogo Komiteta i Moskovskogo Komiteta RKP (b) [The truth. Organ of the Central Committee and the Moscow Committee of the RCP (b)]. 1923.
12. Proletarij. Vseukrainskaya rabochaya gazeta [Proletarian. All-Ukrainian workers' newspaper]. 1923.
13. Sentyabr'skoe vosstanie v Bolgarii v 1923 g. [The September uprising in Bulgaria in 1923]. Moscow, 1924 // URL: <http://saint-juste.narod.ru/aresty.html> (data obrashcheniya: 31.08.2021).
14. Sovetskaya Sibir'. Ezhednevnyaya gazeta Sibbyuro CK RKP i Sibrevkoma [Soviet Siberia. The daily newspaper of the Sibbyuro of the Central Committee of the RCP and the Sibrevkom]. 1923.
15. Tverskaya Pravda. Izdatel' – Gubkom, Gubispolkom i Gubprofsovet [Tverskaya Pravda. Publisher – Gubkom, Gub Executive Committee and Gubprofsovet]. 1923.

Об авторе

Брянцев Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: bmwbox@mail.ru

Bryantsev Mikhail Vasilievich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head. Department of Theory and History of State and Law, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: bmwbox@mail.ru

Букалова С.В., кандидат исторических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиала РАНХиГС (Россия)

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ДЕТСКОГО ПРИЗРЕНИЯ В ГОДЫ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья реконструирует целостную систему попечения о детях в годы Первой мировой войны. Её адресатами стали солдатские дети – те, чьи отцы находились на фронте, были убиты либо искалечены. Охарактеризованы меры их поддержки со стороны государства. Выделены основные организационные структуры, занятые благотворительным призрением этой категории детей во всероссийском масштабе. Особую роль среди них занимал Елизаветинский комитет, который оказывал субсидиарную поддержку местным благотворительным инициативам. Существенно, что крупные благотворительные организации получали также казенное финансирование. Механизмами оказания поддержки детям-жертвам войны были назначение пособий, в том числе оплата образования, и помещение в специализированные учреждения на постоянной или временной основе, в том числе с профессиональным обучением. Даны сведения о новых типах детских учреждений, получивших поддержку во время войны – яслях, земледельческих колониях, очагах. Эти прогрессивные институты общественного воспитания детей получили распространение в военных обстоятельствах и продолжили своё развитие в послереволюционный период. Отмечается движение в сторону принятия специального закона, закрепляющего гарантии государственной поддержки детей, нуждающихся в помощи. Автор приходит к выводу, что эволюция призрения детей в годы Первой мировой войны шла по пути утверждения основ государственной социальной политики.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российская империя, дети, сироты, благотворительность, социальная политика, ясли, земледельческие приюты.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-27-37

Введение

В конце XIX века на фоне высокой рождаемости и большой доли в российском обществе детей и молодёжи, а также роста имущественного расслоения, маргинализации и пауперизации населения, жертвами которых становилось подрастающее поколение, среди образованных кругов получил распространение интерес к вопросам охраны детства. Увеличивалось число благотворительных организаций, заботящихся о детях, таких как Общество борьбы с детской смертностью, Общество попечения о бедных и больных детях «Синий Крест», состоявшее под покровительством ее высочества великой княгини Елизаветы Маврикиевны. Появлялись новые формы учреждений для детей – детские колонии, ясли, суды по делам несовершеннолетних. Обстоятельства Первой мировой войны подвели российскую систему попечения о детях к переходу на новый уровень.

Обсуждение

Развитие системы детского призрения в Российской империи в годы Первой мировой войны в настоящее время исследовано фрагментарно. Общая характеристика организации помощи детям в период Первой мировой войны представлена Г.Л. Микиртчан. Крупнейшими всероссийскими организациями детского призрения данного периода автор считает ВУИМ, РОКК и Императорское человеколюбивое общество. Упоминаются также городские участковые попечительства о бедных, Романовский и Алексеевский комитеты, Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества, а также Верховный Совет по призрению

семей лиц, призванных на войну, и семей раненых и павших воинов, однако область деятельности этих организаций и их взаимоотношения с Верховным Советом определены неточно [28; 29]. В других публикациях Г.Л. Микиртчан деятельность Попечительства об охране материнства и младенчества представлена более подробно [27], тогда как работа в этом направлении Елизаветинского комитета осталась нераскрытой. Следует особо остановиться на том, что вслед за Н.М. Ивановой [18], на основании получения казённого финансирования автор определяет природу характеризуемых обществ как «государственные благотворительные организации», хотя сам факт существования «государственной благотворительности», сущность и содержание этого понятия служит предметом разночтений [4].

Создание и деятельность Всероссийского попечительства по охране материнства и младенчества освещена в ряде статей, появившихся в связи со столетним юбилеем этой организации, и рассматривается в качестве важного этапа эволюции системы охраны материнства и младенчества в России [22; 26; 39].

Становлению Романовского комитета для призрения сирот сельского состояния посвящена статья Н.Л. Матвеевой [25]. Автор отмечает совпадение целей Комитета и задач, выдвинутых на первый план военным временем, что включало его в систему Верховного Совета, и делает вывод о том, что новые именные комитеты (Романовский комитет состоял под покровительством самого императора) развивали и дополняли уже существовавшие виды помощи пострадавшим. В статье приводятся

ценные сведения по финансовой стороне деятельности Комитета, однако механизм его взаимоотношения с источниками и получателями денежных средств раскрыт недостаточно. Характеризуя различные формы призрения, практикуемые Романовским комитетом, Н.Л. Матвеева уделяет мало внимания наиболее перспективной из них – земельным приютам-колониям.

Среди прочего, деятельность именных благотворительных комитетов в сфере детского призрения затронута в статьях Е.П. Баевой и Н.М. Ивановой, однако связь между ними и работой Верховного Совета не установлена [2; 3]. Региональных аспектов детского призрения касается также П.П. Щербинин [43; 44; 45; 46]. Им охарактеризованы основные направления и акторы попечения о сиротах, выявлена связь с предшествующим периодом развития социального призрения. Особую ценность представляют наблюдения П.П. Щербинина и А.И. Чубарова о том, что в годы Первой мировой войны впервые сложилась государственно-общественная система попечения о детях воинов, включавшая в себя казённый паёк, помощь в обучении и специализированные учреждения призрения.

Региональные особенности попечения о детях на материале Оренбургской губернии характеризует статья М.А. Васильевой [6]. Автор отмечает разнохарактерность и общую нескоординированность усилий благотворителей разного уровня, что усложняло оказание неотложной помощи нуждающимся.

Материалы и методы

Тема государственного участия в формировании и функционировании системы общественного призрения не становилась предметом специального научного исследования. Как правило, в исследованиях акцентируется благотворительная природа деятельности, которая оценивается положительно как проявление высоких духовных качеств и социальной солидарности. Между тем современники подчёркивали недостаточность принятых мер и бедственное положение тысяч детей, лишённых помощи. В настоящей статье на основе материалов периодических изданий и архивных фондов, касающихся темы детского призрения в годы Первой мировой войны, представлена многоаспектная картина механизмов поддержки детей-жертв войны.

Результаты

Среди всех категорий нуждавшихся в помощи детей особое место заняли солдатские сироты. Задача организации общественной помощи детям выдвинулась в ряд важнейших к концу 1914 года после того, как при общественном участии удалось развернуть достаточные мощности для

лечения раненых. Затяжная война и массовые мобилизации значительно обострили проблему физического и социального сиротства. Появилась такая категория, как «полусироты» – оставшиеся без матери дети, чьи отцы были живы, но находились на фронте. По общему правилу, сироты передавались на попечение своих родственников, либо подлежали призрению своей общины. Но в годы Первой мировой войны ослабленные модернизацией социальные связи, падение благосостояния и рост числа нуждавшихся в помощи снижали эффективность этих механизмов самоорганизации и самопомощи внутри сообщества. Появлялись сообщения о том, что мобилизованные крестьяне оставляли своих детей у воинских начальников (Амурская область, 1915 год) или даже у губернатора (Тульская губерния, 1916 год) – так как среди их окружения никто не мог взять детей на своё попечение [36; 38].

В свою очередь, в русле отчётливо сформировавшегося в обществе в годы войны запроса на социальную справедливость, «дети защитников Родины» относились к привилегированной категории, требовавшей общественного участия в своей судьбе. Закон 1912 года «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» гарантировал сиротам погибших воинов до 17 лет половину вдовьей пенсии, т.е. 24 рубля в год. Ведущей всероссийской благотворительной организацией, которая брала на себя оказание дополнительной благотворительной помощи солдатским сиротам, был Алексеевский главный комитет, занятый попечением о детях павших в Русско-японской войне, а затем – погибших при исполнении служебного долга во время революционных беспорядков 1905-1907 годов [1]. В сентябре 1914 года забота Комитета была распространена и на детей павших в Великой Европейской войне [21].

Алексеевский комитет, который вёл свою работу на казённые средства, назначал детям погибших ежегодные пособия от 24 до 58,8 рублей. Комитет самостоятельно собирал сведения о таких детях. Пособия назначались без учёта имущественного положения семьи. Детям военных инвалидов пособие могло назначаться на основе персональных прошений, подкреплённых документами, доказывающими неспособность родителя к труду и нужду семьи. Весьма скромные финансовые средства, получаемые сиротой от Алексеевского комитета, тем не менее способствовали принятию ребёнка в семью.

В годы войны разворачивалась деятельность Романовского комитета для призрения сирот сельского состояния. Согласно своему Положению, Романовский комитет принимал на себя треть расходов на создание и половину – на содержание учебно-воспитательных учреждений, в которых

деревенские сироты подготавливались бы к крестьянскому труду. Деятельность Романовского комитета также производилась за счёт финансирования из казны. С началом войны Комитет распространил своё покровительство также на детей запасных. В это время появилась концепция нового типа специализированных учреждений для сельских сирот – так называемых земледельческих приютов. Положение о земледельческих приютах для детей увечных и павших воинов было утверждено в июле 1915 года [19]. Работа земледельческих приютов должна была строиться на принципах обучения рациональному ведению сельского хозяйства, трудового воспитания, самообеспечения продуктами земледельческого труда, «любви к окружающей природе и сознания общности со всем окружающим» [7].

Полномочия по созданию всероссийской сети таких приютов были переданы Главному управлению землеустройства и земледелия (ГУ-ЗиЗ, с декабря 1915 года – Министерство земледелия) совместно с Романовским комитетом. При Министерстве земледелия был учреждён Совет по делам земледельческих приютов, в компетенцию которого входил главным образом надзор за постановкой специального образования в приютах. Предполагалось, что главными инициаторами открытия таких приютов станут земства, однако при значительной потребности в устройстве детского призрения у местного самоуправления не было средств для финансирования «своей» части затрат. Уже в 1914 году такие случаи составляли более половины всех ходатайств, недостающая сумма оценивалась в 280 тыс. рублей [13, с. 95]. Источником софинансирования могли служить займы, предоставляемые земствам Министерством земледелия [13, с. 140].

Из средств Верховного Совета Романовскому комитету на софинансирование тех заявок, где местные средства не достигали необходимого размера, было отпущено 300 тыс. рублей в мае 1915 года, и ещё 200 тыс. руб. в июне того же года. В своём ходатайстве Романовский комитет указывал, что Положение о Комитете, составленное до войны, было рассчитано на «нормальные» условия жизни. В условиях войны задачи, стоящие перед Комитетом, расширились за счёт включения в круг призреваемых детей запасных и ополченцев, чьи отцы, хотя и были живы, находились далеко от своих семейств. С другой стороны, почти все детские приюты, содержавшиеся на средства общественной благотворительности, оказались в весьма стеснённом положении. Романовскому комитету приходилось оказывать таким заведениям помощь, направленную не только на создание дополнительных мест, но и на поддержание существования приюта [13, с. 95; 12, с. 24].

К 1916 году отделения Романовского комитета действовали чуть более, чем в половине всех уездов Российской империи. К январю 1916 года было вновь открыто 227 земледельческих приютов, при пособии Романовского комитета 369 приютов смогли увеличить количество мест. В общей сложности в начале 1916 года с участием Романовского комитета призрение получали 17,7 тысяч детей, а в ноябре того же года – уже 27,4 тысячи [40]. На заседании Романовского комитета 5 мая 1916 года было ассигновано свыше 260 тыс. руб. по ходатайствам об устройстве и содержании приютов. Курское уездное земство получило 33 тыс. руб. на земледельческий приют; Острогжское уездное земство – 10 тыс. рублей на покупку усадьбы под приют для сирот павших воинов; Новозыбковское уездное земство – 13 тыс. руб. на оборудование и содержание убежищ при двух земских ремесленных мастерских [30]. Первые шаги работы Романовского комитета пришлись на экстремальный период мировой войны, а открывать новые приюты с каждым годом становилось всё труднее. И всё же Романовскому комитету удалось заложить основы впечатляющей сети учреждений детского призрения.

Дети младших возрастов (до двух лет) пользовались вниманием Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества, учреждённого в 1913 году. С 1915 года Попечительство об охране материнства и младенчества возглавил управляющий делами Верховного Совета – сенатор Г.Г. фон Витте. Во время войны Попечительство, основной целью которого была борьба с младенческой смертностью, участвовало в организации яслей для работающих матерей-крестьянок. Им были выработаны правила по устройству сельских яслей с особым вниманием к детям грудного возраста; были опубликованы «Практические указания для устройства яслей» З.И. Клибанской. От Верховного Совета на деятельность Попечительства в пользу солдатских семей было перечислено 500 тыс. рублей. Кроме этого, Попечительство получало и казённые ассигнования, которые в 1915 году составили 300 тыс. рублей [20]. Летом 1915 года было открыто 417 яслей, которые посетило 17 338 детей [10], в следующем военном году популярность этой формы заботы о детях увеличилась. Грязовецкое уездное земство Вологодской губернии сообщало, что содержание одного ребёнка в яслях в 1914 году обходилось в 1,25 руб. в месяц, а в 1915 году возросло до 1,5 руб. [11].

Детские ясли устраивались не только местными отделениями Попечительства об охране материнства и младенчества, но и Попечительством трудовой помощи, которое развернуло свою деятельность в Поволжье в рамках борьбы с голодом

1911 года и продолжало её и во время войны, Обществом помощи семьям воинов, Обществом всеместной помощи солдатам и их семьям и другими всероссийскими и местными благотворительными организациями. Финансовую поддержку им оказывал Елизаветинский комитет. Также ясли устраивались уездными и губернскими отделениями самого Елизаветинского комитета. Например, Белёвской уездной комиссией Тульской губернии на отпущенные центральным Елизаветинским комитетом 6 тыс. рублей были открыты ясли в 24 населённых пунктах уезда на 800 детей [37]. Комитет получил из средств Попечительства об охране материнства и младенчества 20 тыс. рублей на возмещение расходов на содержание младенцев до 2-х лет в деревенских яслях летом 1915 года [17]. В свою очередь, Попечительство получило от Романовского комитета 50 тыс. руб. на устройство приютов и яслей в летний сезон 1916 года [30]. По общим подсчётам, в летний сезон 1916 года ясли посещали до 30 тысяч детей [12, с. 32].

В крупных городах детское призрение приобретало большой размах и разнообразие форм. На чрезвычайном собрании Киевской городской думы 20 июля 1914 года было ассигновано 150 тысяч рублей на устройство детских очагов и садов. Их предполагалось открыть в городских училищных зданиях. Цель этих заведений определялась как присмотр, уход и кормление детей запасных 3-12 лет в течение дня, от 7 часов утра до 8 часов вечера. Работать в городских очагах должен был педагогический персонал училищ, слушательницы киевского Фрёбелевского института – «фребелички» или «детские садовницы» - и другие общественные активисты: Киевское общество народных детских садов, Общество содействия начальному образованию, Общество дневных приютов для детей рабочего класса и др. (всего благотворительные организации предложили устроить 960 мест). К концу августа было устроено 47 приютов и питательных пунктов, где могли разместиться 4 тысячи детей и получать питание – 6 тысяч. Естественным продолжением дела зимних детских очагов представлялись летние загородные колонии, способные выволить бедных детей из подвалов и закрепить трудовое начало в их воспитании.

В июне 1915 года преподаватели Киевского Фрёбелевского института прочли для земских учителей и учительниц лекции по детской психологии, педагогике и внешкольному воспитанию. Таким образом, было подготовлено 60 заведующих, а впоследствии – организовано 52 приюта на 4 тысячи детей; при них стихийно возникли ясли. Помещики, видя пользу приютов в деле освобождения рабочих рук, начали поддерживать их; за помещиками потянулись и крестьяне [33].

В ноябре 1914 года в Киеве была проведена общегородская перепись семей запасных для выяснения их нужд. Обследование выявило около 250 тяжелобольных детей, которые лежали дома без медицинской помощи. Было решено устроить для детей запасных ещё одну детскую больницу, которая и была открыта 10 февраля 1915 года. Её 4-х этажное здание было сооружено на средства благотворительницы Б.Г. Тарновской. Часть средств на оборудование и содержание больницы было ассигновано городским самоуправлением, остальная сумма – предоставлена Татьянинским комитетом при содействии Попечительства об охране материнства и младенчества. Больница работала под эгидой Киевского общества по борьбе с детской смертностью. К лету 1915 года в Киеве все дети запасных младше трёх лет были обеспечены всем необходимым; не было отказа в помещении в ясли, выдаче продуктов (молока, крупы, сахара) [5, с. 247].

В Харькове детские очаги и сады принимали маленьких посетителей с 8-9 часов утра до 5-6 часов вечера. Для детей организовывались игры, пение, ручной труд, гимнастика, прогулки. Старших обучали грамоте и письму. Посетители обеспечивались обедом из двух блюд. Учащиеся городских начальных училищ также обеспечивались бесплатным завтраком. 57 человек получили средства на обучение [47, с. 312].

Идя навстречу неотложным потребностям детского призрения, по всей стране открывались приюты для осиротевших и оставшихся без попечения детей. Чаще всего такие заведения прибегали к финансовой помощи Елизаветинского комитета. В свою очередь, Елизаветинский комитет в августе 1915 года выступил с инициативой устройства детских приютов при православных монастырях. Обители получили запрос от местных отделений Комитета о числе детей, которые могут быть приняты на воспитание, и условиях их призрения. В Калужской епархии монастыри приняли около 90 детей. В Костромской епархии выразили согласие призывать 105 детей. В Самарской губернии в трёх монастырях было размещено всего 15 детей, зато для них было организовано ремесленное обучение, которое прочие монастыри лишь «признавали желательным». Рождественский женский монастырь Самарской губернии ходатайствовал о субсидии в 10 150 рублей на устройство ещё одного приюта. В Могилёвской губернии восемь монастырей приняли 36 сирот, которых взяли на своё полное содержание. По данным Могилёвского губернского отделения, в призрении нуждались более 400 сирот, однако ни монастыри, ни уездные комиссии, ни губернское отделение не располагали средствами для принятия их на иждивение [42]. К январю 1916

года Елизаветинскому комитету удалось собрать сведения об устройстве при монастырях 1310 мест для призрения детей. Православным обителям было передано на эти цели 100 тыс. рублей от Елизаветинского и 60 тыс. рублей от Романовского комитета [32].

В Вятке в конце августа 1914 был открыт приют для детей призванных на 100 человек под заведыванием жены фабрично-заводского инспектора Е.И. Барышниковой. К апрелю 1915 года в приюте состояло 26 детей, для него был арендован двухэтажный дом. В мае все дети были переведены в Дом инвалидов и сирот Великой войны, к тому моменту их было уже 46 человек – 21 мальчик и 25 девочек от 4 до 12 лет. В Яранском уезде Вятской губернии приют на 50 детей был устроен в доме, бесплатно предоставленном купцом Булыгиным, и действовал на средства уездного земства. В Орловском уезде той же губернии на средства уездного земства работал приют на 20 детей [9]. Всего в приютах Вятской губернии призрелись 400 детей. Общий расход Вятского отделения составил 50,5 тыс. рублей, из которых половина была ассигнована земством [12, с. 42].

В Уфе Всероссийским обществом помощи жертвам войны, их сиротам и детям в память героев Второй Отечественной войны был открыт приют для детей воинов на 50 человек, в котором было размещено 30 детей. После того, как в сентябре 1915 года Общество было ликвидировано, содержание приюта приняло на себя местное отделение Елизаветинского комитета [35].

В Нижегородской губернии инициатива создания колонии для сирот воинов принадлежала бывшему попечителю Петербургского учебного округа – бывшему предводителю нижегородского дворянства С.М. Прутченко. Он же пожертвовал 50 десятин земли для её устройства, а губернское земство взяло на себя проектирование и большую часть финансовых затрат. В процессе строительства приют перешёл под эгиду Романовского комитета (первоначально предполагалось причислить его к ведомству учреждений императрицы Марии). Строительство было завершено только к лету 1917 года. Приют проектировался на 80 мест, впоследствии был расширен до 200 мест. К концу 1916 года на попечении находилось 63 ребёнка, причём у части из них были матери, работавшие прислугой в штате приюта [23].

В Виннице Подольской губернии жена генерала Брусилова учредила приют на 80 человек для детей убитых воинов, расширенный вскоре до 150 мест [13, с. 140]. Общество помощи бесприютным детям призревало до тысячи человек, в том числе 300 детей-беженцев [24]. Призрением от Общества повсеместной помощи пользовалось около 2 тысяч детей [16, с. 75].

Если в провинции приюты насчитывали несколько десятков мест, а потребность в них оценивалась в сотнях на губернию, то в Москве на 1 декабря 1915 года в приютах Елизаветинского комитета находилось 830 детей [41]. Часть огромного (20 миллионов рублей) наследства купеческой вдовы А.И. Коншиной, завещанного на благотворительность, была направлена на создание в её родном Серпухове детского дома на 200 мест и строительство Дома матери и ребенка на Большой Калужской улице в Москве [31].

17 марта 1915 года в Москве прошло совещание по детскому призрению, созванное Объединённым отделом по устройству беженцев Земского и Городского Союза и обществом правовой охраны малолетних. Совещание собрало около 200 представителей общественных организаций, в том числе губернских, городских и национальных. Накануне завершил свою работу съезд уполномоченных земств и городов, который постановил, что дети-сироты жертв войны, как воинов, так и мирных жителей, подлежат попечению государства. Законопроект, посвящённый этому, предполагалось внести в Государственную Думу на весенней сессии. Совещание признало, что забота о беспризорных детях должна быть вверена органам местного самоуправления. В целом позиция совещания была весьма либеральной. Так, условием планомерной организации детского призрения была названа демократизация земств, введение мелкой земской единицы и реформа городского самоуправления. Для правильной постановки призрения и воспитания подрастающего поколения должны были быть отменены все ограничения, установленные для отдельных национальностей [34].

Выводы

В годы Первой мировой войны выделяется особая категория жертв войны – «дети защитников Родины». К ней относились как дети призванных на фронт, так и дети убитых или ставших инвалидами солдат. Помощь этой категории детей рассматривалась как патриотический долг общества и государства перед армией. К государственным гарантиям, предоставляемым «детям войны», относилось казённое продовольственное пособие для семей мобилизованных, казённая пенсия для сирот и пособие от Алексеевского комитета для них же. Но размер этой поддержки был далеко недостаточен для полноценного взросления ребёнка, лишившегося поддержки главы семьи. Решить эту проблему была призвана субсидиарная модель общественного призрения, формировавшаяся в России в годы Первой мировой войны. В её рамках дополнительные виды помощи предоставлялись благотворительными организациями, нередко перераспределявшими бюджетные средства. Благодаря такому подходу полнее мобилизовывался потенциал общества (к примеру,

устраивались детские приюты в монастырях); кроме того, возникало много организационных форм помощи детям, отражавших местные потребности и возможности. Однако по мере продолжения войны увеличивалось число нуждавшихся в помощи, приток благотворительных пожертвований, напротив, сокращался. Вновьоткрытые приюты

требовали регулярного финансирования. В обществе возрастали требования социальной справедливости и социальных гарантий. В этих условиях ведущей становилась роль государства в системе детского призрения, которая требовала законодательной регламентации. Таким образом, развитие детского призрения в годы Первой мировой войны вело к институциализации этой сферы.

Список литературы

1. Алексеевский главный комитет // Военная энциклопедия / Под ред. Ген. штаба полк. В.Ф. Новицкого, воен. инж. подполк. А.В. фон Шварца [и др.]. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1911-1915. [Электронный ресурс]. URL: <http://history.niv.ru/doc/encyclopedia/military/articles/1017/alekseevskij-glavnyj-komitet.htm> (дата обращения: 25.01.2023).
2. Баева Е.П., Иванова Н.М. Организация социальной помощи в годы Первой мировой войны // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2004. №17. С. 117-122.
3. Баева Е.П., Иванова Н.М. Благотворительные комитеты и Первая мировая война // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2006. №24. С. 48-52.
4. Борисова Ю.С. Государственная и общественная благотворительность: анализ эффективности // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 6(62). С. 869-873.
5. Бочарников С. Призрение детей-жертв войны в г. Киеве // Призрение и Благотворительность в России. 1915. №3-4. С. 246-254.
6. Васильева М.А. Социальная помощь сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, в годы Первой мировой войны в Оренбургской губернии // Russian Journal of Education and Psychology. 2015. №2 (46). С. 472-487.
7. Высочайше утверждённое 10 октября 1915 года Положение Совета министров о предоставлении некоторых полномочий Романовскому комитету и Министерству земледелия // Общие основания организации земледельческих приютов для детей увечных и павших воинов. Пг. : Гос. типография, 1916. С. 21-22.
8. Гогель С.К. К чему пришли в Москве на Съезде по призрению детей в связи с войной // Призрение и Благотворительность в России. 1916. №1-3. С.117-129.
9. Годовой отчёт о деятельности Вятского губернского отделения Комитета Елизаветы Фёдоровны // Ежемесячник Комитета Ея императорского высочества великой княгини Елисаветы Феодоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. 1916. № 6. С. 33.
10. Деятельность Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества // Призрение и Благотворительность в России. 1915. № 3-4. С. 169.
11. Деятельность Комитета по организации приютов-яслей // Ежемесячник Комитета Ея императорского высочества великой княгини Елисаветы Феодоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. 1915. № 1. С.18-19.
12. Деятельность Комитета Великой княгини по призрению детей лиц, призванных на войну // Ежемесячник Комитета Ея императорского высочества великой княгини Елисаветы Феодоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. 1916. № 9-10. С. 30-44.
13. Журнал Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов № 8 // Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1915. №6. С.65-167.
14. Журнал Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов № 10 // Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1915. №9. С.24.
15. Журнал Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов № 11 // Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1916. №10. С. 19-56.
16. Журнал Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов № 12 // Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1916. №13. С. 11-100.
17. Заседание Комитета 2 сентября 1915 года // Ежемесячник Комитета Ея императорского высочества великой княгини Елисаветы Феодоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. 1915. № 3. С.1-4.

- 18.Иванова Н.М. Милосердие и благотворительность в годы первой мировой войны 1914-1917 гг. (на материалах Петрограда): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., Санкт-Петербургский государственный университет. 2002. 22 с.
- 19.Именной высочайший указ об учреждении земледельческих приютов для детей увечных и павших воинов и об утверждении Положения о сих приютах от 7 июля 1915 года // Общие основания организации земледельческих приютов для детей увечных и павших. Пг.: Гос. типография, 1916. С. 15-16.
- 20.Керзум А.П. Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества // Историко-культурный интернет-портал «Энциклопедия Санкт-Петербурга». [Электронный ресурс]. URL: <http://encspb.ru/object/2855740319?lc=ru> (дата обращения: 25.01.2023).
- 21.Керзум А.П. Романовский комитет для призрения сирот сельского состояния // Энциклопедия благотворительности Санкт-Петербург. [Электронный ресурс]. URL: <http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2806469070> (дата обращения: 25.01.2023).
- 22.Колганова Е.В. Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в начале XX в // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2011. №6. С. 37-50.
- 23.Краснов В.В. «Посвященная воспитанию детей мужей славы»: школа-колония нижегородского губернского земства в Работках // Нижегородская старина. 2017. Выпуск 3-4 (53-54). С.100-106.
- 24.Люблинский Я. О призрении сирот воинов // Призрение и Благотворительность в России. 1915. № 8-10. С. 484-496.
- 25.Матвеева Н.Л. Из истории благотворительности в России. Романовский комитет в годы Первой мировой войны // Клио. 2005. №3 (30). С. 168-178.
- 26.Микиртичан Г.Л. Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества: преемственность идей. (к 100-летию со дня основания) // Педиатр. 2013. №3. С. 130-137.
- 27.Микиртичан Г.Л. К 100-летию со дня основания Всероссийского Попечительства об охране материнства и младенчества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2014. №1. С. 260-274.
- 28.Микиртичан Г.Л. Организационные технологии помощи детям в годы Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2014. №4. С.212-229.
- 29.Микиртичан Г.Л. Организация помощи детям в годы Первой мировой войны // Российский педиатрический журнал. 2014. №4. С. 61-64.
- 30.На заседании Романовского комитета // Призрение и Благотворительность в России. 1916. № 5. С. 473-474.
- 31.Наследство Коншиной // Призрение и Благотворительность в России. 1915. №3-4 С. 155.
- 32.Организация детского призрения при участии монастырей и обителей // Ежемесячник Комитета Ея императорского высочества великой княгини Елисаветы Феодоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. 1916. № 6. С. 13-18.
- 33.Попечение о детях в Киеве // Призрение и Благотворительность в России. 1915. №5. С.340-343.
- 34.Работы Съезда по призрению детей // Призрение и Благотворительность в России. 1916. № 1-3. С. 107-109.
- 35.Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.16323. Оп.1. Д.9. Л.20. Выписка из доклада управляющего делами Уфимского отделения Комитета Елисаветы Федоровны от 31 октября 1916 года.
- 36.РГВИА. Ф. 16323. Оп. 1. Д. 86. Л.1об., 19об.
- 37.Участие монастырей и обителей в детском призрении // Ежемесячник Комитета Ея императорского высочества великой княгини Елисаветы Феодоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. 1916. № 11-12. С.37-41.
- 38.Хроника // Ежемесячник Комитета Ея императорского высочества великой княгини Елисаветы Феодоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. 1915. № 4. С.55.
- 39.Хроника // Ежемесячник Комитета Ея императорского высочества великой княгини Елисаветы Феодоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. 1915. № 5. С.48.
- 40.Центральный исторический архив города Москвы (ЦИАГМ) Ф.113. Оп. 1. Д. 198. Л. 230-232. Краткий всеподданейший очерк деятельности состоящего под высочайшим покровительством Романовского комитета за вторую треть 1916 года. 22 сентября 1916.
- 41.ЦИАГМ. Ф.113. Оп. 1. Д.204. Л.193.
- 42.Шерстнёва Е.В. Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества (к 100-летию со дня основания) // Вопросы современной педиатрии. 2013. №2. С. 150-152.
- 43.Шикунова И.А., Щербинин П.П. Ясли-приюты как особая форма социального попечения в Тамбовской губернии в начале XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25 № 184. С. 136-145.

44. Щербинин П.П. Дети-сироты и их призрение в период войн России начала XX в. // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. №9 (125). С. 334-341.
45. Щербинин П.П. Детская повседневность в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. : монография. Тамбов: б/и, 2015. 256 с.
46. Щербинин П. П., Чубаров А. И. Социальное призрение детей во время Первой мировой войны // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. № 188. С. 195-202.
47. Ясли, детские сады и очаги в Харькове // Призрение и Благотворительность в России. 1915. №5. С. 312.

DEVELOPMENT OF THE CHILDREN'S CHARITY SYSTEM DURING THE WORLD WAR I

The article reconstructs the integral system of children's care during the World War I, aimed at the soldiers' children – those whose fathers were at the front, were killed or maimed. There are characterized measures of their state support and highlighted main organizational structures engaged in charitable care of this category of children on an all-Russian scale. A special role among them was occupied by the Elizabethan Committee, which provided subsidiary support to local charitable initiatives. Significant, that large charitable organizations also received state funding. The mechanisms for providing support to child-victims of war were the assignment of benefits, including payment for education, and placement in specialized institutions on a permanent or temporary basis, including with vocational training. The article gives information is about new types of children's institutions, that received support during the war – nurseries, agricultural colonies, hearths. These progressive institutions of public education became widespread in military circumstances and continued their development in the post-revolutionary period. Emphasized a movement towards the adoption of a special law that enshrines guarantees of state support for children, which needs of assistance. The author comes to the conclusion that the evolution of children's care during the World War I followed the path of establishing the foundations of state social policy.

Keywords: World War I, Russian Empire, children, orphans, charity, social policy, nursery, agricultural shelters

References

1. Alekseevskij glavnyj komitet [Alekseevsky Main Committee]. Voennaya enciklopediya [Military Encyclopedia] / Pod red. Gen. shtaba polk. V.F. Novickogo, voen. inzh. podpolk. A.V. fon Shvarca [i dr.]. Sankt-Peterburg: T-vo I.D. Sytina, 1911-1915. from <http://history.niv.ru/doc/encyclopedia/military/articles/1017/alekseevskij-glavnyj-komitet.htm>.
2. Baeva E.P. Ivanova, N.M. (2004) Organizaciya social'noj pomoshchi v gody Pervoj mirovoj vojny [Organization of social assistance during the World War First]. Nauchno-tekhnicheskij vestnik informacionnyh tekhnologij, mekhaniki i optiki [Scientific and Technical Bulletin of information Technologies, Mechanics and Optics], 17, 117-122.
3. Baeva, E.P. Ivanova, N.M. (2006) Blagotvoritel'nye komitety i Pervaya mirovaya vojna [Charitable committees and the World War First]. Nauchno-tekhnicheskij vestnik informacionnyh tekhnologij, mekhaniki i optiki [Scientific and Technical Bulletin of information Technologies, Mechanics and Optics], 24, 48-52.
4. Bocharnikov, S. (1915) Prizrenie detej-zhertv vojny v g. Kieve [Auspices on children-victims of the war in Kiev]. Prizrenie i Blagotvoritel'nost' v Rossii [Care and Charity in Russia], 3-4, 246-254.
5. Borisova, Yu. S. (2016) Gosudarstvennaya i obshchestvennaya blagotvoritel'nost': analiz effektivnosti [State and public charity: efficiency analysis]. Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii [Modern scientific research and innovation], 6 (62), 869-873.
6. Central'nyj istoricheskij arhiv goroda Moskvy (CIAGM) [The Central Historical Archive of the City of Moscow] F.113. Op. 1. D. 198. L. 230-232. Kratkij vsepoddanejsnij ocherk deyatel'nosti sostoyashchego pod vysochajshim pokrovitel'stvom Romanovskogo komiteta za vtoruyu tret' 1916 goda. 22 sentyabrya 1916 [A brief, comprehensive sketch of the activities of the Romanov Committee under the highest patronage for the second third of 1916].
7. CIAGM. F.113. Op. 1. D.204. L.193.
8. Deyatel'nost' Komiteta po organizacii priyutov-yaslej [Activities of the Committee for the organization of orphanages] (1915). Ezhemesyachnik Komiteta Eya imperatorskogo vysochestva velikoj knyagini Elisavety Feodorovny po okazaniyu blagotvoritel'noj pomoshchi sem'yam lic, prizvannyh na vojnu [Monthly of the Committee of Her Imperial Highness Grand Duchess Elisaveta Feodorovna for the provision of charitable assistance to the families of persons called up for war], 1, 18-19.
9. Deyatel'nost' Komiteta Velikoj knyagini po prizreniyu detej lic, prizvannyh na vojnu [Activities of the Grand Duchess Committee for the care of children of persons called up for war] (1916). Ezhemesyachnik Komiteta Eya imperatorskogo vysochestva velikoj knyagini Elisavety Feodorovny po okazaniyu blagotvoritel'noj pomoshchi sem'yam lic, prizvannyh na vojnu [Monthly of the Committee of Her Imperial Highness Grand Duchess Elisaveta Feodorovna for the provision of charitable assistance to the families of persons called up for war], 9-10, 30-44.
10. Deyatel'nost' Vserossijskogo popechitel'stva ob ohrane materinstva i mladenchestva [Activity of the

- All-Russian guardianship on the protection of motherhood and infancy] (1915). Prizrenie i Blagotvoritel'nost' v Rossii [Care and Charity in Russia], 3-4, 169-172.
11. Godovoj otchyt o deyatelnosti Vyatskogo gubernskogo otdeleniya Komiteta Elizavety Fyodorovny [Annual report on the activities of the Vyatka provincial branch of the Committee of Elizabeth Feodorovna] (1916). Ezhemesyachnik Komiteta Eya imperatorskogo vysochestva velikoj knyagini Elisavety Feodorovny po okazaniyu blagotvoritel'noj pomoshchi sem'yam lic, prizvannyh na vojnu [Monthly of the Committee of Her Imperial Highness Grand Duchess Elisaveta Feodorovna for the provision of charitable assistance to the families of persons called up for war], 6, 33.
12. Gogel', S.K. (1916) K chemu prishli v Moskve na S"ezde po prizreniyu detej v svyazi s vojnoj [What did they come to in Moscow at the Congress on the charity of children in connection with the war]. Prizrenie i Blagotvoritel'nost' v Rossii [Care and Charity in Russia], 1-3, 117-129.
13. Hronika [Chronicle] (1915). Ezhemesyachnik Komiteta Eya imperatorskogo vysochestva velikoj knyagini Elisavety Feodorovny po okazaniyu blagotvoritel'noj pomoshchi sem'yam lic, prizvannyh na vojnu [Monthly of the Committee of Her Imperial Highness Grand Duchess Elisaveta Feodorovna for the provision of charitable assistance to the families of persons called up for war], 4, 55.
14. Hronika [Chronicle] (1915). Ezhemesyachnik Komiteta Eya imperatorskogo vysochestva velikoj knyagini Elisavety Feodorovny po okazaniyu blagotvoritel'noj pomoshchi sem'yam lic, prizvannyh na vojnu [Monthly of the Committee of Her Imperial Highness Grand Duchess Elisaveta Feodorovna for the provision of charitable assistance to the families of persons called up for war], 5, 48.
15. Imennoj vysochajshij ukaz ob uchrezhdenii zemledel'cheskih priyutov dlya detej uvechnyh i pavshih voinov i ob utverzhdenii Polozheniya o sih priyutah ot 7 iyulya 1915 goda [The nominal supreme decree on the establishment of agricultural shelters for the children of the maimed and fallen soldiers and on the approval of the Regulations on these shelters of July 7, 1915] (1916). Obshchie osnovaniya organizacii zemledel'cheskih priyutov dlya detej uvechnyh i pavshih [General grounds for the organization of agricultural shelters for the children of the maimed and fallen]. Petrograd: Gos. tipografiya.
16. Ivanova, N.M. (2002) Miloserdie i blagotvoritel'nost' v gody pervoj mirovoj vojny 1914-1917 gg. (na materialah Petrograda) [Mercy and charity during the World War First 1914-1917 (based on Petrograd materials)]: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Sankt-Peterburg, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet. 22 p.
17. Kerzum, A.P. Vserossijskoe popechitel'stvo ob ohrane materinstva i mladenchestva [All-Russian guardianship on the protection of motherhood and infancy] // Istoriko-kul'turnyj internet-portal «Enciklopediya Sankt-Peterburga» [Historical and cultural Internet portal "Encyclopedia of St. Petersburg"]. from <http://encspb.ru/object/2855740319?lc=ru>.
18. Kerzum, A.P. Romanovskij komitet dlya prizreniya sirot sel'skogo sostoyaniya [Romanov Committee for the care of orphans of rural stratum] // Enciklopediya blagotvoritel'nosti Sankt-Peterburg [Encyclopedia of Charity St. Petersburg]. from <http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2806469070>.
19. Kolganova, E.V. (2011) Zarozhdenie sistemy ohrany materinstva i mladenchestva v Rossii v nachale XX v. [The origin of the system of maternity and infancy protection in Russia at the beginning of the XX century]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya [Bulletin of the Moscow University. Series 8. History], 6, 37-50.
20. Krasnov, V.V. (2017) «Posvyashchennaya vospitaniyu detej muzhej slavy»: shkola-koloniya nizhegorodskogo gubernskogo zemstva v Rabotkah ["Dedicated to the upbringing of the children of the husbands of glory": a colony school of the Nizhny Novgorod provincial Zemstvo in Rabotky]. Nizhegorodskaya starina [Nizhny Novgorod Antiquity], 3-4 (53-54), 100-106.
21. Lyublinskij, Ya. (1915) O prizrenii sirot voinov [About the charity of orphans of warriors]. Prizrenie i Blagotvoritel'nost' v Rossii [Care and Charity in Russia], 8-10, 484-496.
22. Matveeva, N.L. (2005) Iz istorii blagotvoritel'nosti v Rossii. Romanovskij komitet v gody Pervoj mirovoj vojny [From the history of charity in Russia. The Romanov Committee during the World War First]. Klio [Clio], №3 (30), 168-178.
23. Mikirtichan, G.L. (2013) Vserossijskoe popechitel'stvo ob ohrane materinstva i mladenchestva: preemvennost' idej. (k 100-letiyu so dnya osnovaniya) [All-Russian guardianship on the protection of motherhood and infancy: continuity of ideas. (to the 100th anniversary of the foundation)]. Pediatr [Pediatrician], 3, 130-137.
24. Mikirtichan, G.L. (2014) K 100-letiyu so dnya osnovaniya Vserossijskogo Popechitel'stva ob ohrane materinstva i mladenchestva [On the 100th anniversary of the foundation of the All-Russian Guardianship for the Protection of Motherhood and Infancy]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Medicina [Bulletin of St. Petersburg University. Medicine], 1, 260-274.
25. Mikirtichan, G.L. (2014) Organizacionnye tekhnologii pomoshchi detyam v gody Pervoj mirovoj

- vojny [Organizational technologies for helping children during the World War First]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Medicina [Bulletin of St. Petersburg University. Medicine], 4, 212-229.
26. Mikirtichan, G.L. (2014) Organizaciya pomoshchi detyam v gody Pervoj mirovoj vojny [Organization of assistance to children during the World War First]. Rossijskij pediatricheskij zhurnal [Russian Pediatric Journal], 4, 61-64.
27. Na zasedanii Romanovskogo komiteta [At a meeting of the Romanov Committee] (1916). Prizrenie i Blagotvoritel'nost' v Rossii [Care and Charity in Russia], 5, 473-474.
28. Nasledstvo Konshinoj [Konshina's Legacy] (1915). Prizrenie i Blagotvoritel'nost' v Rossii [Care and Charity in Russia], 3-4, 155.
29. Organizaciya detskogo prizreniya pri uchastii monastyrej i obitelej [Organization of children's charity with the participation of monasteries] (1916). Ezhemesyachnik Komiteta Eya imperatorskogo vysochestva velikoj knyagini Elisavety Feodorovny po okazaniyu blagotvoritel'noj pomoshchi sem'yam lic, prizvannyh na vojnu [Monthly of the Committee of Her Imperial Highness Grand Duchess Elisaveta Feodorovna for the provision of charitable assistance to the families of persons called up for war], 6, 13-18.
30. Popechenie o detyah v Kieve [Taking care of children in Kiev] (1915). Prizrenie i Blagotvoritel'nost' v Rossii [Care and Charity in Russia], 5, 340-343.
31. Raboty S"ezda po prizreniyu detej [Works of the Congress on the charity of children] (1916). Prizrenie i Blagotvoritel'nost' v Rossii [Care and Charity in Russia], 1-3, 107-111.
32. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA) [The Russian State Military Historical Archive]. F.16323. Op.1. D.9. L.20. Vypiska iz doklada upravlyayushchego delami Ufimskogo otdeleniya Komiteta Elizavety Fedorovny ot 31 oktyabrya 1916 goda [Extract from the report of the managing Director of the Ufa branch of the Committee Elizaveta Fedorovna dated October 31, 1916].
33. RGVIA. F. 16323. Op. 1. D. 86. L.1 ob., 19 ob.
34. Shcherbinin, P.P. (2013) Deti-siroti i ih prizrenie v period vojn Rossii nachala HKH v. [Orphaned children and their care during the wars of Russia at the beginning of the twentieth century]. Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tyumen State University], 9 (125), 334-341.
35. Shcherbinin, P.P. (2015) Detskaya povsednevnost' v period Pervoj mirovoj vojny 1914-1918 gg. [Children's everyday life during the World War First of 1914-1918]. Tambov.
36. Shcherbinin, P.P. Chubarov, A.I. (2020) Social'noe prizrenie detej vo vremena Pervoj mirovoj vojny [Social vision of children during the World War First]. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities], 25, 188, 195-202.
37. Sherstnyova, E.V. (2013) Vserossijskoe popechitel'stvo ob ohrane materinstva i mladenchestva (k 100-letiyu so dnya osnovaniya) [All-Russian guardianship on the protection of motherhood and infancy (to the 100th anniversary of its foundation)]. Voprosy sovremennoj pediatrii [Issues of modern pediatrics], 2, 150-152.
38. Shkunova, I.A. Shcherbinin, P.P. (2020) Yasli-priyuty kak osobaya forma social'nogo popecheniya v Tambovskoj gubernii v nachale XX veka [Nursery-shelters as a special form of social care in the Tambov province at the beginning of the XX century]. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities], 25, 184, 136-145.
39. Uchastie monastyrej i obitelej v detskom prizrenii [Participation of monasteries and monasteries in children's charity] (1916). Ezhemesyachnik Komiteta Eya imperatorskogo vysochestva velikoj knyagini Elisavety Feodorovny po okazaniyu blagotvoritel'noj pomoshchi sem'yam lic, prizvannyh na vojnu [Monthly of the Committee of Her Imperial Highness Grand Duchess Elisaveta Feodorovna for the provision of charitable assistance to the families of persons called up for war], 11-12, 37-41.
40. Vasil'eva, M.A. (2015) Social'naya pomoshch' sirotam i detyam, ostavshimsya bez popecheniya roditel'ej, v gody Pervoj mirovoj vojny v Orenburgskoj gubernii [Social assistance to orphans and children left without parental care during the World War First in the Orenburg province]. Russian Journal of Education and Psychology, 2 (46), 472-487.
41. Vysochajshe utverzhdyonnoe 10 oktyabrya 1915 goda Polozhenie Soveta ministrov o predostavlenii nekotoryh polnomochij Romanovskomu komitetu i Ministerstvu zemledeliya [The Regulation of the Council of Ministers on granting certain powers to the Romanov Committee and the Ministry of Agriculture, most highly approved on October 10, 1915] (1916). Obshchie osnovaniya organizacii zemledel'cheskih priyutov dlya detej uvechnyh i pavshih voinov [General grounds for organizing agricultural shelters for children of crippled and fallen soldiers]. Petrograd: Gos. tipografija.
42. Yasli, detskie sady i ochagi v Har'kove [Nursery, kindergartens and hearths in Kharkiv] (1915) Prizrenie i Blagotvoritel'nost' v Rossii [Care and Charity in Russia], 5, 312-315.
43. Zhurnal Verhovnogo Soveta po prizreniyu semej lic, prizvannyh na vojnu, a takzhe semej ranenyyh i pavshih voinov [Journal of the Supreme Council for the Care of families of persons called up for war, as well

as families of wounded and fallen soldiers] № 8 (1915). Izvestiya Verhovnogo soveta po prizreniyu semej lic, prizvannyh na vojnu, a takzhe semej ranenyyh i pavshih voynov [News of the Supreme Council for the Care of families of persons called up for war, as well as families of wounded and fallen soldiers], 6, 65-167.

44. Zhurnal Verhovnogo Soveta po prizreniyu semej lic, prizvannyh na vojnu, a takzhe semej ranenyyh i pavshih voynov [Journal of the Supreme Council for the Care of families of persons called up for war, as well as families of wounded and fallen soldiers] № 10 (1915). Izvestiya Verhovnogo soveta po prizreniyu semej lic, prizvannyh na vojnu, a takzhe semej ranenyyh i pavshih voynov [News of the Supreme Council for the Care of families of persons called up for war, as well as families of wounded and fallen soldiers], 9, 21-57.

45. Zhurnal Verhovnogo Soveta po prizreniyu semej lic, prizvannyh na vojnu, a takzhe semej ranenyyh i pavshih voynov [Journal of the Supreme Council for the Care of families of persons called up for war, as well as families of wounded and fallen soldiers] № 11 (1916). Izvestiya Verhovnogo soveta po prizreniyu semej lic, prizvannyh na vojnu, a takzhe semej ranenyyh i pavshih voynov [News of the Supreme Council for the Care of families of persons called up for war, as well as families of wounded and fallen soldiers], 10, 19-56.

46. Zhurnal Verhovnogo Soveta po prizreniyu semej lic, prizvannyh na vojnu, a takzhe semej ranenyyh i pavshih voynov [Journal of the Supreme Council for the Care of families of persons called up for war, as well as families of wounded and fallen soldiers] № 12 (1916). Izvestiya Verhovnogo soveta po prizreniyu semej lic, prizvannyh na vojnu, a takzhe semej ranenyyh i pavshih voynov [News of the Supreme Council for the Care of families of persons called up for war, as well as families of wounded and fallen soldiers], 13, 11-100.

47. Zasedanie Komiteta 2 sentyabrya 1915 goda [Committee meeting on September 2, 1915] (1915). Ezhemesyachnik Komiteta Eya imperatorskogo vysochestva velikoj knyagini Elisavety Feodorovny po okazaniyu blagotvoritel'noj pomoshchi sem'yam lic, prizvannyh na vojnu [Monthly of the Committee of Her Imperial Highness Grand Duchess Elisaveta Feodorovna for the provision of charitable assistance to the families of persons called up for war], 3, 1-4.

Об авторе

Букалова Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственной политики Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС (Россия), E-mail: stl1612@yandex.ru

Bukalova Svetlana Vladimirovna – candidate of Historic Sciences, Docent at the Department of History, Political Science and Public Policy of the Central Russian Institute of Management – branch of the RANEPА (Russia), E-mail: stl1612@yandex.ru

Вартаньян Э.Г., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия)

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА НА БАЛКАНАХ В 1860-е – 1870-е гг. И ПОЗИЦИИ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ НАКАНУНЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ

Турецкая Республика в настоящее время играет активную роль на мировой арене, укрепляя свои позиции в качестве регионального лидера и быстро реагируя на международные события. За территорию Османской империи, контроль над проливами Босфор и Дарданеллы всегда велось ожесточенное соперничество великих держав, особенно остро это происходило между Великобританией и Россией. История показывает, что противостояние стран Запада и России, начавшись в период раннего Нового времени, продолжается по настоящее время независимо от региона. В этом контексте автор обращается к вопросу борьбы великих держав за укрепление позиций в стратегически важных районах Османской империи в последней трети XIX в. Автор задается целью показать соперничество великих держав за укрепление своих позиций в Османской империи в 1860–1870-х гг. в условиях роста освободительных устремлений покоренных народов Балканского полуострова, что вело к очередному обострению проблемы Восточного вопроса. Показано, что национально-освободительная борьба в империи была разменной монетой в геополитической игре великих держав. Раскрыты побудительные мотивы участия великих держав в решении Восточного вопроса, попытки дипломатическим путем оказать давление на Порту накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Сделан вывод о том, что Россия исчерпала все дипломатические методы воздействия на Порту, прежде чем объявила ей войну в 1877 г., положив конец османскому владычеству на Балканах. Методологической основой статьи являются общенаучные принципы историзма и объективности, а также совокупность сравнительно-исторического, историко-системного и историко-генетического методов. Эмпирической базой исследования является комплекс документов, который позволил объективно оценить позиции великих держав в их борьбе за территорию Османской империи, показать хитросплетения их политики и соперничество накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Ключевые слова: Россия, Англия, Франция, Австро-Венгрия, Германия, Болгария, Восточный вопрос, Н.П. Игнатъев, южные славяне, автономия.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-38-46

Введение

Турецкая Республика занимает выгодное геополитическое положение, располагаясь на стыке двух континентов и контролируя проливы Босфор и Дарданеллы. Именно этот фактор привлекал внимание великих держав сначала к Османской империи, а затем и к Турецкой Республике. Своеобразие геополитического положения Турецкой Республики определяет ее внутреннюю и внешнюю политику. Турецкое правительство быстро реагирует на события, которые происходят на Ближнем, Среднем Востоке, в Закавказье, растет ее международный авторитет. В настоящее время Турция проводит самостоятельную политику, стремится к региональному лидерству, политики все чаще говорят о возрождении ею политики неосманизма и неопантюркизма. В этом контексте интересно обратиться к истории Турции последней трети XIX в. и проанализировать причины соперничества великих держав за ее территорию, которое происходило в условиях всё большего ее закабаления иностранным капиталом и роста национально-освободительной борьбы покоренных народов. Тема исследования актуальна тем, что она показывает «вечное» соперничество стран Запада и России, которое активизировалось в Новое время и продолжается до настоящего времени. Причем это происходит независимо от региона противостояния. Здесь хочется вспомнить слова чрезвычайного полномочного посла России в

Османской империи Н. П. Игнатъева: «Всякий славянские раз, когда нам [России – Э. В.] приходилось отстаивать правое дело ... мы всегда оставались одинокими перед лицом сплотившейся против нас Европы»[15, с. 298]. Эти слова графа весьма актуальны и в настоящее время.

Объекты и методы

Объект исследования – позиции великих держав в условиях национально-освободительной борьбы на Балканах в 1860-е – 1870-е гг.

Статья основана на принципах историзма и объективности, историко-типологическом и историко-генетическом методах. Эмпирической базой исследования являются документальные материалы, которые позволяют объективно оценить проблемы национально-освободительной борьбы на Балканах и позиции великих держав накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Автор статьи задается целью обратиться к историческому прошлому отношений стран Запада и России в контексте Восточного вопроса, в частности, по вопросу борьбы за укрепление позиций в стратегически важных регионах Османской империи в последней трети XIX в., показать хитросплетения дипломатии и внешней политики великих держав.

В 1870-е гг. Османская империя находилась в состоянии разложения феодальных отношений, развития капитализма, заметных трансформаций в социальной сфере. Это было обусловлено как

объективными историческими процессами, так и реформами, вошедшими в историю Османской империи под названием «Танзимат» (1839–1876), которые способствовали модернизации общества по европейскому образцу. Реформы привели к некоторым сдвигам в развитии государства, но достигнутые результаты никак не соответствовали потребностям развития огромного государства [3, с. 337]. Народ «находился в состоянии нищеты, торговля была в руках иностранцев, аграрный сектор и ремёсла находились в примитивном состоянии, старинные промыслы не выдерживали конкуренции иностранных мануфактур, отсутствовали капиталы, необходимые для развития сельского хозяйства и промышленности» [21, с. 433–435]. Христианское население подвергалось беспощадной эксплуатации. О тяжелом положении болгарского населения Видинского пашалыка в 1861 г. пишет чиновник канцелярии Азиатского департамента при Министерстве иностранных дел России М.А. Байков чрезвычайному посланнику и полномочному министру в Константинополе А.Б. Лобанову-Ростовскому: «Состояние церквей, монастырей и училищ довольно плачевное... В восточной части пашалыка христиане сносят своеволие турецких чиновников, а в западной, соприкосновенной с Сербией, они должны терпеть кроме турецкого своеволия насилие и подозрительность местной власти... Турки преимуществуют перед христианами и последние легко подвергаются злоупотреблениям властей... Христиане превосходят в числе мусульман и могут дать пропорцию как 3:1, т.е. $\frac{3}{4}$ всего населения составляют христиане, $\frac{1}{4}$ мусульмане... Настоящее положение христиан вообще несколько не улучшилось. С 1850 г., т. е. со времени бывших беспорядков в здешнем пашалыке, состояние христиан ухудшилось, особенно с последней в 1853–1856 гг. войны. Свидетельство христиан в судебных местах не принимается, ибо там действует Коран. И всякое дело, возникшее между мусульманином и христианином, оканчивается в пользу мусульманина, потому что христианин не может иметь других свидетелей кроме турок, но турок не будет свидетельствовать за христианина... Если бы христиан уважали и обращались бы с ними лучше, то им не приходилось бы говорить, что они не знают, где искать себе убежища и спасения» [13, с. 43–46].

Не удивительно, что в империи росло национально-освободительное движение покоренных народов, что, в свою очередь, актуализировало проблему Восточного вопроса. Как отмечал ученый-востоковед П.А. Чихачев в середине XIX в., «Великие державы, опираясь на право самых сильных, считают себя законными наследниками Турции. Их интересует не уничтожение турецкой тирании и не освобождение угнетенных народов,

а раздел империи между ними. Поэтому, с тех пор как существует вопрос о безнадежно больном, каждая из пяти великих держав озабочена прежде всего долей, которая может достаться соперникам; и, пока кажется, что соседу достанется больше, они не могли до сих пор и никогда не смогут договориться» [37, с. 174].

П.А. Чихачев был современником событий в Османской империи, в течение 20 лет в середине XIX в. путешествовал по ее территории, а с 1848 по 1863 г. провел восемь научных экспедиций по Малой Азии, опубликовал около ста работ, среди которых особую ценность получил его многотомный труд «Малая Азия» [5, с. 83]. Проблемы, поднимаемые П.А. Чихачевым, актуальны и в наши дни.

В 1865 г. в Османской империи возникло либерально-конституционное движение «новых османов», представители которого критиковали неограниченную власть султана и призывали к введению в стране конституции» [32, с. 13]. В «Манифесте мусульманских патриотов» подчеркивалось: «Если бы народности Турции не зависели от капризов монарха вроде султана Абдул-Азиза, а управлялись хорошим правительством, то вопрос о распрях между расами и религиями давно бы не существовал. Если бы нами управлял вместо деспота, считающего себя на самом деле представителем бога и им вдохновленным, монарх умный, опирающийся на совещательный орган, составленный из представителей всех рас и религий, Турция, на которую ныне не без основания смотрят как на помеху европейской цивилизации, могла бы без труда занять место, на которое она имеет право претендовать...» [22, с. 435–436].

В условиях роста освободительной борьбы усиливались репрессивные меры Порты по их подавлению. И это османское правительство объясняло стремлением сохранить единство империи. Панисламизм стал официальной идеологией империи последней трети XIX в.

После окончания Крымской войны Англия и Франция подписали Парижский договор с целью сохранения принципа «целостности и независимости Османской империи» [12, с. 430], что давало им возможность вмешиваться во внутренние дела империи.

Если до 1860-х гг. наиболее сильные позиции в Османской империи сохраняла Франция, то после Франко-прусской войны 1870–1871 гг. она уступила это место Австро-Венгрии, которая, пользуясь поддержкой Германии осваивала рынки Балканского полуострова.

В 1856 г. был основан Оттоманский банк, принадлежавший англо-французскому капиталу. В 1863 г. он был объявлен имперским банком и благодаря огромным привилегиям сумел фактически подчинить себе все финансы государства [21, с. 433–434]. Английские, французские,

австрийские акционеры соперничали между собой за стремление вложить свои капиталы в железнодорожное строительство, создание предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья, получение разного рода концессий на территории империи [26, с. 16]. В Турции в тот период было построено железнодорожных линий общей длиной около 2100 км. [1, с. 186]. Растущие финансовые затруднения заставляли османские власти прибегать к внешним займам, которые заключались на невыгодных для Порты условиях. Турция превращалась в полуколонию держав Запада.

Экономические позиции России в Османской империи после Крымской войны 1853–1856 гг. были слабы. Она стремилась восстановить утраченное после войны влияние в европейской Турции, использовала противоречия между западными странами, в частности Англией и Францией, особенно обострившиеся в азиатских и африканских владениях империи. Политика царской России в условиях роста освободительных устремлений покоренных народов империи была направлена на консолидацию балканских народов и оказание помощи в их борьбе [2, с. 38–40].

Исследователь Т.Н. Гелла отмечает, что Англия строила на Балканском полуострове свой внешнеполитический курс «в зависимости от расстановки сил на Ближнем Востоке, т.е. от усиления влияния там другой великой державы и ее возможного преобладания в Азии, которое могло нести угрозу для британских имперских коммуникаций» [8, с. 14]. Через Ближний Восток пролегли важнейшие коммуникации в Индию, поэтому, Великобритания стремилась сохранить территориальную целостность Османской империи. Как пишет В.Н. Виноградов, премьер-министр Великобритании Б. Дизраэли «в частной беседе выражал недовольство по поводу нерасторопности турок, которые никак не “закроют” Восточный вопрос простейшим способом – расправившись с повстанцами» [7, с. 130].

В 1870-е гг. национально-освободительное движение на Балканах нарастало – Босния, Герцеговина, Болгария... Апрельское восстание в Болгарии 1876 г. было жестоко подавлено властями [20]. В течение 20 дней было убито 15 тыс. человек, сожжено 60 сел, угнано до 50 тыс. голов скота [30, с. 31]. Жестокое подавление болгарских повстанцев получило большой международный резонанс. Около 200 авторитетных газет и журналов разных европейских стран опубликовали более 3000 статей о кровавых событиях в Болгарии и на Балканах [6, с. 54]. В Европе возникло мощное движение в защиту болгар и в целом южных славян. Борьбу болгарского народа поддержали известные европейские ученые, писатели, общественные деятели – Ч. Дарвин, В. Гюго, Л. Толстой, И. Тургенев, Н. Некрасов, Ф. Достоевский, Д. Менделеев, И.

Сеченов и др. Джузеппе Гарибальди в своем письме, направленном в Болгарское центральное благотворительное общество, подчеркивал, что «болгарский народ заслужил своим героизмом симпатии итальянцев» [25, с. 46]. Болгарский поэт, революционер Христо Ботев писал: «“Восточный вопрос” вступил в свою полную силу и ждет первого сигнала революции» [35, с. 76]. Он был убежден, что восстание в Боснии и Герцеговине явилось началом массовой вооруженной национально-освободительной борьбы южных славян. Нельзя не согласиться с мнением болгарского исследователя Христо Христова о том, что сходное социально-экономическое положение поработанных балканских народов в конце XVIII–XIX вв., одинаковые задачи, стоявшие перед ними, создали условия для взаимного идейного влияния и сотрудничества в освободительной борьбе [35, с. 91].

После поражения Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии положение в Сербии и Черногории стало еще более напряженным. Оно определялось высоким накалом борьбы в Боснии и Герцеговине, которые безжалостно опустошались османскими карателями. В Сербию стали направляться многочисленные добровольцы из России и Болгарии. В Белград без разрешения императора прибыл генерал-майор в отставке М. Г. Черняев – член петербургского Славянского комитета. Он принял сербское подданство и был назначен главнокомандующим сербской армии [28, с. 22]. После Апрельского восстания Россия открыто выступила в защиту южных славян. «Болгарский вопрос» встал на повестку дня Восточного вопроса. В российском журнале «Отечественные записки» отмечалось, что «на русском народе лежит долг отстоять свободу славян любой ценой» [31].

Российское правительство, стремясь усилить свои позиции на Балканском полуострове, активизировало политику в этом регионе. Она готова была оказать не только моральную помощь южным славянам, но и поддержку в достижении независимости. По оценке чрезвычайного полномочного посла России в Османской империи графа Н.П. Игнатьева, не боснийское и герцеговинское восстание, а восстание в Болгарии нанесло удар по Османской империи. В частности, в своем донесении Александру II от 7 (19) мая 1876 г. о подавлении Апрельского восстания в Болгарии он пишет: «Все заботы турок направлены на Болгарию, являющуюся основной житницей империи, и на то, что восстание наносит удар оттоманскому господству в Европе в самое сердце. Сюда со всех сторон массами направляются войска. Здесь уже больше 18 тыс. человек, над которыми сердарь экрем лично возьмет командование, чтобы самому руководить военными операциями и покончить как можно скорее с отрядами, укрепившимися на Балканах. Успокоенные в этом отношении турки смогут

затем более свободно вести переговоры об условиях умиротворения в Герцеговине» [14, с. 43–46].

Кстати, Н.П. Игнатъев ратовал за то, чтобы христиане в Турции своими силами добивались освобождения, но Россия должна была помогать их сплочению.

Исследователь В.М. Хевролина пишет о том, Н.П. Игнатъева на Западе обвиняли в панславизме, но в основе его панславизма Н.П. Игнатъева лежала оборонительная и объединительная идея [33, с. 106], направленная против политики османизации христианских народов империи [4, с. 128]. Балканская программа Н.П. Игнатъева не расходилась с политикой российского правительства, но разница была в методах ее реализации [33, с. 107].

Между тем положение христианских подданных империи ухудшалось. Н.П. Игнатъев, в должности директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел Российской империи, в октябре 1861 г. обратился к А.Б. Лобанову-Ростовскому, чрезвычайному посланнику и полномочному министру Российской империи в Константинополе, с письмом: «Порта, не оспаривая неотъемлемое право каждого оставлять свой край и переселяться в другое государство, предоставила это право и болгарским ее подданным... По дошедшим в последнее время до Министерства иностранных дел сведениям дело переселения встречает препятствия... Из донесений консула нашего в Адрианополе усматривается, что около 230 семейств болгар, распродавших свое имущество и совсем готовых ехать в Россию, остаются еще в Румелии, несмотря на позднее время года, и терпят всевозможные притеснения от турецких властей, которые на все представления консула нашего отзываются неимением инструкций отстоять от Порты» [29, с. 165].

Такого рода письма свидетельствуют о том, что графа Н.П. Игнатъева очень беспокоило бесправное положение славянского населения Балканского полуострова, а также подчеркивают тот факт, что даже в эпоху Танзимата, когда султанский рескрипт 1839 г. «Гюльханейский хатт-и-италия шериф» [11, с. 424–426], знаменовавший начало реформ, декларировал обеспечение подданным империи полной безопасности относительно их жизни, чести и имущества, положение христианского населения Османской империи не менялось к лучшему.

Н.П. Игнатъев всегда ставил на первое место интересы России. Он писал: «Удовлетворяться собственным гуманитарным успехом безрассудно и предосудительно» [16, с. 54].

Политика Великобритании в Восточном вопросе к осени 1876 г. была неопределенной, даже, как пишет болгарский исследователь Х. Христов, «нерешительной» [34, с. 17]. В британском правительственном кабинете не было выработано единой позиции по ближневосточной политике.

Россия имела союзников в лице Германии и Австро-Венгрии. Франция в 1871 г. проиграла войну с Пруссией и не могла вести активной политики на Ближнем Востоке, равно как и Италия. В этих условиях наиболее приемлемой для Великобритании была политика компромиссов с Россией, хотя премьер-министр Б. Дизраэли и королева Виктория были приверженцами более твердого политического курса на Востоке.

В ходе Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии Россия договорилась с Австро-Венгрией и Германией по поводу того, что будут осуществлены коллективные меры в отношении Порты для достижения гарантий национальных прав борющихся балканских народов. В апреле 1876 г. был подготовлен Берлинский меморандум турецкому правительству [23, 140–143]. Цель Меморандума заключалась в том, чтобы три имперские державы – Россия, Австро-Венгрия и Германия – рассмотрели состояние отношений между Османской империей и христианскими народами Балканского полуострова и попытались изменить их в лучшую для покоренных народов сторону. Берлинский меморандум требовал, чтобы Османская империя прекратила «военный ответ» славянским повстанцам в течение двух месяцев и провела реформы на Балканах.

Франция и Италия одобрили Меморандум, Великобритания отклонила [19, с. 28]. Премьер-министр Великобритании Бенджамен Дизраэли считал, что мероприятия, которые должна была осуществить Порта в соответствии с требованиями Берлинского меморандума, далеко за пределами возможностей султана, а сосредоточение войск на Балканах приведет к хаосу в империи. Возможно, причина неудачи коллективных мер России, Австро-Венгрии и Германии в отношении Порты заключалась в том, что они не получили британского одобрения, что обеспечило бы Берлинскому меморандуму единодушную поддержку западноевропейских держав.

Граф Н.П. Игнатъев не раз предупреждал султана Абдул-Азиза (1861–1876) о сложной ситуации в стране. Один из современников графа писал в своих воспоминаниях: «Русский посол в Царьграде оказался столь влиятельным, что сами турки то ли в шутку, то ли всерьез называли его первым после султана лицом в Османской империи – вселильным? московским пашой?» [18, с. 25].

30 мая 1876 г. текст Берлинского меморандума должен был быть вручен правительству Турции, но в Стамбуле «Общество новых османов» совершило государственный переворот и сместило султана Абдул-Азиза. 4 июня заключенный во дворец монарх был убит. Новое правительство заявило, что проведет глубокие реформы в империи.

После переворота 1876 года влияние Н.П. Игнатъева в Стамбуле ослабло. Султан Мурад V занял жесткую позицию по отношению к

восставшим народам Балканского полуострова. Вручение Берлинского меморандума было отсрочено, а вскоре и потеряло всякий смысл.

Напряженность между Османской империей и христианскими народами Балканского полуострова сохранялась, насилие продолжало распространяться на Болгарию, Сербию и Черногорию и достигло апогея к лету 1876 г. В июне 1876 г. Сербия и Черногория объявили Порте войну. Началась Сербско-турецкая война. В Сербии образовалась русская добровольческая бригада, в составе которой было 2500 болгарских добровольцев. Болгары летом 1876 г. подготовили меморандум к великим державам Запада, в нем заключалась просьба заступиться за болгарский народ, дать им возможность самим управлять своей страной в форме автономии в составе Османской империи. Болгарская делегация во главе с Д. Цанковым и М. Балабановым отправилась в европейские столицы за помощью [9, с. 414–415].

26 июня (8 июля) 1876 г. состоялась встреча императоров Александра II и Франца Иосифа. Россия хотела получить поддержку австрийского императора на случай обострения ситуации на Балканах. Стороны договорились, что будут придерживаться принципа невмешательства, но в случае победы Турции и ее стремлении сохранить прежние границы, потребуют предложенного по Берлинскому меморандуму устройства Болгарии, Боснии и Герцеговины. В случае же победы Сербии и Черногории усилились бы позиции Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине, а России – на Кавказе и Бессарабии [17, с. 100–102]. В вопросе о территориальных изменениях на Балканах у сторон были расхождения. Результаты переговоров, однако, не были закреплены в официальном протоколе [27, с. 66].

В Сербско-турецкой войне Турция победила. Возникла опасность вступления турецких войск в Белград. В октябре 1876 г. Россия предъявила ультиматум Турции с требованием немедленного заключения перемирия, гарантий автономии Болгарии и других поработенных южнославянских народов. Англия открыто выступила в защиту Турции. Н.П. Игнатъев не разделял веры А.М. Горчакова в «европейский концерт» и его эффективность для решения Восточного вопроса. Он писал: «Всякий раз, когда нам приходилось отстаивать правое дело, если только в нем были прямо или косвенно замешаны интересы России, мы всегда оставались одинокими перед лицом сплотившейся против нас Европы» [15, с. 298].

Император Александр II заявил, что, если великие державы не потребуют от Порты проведения реформ, Россия вынуждена будет применить военную силу. В такой обстановке было решено после консультаций между великими державами провести конференцию с целью

разрешения Балканского кризиса. Конференция должна была проходить в Стамбуле при участии шести великих держав и Турции. Россию представлял граф Н.П. Игнатъев [36, с. 58].

Ведущая роль на конференции принадлежала английскому лорду Солсбери и графу Игнатъеву. Представители Европы на конференции говорили о необходимости проведения реформ в империи с целью сохранения султаном ее единства. Главными противниками России на конференции были Англия и Австро-Венгрия. Их основная цель заключалась в том, чтобы, во-первых, не допустить создания единого болгарского государства даже в форме автономной провинции империи; во-вторых, ограничить болгарские владения на юге и западе. Великие державы договорились об автономии двух османских провинций Болгарии: Восточной и Западной, включая Македонию [10, с. 53].

Франция, Италия, частично Австро-Венгрия согласились с предложениями России. Наиболее непримиримая позиция была у Англии.

Османское правительство отклонило эти предложения, стало предлагать предложения по реформам. 18 января 1877 г. великий визирь Мидхат-паша объявил об окончательном отказе Османской империи принять решения конференции мотивируя тем, что в соответствии с принятой в 1876 г. конституцией в Турции будет избран парламент, а подданным империи предлагалось стать «османами» независимо от веры и национальности, т.е. предполагалось создать «османскую нацию». Таким образом, под предлогом реформ Порты предполагала начать широкую программу «переплавки» в «османском котле» все борющиеся за освобождение народы [24, с. 124–125]. А великие державы стали переходить к политике раздела Османской империи, как пишет О.И. Шмелева, «англо-австрийский блок активно выступил против программы России изменить статус-кво на Балканском полуострове с целью ликвидации османского государства» [38, с. 65].

Результаты и их обсуждение

В условиях роста освободительного движения на Балканах Россия выступала защитницей православного населения Балканского полуострова. Однако великие державы Запада в остром соперничестве за Балканы и в стремлении еще более укрепить свои позиции в империи, ревниво следили за ростом влияния России в регионе. Интересы всех империй, вовлеченных в Восточный вопрос, ассоциировались с национальными интересами и были связаны с геополитическими задачами государств, особенно это касается Российской и Британской империй. Вместе с тем России после Крымской войны необходимо было восстановить свой престиж и продвигаться к Черноморским проливам. Имперские идеи в тот период были сильны, они соответствовали национальным

интересам государств и в рассматриваемый исторический период сошлись в таком важном геополитическом регионе как Балканский полуостров.

Российское правительство не верило в реальность данных Портой обещаний. Война России с Турцией была неизбежна, особенно в условиях обращений южных славян к России с просьбами о помощи. К тому же Россия была уверена в нейтралитете стран Запада в предстоящей войне. Дипломатические средства воздействия на Порту были исчерпаны. Россия в этой войне не преследовала завоевательных целей, территориальных приращений, главной ее задачей было освобождение южных славян от османского гнета.

Отечественный болгарист Л.В. Горина пишет: «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. была десятым по счету столкновением двух империй, разительно отличавшихся от девяти предыдущих: если ранее их целью было решение территориальных проблем двух соседних держав, то в войне 1877–1878 гг. в центре стоял Балканский вопрос. Главное историческое значение этой войны

состояло в том, что она положила конец пятивековому османскому владычеству на Балканах и стала Освободительной в полном величии этого слова. В судьбах народов Балканского полуострова – болгар, сербов, боснийцев, черногорцев, румын – она сыграла исключительную роль» [10, с. 55].

Заключение (выводы)

Кульминацией Сербско-турецкой войны и фактическим провалом Константинопольской конференции стало участие России в войне 1877–1878 гг., которая не была некоей внешнеполитической комбинацией, а стала закономерной развязкой острейшей проблемы Восточного вопроса – попыткой решить вопрос о судьбах христианских подданных империи, прекращения посягательств османских властей на человеческие и национальные права покоренных народов.

Однако в изменившихся условиях конца XX – начала XXI вв. тема Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а также роли России на Балканах стала предметом политических манипуляций.

Список литературы

1. Беров А. Источники восточной железницы в Българиа. 1873–1908 // Исторически преглед. София, 1959. № 1.
2. Блуднова Е.Ю. Мемуары Н.П. Игнатъева как исторический источник // Вестник РУДН. Серия «История России». 2006. № 3. С. 34–40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/memuary-grafa-n-p-ignatieva-kak-istoricheskiy-istochnik/viewer>.
3. Вартањян Э.Г. История Турции. Монография. Краснодар: КубГУ, 2013. –611 с.
4. Вартањян Э.Г. Эпоха зулума и ее последствия для нетурецких народов Османской империи // Актуальные проблемы стран Запада и Востока в Новое и Новейшее время. Краснодар: КубГУ, 2017. С. 127–140.
5. Вартањян Э.Г. П.А. Чихачев о соперничестве великих держав за влияние в Османской империи в середине XIX в. // Черноморско-Средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: история, политика, культура /Материалы Международной научно-правтической конференции. Судак, 13–15 мая 2022. Краснодар: КубГУ, 2022.
6. Василев Ат. Васил. История на Българиа. София: БАН, 1981. – 180 с.
7. Виноградов В.Н. Британский лев на Босфоре. М.: Наука, 1991. – 160 с. URL: <https://in-slav.ru/publication/vinogradov-v-n-britanskiy-lev-na-bosfore-m-1991>
8. Гелла Т.Н. Имперский фактор в дискурсе британских и российских политиков и интеллектуалов в 70-х годах XIX века // Ученые записки Орловского государственного университета. № 4 (85). 2019. С. 13–18. URL: http://oreluniver.ru/public/file/archive/4_85.pdf
9. Генчев Н. Българското Възраждане. София: «Иван Вазов», 1995. – 448 с.
10. Горина Л.В. Русско-турецкая война 1877–1878 гг.: российско-болгарские научные встречи // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2012. № 5. С. 51–70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russko-turetskaya-voyna-1877-1878-gg-rossijsko-bolgarskie-nauchnye-vstrechi>.
11. Гюльханейский хатт-и-шериф (3/XI. 1839) // Хрестоматия по Новой истории. В 3 т. Т. 2. Москва: Мысль, 1965. С. 424–426.
12. Договор между Англией, Францией и Австрией о гарантиях целостности Османской империи (15/IV.1856 г.) // Хрестоматия по Новой истории. В 3 т. Т. 2. Москва: Мысль, 1965.
13. Донесение от М.А. Байков до А.Б. Лобанов-Ростовски за социально-политически живот на население във Видински пашалък и с конкретни предложения за подобряване на положението на работено българско население. 1861, февруари 8, Видин // Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. София: БАН, 1987. Т. I. Часть 2.
14. Донесение Н.П. Игнатъева Александру II о подавлении Апрельского восстания в Българиа. 1876 г. 7 (19) мая // Освобождение Българиа от турецкого ига. Документы. В 3-х т. Т.1. Москва: АН СССР, 1961.
15. Игнатъев Н.П. Записки // Русская старина. 1915. № 2.
16. Игнатъев Н.П. Записки // Исторический вестник. 1914. № 1.

17. История на дипломатията. Т. 2. София: Българската работническа партия, 1965.
18. Канева Калина. Рыцарь Балкан граф Н.П. Игнатъев. Москва: Центрполиграф, 2006. – 522 с.
19. Киняпина Н.С. Основни етапи в политиката на Русия во време на източната криза през 70-те години на XIX в. // Освобождението на България. София: БАН, 1982. – 224 с.
20. Косев К.Д., Жечев Н., Дойнов Д. История на Априлското въстание 1876. София: Проф. Марин Дринов, 2006. – 521 с.
21. Маллинген Фрелерик. Проникновение иностранного капитала и усиление зависимости Турции от европейских держав // Хрестоматия по Новой истории. В 3 т. Т. 2. Москва: Мысль, 1965.
22. Манифест мусульманских патриотов // Хрестоматия по Новой истории. В 3 т. Т. 2. Москва: Мысль, 1965.
23. Меморандум России, Германии и Австро-Венгрии по Балканским делам. Берлин. 1/3 мая 1876 г. // Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). Москва: Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 140–143.
24. Митев Й. Турската конституция от 1876 г. и българският въпрос // България и европейските страни през XIX – XX в. София: БАН, 1975. – 336 с.
25. Митев Й. Дипломатическата конференция в Цариград 1876 г. и българският въпрос // Освобождението на България. София: БАН, 1982. – 304 с.
26. Младенов Д. Поява на фабричен пролетариат в България. София: Профиздат, 1961.
27. Муртузалиев С.И., Магомедова М.А. Дипломатическая и административная деятельность России в Болгарии (1850–е–1885 гг.). Махачкала: Формат, 2010. – 206 с.
28. Нарочницкая Л.И. Россия и национально-освободительное движение на Балканах. 1875–1878. Москва: Наука, 1979. – 144 с.
29. Нарездане от Н.П. Игнатиев до А.Б. Лобанов-Ростовски до настоява пред османското правителство за отстраняване на пречките от страна на местните власти за придвижване на преселниците в Русия. 1861, октомври 20, С. Петербург // Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. София: БАН, 1987. Т. I. Часть 2.
30. Овсяный Н.Р. Болгария // История Болгарии. Москва: Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. – 337 с.
31. Отечественные записки, 1876. № 9.
32. Петросян Ю.А. «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. Москва: Изд-во вост. лит., 1958.
33. Хевролина В.М. Российский дипломат граф Н.П. Игнатъев: личность, программа, тактика // Труды Института российской истории. Вып. 6 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А.Н. Сахаров. Москва: РАН, 2006.
34. Христов Хр. Русия, западни държави и освобождението на България от османско владичество // Освобождението на България. София: БАН, 1982. – 304 с.
35. Христов Хр. Към въпроса за ролята външните сили в стратегията на националната революция // Проблеми на Българското Възраждане. София: БАН, 1981. – 338 с.
36. Христов Хр. Освобождението на България и политиката на западните държави. София: БАН, 1968.
37. Чихачев П.А. Великие державы и Восточный вопрос. Москва: Наука, 1970.
38. Шмелева О.И. Политика Великобритании на Балканах в конце XIX в. (1874–1897): дис. на соиск. уч. степ. Канд. ист. наук. Рязань, 2004. – 211 с. URL: <http://www.dslib.net/vseobwaja-istoria/politika-velikobritanii-na-balkanah-v-konce-xix-veka.html>.

THE NATIONAL CONCLUSION FIGHT IN THE BALKANS IN THE 1860S - 1870S. AND POSITIONS OF THE GREAT POWERS ON THE EVE OF THE RUSSIAN-TURKISH WAR

The Republic of Turkey is currently playing an active role on the world stage, strengthening its position as a regional leader and quickly responding to international events. For the territory of the Ottoman Empire, control over the Bosphorus and the Dardanelles, there has always been a fierce rivalry between the great powers, this was especially acute between Great Britain and Russia. History shows that the confrontation between the countries of the West and Russia, which began in the early modern period, continues to the present, regardless of the region. In this context, the author addresses the issue of the struggle of the great powers to strengthen their positions in the strategically important areas of the Ottoman Empire in the last third of the 19th century. The author sets out to show the rivalry of the great powers for strengthening their positions in the Ottoman Empire in the 1860s-1870s in the context of the growth of the liberation aspirations of the conquered peoples of the Balkan Peninsula, which led to another aggravation of the problem of the Eastern Question. It is shown that the national liberation struggle of the conquered peoples was a bargaining chip in the geopolitical game of the great powers. The motives for the participation of the great powers in resolving the Eastern Question, attempts to diplomatically put pressure on the Port on the eve of the Russian-Turkish war of 1877–1878 are revealed. It is concluded that Russia had exhausted all diplomatic methods of influencing Porto before declaring war on it in 1877, ending the Turkish-Ottoman legal dominion of the Bulgarians over the Balkans. The methodological basis of the article is the general scientific principles of historicism and objectivity, as well as a combination of comparative historical, historical systemic and historical genetic methods. The empirical basis of the study is a set of documents that made it possible to objectively assess the positions of the great powers in their struggle for the territory of the Ottoman Empire, to show the intricacies of their policies and rivalry on the eve of the Russian-Turkish war of 1877–1878.

Keywords: Russia, England, France, Austria-Hungary, Germany, Bulgaria, Eastern Question, N.P., Ignatiev, South Slavs, autonomy.

References

1. Berov A. (1959). Iztochnike vostochnogo zheleznici v B"lgariya. 1873–1908 [Iztochnik vostochny zheleznitsa in Bulgaria. 1873–1908] // Istoricheski pregled. Sofiya, № 1.
2. Bludnova E.YU. (2006). Memuary N.P. Ignat'eva kak istoricheskij istochnik [Memoirs of N.P. Ignatiev as a historical source] // Vestnik RUDN. Seriya «Istoriya Rossii». № 3. S. 34–40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/memuary-grafa-n-p-ignatieva-kak-istoricheskij-istochnik/viewer>.
3. Vartanyan E.G. (2013). Istoriya Turcii [History of Turkey]. Monografiya. Krasnodar: KubGU. – 611 s.
4. Vartanyan E.G. (2017). Epoha zulyuma i ee posledstviya dlya netureckih narodov Osmanskoj imperii [The epoch of Zulum and its consequences for the non-Turkish peoples of the Ottoman Empire] // Aktualnye problemy stran Zapada i Vostoka v Novoe i Novejshee vremya. Krasnodar: KubGU. С. 127–140.
5. Vartanyan E.G. (2022). P.A. Chihachev o sopernichestve velikih derzhav za vliyanie v Osmanskoj imperii v seredine XIX v. [P.A. Chikhachev on the rivalry of the great powers for influence in the Ottoman Empire in the middle of the nineteenth century] // Chernomorsko-Sredizemnomorskij region v kontekste nacionalnyh interesov Rossii: istoriya, politika, kultura /Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-pravticheskoj konferencii. Sudak, 13–15 maya 2022. Krasnodar: KubGU.
6. Vasilev At. Vasil. (1981). Istoriya na B"lgariya [History on Bulgaria]. Sofiya: BAN. – 180 s.
7. Vinogradov V.N. (1991). Britanskiy lev na Bosfore [The British lion on the Bosphorus]. M.: Nauka. – 160 s. URL: <https://inslav.ru/publication/vinogradov-v-n-britanskiy-lev-na-bosfore-m-1991>
8. Gella T.N. (2019). Imperskiy faktor v diskurse britanskih i rossijskih politikov i intellektualov v 70-h godah XIX veka [The imperial factor in the discourse of British and Russian politicians and intellectuals in the 70s of the XIX century] // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo univresiteta. № 4 (85). S. 13–18. URL: http://oreluniver.ru/public/file/archive/4_85.pdf
9. Genchev N. (1995). B"lgarskoto V"zrazhdane [Bulgarskoto Vzrazhdane]. Sofiya: «Ivan Vazov». – 448 c.
10. Gorina L.V. (2012). Russko-tureckaya vojna 1977–1878 gg.: rossijsko-bolgarskie nauchnye vstrechi [Russo-Turkish war of 1977–1878: Russian-Bulgarian scientific meetings] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya. № 5. S. 51–70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russko-turetskaya-voyna-1877-1878-gg-rossiysko-bolgarskie-nauchnye-vstrechi>.
11. Gyulhanejskiy hatt-i-sherif (3/XI. 1839). (1965). [Gulkhaneysky hatt-i-sheriff (3/XI. 1839)] // Hrestomatiya po Novoj istorii. V 3 t. T. 2. Moskva: Mysl. S. 424–426.
12. Dogovor mezhdru Anglij, Franciej i Avstriej o garantiyah celostnosti Osmanskoj imperii (15/IV.1856 g.). (1965). [The treaty between England, France and Austria on guarantees of the integrity of the Ottoman Empire (15/IV. 1856)] // Hrestomatiya po Novoj istorii. V 3 t. T. 2. Moskva: Mysl.
13. Donesenie ot M.A. (1987). Bajkov do A.B. Lobanov-Rostovski za social-no-politicheski zhivot na naselenie v"v Vidinski pashal"k i s konkretnii predlozheniya za podobryavane na polozhenieto na poraboteno b"lgarsko naselenie. 1861, fevruari 8, Vidin. [A report from M.A. Baykov to A.B. Lobanov-Rostovsky for the socio-political belly on the population in Vidinsky pashalk and with concrete proposals for podobryavane on the situation on the enslaved Bulgarian population. 1861, February 8, Vidin] // Rusiya i b"lgarskoto nacionalno-osvoboditelno dvizhenie. 1856–1876. Dokumenti i materiali. Sofiya: BAN. T. I. Chast' 2.
14. Donesenie N.P. Ignateva Aleksandru II o podavlenii Aprelskogo vosstaniya v Bolgarii. 1876 g. 7 (19) maya. (1961). [N.P. Ignatiev's report to Alexander II on the suppression of the April uprising in Bulgaria. 1876, May 7 (19)] // Osvobozhdenie Bolgarii ot tureckogo iga. Dokumenty. V 3-h t. T.1. Moskva: AN SSSR.
15. Ignat'ev N.P. (1915). Zapiski [Ignatiev N.P. (1915). Notes] // Russkaya starina. № 2.
16. Ignat'ev N.P. (1914). Zapiski [Ignatiev N.P. (1914). Notes] // Istoricheskij vestnik. № 1.
17. Istoriya na diplomaciyata (1965). [History on the diploma]. T 2. Sofiya: B"lgarskata rabotniceska partiya.
18. Kaneva Kalina. (2006). Rycar Balkan graf N.P. Ignat'ev [Knight of the Balkans Count N.P. Ignatiev]. Moskva: Centrpoligraf. – 522 c.
19. Kinyapina N.S. (1982). Osnovni etapi v politikata na Rusiya vo vreme na iztochnata kriza prez 70-te godini na XIX v. [Osnovni etapi v politikata na Rusia v vremya na iztochnata kriza prez 70-te godini on the XIX century] // Osvobozhdenieto na B"lgariya. Sofiya: BAN. – 224 c.
20. Kosev K.D., ZHechev N., Dojnov D. (2006). Istoriya na Aprilskoto v"stanie 1876 [History on April 1876]. Sofiya: Prof. Marin Drinov. – 521 c.
21. Mallingen Frelerik. (1965). Proniknovenie inostrannogo kapitala i usilenie zavisimosti Turcii ot evropejskih derzhav [The penetration of foreign capital and the strengthening of Turkey's dependence on European powers] // Hrestomatiya po Novoj istorii. V 3 t. T. 2. Moskva: Mysl.
22. Manifest musulmanskih patriotov (1965). [Manifesto of Muslim patriots] // Hrestomatiya po Novoj istorii. V 3 t. T. 2. Moskva: Mysl.
23. Memorandum Rossii, Germanii i Avstro-Vengrii po Balkanskim delam. Berlin. 1/3 maya 1876 g. (1952). [Memorandum of Russia, Germany and Austria-Hungary on Balkan affairs. Berlin. 1/3 May 1876] //

Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami (1856–1917). Moskva: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury. S. 140–143.

24. Mitev J. (1975). Turskata konstituciya ot 1876 g. i b"lgarskiyat v"pros [Turskata constitution of 1876 and Bulgarian entry] // B"lgariya i evropejskite strani prez XIX – XX v. Sofiya: BAN. – 336 c.

25. Mitev J. (1982). Diplomaticeskata konferenciya v Carigrad 1876 g. i b"lgarskiyat v"pros [Diplomatic conference in Tsarigrad 1876 and Bulgarian entry] // Osvobozhdenieto na B"lgariya. Sofiya: BAN. – 304 c.

26. Mladenov D. (1961). Poyava na fabrichen proletariat v B"lgariya [Appeared on the factory proletariat in Bulgaria]. Sofiya: Profizdat.

27. Murtuzaliev S.I., Magomedova M.A. (2010). Diplomaticeskaya i administrativnaya deyatelnost' Rossii v Bolgarii (1850-e – 1885 gg.) [Diplomatic and administrative activity of Russia in Bulgaria (1850s – 1885)]. Mahachkala: Format. – 206 c.

28. Narochnickaya L.I. (1979). Rossiya i nacionalno-osvoboditelnoe dvizhenie na Balkanah. 1875–1878 [Russia and the National liberation movement in the Balkans. 1875–1878]. Moskva: Nauka. – 144 c.

29. Narezhdane ot N.P. Ignatiev do A.B. Lobanov-Rostovski do nastoyava pred osmanskoto pravitelstvo za odstranyavane na prechkite ot strana na mestnite vlasti za pridvizhvane na preselencite v Rusiya. 1861, oktombri 20, S. Peterburg // Rusiya i b"lgarskoto nacionalno-osvoboditelno dvizhenie. 1856–1876 (1987) [In Azerbaijan from N.P. Ignatiev to A.B. Lobanov-Rostovsky to insist on the Ottoman rule for the removal of the people on the prechkit from the country on the local authorities for the pridvizhvane on the preselencite in Russia. 1861, octombri 20, St. Petersburg]. Dokumenti i materialy. Sofiya: BAN. T. I. Chast' 2.

30. Ovsyanyj N.R. (2002). Bolgariya [Bulgaria] // Istoriya Bolgarii. Moskva: Monolit-Evrolinc-Tradiciya. – 337 c.

31. Otechestvennye zapiski. (1876). [Domestic conclusions notes]. № 9.

32. Petrosyan YU.A. (1958). «Novye osmany» i borba za konstituciyu 1876 g. ["New Ottomans" and the struggle for the Constitution of 1876]. Moskva: Izd-vo vost. lit.

33. Hevrolina V.M. (2006). Rossijskij diplomat graf N.P. Ignatev: lichnost, programma, taktika [Russian diplomat Count N.P. Ignatiev: personality, program, tactics] // Trudy Instituta rossijskoj istorii. Vyp. 6 / Rossijskaya akademiya nauk, Institut rossijskoj istorii; otv. red. A.N. Saharov. Moskva: RAN.

34. Hristov Hp. (1982). Rusiya, zapadnie d"rzhavi i osvobozhdenieto na B"lgariya ot osmansko vladichestvo [Russia, western Rust and liberation of Bulgaria from Ottoman rule] // Osvobozhdenieto na B"lgariya. Sofiya: BAN. – 304 c.

35. Hristov Hp. (1981). K"m v"prosa za rolyata v"nshnite sili v strategiyata na nacionalnata revolyuciya [Km vprosa za rolyata vnshnite sili in strategiyata na nacionalnata revolyucii] // Problemi na B"lgarskoto V"zrazhdane. Sofiya: BAN. – 338 c.

36. Hristov Hr. (1968). Osvobozhdenieto na B"lgariya i politikata na zapadnite d"rzhavi [The liberation of Bulgaria and the politiccate in the trap of rust]. Sofiya: BAN.

37. CHihachev P.A. (1970). Velikie derzhavy i Vostochnyj vopros [The Great Powers and the Eastern Question]. Moskva: Nauka, 1970.

38. SHmeleva O.I. (2004). Politika Velikobritanii na Balkanah v konce XIX v. (1874–1897) [The policy of Great Britain in the Balkans at the end of the nineteenth century (1874–1897)]: dis. na soisk. uch. step. kand. ist. nauk. Ryazan. – 211 s. URL: <http://www.dslib.net/vseobwaja-istoria/politika-velikobritanii-na-balkanah-v-konce-xix-veka.html>.

Об авторе

Вартаньян Эгнара Гайковна – профессор, доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета, кафедра всеобщей истории и международных отношений (Россия), E-mail: vartaneg@yandex.ru

Vartanyan Egnara Gaikovna – professor, doctor of historical sciences, professor of the Kuban State University (Russia), E-mail: vartaneg@yandex.ru

Вырупаева А.П., кандидат исторических наук, Международный Институт Дизайна и Сервиса (Россия)

СОВЕТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ ПРОТИВ «ВОЛШЕБСТВА»: БОРЬБА СО СКАЗКОЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ

Советская детская литература 1920-х гг. вызывает большой интерес различных исследователей. В поле зрения историков, как правило, попадает тема пропаганды в тех или иных её измерениях. Особо востребованным оказываются темы властной символики и подчинения, образы вождей, врагов и друзей, транслируемых пореволюционной детской литературой. В этой связи особый интерес для исследователя представляет сказка с её ярким миром образов. В 1920-е гг. в СССР развернулась острая дискуссия по вопросу о необходимости сказки для детского чтения. Возражения критиков вызывали сказочные образы и мотивы, которые, с их точки зрения, противоречили идеям построения нового советского общества. Сказка изобиловала такими враждебными советской идеологии компонентами, как волшебство, магия, сентиментальность, представители высшего света. В числе нападавших оказалась Надежда Крупская, в числе держащих оборону – Корней Чуковский. Предложенная статья анализирует такие стороны дискуссии, как соотношение идеологических требований большевистской власти, с одной стороны, и классических сказочных персонажей и сюжетов, с другой. Значительная часть волшебных героев и сюжетов пришла в противоречие с такими идеологическими советскими максимумами, как эгалитаризм и материализм. В число неугодных записали целый ряд привычных персонажей, среди которых оказались Иван-Царевич, «тёмные силы» и некоторые животные.

Ключевые слова: детская литература, сказка, идеология, пионер, октябрятя, реализм, Корней Чуковский, Надежда Крупская, «Мурзилка», Баба-Яга, серый волк.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-47-54

Введение

Многие зрители помнят знаменитую фразу кота Матроскина:

«Неправильно ты, дядя Фёдор, бутерброд ешь. Ты его колбасой сверху держишь, а надо колбасой на язык класть – так вкуснее получится...».

Но значительно меньше знают, что подобный сюжет возникал в отечественном культурном пространстве, как минимум, ещё один раз задолго до появления замечательного советского мультфильма.

Владимир Гиляровский – известный репортёр и писатель – в 1927 г. в своей книге воспоминаний «Мои скитания» изобразил в чём-то схожий эпизод, когда он – молодой житель царской России – получил от «пропойцы-зимогора» в одном из деревенских кабаков следующий урок:

«Это называется бутерброд, стало быть, хлеб внизу, а печёнка сверху. Язык – орган вкуса. Так ты вот до сей поры зря жрал, а я тебя выучу, век благодарен будешь и других уму-разуму научишь. Вот как: возьми да переверни, клади бутерброд не хлебом на язык, а печёнкой» [9. С.107-108].

Кочевание сюжетов и приемов в народной и авторской литературе – дело известное и естественное. В этом отношении советская детская литература 1920-х гг., когда собственно происходило её становление, не являлась исключением. Однако большевистская власть, взявшаяся за создание «нового человека», выбрала в это время курс на борьбу со многими «старыми» и «сомнительными» элементами в детской поэзии и прозе. В 1920-е гг.

объектом усиленной критики оказалась сказка – жанр фольклорного и авторского творчества, особенность которого – в установке на чудесный вымысел. Атака на сказку была вполне понятна: данный жанр изобиловал враждебными советской идеологии элементами, начиная от волшебства и логики абсурда и заканчивая царевичами.

Объекты и методы исследования

Объектом изучения данной статьи выступает литературно-художественное творчество советских авторов, создававших свои тексты для детской аудитории в разгар спора о надобности сказки во второй половине 1920-х гг.

В качестве основного метода анализа применяется метод истории понятий (прежде всего речь идёт о подходе, представленном англосаксонской школой «History of Concepts»), которая рассматривает текст как практическое действие. В рамках такого подхода текст можно воспринимать не только как средство коммуникации, но и целенаправленное действие, цель которого – формировать «новую реальность» (например, приемлемые нормы поведения) и побуждать адресата к действию.

Результаты

Начало процессу борьбы со сказкой было положено в 1918 г., когда лидеры Пролеткульта¹ выступили против включения фольклорных сказок в список чтения для детей: сказки-де прославляют царей, «поддерживают буржуазные идеалы», «развивают болезненное воображение» [Цит. по: 4. С.7], подготавливают к религии. Затем последовало

© Вырупаева А.П.

© Вырупаева А.П.

¹ Пролеткульт (Пролетарские культурно-просветительские организации) – массовая культурно-просветительская и литературно-художественная организация пролетарской самодеятельности при Народном комиссариате просвещения, существовавшая с 1917 по 1932 гг.

несколько сочинений на тему о необходимости создания «своей» – пролетарской – сказки. Наконец, в 1924 г. появились «Требования к изданию детской литературы» [24], строго разграничившие «старое» и «новое». Согласно данным требованиям, опубликованным в «Бюллетене Главлита», советским детским авторам необходимо было отказаться от «нездоровой фантастики», «мистики», «чудесных выходов из затруднительного положения», «реставрации монархизма» в лице «добрых королей и... царевен», «либерально-демократической общечеловечности» и многого другого [24]. Взамен должны были появиться «здоровый научный подход к изучению мира», «борющиеся пролетариат и крестьянство», «максимум внимания трудовым процессам» [24]. Таким образом, материализм и классовое сознание заступали на место волшебства и классовых врагов.

Брошенный властью клич, усиленный репрессивными мерами, получил отклик в виде массового издания произведений о труде в духе реализма.

Во второй половине 1920-х гг. в СССР появилась целая серия книг, название которых началось со слова «как»: «Как рубанок сделал рубанок», «Как рубашка в поле выросла», «Как Сенька Ёжик сделал ножик», «Как свёкла стала сахаром» и т.д. Само название – деятельное по смыслу и построению фразы – уже говорило о трудовой и реалистической подоплёке предложенной литературы. В целом же детские книги о труде носили более лаконичные названия: «Хлопок», «Бумага», «Чашка чая» и т.д. В данных произведениях присутствовал подробный и занимательный рассказ о производстве и соответствующей социальной среде. На рубеже 1920-30-х гг. производственная тематика дополнилась книгами про колхозы и пятилетку. Детская литература окончательно вышла за пределы ограниченного мира комнаты [3].

Однако борьба за новые идеалы была связана не только с созданием литературы о труде, но и с развенчанием старых «идолов», особенно в изобилии населявших детские сказки.

В 1925 г. вышла книга «Октябрёнок-пострелёнок» [1], главный герой которой презрительно «фыркал» на всех традиционных сказочных персонажей.

В этой книге сначала Пострелёнок встречает Ивана-Царевича, который – что символично – выскакивает из витрины книжного магазина и просит о помощи:

Много лет меня подряд
В сказках разные враги
В заточении томят [1].

Герой реагирует классово верно, отказывая в помощи символу многолетней единоличной власти – «попил кровушки и будет» [1].

Отметим, что борясь с царевичами и принцессами, советские авторы 1920-х годов всегда делали упор на их эксплуататорскую сущность и

эгоизм: «Он не думал, что есть бедняки в его царстве. Яблоков золотых никому не дал. Скатерть-самобранку никому не развернул. Всё только себе да себе» [16.С.11].

Далее на пути Октябрёнка-Пострелёнка встретился другой символ прошлого, окутанный ореолом суеверия и мистики – Баба-Яга костяная нога. Старая леди традиционно сделала гастрономический ход, предложив прыгнуть ей в рот – «прыгай, лапушка» и в качестве весомого аргумента добавила, что она – «чёрту бабушка» [1]. Но советскую молодёжь не смутить: «Чёрта – нет. Ты брось обман, это всё один дурман», – парировал Пострелёнок [1]. Здесь автор следовал официальному дискурсу, неизменно характеризовавшему всё потустороннее наркотическими категориями как «религиозный и иной гашиш» [24].

Последней на пути октябрёнку встретилась фея. Спустившаяся с неба волшебница объявила, что у неё есть подарки: ковёр-самолёт, конёк-горбунок и скатерть-самобранка. Герой возмутился: ему ли – жителю страны прогресса – предлагать такую ветошь? Гордо он заявляет, что «ваш ковёр-самолёт перешибёт наш „Добролет“» [1], скатерть-самобранку – ассортимент «Нарпита», а услуги конька-горбунка – электрифицированный трамвай. Юный ленинец уверен – «гражданка-фея» не годится нынче для передовой Москвы: фея и её подарки превращаются в символ отсталых благ.

Как видно данное произведение полностью соответствовало «Требованиям к детской литературе»: проводило идею борьбы с «царизмом» и «мистикой», беря курс на «волю к переустройству». В произведении юному читателю давалась чёткая установка на широкие возможности советского трудового человека, который строит, покоряет пространства и живёт в довольствии без чужой чудесной помощи – только благодаря собственным усилиям. Место пассивного ожидания волшебства занимали идеалы самостоятельной и продуктивной деятельности.

Символично, что сами советские достижения при этом часто подавались как настоящее чудо, по крайней мере, в отношении сроков их реализации и ожидания грандиозного результата.

Ольга Берггольц, вспоминая о строительстве первой советской электростанции – Волховстроя – писала об этом как о «легендарной были» [5. С.12,16]. Воспроизводя в своих воспоминаниях разговор, услышанный ею в 8-летнем возрасте в поезде, она передала это в настроении собеседников:

«... сила от этого света будет, от электричества, страшная сила. Этой силе всё подвластно: ею и железо можно точить, и машины двигать, и пахать... да не так, как мы сейчас сохой ковыряем, а тыщи вёрст зараз поднимать» [5. С.13].

Электричество в данном случае воспринималось, как нечто чудесное и всемогущее, способное

разрешить все трудности в одно мгновение: «зараз».

Особенно громко мотив чудесного свершения зазвучит в советской литературе в отношении быстро растущих объектов сталинских пятилеток. «За пять лет мы догоним и перегоним вас», – говорили советские рабочие в одном из детских рассказов 1931 г., обращаясь к жителям промышленно развитой Европы [26. С.56]. Откуда росли корни этой наивной веры, что за столь короткий срок – всего пять лет – можно совершить промышленный рывок? Не сказывалось ли здесь возможное влияние сказок, в которых ковёр-самолёт моментально доставлял героев в пункт назначения, а скатерть-самобранка радовала изобилием, возникавшим буквально на пустом месте?

Максим Горький в своём очерке 1929 года «По Союзу Советов», описывая достижения «свободного, коллективного труда» [10.С.121] в СССР, не мог отделаться от параллелей со сказкой. При этом он подчёркивал, что речь идёт про «действительные» рукотворные чудеса, среди которых писатель называл радио и самолёт. По Горькому, не «неведомая сила», а «тяжёлая трудовая рука» творила все эти чудеса:

«Уже скучно слушать о „ковре-самолёте“, когда в небе гудит аэроплан, и „сапоги-скороходы“ не могут удивить... - дети знают, видят, что вся фантастика сказок воплощена отцами в действительность и что отцы совершенно серьёзно готовятся лететь на луну» [10.С.133].

Горький считал, что фигуры сказочных богатырей и их подвиги легко можно заменить рассказами «о героических битвах Красной Армии» и о «подвигах партизан, в которых чудесного не меньше, чем в любой страшной сказке» [10. С.133].

В 1925 г. в СССР появится ещё один печальный борец со всем сказочным: сборник «Октябрюта» [2], в котором поведётся борьба с традиционными детскими страхами. Первой на очереди окажется Баба-Яга.

В одной из пьес сборника произойдёт сценическое разоблачение старой ведьмы: девочка, исполняющая роль Яги, заявит зрителям со сцены, что её внешний вид – сплошная бутафория: ей «прилепили» кривой нос, «из ваты – клоки седых волос» [2. С.9]. И в качестве резюме:

Теперь малютка-октябрёнок
И самый крошечный ребёнок,
Когда ещё кричит агу,
Не верит в бабушку Ягу [2. С.9].

Подобное разоблачение нечистой силы на театральном подмостке произойдёт ещё в одной советской пьесе нарочито озаглавленной «Эй, сказка, на пионерский суд» (1925). В ней пионеры будут

судить популярных сказочных персонажей – от Ивана-царевича до чертей. У последних на сцене оторвутся хвосты, а затем «отклеятся» рога и копыта. «Жулики, а не черти!», – заявит материалистически настроенный советский юный зритель [16.С.14].

В стихотворении про мальчика Кима упомянутого сборника будет развенчан ещё один распространённый детский страх. Бабушка носитель «старого» порядка – напугает главного персонажа буквой, поедающего неспящих детей. После бабушкиных наставлений её внуку ожидаемо приснится бука:

«Кочерга, ухват у буки, – это, видите ли, руки, и подумайте, кто бы мог! – самовар вместо ног» [2. С.18].

Но в отличие от персонажа Корнея Чуковского, встретившего оживший умывальник, герой не станет спасаться бегством, а расправится с сюрреалистическим видением, заявив, что это – всего лишь мебель:

Этот ужаса образчик –
Просто низкий плоский ящик
Дело дедушкиных рук,
Стыдно тем, кто верит в бук [2. С.18].

Кстати, согласно данным опросов, проведенных среди людей, детство которых пришлось на 1920-30-е гг., в качестве главной «страшилки», которую использовали взрослые, чтобы приструнить непослушных детей довольно часто выступал представитель потустороннего мира. Так, в воспоминаниях одного респондента из Челябинска, рождённого в 1924 г., в детстве его чаще всего пугали чёртом [15].

Не случайно, в рассказе «Ванькины страхи» (1927) главному герою, деревенскому мальчику Ваньке повсюду чудятся бабушкины «страшилища»: домовые, ведьмы, черти [6.С.22]. Именно из-за страха перед ними герой попадает в комичное положение, испугавшись дома пыхтящего в темноте теста. В отличие от Ваньки пионеры ничего не боятся и даже во время ночного выпаса лошадей не дрожат от страха под тулупом, а «смеются, шутят, песни поют» [6.С.22]. Борясь с суеверием, рассказ параллельно агитирует за принадлежность к «правильному» коллективу. Авторитет бабушки и в целом семьи вытесняется авторитетом советской власти и её организаций: ведь не бабушка, а пионерский отряд выступает носителем «истинного» знания.¹

Столкновение семейного и партийного авторитетов очевидно в одном из эпизодов уже упомянутых воспоминаний Ольги Берггольц, когда будучи 13-летней девочкой она решила досрочно вступить в комсомол. Её бабушка и мама были

¹ Любопытный анализ в отношении проблемы «власть - подчинение - участие» на примере использования слов «вожатый» и «вожак» представлен в статье А.В. Кравченко «Вожатый в пионерских журналах 1920-1930-х годов: идеологический концепт и художественная репрезентация» // Шаги-Steps. 2015. Т. 1. № 1.

против такого решения: «бабушка против из-за Бога, а мама – из-за мальчишек» [5.С.64]. Позже подобное противостояние приобретёт в стране Советов более радикальные и трагичные формы.¹ В отношении же Ольги Берггольц оно сведётся к юношеской критике домашних за их «мещанскую сущность» [5.С.54].

В целом 1920-е гг. стали временем борьбы с семьёй как таковой. В 1930-е гг. институт семьи уже не ставился под вопрос, но авторитет домашних ещё более активно заменялся авторитетом партии и её дочерних структур. Вспоминая в 1930-е годы свою работу над первой детской книгой, напечатанной в 1920-е, писатель Ольга Перовская отмечала:

«Семья, отец, мать тогда (в 1920-е гг.) считались анахронизмом. Мне порядочно пришлось повоевать для того, чтобы сохранить в книге её автобиографичность.... В то время спрос на книгу без „папы и мамы“ был настолько велик, что не приходилось особенно налегать на бытовые и индивидуальные особенности членов моего семейного коллектива» [22.С.26].

Несмотря на признание семьи в 1930-е гг., переход её авторитетов на второй план, без сомнения, произошёл именно в 1920-е, что позднее позволило пропагандистам начать настоящую и порой смертельную атаку «маленьких» на взрослых. Интересно, что в своих воспоминаниях Ольга Перовская характеризует семью идеологически верным словом: «коллектив».

Развернувшаяся в середине 1920-х гг. борьба за юного читателя, привела к назойливому подчёркиванию в детских изданиях правдивости всего представленного материала. В различных рассказах детского журнала для младшего возраста «Мурзилка» постоянно упоминалось, что в журнале речь идёт только о том, что мы «на самом деле видели» [7.С.15], «что взаправду было», «потому что нет на свете ни ведьм никаких, ни колдунов» [14. С.18], всё это вымысел и верить в него – «просто срам» [16. С.37].

Ещё одним объектом идеологической проработки в это время стали такие традиционные персонажи сказок как животные. В тех же «Требованиях к детской литературе» осуждался привычный художественный приём «деление животных по качествам» и далее добавлялось: «нередко

не соответствующий научным данным». Отчасти именно за это досталось знаменитому «Крокодилу» Корнея Чуковского. Как указывала Надежда Крупская, написавшая в 1928 г. разгромную статью на произведение известного литератора, дети не получают из его «Крокодила» «положительных (т.е. полезных) знаний» о животных [17]. Иными словами, советские писатели должны рассказывать про истинные качества и реальную жизнь представителей животного мира, а не живописать «какую-то муть» [17], на подобие того, как крокодил с папиросой ходил и по-туречки говорил.²

Отметим, что, несмотря на подобную точку зрения, советские авторы порой продуктивно использовали сказочные подходы, разделяя животных-героев на «плохих» и «хороших»: собаки причислялись к любителям правды, кошки – к обманщикам, а образ главных злодеев канонично доставался волкам.³

Во втором выпуске журнала «Воробей» (1923) один из авторов изобретательно рассказал детям про формационное историческое развитие, опираясь на традиционный приём человекоподобных зверей.

В этом рассказе в картинках сначала изображалась совместная охота всех волков с каменными топорами в руках-лапах; затем – захват лучших кусков самым сильным волком, рост его богатств за счёт слабых и дружба с «другими такими же силачами»:

«Они построили себе крепкие замки из камня, обнесли их стенами, а в подвалы склады-вали награбленную добычу» [11. С.28].

Венчал этот процесс выбор сильнейшего волка царём. Затем подобным же образом описывалась капиталистическая формация, где волки-фабриканты получали «большие барыши», а бедные – гроши [11. С.31]. «Наконец, им (беднякам) стало невтерпёж» [11. С.31], и произошла революция, после которой все «сбросили с себя волчьи шкуры, злые зубы, острые когти и сделались людьми» [11. С.32]. В этом советском комиксе писатель и художник по распространённой в сказках традиции сделали акцент на негативных качествах волков, изобразив их, как беспощадных конкурирующих друг с другом хищников. К тому же в повествовании отразилось традиционное противостояние человеческого и животного:

¹Разрыв между государством и семьёй станет травмирующим опытом для многих юных жителей СССР на протяжении всего его существования. Об этом, например, фильм «Пионеры-герои», вышедший на российские экраны в 2015 г. Его сценарист и режиссёр Наталья Кудряшова, используя личный опыт, убедительно презентовала противоречия семейных реалий официальной идеологии в позднем СССР. Расхождение семейного опыта с государственными требованиями привело к трагическим последствиям для одной из героинь фильма, когда она уже была взрослой успешной женщиной, живущей в современной России, но тянущей за собой неподъёмный груз «правильной» идеологии и «неправильных» родственников.

²Более подробно про анализ статьи Н.К.Крупской «О „Крокодиле“ Чуковского» см.: Маслинская С.Г. Неутомимый борец со сказкой (критика детской литературы в трудах Н.К.Крупской) // Историко-педагогический журнал, №1, 2017.

³Любопытно, что появившаяся в 1925 г. детская пьеса про «монахов, кулаков, знахарей и попов» была озаглавлена словами «Волчья стая» (Яльцев В. Волчья стая).

«звериному пристрастию к своей норе, своему логовищу, семье» [10.С.147] противостояла человеческая солидарность и взаимопомощь.

В 1925 г. в уже упомянутом сборнике «Октябрята» в одной из пьес автор также обратился к привычному для сказки образу злого волка. Хвостатый житель леса, следуя новой идеологии, превратился в классового врага:

Этот страшный чёрный фронт –
Здесь чащи фабрикант,
Он не любит честный труд,
В его лапах дети мрут [2.С.34].

В этом отрывке красноречиво переплетались старые и новые поверья: раньше «серый волчок» мог схватить детей «за бочок» и унести «в лесок», теперь – он, как фабрикант, – морит их тяжёлой работой. Поэтому, когда серый житель леса просит детей его отпустить, обещая измениться, юные герои беспощадны:

Долой! Не верим словам!
Мы верим делам!
Смерть волкам! Смерть волкам! [2. С.34]

Моля о пощаде, волк, соглашаясь с христианской традицией, просит отпустить его «душу на покаяние». В негативной реакции детей на его просьбу просматривается ещё один классовый завет: «отказ от либерально-демократической общечеловечности».

Кстати, именно «либерально-демократическая общечеловечность» среди прочего возмутила автора статьи «Литературной газеты» [8], давшей в 1929 г. новый виток борьбе с «чуковщиной». ¹ Автора упомянутой статьи не устраивали не только произведения Корнея Чуковского, но и целого ряда других писателей среди которых оказался Дмитрий Мамин-Сибиряк. В качестве примера возник его рассказ «Постойко» про собачий приёмник. «Нас всех привезут в собачий приют и там повесят», – так объяснил пребывание в приёмнике один из псов [18. С.379]. Рассказ создавал удручающую атмосферу жизни обречённых собак. Мамин-Сибиряк осуждался советской газетой за проявленную в своём произведении «травоядно сюсюкающую мораль жалости к „бедным животным“» [8]. Мотив борьбы, а не «ложная сентиментальность» должны были формировать юных строителей коммунизма.

Подобный напор на «животный мир» с требованием показывать только его реалистическую сторону, не делить животных на «плохих» и «хороших», минимизировать приём антропоморфизма, ² исключить «излишнюю» сентиментальность не мог не сказаться на детской литературе

второй половины 1920-х гг. Скорее всего поэтому, в эти годы в детских стихах и рассказах не так много говорящих героев-зверей.

Параллельно в это время расцветает реалистическая проза о животных, созданная, в том числе, такими профессиональными биологами, как Виталий Бианки и Ольга Перовская. Любопытно, что в первой книге Ольги Перовской «Зверята и ребята» (1925) одна из глав была посвящена волкам. В произведении не только рассказывалась реальная история приручения волков, но со всей очевидностью демонстрировались позитивные качества этих животных со «страшной пастью» [23]: дружелюбность и преданность человеку. ³

«Здоровый научный подход» отразился в отношении к волкам в упомянутой пьесе «Эй, сказка, на пионерский суд». Пионеры, устроившие суд над Иваном-Царевичем, решили отправить его главного помощника – серого волка – в зоопарк. Как отметил председатель суда: «... волка сдадим в зоологический! Я там много его товарищей видал» [16.С.11]. Из волшебного существа серый помощник Ивана-Царевича превратился в рядового представителя животного мира, в одного из тех, кого легко обнаружить в любом городском зверинце. Волшебство померкло, опустившись до уровня обыденной реальности.

В целом требования идейного порядка в середине 1920-х гг. привели к разжалованию многих сказочных персонажей, особенно относящихся к фольклору. Многие из них – от сверхъестественных существ до серого волка – не выдерживали тест на пригодность, приходя в противоречие с проектом построения эгалитарного и рационального общества.

Однако полностью отказаться от сказки не представлялось возможным: как отмечалось в другой статье уже упомянутого номера «Литературной газеты» – дети мыслят образами! [12]. Поэтому советские литераторы, так или иначе, прибегали, к элементам фантастики, зоо- и антропоморфизма:

«Экскаватор – это механизм, который черпает землю... Посмотрим на портрет черпака: у него симпатичное лицо» [27. С.16-17].

Особенно часто ртами, хвостами, зубами, лапами и тому подобными атрибутами обладали в советских рассказах те или иные машины.

При этом не все сказки работали против большевистского мировоззрения: некоторые из них напрямую отвечали требованиям коммунистической идеологии. К таковым можно отнести

¹ Об определении «чуковщина» филолог Светлана Маслинская в своей статье «Неутомимый борец со сказкой» пишет, что советский партийный деятель, жена Я.М. Свердлова Клавдия Свердлова «вдохнула вторую жизнь в этот ярлык, понимая под ним „идеологию вырождающегося мещанства, культ отмирающей семьи и мещанского детства“».

² Широкая дискуссия о допустимости приёма антропоморфизма в детской книге развернётся в СССР в 1928 г.

³ В своей книге «Ребята и зверята» в главе «Дианка и Томчик» Ольга Перовская создала обаятельный образ волков, осторожно применяя принцип антропоморфизма. Её следующая книга, опубликованная в 1927 г., уже целиком была посвящена волкам и называлась «Мои волчата».

сюжет самой известной русской народной сказки «Репка», где все участники действия последовательно включались в дружную совместную работу.

В 1927 г. в одном из номеров «Мурзилки» вышло стихотворение «Катина кашка». В ней последовательно кашу пытаются доесть сначала Катя, а затем – все герои-животные из «Репки»:

Катя – непоседа
Ей не до обеда!
Кашу ела, не доела,
Кончить Шарик у вела [13. С.8].

Шарик поручает это гастрономическое занятие кошке, а кошка – мышке. В отличие от традиционного варианта сказки герои стихотворения так и не справляются с задачей и призывают на помощь юного читателя.

Ещё один пример. На протяжении всего 1925 г. в «Мурзилке» публиковалась история о приключениях собаки Мурзилки. В июльском номере журнала забавный и непоседливый пёс оказался провалившимся в яму. Пришедшие на помощь ребята воспользовались уроком народной сказки: спрыгнули в яму, внизу у стены которой встал «Мишка, на Мишку – Гришка, на Гришку – Ванька, на Ваньку – Ганька, на Ганьку – Федька, на Федьку – Петька» [25. С.21]. Передавая друг другу пса, дети вытащили его из ямы.

В следующем августовском номере журнала приём «Репки» повторился с невероятной точностью, оригинально подогнанной под советские реалии.

В рассказе «Грузовик» грузовой автомобиль застревает в канаве: «стоит, пыхтит, а вылезти не может» [20. С.15]. Шофёр привязывает к застрявшей машине верёвку, но его потуги оказываются бесплодными. Мимо проходит милиционер, который присоединяется к процессу: «Милиционер за верёвку, шофёр за верёвку. Тянут-потянут, а вытянуть не могут» [20. С.15]. Затем к ним подключается рабочий – бесполезно, ломовой – а «воз и ныне там», пионер – без изменений. В итоге подбегает «Ванюшка-октябрёнок» и совместными усилиями герои добиваются желаемого:

«Ванюшка за верёвку, пионер за верёвку, ломовой за верёвку, рабочий за верёвку, милиционер за верёвку, шофёр за верёвку. Все тянут-потянут и... вытянули грузовик на дорогу» [20. С.16].

Идея коллективных усилий и такого же успеха, заложенная в народной сказке, как нельзя лучше подходила советской идеологии, воспевающей коллективизм и солидарность. При этом

если в традиционном варианте за работу брались члены одной семьи и их домашние животные, то в советском – семьёй становилась целая страна.

Советской идеологии также подходили герои из народа. Поэтому в уже упомянутой пьесе «Эй, сказка, на пионерский суд» единственный персонаж, которого помиловали дети, разрешив ему и дальше обитать в книжках, был Иван-Дурак. Однако теперь выходя из народа предстояло не яблоки для царей «таскать» и жар-птицу с царь-девицей добывать, а вести классовую борьбу. Именно этим собрался заняться Иван-Дурак, согласно его собственному признанию: «всю землю облетаю от края до края и всех царей с тронов покувыркаю...» [16.С.23].

Выводы

Дискуссия о необходимости сказки для детского чтения способствовала появлению произведений, презентующих идеального ленинца. В книгах, изданных в 1925 г. и открыто направленных против сказки, слово «октябрёнок» или «пионер» присутствовало прямо в заглавии.¹ Название указывало не только адресат, к которому обращалась книга, но и на то, каким должен быть читатель, следуя её содержанию. Обязательными атрибутами для юного строителя коммунизма оказывались классовое сознание, приверженность к коллективу, трудолюбие, атеизм и обладание научным знанием о мире. Индивидуализм, пассивность, леность и суеверие должны были кануть в лету, как «бесы и принцессы» из сказочных историй дореволюционной России.

Как видно, детские тексты напрямую прописывали приемлемые для юного жителя страны Советов параметры поведения и мышления. Однако сказка, которая содержала столько чуждых для нового режима элементов, так и не смогла превратиться в отживший жанр для советской детской литературы. Несмотря на серьёзные усилия ритуализированного советского языка (где не было нейтральных понятий, но только деление на «хорошее» и «плохое»), понятие сказки и всё связанное с ней не превратилась в нечто глупейшее и «пошлейшее». Данный жанр литературы одержал победу над своими противниками, оставшись, используя манихейский словарь советского языка, в стане чего-то доброго и светлого, неизменно населяющего детство каждого ребёнка.² По-другому, видимо, и быть не могло: ведь сама большевистская пропаганда несла в массы идею о том, что советская власть творит настоящее рукотворное чудо.

¹ Агнiewicz Н.Я. «Октябрёнок-пострелёнок» (1925); Алякринский П.А. «Октябрята: книжка для чтения» (1925); Кожевников А.В. «Эй, сказка, на пионерский суд!» (1925).

² Начавший в середине 1920х гг. спор о необходимости сказки, достиг своего пика на рубеже 1920-30-х гг. В данной дискуссии участвовали политики, педагоги, литераторы. Особенно большой резонанс вызвала статья, опубликованная в 1928 году за авторством педагога Э. Яновской, «Нужна ли сказка пролетарскому ребёнку?». Точку в споре поставили официальные структуры: в Постановлении ЦК ВКП(б) от 9 сентября 1933 г. «Об издательстве детской литературы» сказка была причислена к жанрам, необходимым советской литературе для детей.

Список литературы

1. Агнивцев Н.Я. Октябрьёнок-пострелёнок. М., 1925.
2. Алякринский П.А. Октябрюта: книжка для детей. М., 1925.
3. Арзамасцева И.Н. Детская литература в первые десятилетия советского периода. URL: <https://ibbycongress2020.org/ru/electives/history-and-critical-practice-of-children-s-literature/204-detskaya-literatura-v-pervye-desyatiletija-sovetskogo-perioda> (дата обращения: 8.09.2022).
4. Балина М.Р. Пролетарская сказка в детской литературе Веймарской республики: к вопросу о жанровой специфике // Детские чтения: альманах / Под ред. М. Литовская и др. Екатеринбург, 2017. – № 2. – С. 6-19.
5. Берггольц О. Дневные звёзды. / Дневные звёзды; Говорит Ленинград; Статьи. Л., 1985.
6. Ванькины страхи // Мурзилка. –1927. –№4. –С.22-23.
7. Васькина затея // Мурзилка. –1925. –№4. –С.8-9.
8. Воспитатели мещанства // Литературная газета. – 1929. –19 авг.
9. Гиляровский В.А. Мои скитания. / Соч. в 4-х томах. Т.1. М., 1989.
10. Горький М. По Союзу Советов. / Союз нерушимый: Именем революции. М., 1982.
11. Ермолаева В. История о зверях, которые стали людьми // Воробей. – 1923. – №2. – С. 26-33.
12. Желобовский И. Напишите про социализм // Литературная газета. – 1929. – 19 авг.
13. Зилов Л. Катина кашка // Мурзилка. –1927. – №4. – С.8-9.
14. И мы – в Китае // Мурзилка. –1925. –№7. – С.18-19.
15. Интервью с В.Г.И. (97 лет, житель Челябинска). Челябинск, сентябрь 2021 г., длительность 40 мин., аудиозапись в архиве автора.
16. Кожевников А.В. Эй, сказка, на пионерский суд. М., Л., 1925.
17. Крупская Н.К. О «Крокодиле» Чуковского // Правда. –1928. –1 фев.
18. Мамин-Сибиряк Д.Н. Постойко. / Избран. произв. в 2-х томах. Т.2. М., 1988.
19. Маслинская С.Г. Неутомимый борец со сказкой (критика детской литературы в трудах Н.Крупской) // Историко-педагогический журнал. – 2017. –№1. – С.172-185.
20. Минлос Н. Грузовик // Мурзилка. –1925. –№8. – С.15-16.
21. Октябрьская О.С. Формирование и развитие жанровой системы в русской детской прозе 1920-50-х годов. М., 2016.
22. Перовская О.В. Как и для чего я писала книгу «Ребята и зверята» // Детская литература. – 1935. – №10. – С.23-26.
23. Перовская О.В. Ребята и зверята. URL: https://mir-knig.com/read_176335-1 (дата обращения: 15.09.2022).
24. Постановление президиума Коллегии НКП «Заявление Главлита по поводу встречающихся противоречий в оценке детской литературы со стороны комиссии по книге при Главсоцвесе и деткомиссии при ГУСе, в частности в отношении сказок «Курочка Ряба» и «Белочка». 1927, 22 фев. URL: <http://opentextnn.ru/censorship/russia-after-1917/laws/narkompros/6-ijunja-1922-5-ijunja-1931-narkompros/1927-22-fevralja-postanovlenie-prezidiuma-kollegii-nkp-zajavlenie-glavlita-po-povodu-vstrechajushhihsja-protivorechij-v-ocenke-detskoj-literatury-so-storony-komissii-po-knige-pri-glavsocvose-i-detkom/> (дата обращения 10.09.2022)
25. Федэ А. Мурзилкины похождения // Мурзилка. –1925. –№7. – С.20-21.
26. Хазин Е. Нефть. М., 1931.
27. Шкловский В. Турксиб. М., 1930.

**SOVIET IDEOLOGY AGAINST «MAGIC»: THE STRUGGLE WITH THE FAIRY TALE
IN THE SECOND HALF OF THE 1920S**

Many contemporary researchers are interested in the Soviet children's literature of the 1920s. As a rule, the topic of one or another field of propaganda attracts the historians' attention. The symbols of power and subordination, images of leaders, enemies and friends, portrayed in the post-revolutionary children's literature, turn out to be especially in demand. In this regard, fairy tales with traditionally brighter features are of particular interest for research. In the 1920s in the USSR, a fierce dispute began on the necessity of fairy tales for children's reading. The objections of critics, among other things, were caused by folklore characters and themes, which, from their point of view, contradicted the ideas of building a new Soviet society. The fairy tale abounded with such components hostile to the Soviet ideology as magic, transcendence, sentimentality, figures of high society. Nadezhda Krupskaya led the attackers, Korney Chukovsky was among those in defense. The presented article analyzes the correlation between the ideological demands of the Bolshevik government, on the one hand, and nature of classical fairy tale characters and plots, on the other. A significant part of fairy tale characters and themes related to magic came into conflict with such ideological characteristics of the Soviet government as egalitarianism and materialism. A number of familiar fairy-tale characters were deemed as objectionable, among which were Ivan Tsarevich, bearers of the "dark forces" and some animals.

Keywords: children's literature, fairy tale, ideology, pioneer, octobrists, realism, Korney Chukovsky, Nadezhda Krupskaya, "Murzilka", Baba Yaga, bad wolf.

References

1. Agnivitsev N.Ya. (1925) Oktyabrenok-postrelenok. [Octoberenok-a little boy]. M., 1925.
2. Alyakrinskii P.A. (1925) Oktyabryata: knizhka dlya detei. [Octobrists: a book for children]. M., 1925.
3. Arzamastseva I.N. Detskaya literatura v pervye desyatiletia sovetskogo perioda. [Children's literature in the first decades of the Soviet period]. URL: <https://ibbycongress2020.org/ru/electives/history-and-critical-practice-of-children-s-literature/204-detskaya-literatura-v-pervye-desyatiletia-sovetskogo-perioda> (accessed: 8.09.2022).
4. Balina M.R. (2017) Proletarskaya skazka v detskoj literature Veimarskoi respubliki: k voprosu o zhanrovoi spetsifike [The Proletarian Fairy Tale in the Children's Literature of the Weimar Republic: on the issue of Genre specifics] // *Detskie chteniya: al'manakh*. 2017. № 2. S. 6-19.
5. Berggol'ts O. (1985) Dnevnye zvezdy. [Daytime stars] // *Dnevnye zvezdy; Govorit Leningrad; Stat'i*. Leningrad, 1985.
6. Ermolaeva V. (1923) Istoriya o zveryakh, kotorye stal ilyud'mi [The story of animals that became people] // *Vorobei*. 1923. № 2. S. 26-33.
7. Fede A. (1925) Murzilkiny pokhozheniya [Vaska 's idea] // *Murzilka*. 1925. № 7. S. 20-21.
8. Gilyarovskii V.A. (1989) Moi skitaniya. [My wanderings] // *Soch. v 4-kh tomakh*. T.1. M., 1989.
9. Gor'kii M. (1982) Po Soyuzu Sovetov. [By the Union of Soviets] // *Soyuz nerushimyi: Imenem revolyutsii*. M., 1982.
10. I my – v Kitae (1925) [And we are in China] // *Murzilka*. 1925. № 7. S.18-19.
11. Interv'yu s V.G.I. (97 let, zhitel' Chelyabinska). Chelyabinsk, sentyabr', 2021, dlitel'nost' 40 min., audiozapis' v archive avtora. [Interview with V.G.I. (97 years old, resident of Chelyabinsk). Chelyabinsk, September 2021, duration 40 min., audio recording in the author's archive].
12. Khazin E. (1931) Neft'. [Oil]. M., 1931.
13. Kozhevnikov A.V. (1925) Ei, skazka, na pionerskii sud. [Hey, fairy tale, to the pioneer court]. Moscow, 1925.
14. Krupskaya N.K. (1928) O «Krokodile» Chukovskogo [About Chukovsky's "Crocodile"]. // *Pravda*. 1928, 1 fevralya.
15. Mamin-Sibiryak D.N. (1988) Postoiko. In *Izbran. proizv. v 2-kh tomakh*. T.2. M., 1988.
16. Maslinskaya S.G. (2017) Neutomimyi borets so skazkoi (kritika detskoj literatury v trudakh N.Krupskoi) [The indefatigable fighter with a fairy tale (criticism of children's literature in the works of N.Krupskaya)]. // *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal*. 2017. № 1. S. 172-185.
17. Minlos N. (1925) Gruzovik [Lorry]. // *Murzilka*. 1925. № 8. S. 15-16.
18. Oktyabr'skaya O.S. (2016) Formirovanie i razvitiye zhanrovoi sistemy v russkoi detskoj proze 1920-50-kh godov. [Formation and development of the genre system in Russian children's prose of the 1920s-50s]. M., 2016.
19. Perovskaya O.V. (1933) Kak i dlya chego ya pisala knigu «Rebyata i zveryata» [How and why I wrote the book "Children and Animals"]. // *Detskaya literatura*. 1935. №. 10. S. 23-26.
20. Perovskaya O.V. Rebyata i zveryata. [Children and Animals]. URL: https://mir-knig.com/read_176335-1 (accessed: 15.09.2022).
21. Postanovlenie prezidiuma Kollegii NKP «Zayavlenie Glavlita po povodu vstrechayushchikhsya protivorechii v otsenke detskoj literatury so storony komissii po knige pri Glavsotsvose i detkomissii pri GUSE, v chastnosti v otnoshenii skazok «Kurochka Ryaba» i «Belochka». 1927, 22 fev. [Resolution of the Presidium of the Board of the NCP "Statement of the Glavlit concerning the contradictions encountered in the evaluation of children's literature by the book commission at Glavsotsvos and the Children's Commission at GUS, in particular with regard to the fairy tales "Ryaba Chicken" and "Squirrel". 1927, 22 Feb.]. URL: <http://opentextnn.ru/censorship/russia-after-1917/laws/narkompros/6-ijunja-1922-5-ijunja-1931-narkompros/1927-22-fevralja-postanovlenie-prezidiuma-kollegii-nkp-zajavlenie-glavlita-po-povodu-vstrechajushhihsja-protivorechij-v-ocenke-detskoj-literatury-so-storony-komissii-po-knige-pri-glavsocvose-i-detkom> (accessed: 10.09.2022).
22. Shklovskii V. (1930) Turksib [Turkestan Siberian Railway]. M., 1930.
23. Van'kiny strakhi (1927) [Vanka's fears] // *Murzilka*. 1927. № 4. S. 22-23.
24. Vas'kina zateya (1925) [Vaska 's idea] // *Murzilka*. 1925. № 4. S. 8-9.
25. Vospitateli meshchanstva (1929) [Educators of philistinism] // *Literaturnaya gazeta*. 1929. 19 avgusta.
26. Zhelobovskii I. (1929) Napishite pro sotsializm [Write about socialism] // *Literaturnaya gazeta*. 1929. 19 avgusta.
27. Zilov L. (1927) Katina kashka [Katrin's porridge] // *Murzilka*. 1927. № 4. S. 8-9.

Об авторе

Вырупаева Анна Павловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Международного Института Дизайна и Сервиса, Челябинск, E-mail: annavyrupaeva@yandex.ru

Vyrupaeva Anna Pavlovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities of the International Institute of Design and Service, Chelyabinsk, E-mail: annavyrupaeva@yandex.ru

Галкина Ю.М., Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина (Россия).

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В ОСВЕЩЕНИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ¹

В статье рассматривается эволюция и актуальное состояние гендерных исследований применительно к проблеме участия женщин в Великой войне во французской исторической науке. Данная проблематика является актуальной для европейских стран ввиду существования политически востребованного феминистского дискурса: сегодня женщины признаются полноправными участницами Великой войны, без которых победа не была бы возможной и которые длительное время оставались в тени научного внимания. Востребованность гендерного анализа и молодость гендерных исследований в современной российской науке заставляет обращаться к образцам, сложившимся в европейском пространстве, располагает к проведению сравнительных исследований опыта участия женщин в Великой войне, гендерных репрезентаций и специфик политическую мобилизации обоих полов на русском и европейском материале. Автор статьи рассматривает эволюцию сюжетов гендерной истории во Франции, начиная с 1970-х гг. и уделяет значительное внимание современному состоянию исследований. В центре внимания оказываются проблемы, связанные со спецификой женского труда, стратегиями мобилизации женщин, конкретными формами их участия в конфликте, отношению общества к новым женским ролям, эмоциональным восприятием войны мужчинами и женщинами Франции. Автор констатирует, что современная французская историческая наука широко ориентирована на реализацию гендерных исследований, однако ключевой вопрос: привела ли Великая война к эмансипации до сих пор является дискуссионным.

Ключевые слова: история женщин, Первая мировая война, гендер, феминизм, Франция, историография.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-55-62

Введение

Во Франции «женская история» стала активно обсуждаться с университетских трибун в первой половине 1970-х гг.: причиной этому послужило развитие таких направлений в европейской исторической науке, как история повседневности и история ментальностей, их обращенность к человеку, атрибутам его жизни, чувствам. Первая мировая война и жизнь женщины в пространстве Великой войны довольно быстро стали важным материалом для развития «женской истории», так как конфликт 1914–1918 гг. рассматривался как своеобразный пролог к дальнейшей эмансипации женщин.

Методы

Автор проанализировал широкий круг французских профессиональных изысканий, связанных с общественной, социальной активностью женщин Франции в годы Первой мировой войны с целью определить эволюцию в осмыслении сюжетов гендерной истории.

Результаты

Первые исследовательские работы обращались к социоэкономической проблематике: деятельности женщин в рамках рабочего движения, истории и специфике мужского и женского труда и публиковались в авторитетном издании *Le mouvement social* [37, p. 209]. Осмысление этих сюжетов, как правило, ограничивалось работами, посвященными мобилизации женщин на производство, условиям женского труда, противостоянию между материнством и работой в жизни женщины, рассматривались вопросы, связанные с до-

ступом к политическим правам в результате социальных последствий Первой мировой войны. Получил импульс к изучению и феномен женской эмансипации. В числе знаковых работ можно упомянуть исследование М. Дюбессе, Ф. Тебо, К. Винсент о *munitioinettes* – женщинах-рабочих, производивших боеприпасы, и давшее стимул к проведению дальнейших изысканий об эмансипации, «национализации женщин» и специфике символического общения между полами [11; 37, p. 215]. Несмотря на то, что сама Ф. Тебо признается в ограниченной амбициозности специалистов по «женской истории»: основной задачей в 1970-е гг. было «сделать женщин видимыми для истории» [29, p. 575], активная исследовательская практика этого десятилетия привела к появлению на свет в 1986 г. монографии «Женщины во время войны 1914-го года» [30], которая впоследствии неоднократно переиздавалась (1994, 2005, 2013), и которая дала старт многим современным исследованиям о гендерных репрезентациях в годы Первой мировой войны, так как впервые поставила вопросы о специфике гендерной коммуникации на оккупированных территориях, о переписке как средстве выражения типичных/нетипичных мужских и женских эмоций, о проблеме женской эмансипации.

В 1980-е гг. после критического переосмысления источников был подчеркнут весьма относительный характер изменений, которые повлекла за собой Первая мировая война. Авторы уделяли значительное внимание деконструкции устоявшегося мнения, что XX в. был эпохой прогресса для поло-

© Галкина Ю.М.

© Galkina Yu.M.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00201 «Гендерный фактор политической мобилизации в условиях Первой мировой войны: Россия, Франция, Германия»)

жения женщин, резко контрастирующей с викторианской эрой; по их мнению, война во многом вернула «мужской мир», который существовал накануне конфликта 1914–1918 гг. Подавляющее большинство британских и французских исследователей солидаризируется во мнении, что Первая мировая война не вносит кардинальных изменений в гендерное поведение постфактум: после войны женщины покорно возвращаются к своим прежним социальным ролям, вытесняя «прогрессивные подвиги», которых они добились, заменяя мужчин на производстве, в тылу, выступая с ними на равных на поле боя. Первыми это озвучили исследовательницы Ф. Тебо и М. Перро. В дальнейшем гипотеза подтверждалась на германских и британских материалах [27, р. 224; 25]. Впоследствии исследователи предположили, что подобная реакция была вызвана уважением, которое женщины испытывали к мужчинам, умершим в страданиях, в окопах, «заплативших кровью за спасение отечества», это были их мужья, отцы и братья. Поэтому женщины чувствуют себя в долгу перед ними и послушно возвращаются к своей довоенной роли: «Волосы острижены, платья укорочены, но идея эмансипации приостанавливается в своем развитии» [20, р. 11–12].

Актуальной в этот период оставалась тема феминистского движения. Отмечалось, что во Франции, как в Германии и Великобритании, существовало согласие большинства феминисток на войну 1914–1918 гг. в духе крестового похода против врага. Феминистки призывают женщин служить и отрицают довоенный интернационализм – «Пока длится война, женщины врага также будут врагами» [31]. Рассматриваются проблемы институционализации феминистского движения через группы, журналы, конгрессы, его достижения в парламентской сфере, таким образом, рассматривается переход феминизма от социального движения к политической силе [14]. В упомянутом контексте активно изучался образ эмансипированной женщины, а также связанные с этим образом общественные страхи: так, эмансипация в психиатрии первой трети XX в. рассматривалась как «врожденное отклонение от нормы» [1, с. 44] в то время как в публичном пространстве господствовал преувеличенно феминизированный образ женщины [1, с. 34]. В контексте исследований по истории медицины нелишне будет упомянуть, что французскими историками активно рассматривалась проблема психических травм и отклонений на рубеже XIX–XX вв., что было связано с распространением учений З. Фрейда и К. Юнга. В центре внимания психиатров и психоаналитиков оказалась, например, такая проблема как переодевания женщин с целью попасть на фронт, скрыв свою половую принадлежность (такое поведение считалось проявлением травматического невроза) [33].

Однако подавляющее большинство исследований в этой области выполнены на немецком материале, поэтому мы можем рассматривать этот сюжет как перспективный для разработки на французских источниках, тем более, что примеры стремления представительниц Третьей Республики быть полезной на передовой существуют: известен случай двух девушек, Мадлен Пеллетье и Сюзанны Левуайе, которые дважды писали военному министру, чтобы их зачислили в солдаты. Но нарушение гендерного барьера заставляло рассматривать эти ходатайства как патологические случаи [24].

Знаковым событием для французской науки стало появление в 1990-е гг. пятитомного труда «История женщин на Западе», выполненного под редакцией Ж. Дюби и М. Перро. Применительно к заявленной тематике особое значение имеет пятый том монументального исследования – «Становление культурной идентичности в XX столетии» (под ред. Ф. Тебо). Магистральными вопросами для авторов являлись проблема т.н. «национализации женщин», т.е. использования их образа в публичной политике, мобилизации и маскулинизации женского пола, значения Первой мировой войны для процесса эмансипации. Методология авторов исследования опиралась на достижения в сфере гендерного анализа и деконструкции, т.к. «история женщин немыслима без истории репрезентаций, представлений, т.е. без расшифровки образов и дискурсов, рожденных мужским воображением и социальной нормой» [1, с. 12]. Данный труд подвел итог многолетним гендерным исследованиям во Франции, Германии, Великобритании и США.

Безусловно, нельзя не затронуть проблему участия женщин в военных действиях: деятельность женщин-медсестер, женщин-шпионок, женщин, участвовавших в движении сопротивления на оккупированных территориях, военных журналисток.

С начала войны властительницы пера стремились попасть в зону боевых действий, чтобы продолжать журналистскую деятельность, приносящую им чувство эмансипации и освобождения в довоенный период. Однако во Франции существовал запрет на появление женщин на передовой. Француженки нередко пытались переступить через этот запрет, но их попытки были обречены на неудачу. В этих условиях «отдушиной» для тех, кто стремился принести пользу родине через писательское ремесло, стали интервью с медсестрами – подобные репортажи в некоторой степени уравнивали женщин-журналисток и мужчин – военных корреспондентов, чье присутствие на фронте, безусловно, являлось более естественным. Некоторые журналистки сами становились медсестрами для того, чтобы подробно освещать фронтовые будни.

Сюжеты о деятельности медсестер в годы Великой войны (или «Белых ангелов», как их называли во Франции) впервые получили освещение на страницах работ еще в 1960-е гг. в рамках исследований о военной повседневности [2, р. 291], однако в центр внимания гендерной проблематики они были поставлены в 1980-е гг. Французские исследователи обращали внимание на такие ключевые вопросы, как профессионализация медицинского корпуса и ее роль в эмансипации женщин, фактор гендерного соперничества между мужчиной/солдатом и женщиной/медсестрой, анализ языковой (лингвистической) самопрезентации медсестер. Историки пришли к выводу, что появление профессиональных курсов медицинских сестер и стремление профессионального врачебного корпуса отмежеваться от засилья религиозных конгрегаций в больничных учреждениях, привели к эмансипации тех женщин, которые отваживались поступить на подобные курсы и в дальнейшем имели возможность зарабатывать себе на жизнь. Однако Великая война привела лишь к ограниченному признанию профессии медицинской сестры: частные клиники и государственные больницы предпочитали нанимать неквалифицированный персонал и обучать его в учреждении, это позволяло экономить на зарплате такому персоналу, диплом государственного образца, таким образом, девальвировался, т.к. не был обязательным при приеме на работу [15]. Ситуацию осложняло и вечное соперничество между различными институтами, рекрутирующими медсестер: Красным Крестом, Общественной помощью и религиозными организациями. В общественном мнении только монахини обладали высоким статусом, т.к. были расположены к целомудрию и бескорыстному труду. Обученные на курсах медсестры из Общественной Помощи воспринимались как «женщины легкого поведения», а дам из Красного Креста называли «коровами» [15]. Никакой унификации между сестрами из этих учреждений не происходило. В том, что касается гендерных изменений, то Великая война несколько сместила границы взаимных представлений мужчин и женщин: возможность видеть искалеченные обнаженные тела военнослужащих меняла взгляды обоих полов на межличностные отношения. Впрочем, по мнению женщин, война не внесла духа соперничества между ними и солдатами, в то время как мужчины чувствовали себя «униженно и инфантильно», оказываясь на попечении медицинской сестры, будучи ослабленными [2, р. 293], претерпело изменения и их отношение к «хрупкой девушке».

В годы Великой войны шпионы во Франции не вызывали восхищения в общественном мнении, их методы работы воспринимались как аморальные и недостойные даже мужчин, не говоря уже о

женщинах. Но если в военное время работа женщин на фабриках и в сельском хозяйстве превозносилась в политических выступлениях и прессе [1, с. 36], то упоминания о скомпрометированных шпионках входят в жизнь общества со скандалом. Мы отдаем себе отчет в том, что разведывательные действия требуют соблюдения секретности вне зависимости от того, участвуют в них мужчины или женщины. Однако обращаясь к историографической традиции мы отметим рефлексию поколения над подобной активностью женщин в годы Первой мировой войны. Здесь следует выделить два измерения: первое заключается в общественном признании усилий женщин-разведчиц в годы Первой мировой войны. Так исследовательница Ш. Антье отмечает, что «после войны правительства отдавали приоритет вдовам, сиротам и ветеранам», женщины-разведчицы, подобные М. Ришар, оставались на обочине общественного признания [3, р. 154]. Второе измерение – это оценка моральности такого ремесла для женщины: исследований, посвященных этому вопросу, на сегодняшний день не существует, историки ограничиваются констатацией как правило пренебрежительного отношения современников к женщинам в специальных службах, однако некоторые разделы философско-антропологической монографии А. Деверпа до некоторой степени восполняют пробел о восприятии женщины как разведчицы. По мнению историка, образ шпионки сознательно наделялся исключительными коннотациями, не соответствующими действительности: портрет Э. Шрагмюллер или М. Хари обладал чертами жестокости, садизма, маскулинности, сексуальной изоциренности и вселял страх [10, р. 164].

Историки не только прорабатывали вопросы, связанные с трансформацией мнения о женщинах-шпионках, восстанавливали биографии и профессиональные траектории знаменитых разведчиц эпохи [Напр.: 5], но и рассматривали вопросы рекрутирования женщин, исследовали, как сами женщины воспринимали это ремесло и какими мотивами руководствовались, при поступлении на такого рода службу [3; 4; 16].

Когда мы говорим об историографии данной проблемы, то всегда видим в центре исследовательского внимания выдающихся представительниц шпионажа: Луизу Беттини, Марту Ришар, Маргу Хари, Эдит Кэвелл. Но XX в. породил явление массового шпионажа, в котором дамы полусвета и публичные женщины принимали самое активное участие. Важно отметить, что специализированных исследований, посвященных теме проституции и сотрудничеству публичных женщин с органами разведки и контрразведки на сегодняшний день не существует. В значительной степени разработка сюжета о публичных домах рассматривается в контексте истории повседневности или в

правовом аспекте и не акцентирует внимание на самих женщинах. Подобная проблематика частично рассматривалась в трудах американских исследователей Т. Проктор [26] и М. Хиршфельда [13]. Из франкоязычных работ можно выделить исследование Б. Мажерюса о проституции в Брюсселе в годы Великой войны, которое рассматривает маркеры поведения публичных женщин, их саморепрезентацию [19]. Необходимо помнить, что большинство исследований о проституции в годы Первой мировой войны посвящены проблеме предупреждения венерических заболеваний и контроля над сексуальностью военных.

В данном тематическом поле можно выделить работы Ж.-И. Ле Наура. Он также занимался проблематикой репрессий по отношению к «женщинам бошей», в том числе случаев народного гнева и расправ со стороны местного населения [22]. Тематика поведения женщин в процессе оккупации сегодня является одной из магистральных в европейских гендерных исследованиях, где очень широко представлены бельгийские историки. Часто эти работы помещены в широкий контекст 1914–1945 гг., так как исследователи усматривают схожесть в восприятии и реагировании на отношения между женщинами и мужчинами-врагами.

В октябре 2018 г. прошел публичный коллоквиум с участием ведущих ученых в области «женской истории» «Женщины в годы Великой войны». Его целью было продемонстрировать самые различные аспекты участия женщин в конфликте, что нашло отражение в программе мероприятия [17]. Значительно внимание уделяется семейным отношениям в годы войны. Здесь следует упомянуть доктора истории К. Видаль-Наке, работающей с корреспонденцией, письмами, которыми обменивались супруги. Данная проблематика тесно пересекается с востребованной в настоящее время «историей эмоций».

Исследователи отмечают, что несмотря на войну оба пола остаются в пределах своих гендерных ожиданий, хотя конфликт вносит свои изменения: например, мужчины чаще испытывают чувства, которые считались «женскими». Письма говорят о том, что мужчины в них часто «плачут», символическое пространство слез ярко выражено в их посланиях, в то время как женщины демонстрируют их значительно реже, они ориентируются на стандарт «мужественности». Предписание женщинам отказаться от мягкости и сентиментальности, вероятно, объясняет эту дифференциацию в самовыражении. На войне женщины должны быть опорой для своих супругов, «сеятелями мужества»: это их ожидаемая социальная роль [34; 35]. Примечательной особенностью, нашедшей свое выражение в переписке мужей и жен, является то, что длительная война за-

ставляет их признаваться в своих эмоциях, которыми они не давали ходу при мирной жизни, особенно это проявляется в переписке пар из низших социальных слоев, не имевших в привычке традицию письменного общения, и постепенно обнаруживающих в себе эмоции, что становится для них открытием («В начале переписки мне было страшно сказать, что я люблю Вас»). От первичного обмена стереотипными формулами из популярной культуры они приходят к обмену личными сокровенными чувствами.

Последние десятилетия во Франции происходит публикация многочисленных военных дневников «обычных» мужчин и женщин времен Первой мировой войны. Эти публикации отражают новый взгляд на конфликт и позволяют определить границы и содержание коллективной памяти. Показательно, что в числе защищенных диссертационных исследований во Франции в последние двадцать лет высока доля тех, кто обращает свое исследовательское внимание на сферу интимного, в котором конструируется представление о себе и близких людях. Наблюдение за семейным пространством и процессом воссоединения отношений между мужчинами и женщинами показывает как степень и значение вторжения «военного опыта» в семейную жизнь, так и появление новых типов супружеского и семейного поведения. Одной из важнейших работ в этом тематическом поле является диссертация К. Видаль-Наке «Увижу ли я тебя снова? Супружеские узы в годы Великой войны» [36]. В этой связи актуальной проблемой является изменение понимания того, что есть мужское/мужественность, а что женское/женственность. Война атаковала оба этих феномена: с одной стороны, женщины «мужались», исполняя традиционно мужские обязанности, менялись внутренне и внешне сообразно вызовам времени, с другой стороны, мужчины испытывали и демонстрировали «женские» реакции в ответ на болевые синдромы, контузии, неврозы, полученные в ходе боевых действий, были подвержены истерическим припадкам, чувствовали страхи и тревоги, которые доверяли своим женщинам в письмах. Изучение этих феноменов нашло отражение в трудах известного французского историка Л. Капдевилля [6; 7]. Активно рассматриваются исследователями вопросы политики в отношении личной жизни женщин, попытка ее обуздания и регламентации. Так, например, супружеская верность возводилась в ранг патриотической необходимости, измена супружеским отношениям, тем более с врагом, трактовалась как национальное предательство [23]. В публичной сфере доминирует феминизация врага, чтобы подчеркнуть его слабость, или приравнивание завоевания территории врагом к изнасилова-

нию женщины-нации, так как тело женщины символизирует тело нации и землю предков. Важным аспектом является влияние Великой войны на супружеские отношения. Монография Д. Фуршара «Бремя войны. Пулю и их семьи после 1918 г.». рассматривает проблему возвращения мужчин с войны и те сложности, с которыми в результате сталкивается супружеская пара: алкоголизм, ночные кошмары, насилие над женой и детьми, апатия по отношению к семье – война не проходит бесследно для бывших солдат и офицеров. Автор отмечает, что после 1918 г. фигура матери приобретает гораздо больший вес в семье [12].

В литературе, посвященной женской активности в годы войны, одни из традиционных сюжетов является тема благотворительности. В этой связи отдельного внимания заслуживает сюжет, посвященный общественной практике т.н. *marraines* – крестных матерей, которая появилась в 1915 г. Крестной матерью солдата Великой войны могла выступать любая женщина, которая пожелала «взять шефство» над бойцом, у которого нет семьи или жены. Крестная могла вступать с солдатом в переписку, поддерживая его таким образом, присылать подарки на фронт, принимать его на отпуск. Подобная акция с восторгом воспринималась патриотической общественностью, однако государственные структуры часто констатировали, что подобные переписки являются крайне фривольными, крестные превращаются в некое подобие «женщин легкого поведения», а образ «неизвестной крестной» становится объектом сальных фантазий и разлагает солдат [21].

Мы уже упоминали о деятельности женщин-журналисток. Отметим, что востребованными в годы войны стали репортажи из зоны тыла, статьи для женщин (например, о том, как необходимо экономить, как важен «женский вопрос» в современном мире), актуализация вопросов о социальных проблемах, эмансипации женщин и «смещения линии гендерного разделения»: журналистки негодовали: почему за одну и ту же работу женщина получает меньшую заработную плату, чем мужчина? Интересным опытом стала публикация художественных зарисовок и размышлений о гендерных переменах в годы войны. Журналистка Колетт, например, повествовала об изменениях в семейных отношениях, приводя в качестве примера письмо одного из французских солдат к своей супруге: «Читая Ваше письмо от 8-го числа, у меня появилось ощущение, что я женился на Жоффрие», мужчины негодовали, что вместо того, чтобы видеть жену в «легком платье» они встречают супругу «в униформе» [32].

Известная журналистка М. Маркович с 1914 г. совершала поездки в детские приюты, богадельни, тюрьмы, сельхозпоселения и больницы, поднимая остросоциальную проблематику сиротства, распространения алкоголизма [8, р. 21]. Разумеется, женщины-репортеры освещали героическую активность компатриоток на заводах, в тылу, на поле боя [32], также они посещали державы-союзницы или нейтральные страны (Англию, Россию, Швейцарию) и публиковали заметки об их военных усилиях. Историк М.-И. Теренти отмечала, что несмотря на стремление поднимать «женский вопрос», а также нередко встречающуюся практику публикаций под мужским именем, женщины поддерживали патриотический дискурс и стремились воодушевлять население, обещая скорую победу и живописуя храбрость и отважность французских солдат [32].

По-прежнему историков продолжает волновать тема женского труда, специфики работы женщин на производстве. Эта тема является достаточно дискуссионной, особенно в части побед, достигнутых женщинами в области трудового законодательства. Считается, что Великая война обострила состояние конкуренции между мужчинами и женщинами на производстве, и что фактически никаких послаблений в сфере зарплаты, или претензий женщин на квалификационные требования и участие в высококвалифицированных процессах, не было достигнуто. Женский труд, несмотря на его подвиг, воспринимался как зло [28].

Заключение

Сегодня гендерная тематика широко востребована во французской науке, а методы гендерного анализа применяются по отношению к самым различным областям человеческой жизни и самовыражения: киноискусству, песенной культуре, театру, что также обогащает образ женщины времен Первой мировой войны. Несмотря на многочисленные академические баталии вокруг использования терминов «пол» и «гендер», французские исследователи видят перспективность рассмотрения женских практик в сравнительном контексте мужского и женского проживания событий, в учете богатства социальных ролей и их взаимовлияний, в рассмотрении женщины в контексте проблематики военного насилия и переживания траура, коммеморативных практик. При этом как открытый colloquium 2014 г., собравший авторитетных исследователей в области гендерной проблематики из Франции, Германии, Великобритании, проходивший под эгидой фонда Ж. Жореса и Ф. Эберта [18], так и результаты коллективных монографий [38] показали, что дебаты о роли Великой войны в эмансипации женщин еще не окончены.

Список литературы

1. История женщин на Западе. Т. 5: Становление культурной идентичности в XX столетии / под ред. Ф. Тебо. СПб.: Алетейя, 2015. 624 с.
2. Amossy R. L'image de l'infirmière de la Grande Guerre de 1914 à 1994 // Mémoires et antimémoires littéraires au XXe siècle. La Première Guerre mondiale : colloque de Cerisy-la-Salle, 2005. Vol. 2. Bruxelles : P.I.E Peter Lang, 2008. P. 273–296.
3. Antier C. Résister, espionner: nouvelle fonction pour la femme en 1914–1918 // Guerres mondiales et conflits contemporains. 2008. №4. P. 143–154.
4. Antier C. Espionnage et espionnes de la Grande Guerre // Revue historique des armées. 2007. №247. P. 42–51.
5. Binot J.-M. Les Héroïnes de la Grande Guerre. Paris : Fayard, 2008. 312 p.
6. Capdevilla L. Être ou ne pas être un homme, une femme // Sexes, genre et guerres (France, 1914–1945). Paris : Payot, 2010. P. 7–39.
7. Capdevilla L. L'identité masculine et les fatigues de la guerre (1914–1945) // Vingtième siècle. Revue d'histoire. 2002. №3. P. 97–108.
8. Cariguel O. À l'Est, tout est nouveau // La Révolution russe vue par une Française. Paris : Éditions Pocket, 2017. P. 11–52.
9. Debruyne E. «Femmes à Boches». Occupation du corps féminin, dans la France et la Belgique de la Grande Guerre. Paris : Les Belles Lettres, 2018. 464 p.
10. Dewerpe A. Espion, une anthropologie historique du secret d'Etat contemporain. Paris : Gallimard, 1994. 478 p.
11. Dubesset M., Thébaud F., Vincent C. Les munitionnettes de la Seine, 1914–1918 // L'autre front, cahier du Mouvement Social №2. Paris: Les éditions ouvrières, 1977. P. 189–219.
12. Fouchard D. Le Poids de la guerre. Les Poilus et leur famille après 1918. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2013. 287 p.
13. Hirschfeld M. Sexual history of the World War. University Press of the Pacific, 2006. 348 p.
14. Klejman L., Rochefort F. L'Égalité en marche. Le féminisme sous la Troisième République. Paris : Presses de la Fondation nationale des sciences politiques, 1989. 356 p.
15. Knibiehler Y. Les anges blancs : naissance difficile d'une profession féminine // Combats de femmes 1914–1918. Les femmes, pilier de l'effort de guerre. Paris : Autrement, 2004. [Electronic source]
16. Lahaie O. Pratique du renseignement humain en France pendant la Grande Guerre : permanences et évolutions // Espionnage et renseignement pendant la Première Guerre mondiale. Actes du colloque international organisé par l'Académie du renseignement le 26 novembre 2014. Paris : La documentation française, 2017. P. 123–144.
17. Les femmes pendant la grande guerre. Jeudi 18 Octobre 2018. Colloque – Salle Clemenceau. URL: http://www.senat.fr/evenement/colloque/femmes_pendant_la_grande_guerre.html (дата обращения: 13.08.2022).
18. Les femmes pendant la guerre de 1914–1918 Ou l'émancipation en marche ? Actes du Colloque du 26 septembre 2014 sous la direction de Ghislaine Toutain. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/paris/12637.pdf> (дата обращения: 02.11.2022)
19. Majerus B. La prostitution à Bruxelles pendant la Grande Guerre : contrôle et pratique // Crime, Histoire & Sociétés. 2003. №1. P. 5–42.
20. Morin-Rotureau É. Combats de femmes 1914–1918. Les femmes, pilier de l'effort de guerre. Paris : Autrement, 2004 [Electronic source].
21. Naour J.-Y., Le. Épouses, marraines et prostituées : le repos du guerrier, entre service social et condamnation morale // Combats de femmes 1914–1918. Les femmes, pilier de l'effort de guerre. Paris : Autrement, 2004. [Electronic source]
22. Naour J.-Y., Le. Femmes tendues et repression des «femmes a boches» en 1918 // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 2000. T. 47. P. 148–158.
23. Naour J.-Y., Le. Misères et tourments de la chair durant la Grande Guerre. Les Mœurs sexuelles des Français, 1914–1918. Paris : Aubier, 2002. 413 p.
24. Naour J.-Y., Le. Le héros, la femme honnête et la putain : la Première Guerre mondiale et les mutations du genre // Le genre face aux mutations : Masculin et féminin, du Moyen Âge à nos jours. Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2003. URL : <http://books.openedition.org/pur/15910> (дата обращения: 18.06.2022).
25. Perrot M. Sur le front des sexes : un combat douteux // Vingtième Siècle, revue d'histoire. 1984. №3. P. 69–76.
26. Proctor T. Female Intelligence: Women and Espionage in the First World War. New York: New York University, 2003. 204 p.

27. Prost A., Winter J. *Penser la Grande Guerre. Un essai d'historiographie*. Paris : Éditions du Seuil, 2004. 344 p.
28. Ripa Y. *Les Femmes, actrices de l'histoire : France, 1789–1945*. Paris : Armand Colin, 2002. 192 p.
29. Thébaud F. *Femmes et genre dans la guerre // Encyclopédie de la Grande Guerre 1914–1918*. Paris : Bayard, 2013. P. 575–586.
30. Thébaud F. *Les femmes au temps de la guerre de 14*. Paris : Payot, 2013. 480 p.
31. Thébaud F. *Penser les guerres du XXe siècle à partir des femmes et du genre. Quarante ans d'historiographie // Clio. Femmes, Genre, Histoire*. 2014. № 39. P. 157–182.
32. Thérenty M.-È. *Femmes de presse, femmes de lettres. De Delphine de Girardin à Florence Aubenas*. Paris : CNRS Éditions, 2019. [Source électronique].
33. Tréhel G. *Magnus Hirschfeld, Helene Deutsch, Sigmund Freud et les trois femmes combattantes // Psychothérapies*. 2015. №4. P. 267–274.
34. Vidal-Naquet C. *Écrire ses émotions. Le lien conjugal dans la Grande Guerre // Clio. Femmes, Genre, Histoire*. 2018. №47. P. 117–137.
35. Vidal-Naquet C. *La séparation: L'amour à l'épreuve du départ au combat en août 1914 // Vingtième Siècle. Revue d'histoire*. 2014. № 123. P. 102–116.
36. Vidal-Naquet C. «Te reverrai-je ?» *Le lien conjugal pendant la Grande Guerre* ». Thèse de doctorat en histoire, sous la direction de Christophe Prochasson, EHESS, 2013.
37. Zancarini-Fournel M. *Histoire des femmes, histoire du genre // Historiographies. Concepts et débats*. T.1. Paris : Gallimard, 2010. P. 208–219.
38. Zancarini-Fournel M. *Travailler pour la patrie ? // Combats de femmes 1914–1918. Les femmes, pilier de l'effort de guerre*. Paris : Autrement, 2004. [Electronic source]

WOMEN'S PARTICIPATION IN THE FIRST WORLD WAR IN THE FRENCH HISTORIOGRAPHY

The article discusses the evolution and current state of gender studies in relation to the problem of women's participation in the Great War in French historical science. This issue is relevant for European countries due to the existence of a politically demanded feminist discourse: today women are recognized as full participants in the Great War, without whom victory would not have been possible and who have remained in the shadow of scientific attention for a long time. The demand for gender analysis and the youthfulness of gender studies in modern Russian science makes us turn to patterns that have developed in the European space, it encourages comparative studies of the experience of women's participation in the Great War, gender representations and the specifics of the political mobilization of both sexes on Russian and European material. The author of the article examines the evolution of gender studies in France since the 1970s and pays considerable attention to the current state of research. The focus is on problems related to the specifics of women's work, strategies for mobilizing women, specific forms of their participation in the conflict, the attitude of society towards new female roles, and the emotional perception of the war by men and women in France. The author states that modern French historical science is widely focused on the implementation of gender studies, but the key question: whether the Great War led to emancipation is still debatable.

Keywords: women history, World War I, gender, feminism, France, historiography.

References

1. *Istoriia zhenshchin na Zapade*. (2015). [The Women History in the West]. Vol. 5. Saint-Petersburg: Aleteia.
2. Amossy, R. (2008). *L'image de l'infirmière de la Grande Guerre de 1914 à 1994 // Mémoires et antimémoires littéraires au XXe siècle. La Première Guerre mondiale*. Bruxelles : P.I.E Peter Lang, 273–296.
3. Antier, C. (2008). *Résister, espionner: nouvelle fonction pour la femme en 1914–1918 // Guerres mondiales et conflits contemporains*, 4, 143–154.
4. Antier, C. (2007). *Espionnage et espionnes de la Grande Guerre // Revue historique des armées*, 247, 42–51.
5. Binot, J.-M. (2008). *Les Héroïnes de la Grande Guerre*. Paris : Fayard.
6. Capdevilla, L. (2010). *Être ou ne pas être un homme, une femme // Sexes, genre et guerres (France, 1914–1945)*. Paris : Payot, 7–39.
7. Capdevilla, L. (2002). *L'identité masculine et les fatigues de la guerre (1914–1945) // Vingtième siècle. Revue d'histoire*, 3, 97–108.
8. Cariguel, O. (2017). *À l'Est, tout est nouveau // La Révolution russe vue par une Française*. Paris : Éditions Pocket, 11–52.
9. Debruyne, E. (2018). «Femmes à Boches». *Occupation du corps féminin, dans la France et la Belgique de la Grande Guerre*. Paris : Les Belles Lettres.
10. Dewerpe, A. (1994). *Espion, une anthropologie historique du secret d'Etat contemporain*. Paris : Gallimard.
11. Dubesset, M., Thébaud F., Vincent C. (1977). *Les munitionnettes de la Seine, 1914–1918 // L'autre front, cahier du Mouvement Social №2*. Paris: Les éditions ouvrières, 189–219.
12. Fouchard, D. (2013). *Le Poids de la guerre. Les Poilus et leur famille après 1918*. Rennes: Presses Universitaires de Rennes.
13. Hirschfeld, M. (2006). *Sexual history of the World War*. University Press of the Pacific.

14. Klejman, L., Rochefort, F. (1989). *L'Égalité en marche. Le féminisme sous la Troisième République*. Paris : Presses de la Fondation nationale des sciences politiques.
15. Knibiehler, Y. (2004). *Les anges blancs : naissance difficile d'une profession féminine // Combats de femmes 1914–1918. Les femmes, pilier de l'effort de guerre*. Paris : Autrement [Electronic source].
16. Lahaie, O. (2017) *Pratique du renseignement humain en France pendant la Grande Guerre : permanences et évolutions // Espionnage et renseignement pendant la Première Guerre mondiale*. Paris : La documentation française, 123–144.
17. *Les femmes pendant la grande guerre*. Jeudi 18 Octobre 2018. Colloque – Salle Clemenceau. Retrieved 13 August 2022 from http://www.senat.fr/evenement/colloque/femmes_pendant_la_grande_guerre.html
18. *Les femmes pendant la guerre de 1914–1918 Ou l'émancipation en marche ? Actes du Colloque du 26 septembre 2014 sous la direction de Ghislaine Toutain*. Retrieved 02 November 2022 from <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/paris/12637.pdf>
19. Majerus, B. (2003). *La prostitution à Bruxelles pendant la Grande Guerre : contrôle et pratique // Crime, Histoire & Sociétés*, 1, 5–42.
20. Morin-Rotureau, É. (2004). *Combats de femmes 1914–1918. Les femmes, pilier de l'effort de guerre*. Paris : Autrement [Electronic source].
21. Naour, J.-Y., Le. (2004). *Épouses, marraines et prostituées : le repos du guerrier, entre service social et condamnation morale // Combats de femmes 1914–1918. Les femmes, pilier de l'effort de guerre*. Paris : Autrement [Electronic source].
22. Naour, J.-Y., Le. (2000). *Femmes tendues et repression des «femmes a boches» en 1918 // Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 47, 148–158.
23. Naour, J.-Y., Le. (2002). *Misères et tourments de la chair durant la Grande Guerre. Les Mœurs sexuelles des Français, 1914–1918*. Paris : Aubier.
24. Naour, J.-Y., Le. (2003). *Le héros, la femme honnête et la putain : la Première Guerre mondiale et les mutations du genre // Le genre face aux mutations : Masculin et féminin, du Moyen Âge à nos jours*. Rennes : Presses universitaires de Rennes. Retrieved 18 June 2022 from <http://books.openedition.org/pur/15910>.
25. Perrot, M. (1984). *Sur le front des sexes : un combat douteux // Vingtième Siècle, revue d'histoire*, 3, 69–76.
26. Proctor, T. (2003). *Female Intelligence: Women and Espionage in the First World War*. New York: New York University.
27. Prost, A., Winter J. (2004). *Penser la Grande Guerre. Un essai d'historiographie*. Paris : Éditions du Seuil.
28. Ripa, Y. (2002). *Les Femmes, actrices de l'histoire : France, 1789–1945*. Paris : Armand Colin.
29. Thébaud, F. (2013). *Femmes et genre dans la guerre // Encyclopédie de la Grande Guerre 1914–1918*. Paris : Bayard, 575–586.
30. Thébaud, F. (2013). *Les femmes au temps de la guerre de 14*. Paris : Payot.
31. Thébaud, F. (2014). *Penser les guerres du XXe siècle à partir des femmes et du genre. Quarante ans d'historiographie // Clio. Femmes, Genre, Histoire*, 39, 157–182.
32. Thérenty, M.-È. (2019). *Femmes de presse, femmes de lettres. De Delphine de Girardin à Florence Aubenas*. Paris : CNRS Éditions. [Source électronique].
33. Tréhel, G. (2015). *Magnus Hirschfeld, Helene Deutsch, Sigmund Freud et les trois femmes combattantes // Psychothérapies*, 4, 267–274.
34. Vidal-Naquet, C. (2018). *Écrire ses émotions. Le lien conjugal dans la Grande Guerre // Clio. Femmes, Genre, Histoire*, 47, 117–137.
35. Vidal-Naquet, C. (2014). *La séparation: L'amour à l'épreuve du départ au combat en août 1914 // Vingtième Siècle. Revue d'histoire*, 123, 102–116.
36. Vidal-Naquet, C. (2013). *«Te reverrai-je ?» Le lien conjugal pendant la Grande Guerre*. Thèse de doctorat en histoire, sous la direction de Christophe Prochasson, EHESS, 2013.
37. Zancarini-Fournel, M. (2010). *Histoire des femmes, histoire du genre // Historiographies. Concepts et débats*. T.1. Paris : Gallimard, 208–219.
38. Zancarini-Fournel, M. (2004). *Travailler pour la patrie ? // Combats de femmes 1914–1918. Les femmes, pilier de l'effort de guerre*. Paris : Autrement [Electronic source]

Об авторе

Галкина Юлия Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, доцент кафедры новой и новейшей истории, Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина (Россия), E-mail: iulia.galkina@urfu.ru

Galkina Yuliya Mikhailovna – candidate of historical sciences, associate professor, chair of the theory and history of International Relations, chair of the Modern and Contemporary History, Ural Federal University (Russia), E-mail: iulia.galkina@urfu.ru

Исламов Д.Р., аспирант, Казанский федеральный университет (Россия).

ОПЫТ ВСТУПЛЕНИЯ ХОРВАТИИ В ЕС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕСС ЕВРОИНТЕГРАЦИИ ЗАПАДНЫХ БАЛКАН В 2010-Е ГГ.

Европейский Союз активно проводит региональную политику, особенно на Западных Балканах. Евроинтеграционный процесс охватил данный регион с 2000-х гг., однако свою внешнюю политику ЕС стал проводить еще в 1990-х гг., когда на территории бывшей Югославии полыхали боевые действия. Западнобалканские государства можно назвать «странами расширения», имеющие перспективу присоединиться к Евросоюзу. При этом стоит отметить, что в рамках этого процесса имеется успешный пример Хорватии, ставшей полноправным членом ЕС с 2013 г. Кроме того, в 1990-е гг. хорватская политическая элита и население были далеки от проевропейской повестки, считая, что этим якобы восстанавливается единая Югославия под эгидой ЕС. Тогда в молодом государстве преобладали тенденции сбережения суверенитета и строительства своей государственности, то есть политики изоляционизма. Но уже с 2000-х гг. после смены политического руководства страна объявляет своей ключевой задачей – вступление в ЕС. Итогом этой деятельности является начало переговорного процесса с 2005 г. по 2011 г., проведение референдума в 2012 г. с последующим вхождением в ЕС. Следовательно, целью данного исследования является изучение внешней политики ЕС в отношении Хорватии в 1990-е гг. и переговорного процесса, происходившего в 2000-е гг. Кроме того, в статье было рассмотрено влияние опыта Хорватии на переговорный процесс оставшихся западнобалканских стран в 2010-е гг. (Албания, Босния и Герцеговина, Северная Македония, Сербия, Черногория, частично признанное Косово).

Ключевые слова: Европейский союз, Хорватия, Западные Балканы, европейская интеграция, общая внешняя политика, процесс вступления, политика расширения, переговоры о вступлении в ЕС.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-63-71

Введение

Хорватия стала первым государством в регионе Западных Балкан, которая приобрела полноправный статус члена Европейского союза (далее – ЕС) с июля 2013 г. Однако до этого происходил долгий путь евроинтеграции, обладавший большим количеством трудностей, связанных с наследием Югославских войн 1990-х гг. При этом война, происходившая в Хорватии, являлась одной из самых кровопролитных в ходе общих боевых действий на территории бывшей Югославии. Теперь важно рассмотреть внешнюю политику ЕС в отношении Хорватии в рамках евроинтеграционного процесса в 1990-2000-х гг. через раскрытие следующих задач:

- определение внутренних и внешних ограничений европейской интеграции в 1990-х гг.;
- рассмотрение треков взаимодействия между ЕС и Хорватией по подготовке к вступлению в 2000-х гг. и в начале 2010-х гг.;
- изучение влияния хорватского опыта вступления в ЕС на европейский интеграционный процесс оставшихся западнобалканских стран в 2010-е гг.

Объекты и методы исследования

В качестве методологической основы исследования был выбран неоклассический реализм, который утверждает, что внешняя политика государства формируется под влиянием не только внешней среды и накладываемых международной структурой ограничений, но и внутривнутриполитическими атрибутами государства, как структура политического класса, форма государственного устройства, социальный строй, идеологическая основа, взаимоотношение государства и общества и т.п. Исходя из этого, евроинтеграционный

процесс рассматривается не только с точки зрения воздействия институтов Евросоюза, в частности, Европейской комиссии на страну-кандидата, но и с позиций внутривнутриполитических процессов, происходивших в Хорватии в обозначенный период.

Результаты и их обсуждение

Учитывая историю взаимоотношений ЕС и Хорватии, то они начались после провозглашения независимости Хорватии в 1991 г., которую поспешили признать некоторые европейские государства, как ФРГ, Италия. И это происходило также по определенным обстоятельствам. Например, по мнению Канделя П.Е., «сербо-хорватская война вряд ли бы закончилась к февралю 1992 г., если бы не было признания Хорватии и Словении всеми ведущими мировыми державами и мощного дипломатического давления ЕС и США при поддержке России» [3]. Естественно, что ЕС не рассматривал Хорватию в качестве даже потенциального кандидата на вступление из-за череды военных конфликтов в регионе. Для многих в Хорватии казалось проблемой существование самопровозглашенной Республики Сербская Краина, позже уничтоженной в ходе операции «Бура».

Первоначальный всплеск поддержки со стороны хорватов Европейского союза, вскоре сменился иным трендом, который возник уже в середине 1990-х гг. – курс на национальное и государственное строительство, сбережение своего суверенитета. Разумеется, что подобный курс олицетворял собой президент Хорватии Ф. Туджман (1990-1999 гг.) со своим достаточно авторитарным стилем управления. Вдобавок в 1990-х гг. Хорватский демократический союз (правящая партия

того периода) особо подчеркивала то, что Хорватия достигла независимости, полноценной государственности и отделения от других стран Балкан [18, р.53]. Как раз в тот военный и поствоенный период в Хорватии преобладали позиции сохранения и укрепления своей государственности. Даже чисто теоретически не рассматривалась возможность передачи части властных полномочий каким-либо наднациональным органам ЕС. «Отделение от региона Балкан» превратился в ключевой лозунг правящей элиты и населения Хорватии. Хорватское руководство в лице Ф. Туджмана считало, что евроинтеграционный процесс и проекты ЕС представляли собой «угрозу» для воссоздания новой Югославии, но теперь под куполом Евросоюза. А региональное сотрудничество на Балканах рассматривалось как посягательство на независимость и национальные интересы самой Хорватии. Подтверждением этого является яростное выступление Туджмана по поводу политики ЕС о региональном сотрудничестве в 1996 г. Следовательно, снижался уровень поддержки проевропейского пути, который будет располагаться в районе 20-30% с 1992 по 2000 гг. [18, р.73]

При этом с начала XXI века политический диалог в Хорватии стал постепенно смещаться от националистической риторики «сохранения государственности» к концепции евроатлантики (ЕС и НАТО). Почему стал происходить подобный переход? Для объяснения этого явления можно выделить следующие факторы:

- во-первых, в декабре 1999 г. умер бесценный лидер Хорватии Ф. Туджман, который и являлся символом политики изоляционизма и существования «в собственном соку»;

- во-вторых, завершилась горячая фаза югославских войн и стартовал постепенный процесс восстановления экономик государств Западных Балкан;

- в-третьих, победа на выборах в 2000 г. оппозиционных сил во главе с Социал-демократической партией Хорватии;

- в-четвертых, готовность правительства под руководством И. Рачана (лидера Социал-демократической партии Хорватии) на сотрудничество с Международным трибуналом по бывшей Югославии (далее – МТБЮ) [9].

Проигрыш в 2000 г. на тот момент бесценно руководящей страной партии ХДС стал поворотным моментом в истории евроинтеграционного проекта Хорватии. Одним из препятствий был отказ от сотрудничества с МТБЮ, так как многие хорватские генералы отказывались принимать подобное, а националистическая риторика ХДС только укрепляла их позиции. А подобный отказ являлся серьезным барьером в евроинтеграционном пути. Следовательно, премьер-министр Хорватии И. Рачан, несмотря на

жесткую оппозицию внутри страны, все равно продолжил сотрудничество с МТБЮ, что вылилось в серьезный политический кризис в стране в начале нового тысячелетия. «Мы должны дать миру возможность уважать нас и одновременно бороться за нашу правду», - заявил премьер-министр Хорватии [9]. Постепенно именно он выводил Хорватию из политики изоляционизма и избавлялся от наследия Ф. Туджмана. Фактически это стало первым ключевым этапом поворота Хорватии на проевропейский путь.

Подобная тенденция не изменилась и с возвращением к власти ХДС в 2003 г. Следующий премьер-министр от ХДС И. Санадер провозгласил основной целью внешней политики – это членство в ЕС, а инструментом для её достижения – дальнейшее сотрудничество с МТБЮ [18, р.53]. По мнению Энтиной Е.Г., «в отношении решения вопроса о сотрудничестве с Гаагским трибуналом И. Санадеру удалось сочетать умеренную националистически-популистскую риторику с реальной кооперацией с трибуналом» [11, с. 212]. Стало очевидно, что именно в тот момент возникает политический консенсус, когда ведущие политические силы заняли позицию евроатлантического пути развития Хорватии. Если ранее казалось, что все проблемы государства будут решены через национальное и государственное строительство, то теперь подобной панацеей от всех проблем считали членство в ЕС.

Однако уровень поддержки премьер-министра Хорватии И. Санадера от ХДС стал резко снижаться уже с 2004 г. Согласно данным опросов, около 64% граждан считали, что Санадер ведет страну по неправильному пути [21]. Масло в огонь подливали и местные СМИ. Например, хорватская ежедневная газета «Novi list» писала о том, что Хорватия будет «скоро жить в одном государстве с сербами, где столицей будет не Белград, а Брюссель» [21]. Фантомные страхи о возрождении Югославии на Балканах сохранялись в Хорватии. В целом с 2003-2012 гг. уровень приоритетности проевропейского пути составлял от 30% до чуть выше 40%, т.е. абсолютной поддержки (более 50%) не существовало [18, р. 71]. В данном случае можно выделить несколько причин подобного отношения хорватов в те годы к евроинтеграционному пути развития:

- существование, так называемых «генералов» Хорватской войны 1990-х гг., представителей Римско-католической церкви в Хорватии, которые считали подобное неприемлемым. Например, такими акциями можно считать, открытое письмо «против неправильной демонстрации Отечественной войны», подписанное 7 хорватскими генералами, или риторика Католической церкви в Хорватии о борьбе добра и зла, наряду с жесткой критикой социал-демократов, находившихся у власти в 2000-2003 гг. [18, р. 74]

- затягивание процесса вступления Хорватии в ЕС;
- недостаточное информирование населения о евроинтеграции;
- недоверие к национальным политическим элитам;
- недоверие к политической элите ЕС;
- негативное отношение к МТБЮ;
- возможность потери суверенитета для относительно молодого государства.

Таким образом, первоначально националистическая риторика Ф. Туджмана точно не приближала Хорватию к ЕС, так как многие из числа политической элиты страны скептически относились к этому проекту с середины 1990-х гг. Но изменения в руководстве страны и преобразования во внешней политике предопределили плавание Хорватии в сторону берегов ЕС. Несмотря на подобную тенденцию, страхи хорватского общества об утрате суверенитета и государственности при активном сближении с ЕС все еще оставались достаточно устойчивыми на протяжении 2000-х гг.

Каковы особенности переговорного процесса между ЕС и Хорватией в 2000-е гг.?

Хорватия, наряду со Словенией, считалась одной из наиболее развитых республик бывшей Югославии, поэтому не зря именно эти страны рассматривались ЕС в качестве потенциальных кандидатов в члены. Более быстрый путь в ЕС получился у Словении, получившей статус полноправного члена ещё в 2004 г. Во-первых, на его территории не было широкомасштабных боевых действий, во-вторых, существовала достаточно развитая экономическая система еще в период единой Югославии. В отличие от Словении, Хорватия столкнулась с боевыми действиями, этническими чистками, что до сих пор отдается отголосками и на современном этапе. Например, широкомасштабное празднование в Хорватии в 2015 г. двадцатилетия операции Бурия, когда была ликвидирована Республика Сербская Краина, и сотни тысяч этнических сербов покинули свои места проживания. Что касается сербской стороны, то для нее эта дата является днем памяти погибших сербов во время той операции и вынужденного отъезда из Краины [6].

Стоит отметить, что полноценный диалог между ЕС и Хорватией начался с 2001 г., когда был подписан ключевой документ, давший старт европейской интеграции на Западных Балканах – «Соглашение о стабилизации и ассоциации» (далее - ССА). Данный документ являлся частью общего Процесса стабилизации и ассоциации, запущенного ЕС в 1999 г. для стран Юго-Восточной Европы, включая Западные Балканы. Для Хорватии подписание ССА являлось первым официальным шагом на пути вступления в ЕС, предвзя

последующие шаги, как подача заявления о членстве в ЕС, получение статуса кандидата и открытия полноценного переговорного досье о вступлении в ЕС. Известно, что ССА предусматривал:

- установление политического диалога;
- согласование национального законодательства и законодательства Евросоюза;
- региональное сотрудничество;
- развитие принципа «четырёх свобод», как свободу передвижения товаров, услуг, лиц, капитала, с созданием зоны свободной торговли товарами и услугами после шестилетнего переходного периода;
- сотрудничество во всех областях, имеющих общественную значимость, включая взаимодействие в сфере правосудия и внутренних дел и т.п. [19]

В 2003 г. Хорватия подала заявку для вступления в Евросоюз, а год спустя приобрела статус кандидата еще до начала переговорного процесса. В феврале 2005 г. окончательную силу получило Соглашение об ассоциации и стабилизации, однако в марте ЕС приостановил переговорный процесс с Хорватией. Это действие со стороны ЕС являлось протестом против того, что хорватские официальные лица не в полной мере сотрудничают с МТБЮ. Особенно это касалось дела хорватского генерала А. Готовины, которому до этого были предъявлены обвинения в предполагаемых военных преступлениях [20]. Было поставлено жесткое условие того, что переговорный процесс начнется в случае выдачи генерала А. Готовины МТБЮ, находящегося в Гааге [20].

Кроме того, другой проблемой для ЕС являлась позиция Австрии. В 2005 г. началась активная фаза переговоров между ЕС и Турцией, но против этого выступала Австрия. Ввиду этого Евросоюз был вынужден пойти на уступки и осенью 2005 г. разморозить переговорный процесс с Хорватией [4, с. 226]. Более того, в декабре 2005 г. на Канарских островах был арестован хорватский генерал А. Готовина и выдан МТБЮ [17]. Это еще более ускорило переговорный процесс, который шел до конца июня 2011 г. [15]

Таким образом, тенденции сохранения своего суверенитета и выстраивания государственности в 1990-х гг. постепенно сменились в сторону проевропейского пути и получения полноправного членства в ЕС.

Полноценный путь евроинтеграции для Хорватии наступил после публикации со стороны Еврокомиссии – Стратегии для вступления Хорватии в ЕС (*Pre-accession Strategy for Croatia*), где можно выделить следующие основные элементы:

- подготовка регулярных докладов о прогрессе Хорватии в процессе вступления в ЕС со стороны Европейской комиссии (публикация докладов началась с 2005 г.);
- выделение финансовой помощи через

Программу помощи Сообщества странам Центральной и Восточной Европы (PHARE), Инструмент структурной политики для подготовки стран-претендентов к вступлению в ЕС (ISPA), Программу по сельскому хозяйству и развитию сельских районов (SAPARD).

- учреждение Совета стабилизации и ассоциации и Комитета стабилизации и ассоциации, а также соответствующих комитетов. Главной задачей являлся мониторинг реализации Соглашения по стабилизации и ассоциации. Помимо этого, данные органы выступали в качестве площадки для обсуждения вопросов, связанных с процессом гармонизации законодательства ЕС и Хорватии;

- принятие рамочного соглашения, позволявшего Хорватии участвовать в программах ЕС [13, р. 24].

После того, как Хорватия получила статус кандидата, для страны открылись программы по подготовке к вступлению в ЕС. Более того, в распоряжение хорватской стороны стали доступны финансовые и технические программы, способствовавшие проведению экономических, правовых и политико-институциональных реформ. Например, на период 2005-2006 гг. для Хорватии из фондов PHARE, ISPA, SAPARD было выделено около 252 млн. евро [13, р. 28]. Позже все программы были заменены одной – Инструментом предвступительной помощи (**Instrument for Pre-accession Assistance - IPA**) на период 2007-2013 гг. Для Хорватии были открыты все пять компонентов:

- помощь в переходный период развития и институциональное строительство;
- трансграничное сотрудничество;
- региональное сотрудничество;
- развитие человеческого капитала;
- развитие сельского хозяйства и сельской местности [13, р. 28].

С 2007 г. до июля 2013 гг. Хорватия получила от Института предвступительной помощи более 1 млрд. евро [16]. Бесспорно, что, помимо организационной работы по вступлению в ЕС, существовали значительные препятствия на пути к этому. Во-первых, это территориальный спор между Хорватией и Словенией в Пиранском заливе в северной части Адриатического моря. Словенская сторона усиленно боролась за данный морской коридор, который позволял бы стране

иметь прямой доступ к международным водам. Евросоюз прилагал все усилия с целью нахождения приемлемого решения спора. Позже данный вопрос был передан в Международный арбитражный суд в Гааге. Только после этого был дан зеленый свет для хорватской стороны по поводу вступления в ЕС. Однако территориальный спор все еще остается актуальным, и Хорватия не признает решения арбитражного суда в Гааге, вынесенного в пользу Словении [1].

Другой момент состоял в урегулировании спора при содействии Банка международных расчетов в Базеле. Он был отчасти решен только в марте 2013 г., когда Хорватия согласилась отозвать судебные иски против банка «Ljubljanska Banka» [4, с. 227]. И только после этого Словения перестала блокировать вступление Хорватии в ЕС и ратифицировала Договор о присоединении Хорватии к ЕС.

Следующий вопрос состоял в сотрудничестве Хорватии и МТБЮ. Долгое время Хорватия отказывалась в какой-либо форме сотрудничать с МТБЮ. Но все изменилось в 2000 г. с приходом к власти Социал-демократической партии во главе с И. Рачаном. Вскоре в конце 2005 г. Испания экстрадировала генерала А. Готовину в МТБЮ в Гааге, который признавался виновным в совершении ряда преступлений во время операции «Буря». Стоит отметить, что в Докладе по прогрессу от 2011 г., говорится, что Хорватия продолжает сотрудничество с МТБЮ, но судьба потерянных военных документов, которые были потребованы со стороны МТБЮ, неизвестна. Хорватские власти должны продолжить свои усилия по установлению потерянных документов. Кроме того, отмечалось, что вердикт МТБЮ в отношении хорватских генералов Готовины и Маркача привели к серьезным акциям протеста в хорватских городах, что не способствует созданию атмосферы примирения и понимания наследия войны 1990-х гг. [14]

Общественное отношение в Хорватии к евроинтеграционному процессу в 2000-2013 гг.

Несмотря на многие уверения и заявления со стороны хорватских властей и представителей Евросоюза о «прекрасном будущем Хорватии в ЕС», настороженное отношение хорватского общества к ЕС сохранялось и даже увеличилось к 2012 г. по сравнению с 2007 г.

Таблица 1.

Опрос о «фантомных страхах» хорватского общества по отношению к ЕС

	2007			2012		
	Не согласны	Не определились	Согласны	Не согласны	Не определились	Согласны
ЕС – заговор крупного бизнеса с целью подрыва национальных государств	46%	28%	26%	29%	42%	29%
Вдали от глаз общественности и против желания граждан, Хорватия стремится присоединиться к Балканской федерации через региональное сотрудничество	59%	26%	15%	33%	45%	22%

Источник: опросы, проведенные Факультетом политических наук Загребского университета (FPZ) [18, р. 75]

По таблице можно заметить увеличение числа тех, кто считает ЕС элементом заговора для подрыва национальных государств с 26% до 29%, а число колеблющихся с 28% до 42%. В свою очередь, фантомный страх о «восстановлении Юго-

славии» через региональное сотрудничество увеличился с 15% до 22%, а число колеблющихся также выросло с 26% до 45%. Это говорит о том, что наследие 1990-х гг. продолжало играть важную роль в сознании хорватского общества в 2000-х гг. и в начале 2010-х гг.

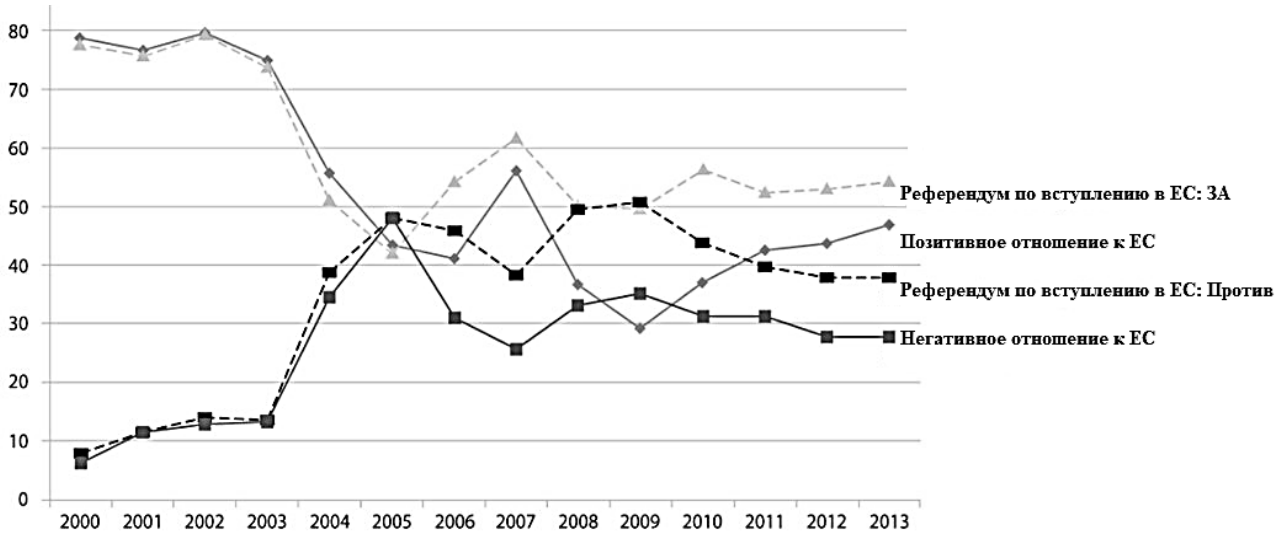

Рис.1. Отношение граждан Хорватии к проведению референдума о вступлении в ЕС (опросы, проведенные Факультетом политических наук Загребского университета (FPZ) [18, р. 80-81])

На следующем графике (2000-2013 гг.) показывается не просто процесс того, как проголосовали бы граждане Хорватии на референдуме по вступлению в ЕС, но и позитивное/негативное отношение к Евросоюзу. Интересно, что готовых проголосовать «За» вступление в ЕС на референдуме выше, чем процент людей, позитивно относящихся к ЕС в целом. Это возможно объяснить тем, что даже те, кто относился негативно или нейтрально к ЕС, были готовы проголосовать «За» как бы авансом, надеясь в будущем через ЕС решить насущные проблемы страны.

При этом стоит отметить, что позиции позитивного отношения к ЕС снижались достаточно значительно от почти 80% в 2000 г. к 40-50% в 2011-2013 гг. Это можно обусловить следующими факторами:

- продолжительный процесс евроинтеграции для Хорватии с увеличивающимися требованиями и условиями со стороны ЕС;
- отношения с МТБЮ, многими воспринимавшийся как фактор несправедливости в отношении Хорватии;
- пограничный спор и банковский кризис между Словенией и Хорватией и др.

Все это привело к сокращению числа поддерживающих или позитивно относящихся к ЕС. Особенно это проявлялось в данном случае в 2008-2009 гг., когда мир достиг серьезный мировой экономический кризис, затронувший, бесспорно, и ЕС. Поэтому Евросоюз активизировал свои действия уже в декабре 2011 г., когда был подписан Договор о присоединении. Однако некоторые депутаты Европарламента сомневались в том, соответствует ли Хорватия

критериям членства в ЕС. Они указывали на то, что во время проведения выборов в декабре 2011 г. случались проявления национализма, прославления «ветеранов» Югославской войны, серьезные экономические проблемы и размер внешнего долга, который тогда превысил размер годового ВВП [7]. В тот же самый момент это был негативный итог и для Сербии, так как Хорватия, став членом ЕС, могла создавать дополнительные барьеры для сербской евроинтеграции.

Однако позитивный настрой Еврокомиссии оказался более весомым, чем настроения определенной части Европарламента. Уже в январе 2012 г. состоялся референдум по вопросу о вступлении Хорватии в ЕС, где более 66% проголосовали «ЗА» вступление, при относительно небольшой явке – почти 44%, то есть менее 50% соответственно [2]. «Итоги референдума - это хорошая новость для Хорватии, региона и Европы», - говорилось в совместном заявлении председателя Евросовета Хермана ван Ромпея и главы Еврокомиссии Жозе Мануэла Баррозу [8]. Однако еще раз стоит обратить внимание на явку, которая была ниже 50%, т.е. это говорит о том, что скептическое или равнодушное отношение хорватского общества к ЕС в тот момент было достаточно высоким.

С 1 июля 2013 г. Хорватия стала полноправным членом ЕС. Длительные переговоры, начавшиеся официально с 2005 г., завершились в январе 2012 г. Хорватские власти описывали достаточно радужную картину после вступления в

ЕС и какие преимущества государство может получить в результате этих действий:

- отмена барьеров для свободного передвижения товаров, услуг, капитала, рабочей силы со странами-членами ЕС;
- приход в страну иностранных инвесторов и прямых иностранных инвестиций, что повлечет за собой увеличение количества рабочих мест;
- эффективное использование преимуществ Хорватии, побережья, островов Адриатического моря, успешное развитие туристического сектора;
- доступ к обширному рынку ЕС с более 500 млн. потребителями;
- успешное интегрирование экономики Хорватии в общеевропейскую и мировую экономику и т.д.

Однако стоит помнить, что ЕС всегда выдвигает достаточно жесткие условия для новых потенциальных стран-членов ЕС, зачастую даже в ущерб стратегическим секторам национальной экономики. В отношении Хорватии подобные ограничения касались судостроения, пищевой, легкой промышленности, сельского хозяйства, а также туристической индустрии. Хорватия не стала исключением в том, что при стремлении быстрого вхождения в ЕС государство не особенно настаивало на защите своих ключевых отраслей экономики.

В экономическом плане Хорватия не стала исключением из числа посткоммунистических стран, которые стремились в ЕС. В ходе изменений национальной экономики под давлением ЕС крупные хорватские промышленные предприятия перестали полностью существовать или существенно сократили производство из-за конкуренции с европейскими предприятиями и ТНК, например, те же самые судостроительные заводы в Риеке, Сплите и др. [5, р. 37].

В политическом плане Хорватия полностью влилась в евроатлантический вектор, в том числе и приняв санкций против России в 2014 г. Ввиду этого товарооборот между Россией и Хорватией сократился с 1,5 млрд. долл. в 2014 г. до 500 млн. долл. в доковидный 2019 г. [12]

Более важным политическим аспектом стало то, что Хорватия всячески старалась «вставлять палки в европейские колеса» Сербии, блокировав ранее открытие новых глав переговорного досье. Принятие одного из государств Западных Балкан в действительности могло вызвать подобную ситуацию, так как, получив полноправное членство в ЕС, это можно использовать в свою пользу в рамках двусторонних отношений со своими соседями по региону. Этим и пыталась пользоваться Хорватия, выдвигая различные условия от гарантий представительства хорватского меньшинства в сербском парламенте до отмены юрисдикции своего суда в преследовании военных преступлений по всей бывшей Югославии [10].

Заключение

Хорватия стала первым западнобалканским государством, получившим полноправное членство в Евросоюзе. Однако подобное членство было дано как бы авансом, так как остался неурегулированным в полной мере территориальный спор со Словенией. По-видимому, ЕС решил взять на себя роль посредника, чтобы помочь разрешить проблемы между уже двумя членами – Хорватией и Словенией. В связи с этим, можно отметить, что во второй половине 2010-х гг. Евросоюз начал менять подходы по евроинтеграции Западных Балкан. В дальнейшем одним из ключевых треков политики ЕС в регионе стало разрешение проблем двустороннего характера и пограничных споров. Евросоюз обозначил то, что начало переговорного процесса для западнобалканских стран будет возможно только после решения этих вопросов. Например, решение территориальных, исторических, культурных и иных споров между странами Западных Балкан и с другими государствами, как Греция, Болгария, обсуждались на саммитах Западные Балканы в рамках Берлинского процесса и на саммитах «ЕС – Западные Балканы» в 2018 г., 2020 г., 2021 г. В этом смысле кейс Хорватии сыграл важную роль. При этом вступление Хорватии в ЕС в 2013 г. не давало стране автоматическое право стать частью Шенгенской зоны и валютной зоны евро. Разговоры о присоединении к этим системам для Хорватии начались только в 2015-2016 гг.

Кроме того, с 2011 г. в Стратегиях по расширению Еврокомиссия стала обращать большее внимание вопросам укрепления верховенства права и эффективности государственного управления в отношении остальных стран-кандидатов и потенциальных кандидатов на Западных Балканах (Албания, Босния и Герцеговина, БЮР Македония, Сербия, Черногория, Косово). Исходя из этого, Еврокомиссия предложила новый подход по вопросам правосудия, безопасности, свободы, судебной власти и фундаментальных прав [14 р. 22]. Отмечалось, что эти вопросы должны будут решаться на самых ранних стадиях, учитывая тот опыт, который был накоплен ранее во время переговорного процесса с Хорватией.

С одной стороны, Хорватия как полноправный член ЕС приобрел возможность блокировать евроинтеграционный процесс других стран Западных Балкан. Это стало некой новой «политической дубиной», благодаря которой Хорватия пыталась склонить западнобалканские страны к решениям, устраивающим хорватскую сторону. Ярким примером тому является Сербия, с которой у Хорватии имеются натянутые отношения в связи с событиями Югославской войны.

С другой стороны, во второй половине 2010-х гг. хорватское руководство стало менять свою по-

зицию по вопросам евроинтеграции Западных Балкан. Вместо того, чтобы мешать данному процессу, Хорватия стала заявлять о себе в качестве условного регионального лидера по поддержке европейских устремлений западнобалканских стран. Например,

с января по июнь 2020 г. Хорватия председательствовала в Совете ЕС. За это время по инициативе хорватской стороны в мае 2020 г. был проведен саммит «ЕС – Западные Балканы», правда, в онлайн-формате из-за пандемии COVID-19.

Список литературы

1. Аринушкина А. (2017). Словения взяла под контроль Пиранский залив, принадлежавший Хорватии. Deutsche Welle (DW). 30.12.2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://p.dw.com/p/2q8g3> (дата обращения: 15.09.2022).
2. Вступление Хорватии в ЕС поддержали 66% граждан - ЦИК. (2012). РИА Новости. 23.01.2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20120123/546469568.html> (дата обращения: 15.09.2022).
3. Кандель П.Е. Как разваливалась Югославия? // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer, 1992. [Электронный ресурс]. URL: https://i-sng.ru/observer/observer/N03_92/3_18.htm (дата обращения: 15.09.2022).
4. Кириллов В.Б., Буланникова Ю.А. Международные отношения и внешняя политика Балканских стран: 1856-2014. – М.: «МГИМО – Университет», 2015. - 340 с.
5. Князев Ю.К. Первые результаты членства Хорватии в Европейском союзе (научный доклад). – М.: Институт экономики РАН, 2017. - 44 с. [Электронный ресурс]. URL: https://inecon.org/docs/Knyazev_paper_2017.pdf (дата обращения: 15.09.2022).
6. 20 лет операции «Буря»: хорваты празднуют победу, сербы поминают жертв (2015). Euronews. 05.08.2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Z7y3iEdhcRw> (дата обращения: 15.09.2022).
7. Прёсль К., Петрович И., Бушуев М. (2011). Хорватия и Сербия на пути в Евросоюз: два разных сценария. Deutsche Welle (DW). 08.12.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://p.dw.com/p/13Kn5> (дата обращения: 15.09.2022).
8. Степовик М. (2012). ЕС приветствует итоги референдума в Хорватии. Deutsche Welle (DW). 23.01.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://p.dw.com/p/13o8f> (дата обращения: 15.09.2022).
9. Хорватия: вотум доверия кабинету. (2001). BBC World News. 16.07.2001. [Электронный ресурс]. URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/news/newsid_1440000/1440758.stm (дата обращения: 15.09.2022).
10. Хорватия блокирует переговоры между Сербией и ЕС, шантажируя Белград. (2016). ИА REGNUM. 08.04.2016. – [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2114946.html> (дата обращения: 15.09.2022).
11. Энтина Е.Г. Особенности и пределы интеграционной политики Европейского союза в Юго-Восточной Европе (на примере государств постъюгославского пространства): дис. ... д-ра полит. наук.; 23.00.04. - М., 2020. – 498 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instituteofeurope.ru/images/stories/diss/entina/1.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).
12. Bilateral trade between Croatia and Russian Federation Product: TOTAL All products: 2014-2019. The International Trade Centre (ITC), 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/ZAw8q> (дата обращения: 15.09.2022).
13. Croatia on the Road to the European Union. (2010). Republic of Croatia Ministry of Foreign Affairs and European Integration. 27.01.2010. (дата обращения: 15.09.2022).
14. Enlargement Strategy and Main Challenges 2011-2012 (2011). European Commission. 12.10.2011. – 85 p. [Электронный ресурс]. URL: http://aei.pitt.edu/44756/1/com2011_0666.pdf (дата обращения: 15.09.2022).
15. European Neighbourhood Policy and Enlargement Negotiations. Croatia. (2013). European Commission. 01.07.2013. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/croatia_en (дата обращения: 15.09.2022).
16. Final EU pre-accession funding to help Croatia become a successful EU Member State. (2012). European Commission. 14.12.2012. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_12_1372 (дата обращения: 15.09.2022).
17. How Croatia's Ante Gotovina's past caught up with him (2011). BBC World News. 15.04.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-13038812> (дата обращения: 15.09.2022).
18. Maldini P., Paukovic D. Croatia and the European Union: changes and development // Routledge. Southeast European studies, 2017, 216 p.
19. Stabilisation and Association Agreement between the EC and Croatia signed today. (2001). European Commission. 29.10.2001. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_01_1503 (дата обращения: 15.09.2022).
20. Staunton D. (2005). EU set to postpone accession talks with Croatia. The Irish Times Ltd.

16.03.2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irishtimes.com/news/eu-set-to-postpone-accession-talks-with-croatia-1.423580> (дата обращения: 15.09.2022).

21. Varendorff H. (2004). Croatia turns against EU and Sanader. POLITICO. 08.12.2004. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politico.eu/article/croatia-turns-against-eu-and-sanader/> (дата обращения: 15.09.2022).

EXPERIENCE OF CROATIAN ACCESSION TO THE EU AND ITS IMPACT ON THE EUROPEAN INTEGRATION OF THE WESTERN BALKANS IN THE 2010S

The European Union is vigorously implementing a regional policy, especially in the Western Balkans. Since the 2000s the European integration process has covered this region. However, since the 1990s EU had already commenced conducting its foreign policy while the war in the post-Yugoslav states was breaking out. The Western Balkan states can be called "enlargement countries" with a perspective to accede to the European Union. Croatian membership was the first successful case for the EU enlargement process in the Western Balkans. In addition, in the 1990s the Croatian political elite and society were far from the pro-European agenda. They assumed that a united Yugoslavia allegedly would be reestablished under the auspices of the EU. During that time tendencies of rescuing sovereignty and state-building had been prevailing in the newly independent state, which can be called an isolationist policy. But since the 2000s, after the reshuffles in the political elite, Croatia has declared its core task to join the EU. The outcome of this policy is the beginning of the negotiation process from 2005 till 2011, the holding of a referendum in 2012 with further joining the EU. Hence, the purpose of this paper is to examine the EU's foreign policy towards Croatia in the 1990s as well as the negotiation process undertaken in the 2000s. Furthermore, the author touches upon the impact of Croatia's experience on the negotiation process of other Western Balkan states in the 2010s (Albania, Bosnia and Herzegovina, North Macedonia, Serbia, Montenegro, Kosovo).

Keywords: European Union, Croatia, Western Balkans, European integration, common foreign policy, EU accession process, EU enlargement policy, EU accession negotiations.

References

1. Arinushkina A. (2017). Sloveniya vzyala pod kontrol' Piranskij zaliv, prinaldezhavshij Horvatii [Slovenia took control of the Piran Gulf belonged to Croatia]. Deutsche Welle (DW). 30.12.2017. [Electronic resource]. URL: <http://p.dw.com/p/2q8g3> (accessed: 15.09.2022).
2. Vstuplenie Horvatii v ES podderzhali 66% grazhdan – CIK [Croatia's accession to the EU supported by 66% of citizens]. (2012). RIA Novosti. 23.01.2012. [Electronic resource]. URL: <https://ria.ru/20120123/546469568.html> (accessed: 15.09.2022).
3. Kandel' P.E. Kak razvalivalas Jugoslaviya? [How was Yugoslavia falling apart?] // Nauchno-analiticheskiy zhurnal Obozrevatel – Observer, 1992. [Electronic resource]. URL: https://i-sng.ru/observer/observer/N03_92/3_18.HTM (accessed: 15.09.2022).
4. Kirillov V.B., Bulannikova Y.A. Mezhdunarodnye otnosheniya i vneshnyaya politika Balkanskih stran: 1856-2014 [International relations and foreign policy of the Balkan countries: 1856-2014]. – M.: «MGIMO – Universitet», 2015. – 340 с.
5. Knyazev Y.K. Pervye rezul'taty chlenstva Horvatii v Evropejskom soyuze (nauchnyj doklad) [The first results of Croatia's membership in the European Union (scientific report)]. – M.: Institut ekonomiki RAN, 2017. – 44 с. [Electronic resource]. URL: https://inecon.org/docs/Knyazev_paper_2017.pdf (accessed: 15.09.2022).
6. 20 let operacii «Burya»: horvaty prazdnuyut pobedu, serby pominayut zhertv (2015). [20 years of operation "Storm": Croats celebrate victory, Serbs commemorate the victims]. Euronews. 05.08.2015. [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Z7y3iEdhcRw> (accessed: 15.09.2022).
7. Pryosl K., Petrovich I., Bushuev M. (2011). Horvatiya i Serbiya na puti v Evrosoyuz: dva raznyh scenariya [Croatia and Serbia on the way to the European Union: two different scenarios]. Deutsche Welle (DW). 08.12.2011. [Electronic resource]. URL: <http://p.dw.com/p/13Kn5> (accessed: 15.09.2022).
8. Stepovik M. (2012). ES privetstvuet itogi referendum v Horvatii [The EU welcomes the results of the referendum in Croatia]. Deutsche Welle (DW). 23.01.2012. [Electronic resource]. URL: <http://p.dw.com/p/13o8f> (accessed: 15.09.2022).
9. Horvatiya: votum doveriya kabinetu [Croatia: vote of confidence to the cabinet]. (2001). BBC World News. 16.07.2001. [Electronic resource]. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_1440000/1440758.stm (accessed: 15.09.2022).
10. Horvatiya blokiruet peregovory mezhdu Serbiej i ES, shantazhiruya Belgrad [Croatia is blocking negotiations between Serbia and the EU by blackmailing Belgrade]. (2016). IA REGNUM. 08.04.2016. – [Electronic resource]. URL: <https://regnum.ru/news/2114946.html> (accessed: 15.09.2022).
11. Entina E.G. Osobennosti i predely integracionnoj politiki Evropejskogo soyuza v Yugo-Vostochnoj Evrope (na primere gosudarstv post'yugoslavskogo prostranstva): dis. ... d-ra polit. nauk.; 23.00.04. [Features and limits of the integration policy of the European Union in South-Eastern Europe (on the example of the states of the Post-Yugoslav space)]. – M.. 2020. – 498 s. [Electronic resource]. URL: <https://www.instituteofeurope.ru/images/stories/diss/entina/1.pdf> (accessed: 15.09.2022).
12. Bilateral trade between Croatia and Russian Federation Product: TOTAL All products: 2014-2019. The International Trade Centre (ITC), 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/ZAw8q> (accessed: 15.09.2022).

13. Croatia on the Road to the European Union. (2010). Republic of Croatia Ministry of Foreign Affairs and European Integration. 27.01.2010. (accessed: 15.09.2022).
14. Enlargement Strategy and Main Challenges 2011-2012 (2011). European Commission. 12.10.2011. – 85 p. [Электронный ресурс]. URL: http://aei.pitt.edu/44756/1/com2011_0666.pdf (дата обращения: 15.09.2022).
15. European Neighbourhood Policy and Enlargement Negotiations. Croatia. (2013). European Commission. 01.07.2013. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/croatia_en (accessed: 15.09.2022).
16. Final EU pre-accession funding to help Croatia become a successful EU Member State. (2012). European Commission. 14.12.2012. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_12_1372 (accessed: 15.09.2022).
17. How Croatia's Ante Gotovina's past caught up with him (2011). BBC World News. 15.04.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-13038812> (accessed: 15.09.2022).
18. Maldini P., Paukovic D. Croatia and the European Union: changes and development // Routledge. Southeast European studies, 2017, 216 p.
19. Stabilisation and Association Agreement between the EC and Croatia signed today. (2001). European Commission. 29.10.2001. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_01_1503 (accessed: 15.09.2022).
20. Staunton D. (2005). EU set to postpone accession talks with Croatia. The Irish Times Ltd. 16.03.2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irishtimes.com/news/eu-set-to-postpone-accession-talks-with-croatia-1.423580> (accessed: 15.09.2022).
21. Varendorff H. (2004). Croatia turns against EU and Sanader. POLITICO. 08.12.2004. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politico.eu/article/croatia-turns-against-eu-and-sanader/> (accessed: 15.09.2022).

Об авторе

Исламов Дамир Римович – аспирант кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений Казанского федерального университета (Россия), E-mail: dam1948@yandex.ru

Islamov Damir Rimovich – Postgraduate Student of the Department of International Relations, World Politics and Diplomacy, Institute of International Relations, Kazan Federal University (Russia), E-mail: dam1948@yandex.ru

Красноперов А.А., кандидат исторических наук, сотрудник, Удмуртский институт истории, языка, литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (Россия)

ФИБУЛЫ С КНОПКОЙ НА КОНЦЕ СПЛОШНОГО ПЛАСТИНЧАТОГО ПРИЕМНИКА В ПРИКАМЬЕ И ВЕРОЯТНЫЕ ПУТИ ИХ ПОСТУПЛЕНИЯ

Статья продолжает цикл публикаций, посвященных вопросам смены культур в Прикамье на рубеже раннего железного века и раннего средневековья. Важное значение в датировании этих процессов имеют типы привозных фибул. В работе рассмотрены находки фибул группы Амброз-12 – с кнопкой на конце приемника. Всего в Прикамье найдено 10 экземпляров таких застежек, всего в двух пунктах – напротив устья р.Ик (Нырғында) и в среднем течении р.Ик (Сасыкуль). В сарматских памятниках эти типы представлены почти исключительно в устье р.Дон, и чрезвычайно редки в других районах. Чуть большая концентрация наблюдается в верхнем Подонье. Другой существенной проблемой являются обстоятельства поступления некоторых категорий находок в Прикамье. Учитывая особенности распространения фибул группы Амброз-12, поступление их от «сармат» вряд ли возможно. В последнее время появился ряд работ, позволяющих проследить цепочку «западных» контактов в I-II (возможно, и в начале III) в. между Прикамьем, Посурьем (андреевско-писеральские памятники), средним Поочьем (памятники типа Упа-2), и далее на север, запад и юг. Концепция получила название «война I в.», хотя сама хронология событий значительно шире. Рассмотренные фибулы с кнопкой на конце приемника, возможно, являются одним из маркеров этих процессов.

Ключевые слова: Прикамье, Среднее Поочье, Верхнее Подонье, хронология, фибулы, пьяноборская культура, андреевско-писеральские памятники, памятники типа Упа-2, пряжка, меч, сарматское время.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-72-83

Введение

Фибулы с кнопкой на конце сплошного пластинчатого приемника, ленточной спинкой и 4-витковой пружиной с верхней тетивой (Альмгрен-204, Амброз-12, Кропотов-9, Хеллстрём-1С.2) являются характерным типом для памятников среднесарматского времени. А.К. Амброз выделял варианты по размерам, четкости кнопки, плавности изгиба спинки [2, с. 43-44]. В.В. Кропотов разделил учтенные образцы по ширине спинки: вариант 1 – до 0,7 см, вариант 2 – свыше 0,8 см. Все самые заметные детали – прямоугольная или листовидная форма спинки, плоское или выпуклое сечение спинки, размеры и четкость отделения кнопки, общие размеры, оказались в обоих вариантах. При том, судя по приведенным образцам, с листовидной спинкой целиком относится ко 2 варианту. Хронологические позиции определяются встречаемостью с другими типами фибул. Вариант 1 с шарнирными брошами без эмали, лучковые фибулы 2 варианта, Авциссами, что соответствует 3-й хронологической группе – времени расцвета среднесарматской культуры (2 пол. I – нач. II вв.). Вариант 2 с лучковыми 3 варианта, сильнопрофилированными, что соответствует 4-й хронологической группе – периоду формирования позднесарматской культуры (большая часть II в., но без конца века) [29, с. 212-213].

В типологическом плане важны фибулы групп Кропотов-3/Амброз-4, или «воинские». От фибул с кнопкой их отличает лишь отсутствие кнопки и, изредка, нижняя тетива. Период распространения определяется в рамках 2-й хронологической группы, до массового распространения римского импорта, но после затухания латенских культур, в пределах кон. I в. до н.э. – сер. I в. н.э. Экземпляры средних/небольших размеров встречаются с круглыми пряжками с подвижными язычками, которые характерны уже для I в. н.э. [29, с. 59-62]. В хронологическом отношении они предшествуют фибулам с кнопкой. Среди фибул с кнопкой кнопка часто сглажена, маленькая, отломана. В условиях коррозии столь принципиальное разделение на самостоятельные группы становится не совсем оправданным¹.

Объекты и методы исследования

Хронология комплексов с находками фибул Амброз-12 в Прикамье

В Прикамье фибулы группы Амброз-12 достоверно найдены всего в двух пунктах: в 5 погребениях Сасыкульского² (рис. 1: 1,3-5,8) и 4 погребениях могильника Нырғында II³ (рис. 1: 2,6,7,10). Еще в одном случае, Чеганда II, п.16 (рис. 1: 9), приемник отломан, но отнесение именно к этой группе наиболее вероятно. Еще в одном, Мазунино, п.37 [27, рис. 14: Г], сохранилась только

© Красноперов А.А.

© Красноперов А.А.

¹ Схожая ситуация с группами Кропотов-2 и -3 и Кропотов-6 и -8.

² Материалы несколько десятилетий хранились дома у автора раскопок. Поступили на хранение в государственный музейный фонд только недавно. В настоящий момент ведется их обработка [11; 12].

³ В.Ф. Генинг планировал издать памятник в том же стиле, что и могильник Чеганда II [19]. Были подготовлены таблицы рисунков материалов, позднее переданные Г.Н. Журавлевой для завершения работы, которая предоставила их мне. Частично они изданы [20; 24]. Рисунки некоторых предметов выполнены по коллекции (колл.780, 894, 900) Л.И. Липиной. В фондах НМУР (колл.14, 2815) ей содействовала Т.И. Останина. Находки из раскопок А.А. Спицына хранятся в Эрмитаже (ГЭ ОАВЕС, колл.567), их обработка стала возможна при помощи Е.И. Ояевой.

верхняя половина, равно возможно определение типа как Амброз-12 или Амброз-13, с завитком на конце приемника. Фибул этого типа совершенно нет в ближайших синхронных культурах.

Во всех случаях находки сопровождаются исключительно пьяноборским комплексом (рис. 2): височные подвески, ажурные накладки, шейные подвески, сапожковые пронизки, прямоугольные накладки с рядами треугольников, бляхи из зеркал, застежки с неподвижным крючком, ажурные сьюлгамы, наконечники ножен, костяные втульчатые наконечники стрел, костяные колчаные пластины. Все находки относятся к кругу «классических» (не ранних) маркеров пьяноборской культуры, но, в настоящий момент, без более дробной хронологии.

Небольшие круглые пряжки с прямым коротким язычком (Ныргында II, пп.15, 79, Сасыкуль, пп.13, 224, Чеганда II, п.16) предшествуют пряжкам Малашев-III, их можно определить как «Малашев-III». Время появления на Кавказе и в Предкавказье приходится на I в. до н.э. (середины – ?), массовое распространение – на рубеж эр [1, с. 209, 216; 22, с. 51; 45, с. 174-175]. Аналогично сейчас определяется их распространение на Востоке. Более крупные пряжки такой же морфологии (Сасыкуль, пп.13, 253) видимо синхронизируются.

Любопытен меч с «антенновидным»/«рожковым» навершием (Ныргында II, п.79 (рис. 2: 1)). Перечень находок собран С.Э. Зубовым [25]. Из внимания выпали очень важные находки в Усть-Бельске и Чагоде [5, рис. XII: 47, 54]¹.

Пряжки и мечи представлены в комплексах I-II вв. н.э., с преобладанием в I в., и, вероятно, без конца II в. Фибулы с кнопкой относятся ко 2 варианту по В.В. Кропотову, распространенному во II в.

Результаты и их обсуждение. Территориальное распределение

Для большинства групп фибул сарматского времени характерно наличие какого-либо ареала массовых находок, и относительно равномерное, но повсеместное, распределение на периферии. Совершенно иначе обстоит дело с фибулами Амброз-12 (рис. 3). Подавляющее большинство находок происходит с некрополей нижнедонских городищ. Ни одного экземпляра не зафиксировано в синхронных памятниках Заволжья, южного Урала, Средней Азии. Даже с учетом фибул варианта с «нулевой» кнопкой (Амброз-4/Кропотов-3) единичны находки в Волго-Донском междуречье. Единственным исключением является значительная концентрация в верхнем Подонье [36].

Прямой «сарматский»/южный вектор связей² не работает в отношении этой группы находок. Учитывая полное отсутствие находок где-

либо, кроме указанных регионов, предполагать какой-либо другой источник/канал поступления не представляется возможным.

Работами последних лет постепенно вырисовываются контуры «западного» направления. А.М. Воронцов и Е.В. Столяров предложили назвать это необычное явление «войной I века» [15]. Речь идет о сложном клубке относительно одновременных, но локальных по масштабу, событий, участники которых связаны между собой по цепочке, но только с двумя «соседними» участниками. При этом векторы связей взаимны, проявления не ограничиваются только объектами материальной культуры, а хронология несколько шире непосредственно I в. Основным связующим звеном является регион верхней и средней Оки [4, с. 41], в котором сходятся три направления, южное, западное и восточное.

Значительно до рубежа эр на среднем Дону сохранялись остатки населения среднедонской скифской культуры [31, с. 37; 32, с.18, 108]. Значительный хронологический разрыв не позволяет говорить о прямой преемственности [15, с. 71], но новые исследования постепенно заполняют эту лауну [8, с. 31]. Основная масса уцелевшего скифоидного населения смещается со среднего в верхнее Подонье [31, с. 42; 32, с.65]. В I-II вв. эти территории осваиваются проникающими с юга носителями среднесарматских традиций [30, с. 5; 31, с. 38; 32, с.22], оставившими памятники типа Чертовицкого могильника с характерным обрядом и инвентарем (фибулы: лучковые ранних вариантов и Авциссы, кольца с шишечками, бусы из египетского фаянса, сдвоенные ведерковидные подвески, круглые пряжки с короткими прямыми язычками, зеркала-подвески, маленькие железные трехлопастные наконечники стрел, мечи с кольцевым навершием, удила со стержневыми двухпетельчатыми псалиями). Взаимодействие двух проживавших чересполосно [39, с. 103; 37, с. 461, 470; 38, с. 259] групп привело к формированию [7, с. 180; 15, с. 70; 4, с.39] во II – нач. III вв. памятников типа Вязовского и Ново-Никольского могильников (фибулы: сильпрофилированные и с кнопкой, пряжки: овальные горизонтально вытянутые и Малашев-III, длинные мечи без навершия). Проникновение среднесарматских и смешанных групп на север было довольно глубоким, итогом стало появление во II в. памятников типа Ново-Клейменово [15, с. 70], и появление сарматских элементов на дяковских памятниках [28, с. 89-93].

Другим заметным вектором в формировании горизонта памятников рубежа эр на средней

¹ Новейшие находки в Сендимирино (доклад Н.С. Мясникова на конференции «Лесная и лесостепная полоса Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов» в ноябре 2019 г. в музее «Куликово Поле»).

² Историкографический миф про «волжский путь» не имеет никаких реальных оснований.

Оке и далее на север и восток является западный. Кризис зарубинецкой культуры [34, с. 68, 83; 37, с. 462-463] дал толчок к возникновению позднезарубинецкого горизонта (сер. – 3 четв. I – кон. II в. н.э.) [38, с. 258; 39, с. 5, 13, 14, 98], представленного, в результате синтеза зарубинецких и иных традиций, неоднородными группами [38, с. 259; 39, с. 6, 103], и захватил все соседние территории (юхновская культура, КШК [23, с.105; 6, с. 291; 42, с. 88]). Характерным признаком продвижения были керамические традиции. В частности, керамика типа Упа-2 (I в. до н.э. – I в. н.э.) имеет прямые аналогии с керамикой типа среднего слоя городища Тушемля [15, с. 52], мощинская и некоторые формы дьяковской – с почепской [17, с. 31, 45; 18, с. 609].

Серия событий «пост-позднескифской» и «сарматской» экспансии с верхнего Подонья во II в. затронула всю лесную зону. На месте памятников типа Упа-2 возникают памятники типа Ново-Клейменово II – 1 пол. III в., основанные скифскими (типа Ишутунского городища) и сарматскими (типа Вязовского и Ново-Никольского могильников) переселенцами с верхнего Подонья, и связанные с позднедьяковскими и ранними (кошибеевскими) рязано-окскими [13, с. 66; 14, с.15; 16, с.392]. Возникновение и прекращение памятников типа Ново-Клейменово маркируется слоями пожаров и распространением предметов вооружения, самыми заметными среди которых являются двушипные наконечники стрел [15, с. 70].

В пределах 1 пол. III в. Вязовский и Ново-Никольский могильники и пост-позднескифские памятники (типа Ишутинского городища) прекращают существование [31, с. 44; 32, с.101; 8, с. 31; 38, с. 260]. По времени эти события совпадают с формированием раннекиевской и черняховской культур [39, с. 63, 103-104, 105; 37, с. 463], группы Каширки–Седелки [35, с. 83]. На средней Оке прекращаются памятники типа Ново-Клейменово и формируется мощинская культура [16, с. 382], предположительно на основе почепского населения, сдвинувшегося под давлением носителей

деснинского варианта киевской культуры [18, с. 609]. Процесс сопровождается слоями пожаров и распространением вещей центральноевропейского происхождения [16, с. 382, 389; 13, с.65-66, 67], выпадением позднедьяковских кладов 2 хронологической группы [18, с. 609].

Результаты

События отличаются по составу находок и времени. В одном случае это вещи, скорее, «причерноморских» форм: римская бронзовая посуда, кольца с шишечками, браслеты с биконическими утолщениями на концах, фибулы ранних типов, в другом – оружие [40, с. 18-20], «маркоманские» пряжки, детали экипировки центральноевропейских типов [18; 3, с. 31]. Есть предположение, что это могли быть уходящие от вельбаркской экспансии на восток пшеворские группы, возможно участвовавшие в Маркоманских войнах [17, с. 31, 32, 49, 50; 18, с. 599, 610; 3, с. 32]. Следующая волна связана уже с распространением вещей горизонта эмалей.

Именно с первыми двумя циклами есть основания связывать ранние комплексы Кошибеевского могильника, клад на городище Долматово, формирование андреевско-писеральских памятников [15, с. 71; 43, с. 142; 9], находки на памятниках Молого-Шекснинского междуречья и в пьяноборских могильниках [41, с. 252-253]. Причем взаимодействие было в обе стороны, (например, распространение пьяноборских вещей, и, может быть, костяных наконечников стрел, на запад), и не одномоментным.

Учитывая полное отсутствие на «юге» (памятники сарматского времени от Дона далее на восток) многих типов находок, сочетание на памятниках причерноморских, римских, центральноевропейских вещей, западная цепочка связей может объяснить распространение вплоть до Прикамья погребального обряда, особенностей фортификации [26, с. 59], оружия, скульгам, фибул, в том числе и группы Амброз-12 – с кнопкой на конце приемника. Но вопрос соотношения хронологических позиций памятников в Поочье, Посурье [4, с. 38], на Шексне, и в Прикамье еще далек от решения.

Список литературы

1. Абрамова М.П. Хронологические особенности северокавказских пряжек первых веков н.э. // МАИЭТ. Т. VI. Симферополь, 1998. С.209-229.
2. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н.э. – IV в. н.э.) / САИ. Вып. Д. 1-30. М.: Наука, 1966. 169 с.
3. Ахмедов И.Р. «Свев» из Мордовии. К изучению культурных контактов поволжских финнов в III в. н.э. // РА. 2010. №1. С.26-37.
4. Ахмедов И.Р. Фибулы «AVCISSA» в Посурье и Поочье // История вещей – история и вещи. К 60-летию юбилею И.О. Гавритухина / РСМ. Вып. 20 / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2020. С.36-48. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-325-1.36-48>
5. Башенькин А.Н. Восточно-финские компоненты культуры веси в I – нач. II тыс. н.э. // Историко-археологическое изучение Поволжья / Отв.ред. Ю.А. Зеленева. Йошкар-Ола, 1994. С.28-33, рис. XII.
6. Белевец В.Г. Проблема выделения памятников позднезарубинецкого круга в белорусском Припятском Полесье // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого

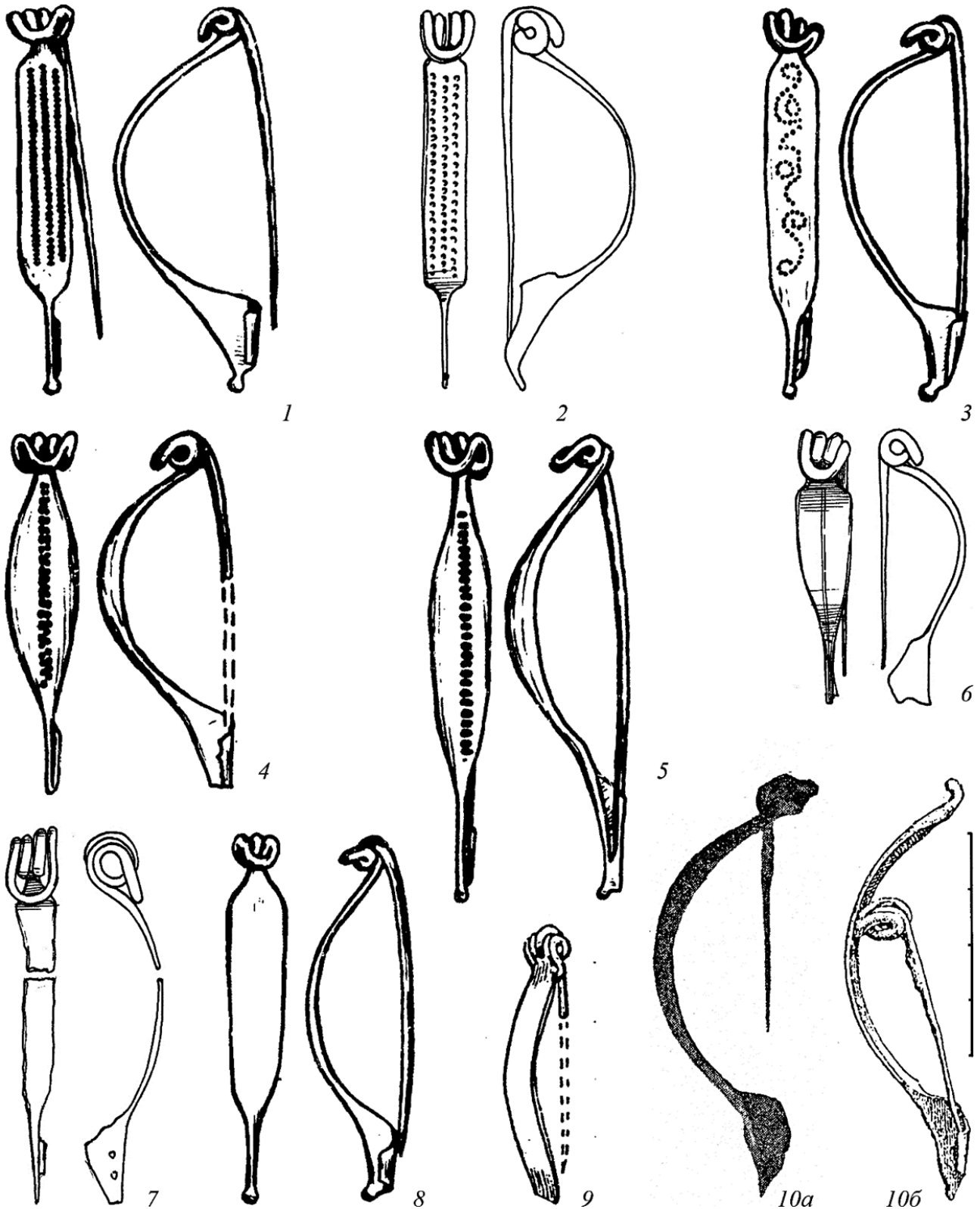
- переселения народов. Конференция 3: Сб. статей / Под. ред. А. М. Воронцова, И. О. Гавритухина. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2012. С.281-305.
7. Бирюков И.Е. Новые раскопки Ново-Никольского могильника на верхнем Дону // ВАС. Вып. 3 / Отв.ред. А.Н. Бессуднов. СПб., 2007. С.174-184.
8. Бирюков И.Е. Постскифские памятники в Верхнем Подонье // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Т. II. Самара: СГСПУ, 2020. С.30-32.
9. Бугров Д.Г., Мясников Н.С. Некоторые проблемы выделения «этнокультурных компонентов» памятников андреевско-писеральского типа: погребальный обряд // ПА. 2018. № 3. С.314-335. DOI: <https://doi.org/10.24852/2018.3.25.314.335>
10. Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях р.Белой / Отв. Ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа, 1986. С. 95-122.
11. Воробьева С.Л., Куфтерин В.В. Ново-Сасыкульский могильник как опорный памятник пьяноборской культуры в Нижнем Прикамье // Новые материалы и методы археологического исследования: От критики источника к обобщению и интерпретации данных. Мат-лы V Международной конференции молодых ученых / Отв. ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2019. С.91-93. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.91-93>
12. Воробьева С.Л., Куфтерин В.В. Вооружение носителей пьяноборской культуры по материалам Ново-Сасыкульского могильника // ПА. 2021. №1. С.78-92. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2021.1.35.78.92>
13. Воронцов А.М. Памятники типа Ново-Клеймёново в первой четверти I тыс. н.э. на территории Окско-Донского водораздела // РА. 2007. № 3. С.57-68.
14. Воронцов А.М. Культурно-хронологические горизонты памятников II-V вв. на территории Окско-Донского водораздела. Тула: ГМ.-З. «Куликово поле», 2013. 173 с.
15. Воронцов А.М., Столяров Е.В. Война I века на границе лесной зоны: Окско-Донской водораздел // Stratum plus. 2019. № 4: Меч Марса. С.51-74.
16. Воронцов А.М., Столяров Е.В. Погребение первой половины III в. могильника Павловское на правом берегу Верхней Оки и его культурно-хронологический контекст // Stratum plus. 2020. №4: Феатр чудесного волнения народов и непостоянства в их величии. С.381-394.
17. Гавритухин И.О., Воронцов А.М. Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые, подвязные и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 1 / Ред. А.Н. Наумов. Тула: ГМЗ «Куликово Поле», 2008. С.28-89.
18. Гавритухин И.О., Воронцов А.М. Узкие ременные наконечники о щелью для крепления, бытовавшие во 2–3 веках на востоке Европы // Profesorowi Adrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę rodzin. T.1 / Redakcja B. Nieabitowska-Wiśniewska, P. Łuczkiwicz, S. Saowski, M. Stasiak-Cyan, M. Erdrich. Lubin: UMCS, 2018. S.592-617.
19. Генинг В.Ф. История населения удмуртского Прикамья в Пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. Ч. II. // ВАУ. Вып. 11. Ижевск; Свердловск, 1971. 190 с.
20. Генинг В.Ф., Журавлева Г.Н. Классификация вещевого комплекса могильника Нырғында II: застежки и съемные украшения // ПА. 2019. №1(27). С.150-163. DOI: <https://doi.org/10.24852/2019.1.27.150.163>
21. Генинг В.Ф., Одинцов В.В. Отчет о раскопках Нырғындинского II могильника / Отчет об исследованиях Удмуртского отряда НКАЭ в 1969 г. (Т.2.) // Архив ПНИАЛ УрГУ. Ф.П. Д.75а/1969
22. Гущина И.И., Засецкая И.П. К вопросу о хронологии и происхождении «Золотого кладбища» в Прикубанье (по материалам раскопок Н.И. Веселовского) // Проблемы хронологии сарматской культуры / Отв.ред. А.С. Скрипкин. Саратов: изд-во СГУ, 1992. С.45-66.
23. Егорейченко А.А. Культуры штрихованной керамики. Минск: БГУ, 2006. 207 с.
24. Журавлева Г.Н. Предварительные итоги изучения Нырғындинского II могильника по раскопкам В.Ф. Генинга // ПА. 2014. №1(7). С.69-91. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2014.1.7.69.91>
25. Зубов С.Э. Ранние палаши Волго-Уралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск: изд-во ЮУрГУ, 2007. С.124-133.
26. Красноперов А.А. Об «угорском следе» в пьяноборской культуре // Камский торговый путь: Мат-лы Всеросс. науч.-практич. конф. Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2008. С.54-63.
27. Красноперов А.А. Анахронизмы среди погребального инвентаря. Пьяноборские вещи в мазунинских погребениях: процесс смены времен в Прикамье // АЕС. 2018. №1: Эпоха Великого переселения народов. Мат-лы Всеросс. научн. конф. «I Старостинские чтения: Опорные памятники Среднего Поволжья и Прикамья I пол. – сер. I тыс. н.э.». С.56-86.

28. Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.
29. Кропотков В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: ИД АДЕФ–Украина, 2010. 384 с.
30. Медведев А.П. Верхнее Подонье в 1-й пол. I тыс. н.э. // Археологические памятники Верхнего Подонья 1 пол. I тыс. н.э. / АВЕЛ. Вып. 12 / Отв. ред. А.П. Медведев. Воронеж, 1998. С.4-18.
31. Медведев А.П. Этнокультурные процессы на Верхнем Дону в сарматское время (II в. до н. э. – III в. н. э.) // Вестник ВГУ. Сер.История. Политология, Социология. 2006. №1. С.33-45.
32. Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. 252 с.
33. ОАК за 1898 г. СПб.: тип.Гл.упр.уделов, Моховая, №40, 1901. 191 с., VI табл.
34. Обломский А.М. О финале среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры // СА. 1987. №3. С.68-85.
35. Обломский А.М. О расселении ранних славян на восток в римское время // РА. 2017. №3. С.71-88.
36. Обломский А.М. Фибулы Днепровского лесостепного Левобережья и Подонья раннеримского времени. Проблема связей оседлого населения // КСИА. Вып. 265. М.: ИА РАН, 2021а. С.139-159. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.265.139-159>
37. Обломский А.М. Гл.5. Ранние славяне в лесостепном Подонье в III-VII вв. // Очерки археологии лесостепного Подонья в эпоху голоцена / Отв.ред. И.В. Федюнин. Воронеж: Научная кн., 2021б. С.461-468.
38. Обломский А.М., Терпиловский Р.В. О происхождении восточной ветви ранних славян (I-V вв. н.э.) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.: ИА РАН, 2008. С.257-263.
39. Поздnezарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I–II вв. н.э. / Отв. ред. А.М. Обломский / РСМ. Вып.12. М.: ИА РАН, 2010. 330 с.
40. Радюш О.А. Предметы вооружения и кавалерийского снаряжения памятников зарубинецкой культуры // Военная археология. Сб. мат-лов Проблемного Совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Вып.2 / Отв.ред. О.В. Двуреченский. М.: «Русская Панорама», 2011. С.6-31.
41. Ставицкий В.В. К вопросу о хронологии и периодизации памятников писеральско-андреевского горизонта // ПА. 2017. №3. С.244-258. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.3.21.244.258>
42. Столяров Е.В. Памятники типа Упа-2 // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3: Сб. статей / Под. ред. А. М. Воронцова, И. О. Гавритухина. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2012. С.79-118.
43. Столяров Е.В. Сьюльгамы андреевско-писеральского типа с территории Окско-Донского водораздела // ПА. 2021. № 1(35). С. 131-147. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2021.1.35.131.147>
44. Худяков М.Г. Нырғындынские I и II могильники // Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. / Материалы ГАИМК. Вып. 2. Л.: тип. «Печатный Двор», 1933. С.15-18, табл. IX-XI.
45. Шарапова С.В., Малашев В.Ю. Хроноиндикаторы I-III вв. н.э. из лесостепных памятников Тоболо-Иртышья // НАВ. 2022. Т. 21, № 1. С. 171-192. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.9>

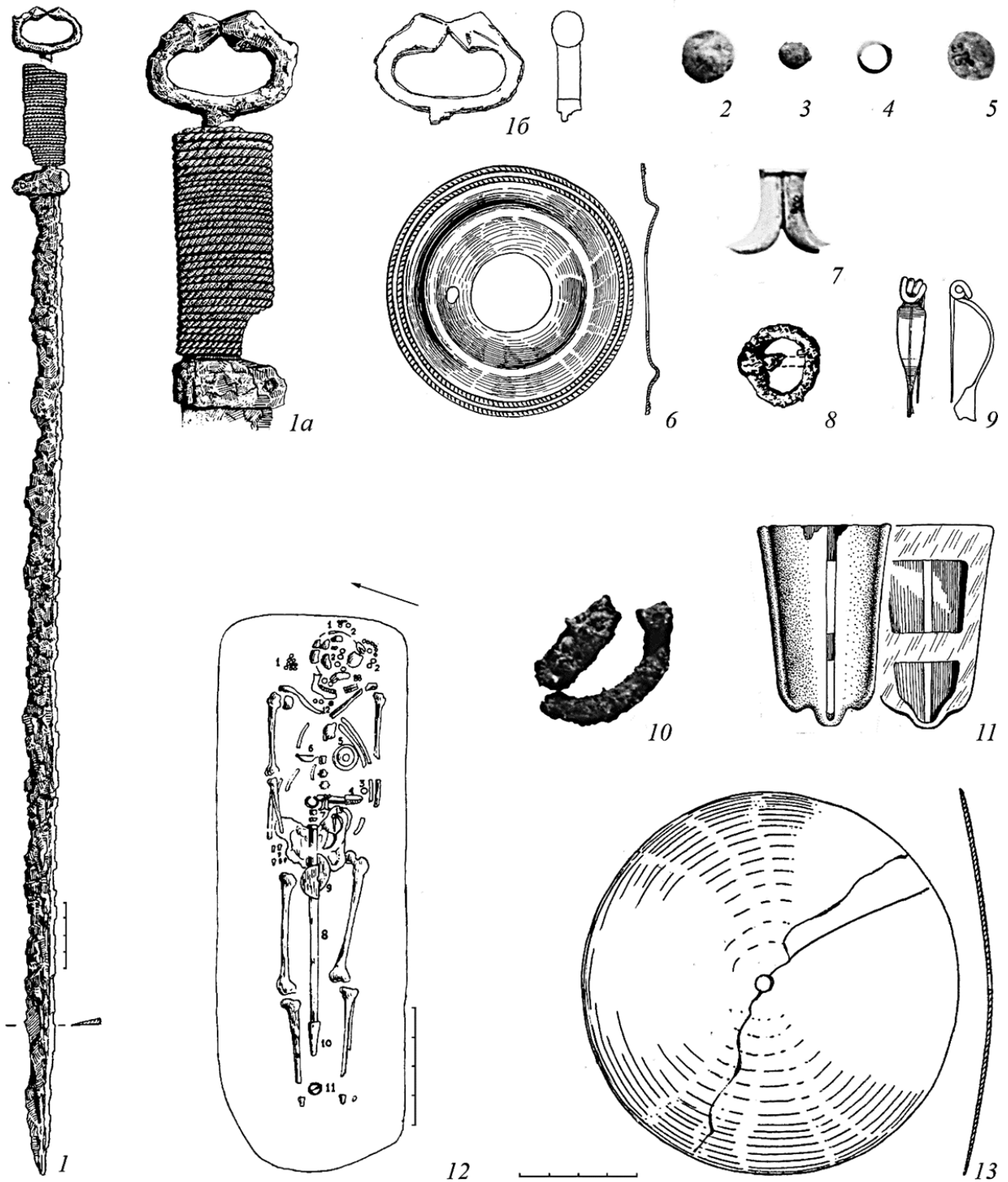
Список сокращений

- АВЕЛ – Археология восточноевропейской лесостепи / *Arheologija vostochnoevropskejskoj lesostepi* [Archeology of the Eastern European forest-steppe]. Воронеж.
- АЕС – Археология Евразийских степей / *Arheologiya Evrazijskih stepej* [Archeology of the Eurasian steppes]. Казань.
- ВАС – Верхнедонской археологический сборник / *Verkhnedonskoj arheologičeskij sbornik* [Verkhnedonskoj archaeological collection]. Липецк.
- ВАУ – Вопросы археологии Урала / *Voprosy arheologii Urala* [Questions of archeology of the Urals]. Свердловск; Ижевск; Екатеринбург.
- КСИА – Краткие сообщения института археологии / *Kratkie soobshhenija instituta arheologii*. М.; Л.
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии / *Materialy po arheologii i etnografii Tavrii* [Materials on archeology, history, ethnography of Tavria]. Симферополь.
- НАВ – Нижневолжский археологический вестник / *Nizhnevolzhskij arheologičeskij vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin]. Волгоград.
- ОАК – Отчеты Императорской археологической комиссии / *Otchety Imperatorskoj arheologičeskoj komissii* [Reports of the Imperial Archaeological Commission]. СПб.; Пг.
- ПА – Поволжская археология / *Povolzhskaja arheologija* [The Volga River Region Archaeology]. Казань.
- РА – Российская археология / *Rossijskaja arheologija* [Russian archeology].
- РСМ – Раннеславянский мир / *Rannelslavjanskij mir* [Early Slavic world]. М.; Вологда.
- СА – Советская археология / *Sovetskaja arheologija* [Soviet archeology].
- САИ – Свод археологических источников / *Svod arheologičeskikh istochnikov* [Collection of archaeological sources]. М.; Л.; Воронеж.

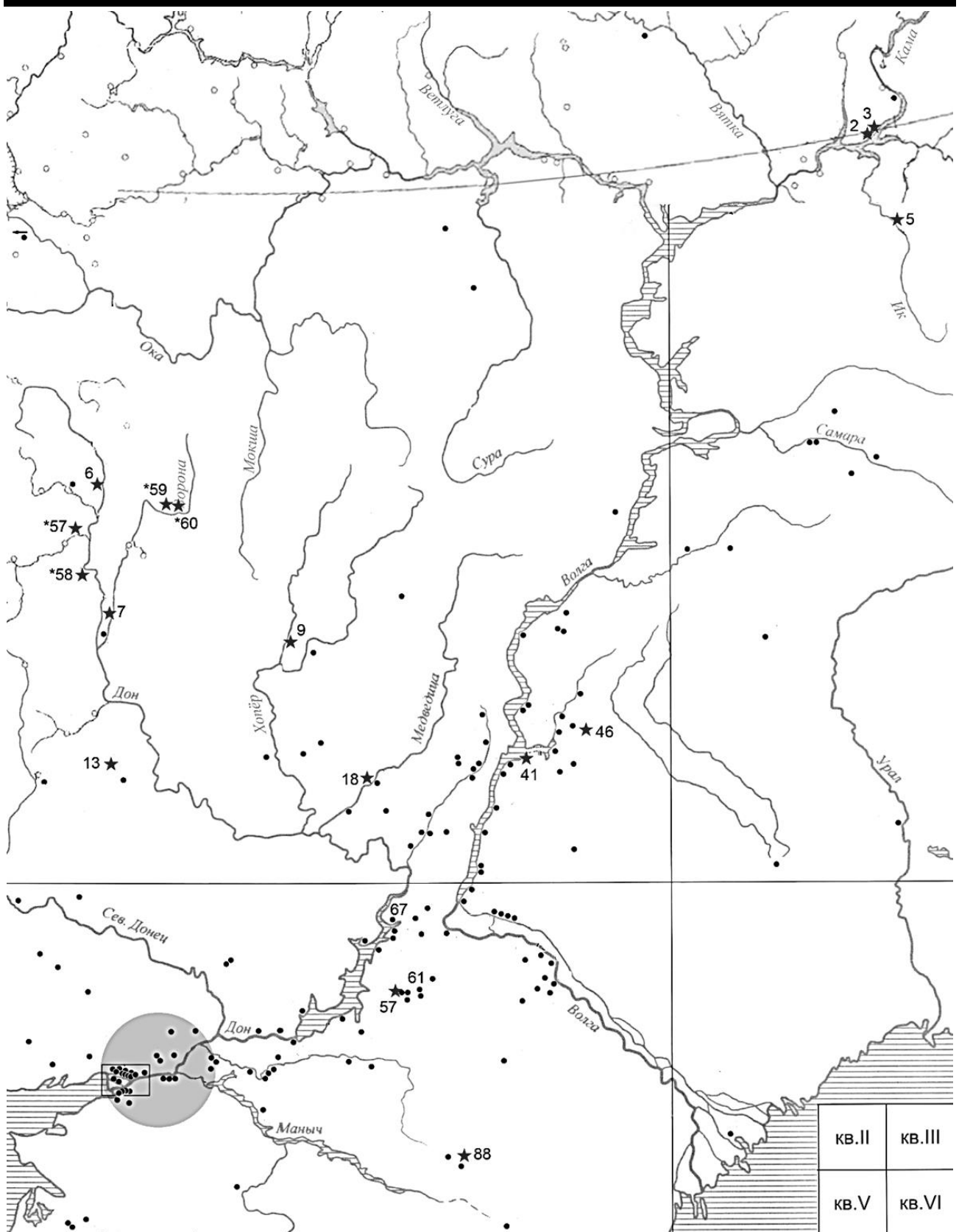
Список иллюстраций

Рис. 1. Фибулы с кнопкой на конце приемника в Прикамье. 1 – Сасыкуль, погр. 253; 2 – Нырғында II, погр. 15; Сасыкуль, погр. 144; Сасыкуль, погр. 224; 5 – Сасыкуль, погр. 13; 6 – Нырғында II, погр. 79; 7 – Нырғында II, погр. 76; 8 – Сасыкуль, погр. 281; 9 – Чеганда II, погр. 16; 10а,б – Нырғында II, погр. 27-С ([10, рис. 9: 3-7; 19, табл. II: 21; 44, табл. IX: 32; 33, рис. 65]; 2,6,7 – с оригиналов, рисунки Л.И. Липиной).
Все бронза.

Рис. 2. Ныргында II, погр. 79. 1 – палаш, 1а – рукоять с навершием, 1б – современное состояние; 2-5 –
 бляшки; 6 – застежка-бляха; 7 – сапожковая пронизка; 8, 10 – пряжки; 9 – фибула; 11 – ножны; 12 – план; 13 –
 зеркало ([24, рис.3: 79; 20, рис.4: 6]; 1, 1а, 6, 11 – подготовительные таблицы В.Ф. Генинга из архива Г.Н. Жу-
 равлевой, табл.VIII:7, XVII:1, XVIII: 2; 2-5, 7, 10 – [21]; 1б, 9 – с оригиналов, рисунки Л.И. Липиной).
 1, 8, 10 – железо, 2-7, 9, 11, 13 – бронза.

Рис. 3. Распространение фибул с кнопкой на конце приемника (звездочки). Основной ареал в устье Дона. Номера и сетка соответствуют каталогу В.В. Кропотова [29]. Дополнительные номера со * (по [36]).
 II-57 – Скороварово, II-58 – Ольшанец, II-59 – Ярок-5, II-60 – Стаево-5.

FIBULAE WITH A BUTTON AT THE END OF THE CATCH RECEIVER IN THE KAMA REGION AND THE PROBABLE WAYS OF THEIR RECEIPT

The article continues the series of publications devoted to the problems of changing cultures in the Kama region at the turn of the early Iron Age and the early Middle Ages. Important in dating these processes are the types of imported brooches. The paper considers the finds of brooches of the Almgren-204 group - with a button at the end of the catch. In total, 10 specimens of such fasteners were found in the Kama region, only in two points – opposite the mouth of the Ik River (Nyrgynda) and in the middle reaches of the Ik River (Sasykul'). In Sarmatian monuments, these types are represented almost exclusively at the mouth of the Don River, and are extremely rare in other areas. A slightly higher concentration is observed in the upper Don region. Another significant problem is the circumstances of the arrival of certain categories of finds in the Kama region. Taking into account the peculiarities of the distribution of fibulae of the Almgren-204 group, their arrival from the «Sarmatians» is hardly possible. Recently, a number of works have appeared that make it possible to trace the chain of «Western» contacts in the I-II (possibly at the beginning of the III) centuries between the Kama region, Sura region (Andreevka-Piseraly monuments), the middle Oka region (monuments of the Upa-2 type), and beyond to north, west and south. The concept was called «the war of the 1st century», although the chronology of events itself is much wider. The considered fibulae with a button at the end of the catch may be one of the markers of these processes.

Keywords: the Kama region, Middle Oka region, Upper Don, chronology, fibulae, Pyany Bor culture, andreevka-piseraly monuments, Upa-2 sites, buckle, sword, Sarmatian time

References

1. Abramova, M.P. (1998). Hronologicheskie osobennosti severokavkazskih pryazhek pervyh vekov n.e. [Chronological features of the North Caucasian buckles of the first cent. A.D.] // Materialy po arheologii i etnografii Tavrii [Materials on archeology, history, ethnography of Tavria]. Vol. VI. Simferopol'. P.209-229.
2. Ambroz, A.K. (1966). Fibuly juga evropejskoj chasti SSSR (II v. do n.je. – IV v. n.je.) [Fibulae in the South of the European Part of the USSR] / Svod arheologicheskikh istochnikov [Collection of archaeological sources]. Iss. D. 1-30. M.: Nauka. 169 p.
3. Ahmedov, I.R. (2010). «Svev» iz Mordovii. K izucheniju kul'turnyh kontaktov povolzhskih finnov v III v. n.je. [«Svev» from Mordovia. To the study of cultural contacts of the Volga Finns in the III cent. AD] // Rossijskaja arheologija [Russian archeology]. №1. P.26-37.
4. Ahmedov, I.R. (2020). Fibuly «AVCISSA» v Posur'e i Pooch'e [Fibulae «AVCISSA» in the Sura and Oka River Areas] // Istorija veshhej – istorija i veshhi. K 60-letnemu jubileju I.O. Gavrituhina [The History of Things – the History and Things] / Ranneslavjanskij mir [Early Slavic world]. Iss. 20 / Ed. A.M. Oblomskij. M.: IA RAN. P.36-48. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-325-1.36-48>
5. Bashen'kin, A.N. (1994). Vostochno-finskie komponenty kul'tury vesi v I – nachale II tys. n.je. [Eastern Finnish components of the Ves'-culture in the 1st – early 2nd mill. AD.] // Istoriko-arheologicheskoe izuchenie Povolzh'ja [Historical and archaeological study of the Volga region] / Ed. Ju.A. Zeleneev. Jshkar-Ola. P.28-33, ris.XII.
6. Belevce, V.G. (2012). Problema vydelenija pamjatnikov pozdnezarubineckogo kruga v belorusskom Pripjatskom Poles'e [The problem of identification of monuments of the «late Zarubinec» circle in the Belarusian Pripjat Polesie] // Lesnaja i lesostepnaja zony Vostochnoj Evropy v jepohi rimskih vlijanij i Velikogo pereselenija narodov. Konferencija 3 [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the era of Roman influences and the Great Migration of Peoples. Conference 3] / Eds. A. M. Voroncov, I. O. Gavrituhin. Tula: Gos. muzej-zapovednik «Kulikovo pole». P.281-305.
7. Birjukov, I.E. (2007). Novye raskopki Novo-Nikol'skogo mogil'nika na Verhnem Donu [New Excavations of the Novo-Nikolsky Brial Ground on the Upper Don] // Verhnedonskoj arheologicheskij sbornik [Verkhnedonskoy Archaeological Collection]. Iss. 3 / Ed. A. N. Bessudnov. Lipeck; SPb.: w./p. P.174-184.
8. Birjukov, I.E. (2020). Postskifskie pamjatniki v Verhnem Podon'e [Post-Scythian monuments in the Upper Don] // Trudy VI (XXII) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Samare [Proceedings of the VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress in Samara]. T. II. Samara: SGSPU. P.30-32.
9. Bugrov, D.G., Mjasnikov, N.S. (2018). Nekotorye problemy vydelenija «jetnokul'turnyh komponentov» pamjatnikov andreevsko-piseral'skogo tipa: pogrebal'nyj obrjad [Some Issues in Defining «Ethnic and Cultural Components» of the Andreevka-Piseraly Type of sites: burial rite] // Povolzhskaja arheologija [The Volga River Region Archaeology]. №3. P.314-335. DOI: <https://doi.org/10.24852/2018.3.25.314.335>
10. Vasjutkin, S.M., Kalinin, V.K. (1986). Novo-Sasykul'skij mogil'nik [Cemetery of Novy-Sasykul] // Arheologicheskie raboty v nizov'jah r.Beloj [Archaeological Work in the Lower Reaches of the Belaya River] / Ed. A.Kh. Pshenichnyuk. Ufa. P.95-122.
11. Vorob'eva, S.L., Kufterin, V.V. (2019). Novo-Sasykul'skij mogil'nik kak opornyj pamjatnik p'janoborskoj kul'tury v nizhnem Prikam'e [Cemetery of Novy-Sasykul as a Key Monument of the Pyanobor Culture in the Lower Kama Region] // Novye materialy i metody arheologicheskogo issledovanija [New Materials and Methods of Archaeological Research] / Ed. V.E. Rodinkova. M.: IA RAN. P.91-93. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.91-93>

12. Vorobyeva, S.L., Kufferin, V.V. (2021). Вооружение носителей пьяноборской культуры по материалам Ново-Сасыкульского могильника [Pyany Bor Culture Weapons According to Materials from Novo-Sasykul Burial Ground] // Povolzhskaja arheologija [The Volga River Region Archaeology]. №1(35). P.78-92. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2021.1.35.78.92>
13. Voroncov, A.M. (2007). Pamjatniki tipa Novo-Klejmjonovo v pervoj chetverti I tys. n.je. na territorii Oksko-Donskogo vodorazdela [Sites of the Novo-Kleimenovo Type in the Oka-Don Interfluvial Area in the First Quarter of the 1 millennium a.d.] // Rossijskaja arheologija [Russian Archeology]. №3. P.57-68.
14. Voroncov, A.M. (2013). Kul'turno-hronologicheskie gorizonty pamjatnikov II-V vv. na territorii Oksko-Donskogo vodorazdela [Cultural-chronological Horizons of Sites of II-V cent. in Territory of Oka-Don Watershed]. Tula: GMZ «Kulikovo pole». 173 p.
15. Voroncov, A.M., Stoljarov, E.V. (2019). Vojna I veka na granice lesnoj zony: Oksko-Donskoj vodorazdel [The I cent. War of on the Border of Forest Zone: Oka-Don Interfluvial] // Stratum plus. №4. P.51-74.
16. Voroncov, A.M., Stoljarov, E.V. (2020). Pogrebenie pervoj pol. III v. mogil'nika Pavlovskoe na pravoberezh'e Verhnej Oki i ego kul'turno-hronologičeskij kontekst [Burial in the first half of the 3rd cent. on Pavlovskoye burial ground on the right bank of the Upper Oka and its cultural and chronological context] // Stratum plus. №4. P.381-394.
17. Gavrituhin, I.O., Voroncov, A.M. (2008). Fibuly verhneoksko-donskogo vodorazdela: dvuchlennye prognuty, podvjaznye i so splošnym priemnikom [Brooches of the Upper Oka-Don watershed: two-part bow fibulae with a solid catch] // Lesnaja i lesostepnaja zony Vostočnoj Evropy v jepohi rimskih vlijanij i Velikogo pereselenija narodov. Konferencija 1 [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the era of Roman influences and the Great Migration of Peoples. Conference 1] / Ed. A.N. Naumov. Tula: GMZ «Kulikovo Pole». P.28-89.
18. Gavrituhin, I.O., Voroncov, A.M. (2018). Uzkie remennye nakonechinki o shhel'ju dlja kreplenija, bytovavšie vo 2–3 vekah na vostoке Evropy [Narrow strap-ends with a slit for fastening used in the 2nd-3rd centuries in the East of Europe] // Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę rodzin [For Professor Andrzej Kokowski on His 65 birthday]. T. 1 / Red. B. Nieabitowska-Wiśniewska, P. Łuczkiwicz, S. Saowski, M. Stasiak-Cyan, M. Erdrich. Lubin: UMCS. S.592-617.
19. Gening, V.F. (1971). Istorija naselenija udmurtskogo Prikam'ja v P'janoborskuju jepohu. Chegandinskaja kul'tura III v. do n.je. – II v. n.je. Chast' II [The History of the Population of the Udmurt Kama Region in the Pyanobor era] / Voprosy arheologii Urala [Questions of Archeology of the Urals]. Iss. 11. Izhevsk; Sverdlovsk. 190 p.
20. Gening, V.F., Zhuravleva, G.N. (2019). Klassifikacija veshhevogo kompleksa mogil'nika Nyrgynda II: zastezhki i s'emnye ukrashenija [Classification of the Burial Complex of Burial Ground Nyrgynda II: clasps and removable decorations] // Povolzhskaja arheologija [The Volga River Region Archaeology]. №1(27). P.150-163. DOI: <https://doi.org/10.24852/2019.1.27.150.163>
21. Gening, V.F., Odincov, V.V. (1969). Otchet o raskopkah Nyrgyndinskogo II mogil'nika [Report on the excavations of the Nyrgyndinsky II burial ground] / Otchet ob issledovanijah Udmurtskogo otrjada NKAJe v 1969 g. [Report on the research of the Udmurt detachment of the NKAJE in 1969] (T.2.) // Arhiv PNIAL UrGU. F.II. D.75a/1969
22. Gushhina, I.I., Zaseckaja, I.P. (1992). K voprosu o hronologii i proishozhdenii «Zolotogo kladbishha» v Prikuban'e (po materialam raskopok N.I. Veselovskogo) [To the question of the chronology and origin of the «Golden Cemetery» in the Kuban region (based on the materials of the excavations of N.I. Veselovsky)] // Problemy hronologii sarmatskoj kul'tury [Problems of the chronology of the Sarmatian culture] / Ed. A.S. Skripkin. Saratov: izd-vo SGU. S.45-66.
23. Egorejchenko, A.A. (2006). Kul'tury shtrihovannoj keramiki [Brushed Pottery cultures]. Minsk: BGU. 207 s.
24. Zhuravleva, G.N. (2014). Predvaritel'nye itogi izuchenija Nyrgyndinskogo II mogil'nika po raskopkam V.F. Geninga [Preliminary results of the Nyrgyndinsky II cemetery researches according to Gening's excavations] // Povolzhskaja arheologija [The Volga River Region Archaeology]. №1(7). P.69-91. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2014.1.7.69.91>
25. Zubov, S.Je. (2007). Rannie palashi Volgo-Ural'ja [Early Broadswords of the Volga-Urals] // Vooruzhenie sarmatov: regional'naja tipologija i hronologija [Armament of the Sarmatians: Regional Typology and Chronology]. Cheljabinsk: izd-vo JuUrGU. P. 124–133.
26. Krasnoperov, A.A. (2008). Ob «ugorskom slede» v p'janoborskoj kul'ture On the «Ugric trace» in the Pyanobor culture // Kamskij torgovyj put' [Kama trade route]. Elabuga: izd-vo EGPU. P.54-63.
27. Krasnoperov, A.A. (2018). Anahronizmy sredi pogrebal'nogo inventarya. P'yanoborskie veshchi v mazuninskih pogrebenijah: process smeny vremen v Prikam'e [Anachronisms in grave goods. Artefacts of the

- Pyany Bor culture in the Mazunino culture burials: the changing of the times in the Kama region] // *Arheologiya Evrazijskih stepej* [Archeology of the Eurasian steppes]. №1. P.56-86.
28. Krenke, N.A. (2011). D'jakovo gorodishhe: kul'tura naselenija bassejna Moskvj-reki v I tys. do n.je. – I tys. n.je. [Dyakovo Hillfort: Culture of the Population of the Moskva River Basin in the 1st Millennium BC. – I Millennium AD]. M.: IA RAN. 548 p.
29. Kropotov, V.V. (2010). Fibuly sarmatskoj jepohi [Fibulae of the Sarmatian Epoch]. Kiev: ID ADEF–Ukraina. 384 p.
30. Medvedev, A.P. (1998). Verhnee Podon'e v 1 pol. I tys. n.je. [Upper Don Region in the 1st half of the 1st mill. AD] // *Arheologicheskie pamjatniki Verhnego Podon'ja 1 pol. I tys. n.je.* [Archaeological Sites of the Upper Don region, 1st half. I mill. AD] / *Arheologija vostochnoevropskoj lesostepi* [Archeology of the Eastern European Forest-steppe]. Iss. 12 / Ed. A.P. Medvedev. Voronezh. P.4-18.
31. Medvedev, A.P. (2006). Jetnokul'turnye processy na Verhnem Donu v sarmatskoe vremja (II v. do n. je. – III v. n. je.) [Ethnocultural processes on the Upper Don in the Sarmatian time (II century BC – III century AD)] // *Vestnik VGU. Ser.Istorija. Politologija, Sociologija* [Bulletin of VSU. Ser.History. Political science, sociology]. №1. P.33-45.
32. Medvedev, A.P. (2008). Sarmaty v verhov'jakh Tanaisa [Sarmatians in the Upper Tanais]. M.: Taus. 252 p.
33. Otchety Imperatorskoj arheologicheskoj komissii za 1898 g. [Reports of the Imperial Archaeological Commission for 1898]. SPb.: tip.Gl.upr.udelov, Mohovaja, №40, 1901. 191 p., VI tabl.
34. Oblomskij, A.M. (1987). O finale srednedneprovskogo varianta zarubineckoj kul'tury [About the final date of the Middle Dnieper variant of the Zarubintsy culture] // *Sovetskaja arheologija* [Soviet archeology]. №3. P.68-85.
35. Oblomskij, A.M. (2017). O rasselenii rannih slavjan na vostok v rimskoe vremja [On the eastward spread of the early Slavs in Roman times] // *Rossijskaja arheologija* [Russian archeology]. №3. P.71-88.
36. Oblomskij, A.M. (2021a). Fibuly Dneprovskogo lesostepnogo Levoberezh'ja i Podon'ja rannerimskogo vremeni. Problema svjazej osedlogo naselenia [Fibulae of the Dnieper Forest–Steppe Left Bank Region and the Don Region During the Early Roman Period. Issues of the Contacts Maintained by the Sedentary Population] // *Kratkie soobshhenija instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology]. Iss. 265. M.: IA RAN. P.139-159. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.265.139-159>
37. Oblomskij, A.M. (2021b). Gl.5. Rannie slavjane v lesostepnom Podon'e v III – VII vv. [Chapter 5 Early Slavs in the forest-steppe Don region in the III-VII cent.] // *Očerki arheologii lesostepnogo Podon'ja v jepohu golocena* [Essays on the archeology of the forest-steppe Don region in the Holocene epoch] / Ed. I.V. Fedjunin. Voronezh: Nauchnaja kn. P.461-468.
38. Oblomskij, A.M., Terpilovskij, R.B. (2008). O proishozhdenii vostočnoj vetvi rannih slavjan (I-V vv. n.je.) [On the origin of the eastern groups of the early Slavs (I-V cent. AD)] // *Trudy II (XVIII) Vserossijskogo arheologičeskogo s'ezda v Suzdale* [Proceedings of the II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal]. T. II. M.: IA RAN. P.257-263.
39. Pozdnezarubineckie pamjatniki na territorii Ukrainy (2 pol. I-II vv. n.je. (2010). [Late Zarubintsy sites on the territory of Ukraine (second half of the 1st–2nd cent. AD)] / Ed. A.M. Oblomskij / *Ranneslavjanskij mir* [Early Slavic world]. Iss. 12. M.: IA RAN. 330 p.
40. Radjush, O.A. (2011). Predmety vooruzhenija i kavalerijskogo snarjazhenija pamjatnikov zarubineckoj kul'tury [Finds of weapons and cavalry equipment of monuments of Zarubintsy culture] // *Voennaja arheologija* [Military archeology]. Iss. 2 / Ed. O.V. Dvurechenskij. M.: «Russkaja Panorama». P.6-31.
41. Stavickij, V.V. (2017). K voprosu o hronologii i periodizacii pamjatnikov piseral'sko-andreevskogo gorizonta [To the question of the chronology and periodization of the monuments of the Piseral-Andreevsky horizon] // *Povolzhskaja arheologija* [The Volga River Region Archaeology]. №3. P.244-258. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.3.21.244.258>
42. Stoljarov, E.V. (2012). Pamjatniki tipa Upa 2 [Upa-2 type sites] // *Lesnaja i lesostepnaja zony Vostočnoj Evropy v jepohi rimskih vlijanij i Velikogo pereselenija narodov. Konferencija 3* [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the era of Roman influences and the Great Migration of Peoples. Conference 3] / Eds. A. M. Voroncov, I. O. Gavrituhin. Tula: Gos. muzej-zapovednik «Kulikovo pole». P.79-118.
43. Stoljarov, E.V. (2021). Sjul'gamy andreevsko-piseral'skogo tipa s territorii Oksko-Donskogo vodorazdela [Syulgamas of the Andreevka-Piseraly Type from the Oka and Don Watershed] // *Povolzhskaja arheologija* [The Volga River Region Archaeology]. №1(35). P.131-147. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2021.1.35.131.147>
44. Hudjakov, M.G. (1933). Nyrgyndinskie I i II mogil'niki [Nyrgynda I and II cemeteries] // *Drevnosti Kamy po raskopkam A.A. Spicyna v 1898 g.* [Antiquities of Kama according to the excavations of A.A. Spitsyn in 1898] / *Materialy GAIMK* [Proceedings of SAHMC]. Iss. 2. L.: tip. «Pечатnyj Dvor». P.15-18, tabl. IX-XI.

45. Sharapova, S.V., Malashev, V.Ju. (2022). Hronoindikator I-III vv. n.je. iz lesostepnyh pamjatnikov Tobolo-Irtysh'ja [I-III AD Estimating Finds in the Forest-Steppe Sites of the Tobol and Irtysh Rivers Basin] // Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik [The Lower Volga Archaeological Bulletin]. Т. 21, №1. P.171-192. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.9>

Об авторе

Красноперов Александр Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка, литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (Россия), E-mail: alexander.kaa@mail.ru

Krasnopeorov Alexander Alexandrovich. – Candidate of Historical Sciences, Researcher. Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS (Izhevsk, Russia), E-mail: alexander.kaa@mail.ru

Кривченков Г.В., аспирант, Смоленский государственный университет (Россия)

ПОДГОТОВКА КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ В СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ: ПРОБЛЕМА КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматривается подготовка крестьянской реформы в Смоленской губернии. Основное внимание уделено работе губернского комитета по составлению проекта Положения об улучшении быта помещичьих крестьян в Смоленской губернии. Показаны серьезные различия в содержании местного Положения и «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», составленного Редакционными комиссиями. Члены губернского комитета в проекте по освобождению крестьян выступали за учреждение всесословной волости во главе с волостным попечителем, который избирался из дворян-землевладельцев. Смоленское Положение наделяло помещное дворянство большими полномочиями в волостном управлении, что давало ему возможность свободно вмешиваться в дела сельских обществ. Редакционные комиссии, наоборот, выступали за учреждение сословной волости, которая обеспечивала самостоятельность органов крестьянского самоуправления от бывших владельцев в решении административных и хозяйственных вопросов крестьянской общины. Автор приходит к выводу, что смоленское Положение в меньшей степени соответствовало интересам крестьян в отличие от Общего положения, составленного Редакционными комиссиями. В связи с этим между губернским комитетом и Редакционными комиссиями имелись противоречия относительно реализации крестьянской реформы и правового положения крестьян после отмены крепостного права.

Ключевые слова: смоленский губернский комитет, крестьянская реформа, волость, крестьянское самоуправление, волостной сход, волостной суд, царская бюрократия.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-84-90

Введение

Крестьянская реформа 1861 г. уничтожила власть дворян в бывшей помещичьей деревне, которые столетиями осуществляли административно-полицейский контроль над крестьянами. В ходе подготовки реформы одним из главных вопросов был вопрос об управлении крестьянами после отмены крепостного права. В отечественной историографии изучению подготовки крестьянской реформы уделялось большое внимание. В дореволюционной историографии (И.И. Иванюков, А.А. Корнилов) подробно рассматривался ход подготовки реформы, деятельность органов государственной власти и царской бюрократии по разработке «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» [9; 10]. Характерной особенностью дореволюционной историографии было благосклонное отношение к либеральным реформам Александра II. В частности, И.И. Иванюков в своей работе «Падение крепостного права в России» отмечал, что образованное дворянство, являвшиеся носителем либеральной идеологии стремилось к ликвидации крепостного состояния. Подготовка реформы рассматривалась И.И. Иванюковым как результат деятельности либеральной бюрократии, находившейся под влиянием «идей и просвещения Запада» [9, с. 5]. Советские исследователи продолжили изучать ход подготовки реформы. Среди значимых работ советского периода следует отметить монографию Л.Г. Захаровой «Самодержавие и отмена крепостного права».

Автор монографии изучила создание правительственной программы об отмене крепостного

права, а также ее связь с существовавшим на тот момент российским законодательством и опытом аграрных преобразований в других странах [8]. Академик Н.М. Дружинин во второй половине 1980-х г. опубликовал исследование, посвященное московскому «Журналу землевладельцев», выходящему в 1858-1859 гг. Ценность исследования Н.М. Дружинина заключалась в том, что в нем впервые были подробно рассмотрены проекты об отмене крепостного права, составленные губернскими комитетами, а также их влияние на содержание Общего положения [7].

В современной историографии по подготовке крестьянской реформы акцент смещается в сторону изучения работы губернских комитетов. И.А. Христофоров в монографии «Аристократическая оппозиция Великим реформам (конец 1850-х – середина 1870-х гг.)» рассматривал деятельность и политическую программу противников либеральных реформ правительства, большинство которых являлись членами губернских комитетов [15]. Изучение хода отмены крепостного права на региональном уровне, отражено в работе В.Ф. Блохина «Черты коллективного портрета помещиков Орловской губернии», в которой автор составил коллективный портрет помещного дворянства Орловской губернии [1].

Подготовка крестьянской реформы в Смоленской губернии нашла отражение в работе советского историка В.С. Орлова «Отмена крепостного права в Смоленской губернии», написанной в конце 1940-х г. Исследование В.С. Орлова, основанное на классовом подходе, показывает прямую зависимость политических взглядов членов губернского

комитета от экономического положения их имений и способов ведения хозяйства [11]. В то же время деятельность дворянского комитета Смоленской губернии по разработке проекта Положения и создание губернскими властями органов крестьянского самоуправления все еще не получили всестороннего освещения в историографии.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является крестьянское самоуправление в проекте дворянского комитета Смоленской губернии. В исследовании были использованы хронологический метод, позволивший рассмотреть во временной последовательности деятельность смоленского губернского комитета по разработке проекта Положения об освобождении крестьян; историко-генетический метод на основании, которого удалось определить влияние консервативно настроенного помещичьего дворянства на содержание Положения смоленского губернского комитета; историко-сравнительный метод, давший возможность выявить существенные отличия в организации крестьянского самоуправления в проекте комитета Смоленской губернии от «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», разработанного Редакционными комиссиями.

Результаты и их обсуждение

До отмены крепостного права крестьянское самоуправление существовало только в государственной деревне. Реформа графа П.Д. Киселева (1837-1841 гг.) разделила селения казенных крестьян на волости и сельские общества, в которых действовали сельские и волостные сходы, выборные органы крестьянского самоуправления [13, ст.4-5].

После реформы государственной деревни царское правительство вновь вернулось к вопросу об учреждении крестьянского самоуправления во время подготовки отмены крепостного права. Либеральная бюрократия, ставшая главным двигателем реформы, считала, что только крестьянское самоуправление способно защитить крестьян, недавно вышедших из пут крепостного состояния, от прямого вмешательства помещиков в дела сельских обществ [8, с. 157]. Освобождение крестьян как процесс весьма сложный и трудоемкий требовал согласования с провинциальным дворянством. Участие местного дворянства в подготовке реформы было положено рескриптами на имя виленского генерал-губернатора В.И. Назимова от 20 ноября 1857 г. и Санкт-Петербургского генерал-губернатора П.Н. Игнатьева от 5 декабря 1857 г. [9, с. 20-22].

Идея учреждения крестьянского самоуправления прозвучала в Апрельской программе правительства 1858 г., определившей порядок работы губернских комитетов. В ходе подготовки крестьянской реформы губернские комитеты

превратились в центры ожесточенных дискуссий по обсуждению условий будущего административного устройства крестьян и других условий их освобождения [8, с. 95].

Согласно Апрельской программе деятельность губернских комитетов подразделялась на три периода. Первый период должен был длиться шесть месяцев и требовал от комитетов составления проектов губернских положений об освобождении крестьян. Второй период не имел четких временных рамок и заключался в реализации принятых комитетами проектов положений. Третий период был связан с «начертанием проектов общего сельского устава», от которого зависело будущее общественное устройство крестьян после отмены крепостного права [8, с. 97].

Александр II 4 декабря 1858 г. подписал Высочайшее повеление «Об основаниях, которые должны служить руководством при рассмотрении проектов положений» [8, с. 128]. Главные основания означали решительный поворот в деле отмены крепостного права. Вотчинная власть помещика упразднялась. Правительство взяло курс на освобождение крестьян, изменилось представление центральной власти об административном устройстве помещичьей деревни.

В это время губернские комитеты вели активную работу по составлению собственных положений об освобождении крестьян. В составе комитетов от каждого уезда находились по 2 депутата из местного дворянства; кроме того, еще два человека представляли правительство. Последние также являлись представителями местного дворянства, но назначались губернатором [11, с. 80].

Открытие смоленского дворянского комитета состоялась 6 сентября 1858 г., через три с лишним месяца после подписания Александром II соответствующего рескрипта (28 мая 1858 г.) [11, с. 80-81]. Председателем комитета стал смоленский губернский предводитель дворянства Н.Е. Криштафович, вице-президентом уездный предводитель сычевского дворянства С.С. Иванов. Наибольшую активность в работе комитета проявляли такие дворяне, как И.П. Римский-Корсаков (Ельнинский уезд), П.Д. Неелов (Гжатский), П.Н. Энгельгардт (Бельский), С.С. Иванов и Н.А. Мельников (Сычевский уезд), В.Б. Пенский (Дорогобужский), А.А. Мего (Рославльский), Н.В. Синявский (Смоленский уезд) [3, л. 794].

В смоленском комитете, как и повсеместно, шла борьба между «либералами» и «крепостниками». Вторые неохотно, только под давлением правительства и Александра II, соглашались на отмену крепостного права и стремились к сохранению власти помещиков на местах. Кроме того, они выступали за высокий выкуп и минимальные крестьянские наделы. Либералы были готовы

пойти на более значительные уступки крестьянам и соглашались на создание крестьянского самоуправления. В Смоленской губернии организационного раскола на консервативное большинство и либеральное меньшинство не произошло, так как был выработан общий проект. Но, в любом случае, споры шли вокруг и на основании предложений центра и можно говорить о консервативных и либеральных взглядах участников дискуссии.

Во время работы над устройством будущего крестьянского самоуправления губернский комитет попытался определить состав сельского общества. Данный вопрос оказался чрезвычайно острым для смоленского дворянства. По мнению председателя комитета Н.Е. Криштафовича, членов от Дорогобужского уезда В.Б. Пенского, Бельского уезда П.Н. Энгельгардта и Рославльского уезда А.А. Мего, сельское общество могло состоять из нескольких селений. Часть членов комитета, наоборот, полагала, что для учреждения сельского общества достаточно одного крупного селения. Этой точки зрения придерживался член комитета от Гжатского уезда П.Д. Неелов, который предлагал учреждать сельские общества на территории одного селения. Его поддерживали депутаты Юхновского уезда Н.Ф. Воронец и Вяземского уезда Д.Л. Таваст, считавшие, что минимальный размер сельского общества должен быть не менее 100 ревизских душ [3, л. 429-430].

Дискуссии о составе сельского общества носили принципиальный характер, поскольку речь шла о способности этого социального института выполнять денежные и натуральные повинности, и опирались на рассуждения о платежеспособности крестьян и необходимости взаимной выручки.

В отношении управления сельским обществом мнения членов комитета, в целом, совпадали. Депутаты смоленского комитета полагали, что сельское общество должно управляться сельским или мирским сходом, состоящим из крестьян-домохозяев, который и выбирал должностных лиц сельских обществ. Проводниками этих мнений выступали председатель комитета, члены от Юхновского уезда Н.Ф. Воронец, Духовщинского уезда А.И. Герн. По их мнению, во главе сельского общества должен был стоять деревенский старшина, в подчинении которого находились бы один или два сборщика податей, отвечающие за все денежные сборы [3, л. 429-430].

В то же время вопрос об устройстве сельского общества некоторые члены считали частным по отношению к общей проблеме управления крестьянами на волостном и уездном уровне, поэтому члены комитета от Сычевского уезда С.С. Иванов и Смоленского уезда Н.В. Синявский занимали выжидательные позиции. Они заявили,

что «не могут отвечать на раздробительные вопросы, потому что не обсуждены и не уяснены основные вопросы касательно будущего устройства и от различного решения этих оснований, может изменить решение подробностей» [Там же].

Главная дискуссия в губернском комитете и комитетах других губерний развернулась не вокруг устройства сельских обществ, а устройства волости. Мнения членов комитета по этому вопросу разделились. Большинство комитета во главе с председателем Н.Е. Криштафовичем и вице-президентом С.С. Ивановым, а также членами комитета И.П. Римским-Корсаковым (Ельнинский), П.Н. Энгельгардтом (Бельский) считали, что крестьяне не способны самостоятельно управлять волостью. Поэтому управление волостью должно осуществляться волостным собранием с участием дворянства во главе с волостным попечителем, который также избирался из потомственных дворян-землевладельцев губернии [3, л. 416]. Большинство дворян губернии опасались упустить нити управления в местных делах.

Среди членов губернского комитета были и защитники крестьянского самоуправления. Так, по мнению членов комитета от Рославльского уезда Ф.И. Дудинского и Юхновского уезда И.С. Лутомина управление волостью, следует доверить крестьянскому сословию. Крестьяне, составлявшие волость, могли избрать себе волостного старосту и помощников старосты. Такое устройство крестьянского самоуправления позволит поддерживать общественный порядок в деревне и укрепить к нему доверие крестьян [3, л. 418].

После обсуждения предложений относительно устройства волости комитет сделал свой выбор пользу ее всесословной организации как административной единицы крестьянского самоуправления с руководящей ролью дворянства. Точку зрения губернского комитета на всесословное устройство волости разделяли и некоторые комитеты других губерний. Так, тверской комитет утверждал в качестве верхней ступени крестьянского самоуправления волостное собрание, состоявшее из дворян-землевладельцев и депутатов от крестьян. По мнению комитета, подобное устройство волости обеспечит положительное влияние образованного класса на необразованный класс. Комитет Калужской губернии занимал схожую позицию, считая, что крестьяне, только освободившиеся от крепостной зависимости, еще не имеют «чувства уважения к собственности и святости законов» [14, с. 398, 402].

В то же время среди прочих губернских комитетов имелись и другие точки зрения на устройство волости. В частности, для ограждения крестьян от произвола помещиков многие комитеты предлагали учредить волость не

всесловную волость, а сословную. Этой позиции придерживались нижегородский и псковский комитеты, отдававшие управление волостью в руки крестьянского мира, потому что общинный менталитет присутствует в нраве народа, а значит, естественной силой обеспечит поддержание порядка в сельских обществах [14, с. 399].

Всесловное устройство волости позволяло дворянскому сословию осуществлять управление правосудия в деревне. За сохранение судебной власти в руках помещиков и после отмены крепостного права выступал в своих записках к комитету член от Дорогобужского уезда В.Б. Пенский. По его мнению, в составе волостного общества должны войти все лица, проживавшие на территории волости. Если учредить всесловную волость то судебную власть в ее пределах надлежит осуществлять мировому судье, избранному из местных дворян-землевладельцев и утвержденному начальником губернии. Пенский мотивировал свое решение тем, что «кроме лиц сведующих в законодательстве никто не может составлять суд и определять приговоры, основываясь только на обычаях местных, а не законе, который крестьянам мало известен» [4, л. 8]. По замечанию И.П. Римского-Корсакова помещик, претендовавший на должность мирового судьи, должен был иметь и определенный образовательный уровень, окончив хотя бы один курс высшего учебного заведения. Обоснования взглядов сторонников всесловной волости были традиционными для 1860-х гг. Они оперировали понятиями закона и образованности судей, но при этом имели в виду интересы дворянства.

Другие члены комитета, такие как член от Юхновского уезда И.С. Лутонин полагали, что правосудие в волости следует осуществлять крестьянам, поскольку община и после отмены крепостного права продолжит жить по народным обычаям, а не письменным законам, которые помещенное дворянство не знает [3, л. 420]. Но сторонников крестьянского суда в смоленском комитете было немного.

Поэтому по проекту смоленского Положения судебную власть в пределах волости осуществлял мировой судья, разбиравший гражданские и полицейские проступки крестьян. Мировыми судьями имели право избираться все дворяне-землевладельцы не младше 21 года и окончившие хотя бы один курс высшего учебного заведения. Срок службы мирового судьи составлял три года. Вступить в должность мирового судьи кандидат мог только после его утверждения губернским начальством и с одобрения уездного дворянского собрания [2, л. 17].

Среди комитетов других губерний были комитеты, члены которых в отличие от смоленского

дворянства ратовали за создание в бывшей помещичьей деревне волостных крестьянских судов, действовавших на основании норм обычного права. В частности, сторонниками волостного суда как альтернативы вотчинному суду помещика были дворяне рязанского и калужского комитетов. Большинство рязанского комитета видело волостной суд, состоявшим из 12-ти присяженных заседателей, под председательством мирового судьи. Судебный процесс надлежало осуществлять на основании норм обычного права, так как «бумажное, многосложное производство далеко не удовлетворяет народным потребностям» [14, с. 529]. Калужский комитет полагал, что крестьянский суд должен состоять из «выборных людей» крестьянского происхождения известных своей нравственностью и жизненным опытом [14, с. 531].

В целом проект Положения смоленского комитета предполагал учреждение всесловной волости, в которой административная и судебная власть принадлежала дворянству. По проекту Положения смоленского комитета власть в деревне на уровне сельского общества, осуществлял сельский сход или мирской сходки, избиравшейся из крестьян-домохозяев. Сельский староста или старшина имел право созыва сельского схода. Деревенский старшина, в отличие от других проектов губернских комитетов, не обладал судебной властью, решал административные и хозяйственные вопросы сельского общества, однако он имел право склонять к примирению враждовавших крестьян [2, л. 14-15].

Верхней ступенью крестьянского самоуправления было волостное собрание во главе с волостным попечителем, в руках которого находилось управление всеми административными и хозяйственными делами волости. Волостное собрание состояло из местных землевладельцев и выборных от крестьян. Право избрания от землевладельцев имели дворяне, владевшие собственностью в пределах волости и лица других сословий, имевшие не менее 300 десятин земли. Представители от крестьян избирались от каждого деревенского общества, в составе которого находилось не менее 200 дворов. Возраст выборного должен быть не младше 25 лет. За созыв волостного собрания отвечал волостной попечитель. Волостной попечитель и кандидат в попечители избирались из дворян уезда, в котором находилось волостное собрание. Срок службы волостного попечителя составлял три года, а вступление его в должность было невозможным без утверждения уездным предводителем дворянства [2, л. 14-16].

В проекте Положения смоленского комитета была представлена довольно целостная модель всесловной волости. Проект Положения 4 марта

1859 г. был направлен на рассмотрение в Редакционные комиссии. Для объяснения Положения губерньские комитеты имели право направить в Редакционные комиссии двух своих представителей. Представители от комитетов в Редакционные комиссии вызывались поэтапно. В историографии их называют депутатами первого и второго призывов. Первая группа дворянских депутатов получила приглашение в августе 1859 г, а вторая в феврале 1860 г. Смоляне попали во вторую очередь. От смоленского комитета в Редакционные комиссии были направлены вице-президент С.С. Иванов и помещик от Дорогобужского уезда В.Б. Пенский [11, с. 98]. Во время работы в Редакционных комиссиях представители от смоленского комитета, не идя на уступки, защищали каждую статью проекта Положения. Они требовали максимально урезать крестьянские наделы, вернуть полевые угодья и луга после истечения срочно-обязанных отношений помещикам; учредить над всесословной волостью управление дворянства, поскольку крестьяне, отстаивали они точку зрения своих земляков, не способны самостоятельно осуществлять управление в деревне [11, с. 101].

Редакционные комиссии придерживались иной точки зрения. Они считали что в интересах крестьянства, наоборот, необходимо учредить сословную волость и мирское самоуправление. За такое устройство органов будущего крестьянского самоуправления выступали такие члены Редакционных комиссий как Н.А. Милютин и Я.И. Ростовцев. Глава Редакционных комиссий Я.И. Ростовцев полагал, что «Община должна управляться миром. Действия мира тройки: 1) Совещательные, «общим собранием мира»; 2) Судебные, «посредством избранных добросовестных»; 3) Исполнительные, «посредством избранного старосты и его помощников» [14, с.402]. Крестьяне становились «свободными сельскими обывателями», получали права избираться в органы крестьянского самоуправления не только от сельского общества, но и волости, самостоятельно поступать в различные учебные заведения и переходить в другие сословия [Там же]. Тем не менее, сословная волость не являлось самоцелью крестьянской реформы. Редакционные комиссии видели будущее волости не в сословной организации, а в ее переходе к всесословности [8, с.157].

Следовательно, взгляд Редакционных комиссий на организацию крестьянского самоуправления, шел в разрез с программой смоленского комитета. Редакционные комиссии выступили за учреждение сословной волости, в рамках которой ключевые решения относительно жизни крестьянской общины должны были принимать сами крестьяне, которые избирались в органы самоуправления не только на уровне сельского

общества, но и волости. Законодательство крестьянской реформы не учло наработки смоленского комитета относительно управления крестьянами. В Смоленской губернии утвердилось крестьянское общественное управление или крестьянское самоуправление.

На территории Смоленской губернии была образована 301 волость и 3959 сельских обществ, в составе которых находилось 8 411 селений, и проживало 345 883 душ мужского пола. По нашим подсчетам, в среднем по губернии на одну волость приходилось 13 сельских обществ, 28 селений, в которых проживало 1 149 душ [14, с.13-35]. Однако органы крестьянского самоуправления далеко не с первых дней начали свою работу. Уездная администрация испытывала серьезные затруднения с распределением бывших помещичьих крестьян не только по волостям, но и даже по сельским обществам. Специально созданные временные комиссии согласно указу губернатора в течение трех месяцев должны были представить проекты распределения крестьянских селений по волостям, но спустя три месяца комиссии во многих уездах так и не представили к работе [5, л. 114].

Нередко составленные проекты комиссиями не только имели серьезные ошибки, но и безучастно относились к пожеланиям самих крестьян. В качестве примера приведем случай, который произошел в деревни Новоселки Духовщинского уезда. Крестьяне этой деревни обратились к мировому посреднику с просьбой разместить волостное правление в селе Свадицы. По мнению крестьян, их деревня была совершенно не пригодна для размещения волостного правления. Она являлась небольшим населенным пунктом и находилась в низине. Весной дорога в деревню из-за дождей приходила в ужасное состояние, поэтому далеко не все крестьяне могли добраться до волостного правления [5, л. 116]. Такие прошения в пореформенный период не были исключением. Со временем ситуация с прошениями крестьян о переносе или устройстве волостных правлений приобрела острый характер. По этой причине смоленский губернатор Ю.К. Арсеньев в письме от 26 сентября 1861 г. обратился к мировым съездам с письмом, требуя больше не направлять в губернское по делам присутствие подобные просьбы [5, л. 117-118].

Составление уездных проектов распределения крестьян по волостям и сельским обществам все больше задерживалось. Сельские общества в конце июля 1861 г. были образованы лишь в 28 мировых участках губернии из 52. С волостными правлениями дела обстояли еще хуже. К середине лета они открылись только в 5 мировых участках. В начале сентября ситуация с открытием волостных правлений улучшилась. Быстрее чем в других

уездах организационный процесс был завершён в Смоленском и Сычевском уездах. Открытие волостных правлений в других уездах губернии произошло только к середине октября [6, л.10-18].

Заключение (выводы)

Таким образом, организация крестьянского самоуправления в Смоленской губернии проходила в весьма непростых условиях, начиная от выработки дворянством проекта губернского Положения, заканчивая реализацией реформы. По ключевым пунктам содержание Положения

смоленского дворянства не соответствовало программе «либеральной бюрократии», готовившей и проводившей реформы. Смоленское дворянство через учреждение всесословной волости и должности волостного попечителя, избравшегося из дворян-землевладельцев, всячески стремилось сохранить ускользавшую из их рук власть над бывшей крепостной деревней. Тем не менее, дворянство губернии вынуждено было смириться и принять разработанную модель организации управления крестьянами после отмены крепостного права.

Список литературы

1. Блохин В.Ф. Черты коллективного политического портрета помещиков Орловской губернии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т.66. Вып. 3. С. 718-741.
2. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 567. Оп.1. Д. 35. 1859.
3. ГАСО. Ф. 567. Оп.1. Д. 37. 1858-1859.
4. ГАСО. Ф. 107. Оп.1. Д.93. 1859.
5. ГАСО. Ф. 172. Оп.1. Д. 5. 1861.
6. ГАСО. Ф. 172. Оп.1. Д.102. 1861.
7. Дружинин Н.М. Журнал землевладельцев (1858-1860) // Избранные труды. Социально-экономическая история России. М., 1987. С. 5-97.
8. Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России в 1856-1861. М.: Издательство Московского университета, 1984. 253 с.
9. Иванюков И.И. Падение крепостного права в России. СПб.: тип. И. Мамонтова. 1882. 404 с.
10. Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II (1855-1881) Исторические очерки. М.: тип. А.И. Мамонтова, 1909. 260 с.
11. Орлов В.С. Отмена крепостного права в Смоленской губернии. Смоленский краеведческий научно-исследовательский институт, 1947. 178 с.
12. Памятная книжка Смоленской губернии на 1862 г. Смоленск: тип. губернского правления. 1862. 288 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. (ПСЗ РИ-И). Т. 13. Ч.1. № 11189. СПб., 1838.
14. Скребицкий А. Крестьянское дело в царствование императора Александра II: материалы для истории освобождения крестьян. Бонн на Рейне: Типография Фридриха Крюгера. 1862. Т. 1. 968 с.
15. Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция великим реформам: конец 1850 – середина 1870-х гг. М.: Русское слово, 2002. 432 с.

PREPARATION OF THE PEASANT REFORM IN THE SMOLENSK PROVINCE: THE PROBLEM OF PEASANT SELF-GOVERNMENT

The article discusses the preparation of the peasant reform in the Smolensk province. The main attention is paid to the work of the provincial committee on drafting the Regulations on improving the life of landlord peasants in the Smolensk province. Serious differences are shown in the content of the local Regulations and the draft General Regulations drawn up by the Editorial Commissions. Members of the provincial committee in the project for the liberation of the peasants advocated the establishment of an all-class volost headed by a volost trustee, who was elected from among the landowning nobles. The Smolensk Statute endowed the local nobility with great powers in the volost administration, which gave them the opportunity to freely intervene in the affairs of rural communities. The editorial commissions, on the contrary, advocated the establishment of a class volost, which ensured the independence of peasant self-government bodies in resolving administrative and economic issues of the peasant community. The author comes to the conclusion that the Smolensk Regulations were less in line with the interests of the peasants, in contrast to the General Regulations drawn up by the Editorial Commissions. In this regard, there were contradictions between the provincial committee and the editorial commissions regarding the implementation of the peasant reform and the legal status of the peasants after the abolition of serfdom.

Keywords: Smolensk provincial committee, peasant reform, volost, peasant self-government, volost gathering, volost court, tsarist bureaucracy, Smolensk province.

References

1. Blohin V.F. (2021). Cherty kollektivnogo politicheskogo portreta pomeshchikov Orlovskoj gubernii [Features of the collective political portrait of the landlords of the Oryol province]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University], 3, 718-741.
2. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti [State Archive of Smolensk Oblast]. F. 567. Op. 1. D. 35. 1859.

3. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti [State Archive of Smolensk Oblast]. F. 567. Op.1. D. 37. 1858-1859.
4. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti [State Archive of Smolensk Oblast]. F. 107. Op.1. D. 93. 1859.
5. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti [State Archive of Smolensk Oblast]. F. 172. Op.1. D. 5. 1861.
6. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti [State Archive of Smolensk Oblast]. F. 172. Op.1. D.102. 1861.
7. Druzhinin N.M. (1987). Zhurnal zemlevladel'cev (1858-1860) [Journal of Landowners (1858-1860)]. *Social'no-jekonomicheskaja istorija Rossii* [Selected works. Socio-economic history of Russia], 5-97.
8. Zaharova L.G. (1984). Samoderzhavie i otmena krepostnogo prava v Rossii v 1856-1861 [Autocracy and the abolition of serfdom in Russia in 1856-1861]. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
9. Ivanjukov I.I. (1882). Padenie krepostnogo prava v Rossii [The fall of serfdom in Russia]. Saint Petersburg: tip. I. Mamontova.
10. Kornilov A.A. (1909). Obshhestvennoe dvizhenie pri Aleksandre II (1855-1881) Istoricheskie ocherki [Social movement under Alexander II (1855-1881) Historical essays]. Moskva: tip. A.I. Mamontova.
11. Orlov V.S. (1947). Otmena krepostnogo prava v Smolenskoj gubernii [The abolition of serfdom in the Smolensk province]. Smolensk: Smolenskij kraevedcheskij nauchno-issledovatel'skij institute.
12. Pamjatnaja knizhka Smolenskoj gubernii na 1862 g. (1862). [Commemorative book of the Smolensk province for 1862]. Smolensk: tip. gubernskogo pravlenija.
13. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (1838). [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie vtoroe. (PSZ RI-II). T. 13. Ch.I. № 11189. Saint Petersburg: Tipografija II Otdelenija Sobstvennoj E.I.V. Kanceljarii
14. Skrebickij A. (1862). Krest'janskoe delo v carstvovanie imperatora Aleksandra II: materialy dlja istorii osvobodzenija krest'jan [Peasant business in the reign of Emperor Alexander II: materials for the history of the liberation of the peasants]. Bonn na Rejne: Tipografija Fridriha Krjugera.
15. Hristoforov I.A. (2002). «Aristokraticeskaja» oppozicija velikim reformam: konec 1850 – seredina 1870-h gg [«Aristocratic» opposition to the great reforms: late 1850 - mid-1870]. Moskva: Russkoe slovo.

Об авторах

Кривченков Глеб Валентинович – аспирант 3-го курса кафедры истории России, Смоленский государственный университет (Россия), E-mail: krivcen123@gmail.com

Krivchenkov Gleb Valentinovich – 3rd year postgraduate student of the Department of History of Russia, Smolensk State University (Russia), E-mail: krivcen123@gmail.com

Кристов И.Ю., аспирант кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения, Воронежский государственный университет (Россия)

ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЕ И ГЕРМАНО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ К. АДЕНАУЭРА В 1949-1955 ГГ.

В статье анализируется внешнеполитический курс канцлера Конрада Аденауэра в 1949-1955 гг. с целью определить, насколько специфика советско-германских и германо-германских отношений в эти годы отсрочила или же, напротив, приблизила успех западно-европейской интеграции ФРГ. К. Аденауэр проводил прямую связь между вхождением ФРГ в Западную Европу и преодолением оккупационного положения, лишавшего западногерманское государство реальной субъектности. В то же время, со странами социалистического лагеря канцлера связывала необходимость реагировать на развитие событий, которое так или иначе затрагивало бы общегерманские интересы. К таковым относились, например, попытки СССР и ГДР реализовать пункты Потсдамское соглашения, связанные с сохранением целостности Германии и регулировкой ее границ. Непосредственную угрозу для интеграционной политики К. Аденауэра представляли советские инициативы, направленные на нейтрализацию Германии, недопущение ремилитаризации ФРГ и принуждение западных стран к соблюдению послевоенных договоренностей по германскому вопросу. Анализ зарубежных и отечественных научных исследований, а также различных источников (письма, авторские статьи, стенограммы сессий бундестага и записи выступлений) позволяет увидеть, каким образом в данных условиях политика К. Аденауэра совмещала курс на длительное существование двух немецких государств и декларируемое стремление к объединению Германии.

Ключевые слова: Конрад Аденауэр, нейтральная Германия, ремилитаризация, Потсдамское соглашение, Европейское оборонительное сообщество, западноевропейская интеграция, НАТО, «нота Сталина», события 17 июня 1953 г.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-91-99

Введение

В 1949 г. на территории оккупационных зон в Германии создаются два государства одной нации, чем надолго закрепился германский раскол. В силу обстоятельств ФРГ и ГДР на всем протяжении этого раскола находились по разные стороны блокового конфликта, известного как «холодная война», и при выстраивании внешней политики исходили как из своих интересов, так и из интересов бывших оккупационных держав – США и СССР соответственно. ФРГ, в отличие от ГДР, не являлась объектом детерминирующего влияния со стороны СССР, а многие ее специфические черты были следствием западного подхода к политике по денацификации, демилитаризации и демократизации. Запрет на деятельность политических партий в ней был снят несколько раньше, чем на территории будущей ГДР, а политическая система отдавала дань веймарскому прошлому, развиваясь по пути «канцлерской демократии». Суверенитет ФРГ был ограничен принятым в мае 1949 г. Основным законом и Оккупационным статутом. Прежде всего эти ограничения касались внешней политики ФРГ, что напрямую оговаривалось еще тогда, когда западногерманское государство было лишь проектом в умах её архитекторов [2].

Политика, которую ФРГ проводила под руководством канцлера К. Аденауэра, была направлена на получение от западных стран регаллий, которые означали бы признание ими равноправных партнерских отношений с Западной Германией [8, с. 205-206]. Исходя, в первую очередь, из

предположения, что из-за советской политики раскол Германии продлится еще очень долго, он отстаивал идею вхождения Западной Германии в союз европейских стран [10, с. 155]. Сосредоточенность на вопросе об интеграции в Западную Европу отбрасывала другой вопрос – об отношениях с Советским Союзом и странами социалистического лагеря – на периферию внешней политики ФРГ [12, с. 36-37]. Относительно Германской Демократической Республики канцлер прямо заявлял, что ее государственный строй не может считаться «основанным на добровольном волеизъявлении населения», и таким образом отказывал ей в субъектности. Это, однако, не освобождало правительство ФРГ от необходимости считаться с тем развитием событий на Востоке, которое затрагивало общегерманские интересы.

В 1990-е - начале 2000-х гг. западноевропейская интеграция Германии стала предметом обширного исследования немецкого историка А. Винклера, но в качестве долгого процесса, растянувшегося более чем на одно столетие, и говорить о детальном рассмотрении «восточной политики К. Аденауэра не приходится [26]. Там, где она рассматривается, речь чаще всего идет о принятии «доктрины Хальштейна» и ее дальнейшем провале, т.е. о событиях 1955-1970 гг. Повышенный интерес к советско-германским отношениям и восточной политике ФРГ свойственен отечественным авторам. Для исследований отечественных авторов свойственен повышенный интерес к советско-германским отношениям и восточной политике ФРГ [3;4;5;8;12]. Акцент, опять же,

делается на периоде, последовавшем за представлением ФРГ формальной независимости [12]. Отчасти история взаимоотношений первого канцлера со странами социалистического блока в 1950-х гг. стала объектом исследования немецкого историка А. Фрона, но касается это исследование прежде всего вопроса о восточных границах Германии [18].

Объект и методы исследования

Акцентируя, таким образом, внимание на внешнеполитическом курсе К. Аденауэра как на объекте нашего исследования, мы углубляемся в те его аспекты, которые касались отношений с СССР и бывшими в его сфере «народными демократиями». Поскольку еще до принятия «доктрины Хальштейна» официальный Бонн отказывал в субъектности практически всем социалистическим странам кроме СССР, содержание восточной политики ФРГ зачастую ограничивалось реакцией на развитие событий в ГДР и соответствующие действия со стороны СССР. Понять, каким образом советско-германские и германо-германские отношения 1949-1955 гг., даже в таком ограниченном виде, влияли на политику ФРГ, позволяет анализ источников, дающих представление о мотивах и принципах внешнеполитического курса К. Аденауэра. К таковым могут быть отнесены личные документы и письма, авторские статьи, стенограммы сессий бундестага в период 1949-1955 гг. и записи выступлений канцлера.

Результаты и их обсуждение

Когда 6 июня 1950 г. между Польшей и ГДР был подписан Згожецкий договор о демаркации существующей польско-германской границы, руководство ФРГ было вынуждено отреагировать на тот факт, что Г. Дертингер и О. Гротеволь выступили от имени всего немецкого народа. С самого начала позиция правительства ФРГ относительно польско-германской границы была враждебной. Ни одно из существовавших на тот момент германских правительств, по мнению официального Бонна, не было правомочно решать вопрос о принадлежности земель, лежащих к востоку от линии Одер-Нейсе (возможность создания польско-немецкого кондоминиума подавалась как более уместная). В тоже время, боннское правительство выражало готовность дать гарантии того, что не будет стремиться к силовому изменению установленного Згожецким договором статуса-кво. [1, с. 164]

Поскольку пересмотр польско-германской границы был одним из пунктов Потсдамского соглашения, а ФРГ не рассматривалась Советским Союзом как самостоятельный субъект, реакция Бонна на подписание Згожецкого договора позволяла и дальше обвинять западные державы в систематическом нарушении послевоенных договоренностей. Налаживание диалога между ФРГ и

Польской народной республикой на данном этапе также едва представлялось возможным потому, что, с одной стороны, К. Аденауэр рассматривал Польшу в качестве одного из советских сателлитов, а с другой – руководство Польши с 1949 г. высказывало официальный протест против образования ФРГ, называя его нарушением Потсдамских соглашений. [Там же, с. 165-166]

Летом 1950 г. вопрос о польско-германской границе был оттенён вопросом о ремилитаризации Западной Германии. Ясность в него помогло внести начало Корейской войны, так что в Бонне и Париже начались переговоры о возможном военном вкладе ФРГ. Она же обострила многие аспекты отношений между западными державами и странами «народной демократии», и риторическое противостояние ФРГ и ГДР не стало исключением. В этом плане показательным выступление Вальтера Ульбрихта по радио 3 августа 1950 г., в котором он называл марионеточными режимы в Южной Корее и Бонне и предсказывал их скорый крах по «воле народа» [26, pp. 269-270].

Реакция со стороны Востока последовала осенью 1950 г., и первым лозунгом развернувшейся кампании стал «Немцы за один стол!» (Deutsche an einen Tisch!). В ноябре премьер-министр ГДР Отто Гротеволь направил К. Аденауэру письмо, где предлагал создать «Общегерманский совет» (Gesamtdeutscher Rat) с равным представительством с восточной и западной стороны. Речь шла о начале подготовки к всеобщим свободным выборам. Выступая на пресс-конференции 15 января 1951 г., К. Аденауэр отклонил предложение О. Гротеволья. Бундестаг оправдал отказ тем, что в ГДР нет свободы слова как таковой, а следовательно, не может идти речь о свободных выборах. Условие для одобрения восточногерманского плана было названо бундестагом 27 сентября 1950 г.: в качестве наблюдателя на всеобщих выборах должна выступать Организация Объединенных Наций. Сам К. Аденауэр требовал проведения свободных выборов в качестве первого шага на пути к объединению, но при этом отрицал, что таковые могут состояться на территории ГДР без участия ООН. [Ibid, pp. 274-275]

20-21 октября 1950 г. в Праге состоялось совещание министров иностранных дел Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии и Чехословакии. В выработанной на совещании декларации осуждалось принятое в сентябре 1950 г. на трехсторонней конференции западных держав в Нью-Йорке решение о возможном участии ФРГ в объединенных вооруженных силах [11, с. 263-264]. Канцлер в ответ на Пражскую декларацию предпочел настаивать на том, что ремилитаризация происходит только в «советской зоне», добавив, что предложенный О. Гротеволем Общегерманский

совет реализуем только в условиях свободных выборов, а ГДР после «фальшивых выборов 15 октября» таких условий предложить не может [17].

18 сентября 1951 г. на конференции министров иностранных дел США, Великобритании и Франции в Вашингтоне был принят план создания Европейского оборонительного сообщества (ЕОС) с участием контингентов из ФРГ. На данном этапе была обсуждена возможность замены Оккупационного статута неким «Общим договором», который регулировал бы отношения ФРГ и западных держав на новом уровне. Как следствие, Советскому Союзу пришлось умножить усилия по недопущению ремилитаризации и навязыванию западным государствам диалога по вопросу заключения мирного договора. [11, с. 68]

Продолжение ремилитаризационной кампании с Востока последовало 10 марта 1952 г. Советское правительство направило США, Великобритании и Франции меморандум с предложением в ближайшее время подписать мирный договор с Германией. Подразумевалось, что объединенной Германии должны быть обеспечены демократические права и свободы, включая свободу деятельности всех партий и организаций, за исключением тех, что «противятся демократии и делу мира», а также возможность создания собственной национальной армии, но при условии соблюдения нейтралитета и неучастия в военно-политических блоках. Границы объединенной Германии предлагалось провести в соответствии с решениями Потсдамской конференции, что могло означать безоговорочное сохранение за Польшей западной границы по Одер-Нейсе [6]. Проект мирного договора также прилагался к т.н. «ноте Сталина». Позднее, в результате обмена нотами, план был дополнен пунктом об организации всенародных «свободных выборов». Сомнительность советских предложений в глазах западных партнеров, как и риски, связанные с их необдуманным и резким отклонением, привели к обмену нотами между советской и американской стороной, который продлился до конца сентября 1952 г.

Кроме намерений И. В. Сталина, одним из наиболее дискуссионных моментов стала роль, которую сыграл К. Аденауэр. А. Винклер отмечает, что канцлер приложил усилия к тому, чтобы западные державы не вступали в переговоры с Советским Союзом. В «мартовской ноте» К. Аденауэр усматривал помеху для его планов по западноевропейской интеграции ФРГ. [26, pp. 277-278] С одной стороны, сомнительно, чтобы начало переговоров по очередной советской инициативе привело к срыву этих планов, но с другой – последовавшее за этим промедление могло дать Москве время для принятия более решительных мер. Кроме того, меморандум И.В. Сталина мог внести

противоречия между ФРГ и западными странами, ведь, в конце концов, его содержание было известно западногерманским гражданам, и они могли по-своему трактовать нежелание канцлера идти предложенным путем. В письме профессору Тиллмансу от 7 апреля 1952 г. канцлер напрямую характеризовал свое видение: «О новой германской политике, предложенной русскими, не может идти и речи. Русские уже два года проводят политику по нейтрализации Германии, оказывая влияние на французских политиков. Теперь они видят, что не могут идти дальше по этому пути, и пробуют путь мирных переговоров, который сами же и предложили» [20, s. 132-134].

Трудно представить ситуацию, в которой советское руководство не было заинтересовано в нейтральном и невраждебном к СССР германском государстве. В тоже время, нельзя не учитывать возможных последствий для ФРГ, которые могли приниматься во внимание не только в Бонне, но также в Москве и в Вашингтоне. Четыре таких выделяет А. Винклер. Во-первых, переговоры по созданию интеграционных западноевропейских вооруженных сил могли прийти к застою, а затем и полностью провалиться. Во-вторых, провал интеграции с наибольшей вероятностью означал бы политический крах К. Аденауэра. В-третьих, падение К. Аденауэра и приход к власти более националистически настроенных сил должны были усложнить Соединенным Штатам задачу по выстраиванию отношений с ФРГ. В-четвертых, если бы немцы повернулись спиной к западным военным проектам, позиция США в Западной Европе оказалась бы под угрозой. [26, pp. 276-277] Таким образом, существовал целый ряд факторов, делавших переговоры с Советским Союзом о перевооружении не только бессмысленными, но и потенциально опасными в глазах немецких и американских партнеров.

Вышеназванные факторы могли приниматься во внимание и представителями восточногерманского руководства, когда те подогревали общественный интерес к советскому предложению. 14 марта 1952 г. О. Гротеволь заявил, что с публикацией советской ноты «борьба за возвращение Германии единства переходит в новую, решающую фазу» [18]. «Решающая фаза», однако, была объявлена тогда, когда вовлеченность Германии в блоковое противостояние становилось все очевиднее. 26 мая 1952 г. К. Аденауэр, Д. Ачесон, Э. Иден и Р. Шуман подписали в Бонне Договор об отношениях между Федеративной Республикой Германией и тремя державами. Договор подразумевал, что Оккупационный статут будет упразднен, тогда как ФРГ получит всю полноту власти во внутренней и внешней политике. Общий договор признавал единоличное право ФРГ

на представительство всех немцев за рубежом, в очередной раз ставя под сомнение легитимность ГДР и существование польско-германской границы [25]. На следующий день представители Франции, Италии, ФРГ и Бенилюкса встретились в Париже для подписания договора о создании Европейского оборонительного сообщества (ЕОС), ратификация которого означала бы ремилитаризацию Западной Германии. Все это также означало, что советская инициатива, какую бы цель она не преследовала, провалилась, так что предложение западных держав о созыве четырехсторонней конференции для обсуждения свободных выборов было оставлено без ответа. Впрочем, победителем в этом дипломатическом противостоянии можно считать не только К. Аденауэра, но В. Ульбрихта. Если первый смог начать формирование независимого западногерманского государства через европейскую интеграцию, то второй избежал последствий, которые для его режима могли иметь свободные выборы [3, с. 79].

Новый шаг Запада к ЕОС вызвал сильный протест не только со стороны западноевропейской и советской общественности, но и среди немцев. Канцлер продолжал придерживаться мнения, что участие западногерманских контингентов в наднациональных вооруженных силах – не такая уж и угроза в сравнении с наращиванием военного потенциала со стороны СССР. Аргументом, направленным непосредственно на сограждан, было проведение связи между созданием собственных вооруженных сил (пусть и интегрированных на наднациональном уровне) и обретением полного суверенитета. Учитывая, что предложение СССР о независимости через нейтралитет оставалось актуальным, убедительность этого аргумента зависела от того, насколько немцы были готовы поверить, что нейтральная Германия со временем окажется в советской сфере влияния со всеми вытекающими последствиями для привычным демократических институтов и капиталистического уклада.

Собственно, подготовку коллективного мнения мы можем видеть, например, в обращении канцлера к Евангелической рабочей группе ХДС в Зигене 16 марта 1952 г.: «Для Германии есть три варианта: присоединение к Западу, присоединение к Востоку и нейтрализация. Для нас, однако, нейтрализация означает провозглашение Ничейной земли (Niemansland). После этого мы были бы объектом и больше никогда – субъектом. О союзе с Востоком, однако, тоже не может быть речи из-за кардинального различия мировоззрений. Союз с Западом не означает ... какого-либо давления на Восток, а означает не что иное, как подготовку к дружественной реорганизации с Советским Союзом, воссоединению Германии и

новому порядку в Восточной Европе» [22, S. 79-82]. А аденауэровское видение планов Москвы было озвучено в интервью от 27 апреля 1952 г.: «По крайней мере, содержание ноты ни коим образом меня не удивляет... На протяжении долгого времени моя политика проистекает из предположения, что целью Советской России является уничтожение интеграции между странами Западной Европы путем нейтрализации Германии и, таким образом, вытеснение США из Европы и установление контроля сначала над Федеративной Республикой, а затем – над Европой» [26, pp. 277-278]. И, наконец, выступая 9 июля 1952 г. на 221-й сессии бундестага по поводу Договора о создании ЕОС: «Единая Германия, как того до сих пор требовала Советская Россия, т.е. нейтрализованная Германия, построенная на основе Потсдамского соглашения, для нас невозможна. С помощью трех западных союзников нам придется попытаться отговорить Советскую Россию от этого требования путем переговоров» [22, S. 131-160].

С 5 апреля по 8 августа 1952 г. ФРГ принимает участие в конференции по внешним долгам Германии. По итогам конференции ФРГ, которая в стремлении к единоличному представительству немецкой нации взяла на себя ответственность за долги Германской империи, Веймарской республики и Третьего Рейха, должна была разрешиться от потенциально невыполнимых долговых обязательств. В результате было выработано, а 27 февраля 1953 г. принято соглашение, которое в два раза сокращало до- и послевоенные долги, облегчало выплату оставшейся суммы путем наложения ограничений на процентные ставки и объем выплат относительно годовой экспортной прибыли, а также вводило льготные условия в период 1953-1957 гг. Лондонское соглашение позволило ФРГ рассчитаться с большей частью внешних долгов уже в 70-е гг., а кроме того, стимулировало ее внешнюю торговлю. Это стало одним из факторов экономического подъема ФРГ в 1953-1955 гг., который шел в копилку успехов К. Аденауэра, а следовательно – повышал уровень доверия нации к внешней политике канцлера.

Следует, на наш взгляд иметь в виду фактор экономического подъема в Западной Германии, вспоминая, что 19 мая 1953 г. бундестаг одобрил вступление ФРГ в ЕОС. И все же, были причины, по которым судьба западноевропейских вооруженных сил в 1953 г. оставалась неясной. Одна из них – смерть И.В. Сталина 5 марта 1953 г. Как только на должность министра иностранных дел вернулся В.М. Молотов, в советском руководстве началось активное переосмысление германской политики. Предложение о создании Временного общегерманского правительства для участия в четырехсторонних переговорах по мирному

договору с Германией смогло всколыхнуть даже ряды правящей коалиции в ФРГ, а среди крупных политических деятелей, не оставивших без внимания «послание» с «Востока», был британский премьер У. Черчилль [13, с. 78-79]. Сам К. Аденауэр заметил, что советское предложение обострило противоречия между США, с начала советского «мирного наступления» опасавшихся за свое положение в Европе, и Великобританией. Наконец, среди возможностей, открываемых с изменениями в советском руководстве, было и потепление в отношениях между СССР и Западом, а это, в свою очередь, ставило под сомнение необходимость интеграционных военных проектов при участии ФРГ.

Обратный эффект для политики К. Аденауэра имели события, связанные с противоречивыми тенденциями в развитии командно-административной системы ГДР. После принятия курса на ускоренное построение социализма говорить об успехах ГДР в экономике не приходилось. Падение уровня жизни восточных немцев, вызванное активной коллективизацией и национализацией, дало о себе знать в виде участвовавших побегов немцев из Восточной Германии в Западную. При этом, не смотря на сопутствующие издержки, руководство ФРГ не могло не оценить тот факт, что среди беженцев числились и представители интеллигенции, государственного аппарата, правоохранительных органов и СЕПП. Но еще большую важность представлял собой исход кризиса июня 1953 г. События в ГДР не только привели к блокировке всех ранее выдвинутых советских инициатив, но и открыли новые возможности для расшатывания позиций СССР со стороны западных держав [9, с. 166; 13, с. 93]. Совет национальной безопасности США предпринял усилия к тому, чтобы поддержать протестный потенциал в Восточной Германии [7, с. 55; 13, с. 93]. К. Аденауэр на панихиде перед Шенебергской ратушей называл восточных немцев «народом за железным занавесом» [16]. Выступая 1 июля перед бундестагом, он еще раз напоминал собравшимся, что «объединение [Германии] и европейское сосуществование являются необходимыми элементами одной и той же политики» [24, s. 13870-13873].

10-14 июля 1953 г. на конференции в Вашингтоне министры иностранных дел США, Великобритании и Франции согласовали текст ноты, в которой Советскому Союзу предлагалось принять участие в конференции министров иностранных дел в конце сентября для обсуждения вопроса об организации свободных выборов в Германии и создания комиссии по проверке наличия в ГДР и ФРГ необходимых для этого условий. Существует мнение, согласно которому этот срок будущей конференции был определен самим

канцлером: К. Аденауэр рассчитывал на победу своей партии на выборах в бундестаг в сентябре 1953 г., и выдвижение новых советских инициатив могло этому помешать. [5, с. 90-91]

6 сентября 1953 г. доверие нации к канцлеру и христианской коалиции было подтверждено итогом выборов в бундестаг. «Европейское оборонительное сообщество, - говорилось в заявлении правительства после выборов, - занимает ключевую позицию среди усилий по европейской интеграции», и в том, что ФРГ продолжит этот курс, сомневаться не приходилось [23]. Полученного коалицией количества мест в бундестаге было достаточно, чтобы запланированные изменения в конституцию, в том числе необходимые для создания западногерманской армии, не были отклонены парламентской оппозицией.

Требуемые изменения в Основном законе были достигнуты 26 февраля 1954 г., когда Конституционный суд принял «первую военную поправку». Но для окончательного решения вопроса о ремилитаризации было необходимо, чтобы со своей позицией определилась Франция. В августе 1954 г. парламент Франции отказался ратифицировать договор о создании ЕОС. Причиной тому явно была война в Индокитае, но с таким же успехом это могло быть нежелание французского истеблишмента поступаться национальными интересами ради сомнительных для него наднациональных проектов. Тем более, если эти проекты вели к усилению ФРГ на международной арене. Так или иначе, в условиях, когда ФРГ не могла добиться суверенитета через ЕОС, альтернативой для «заполнения вакуума» оставалось вступление в Североатлантический альянс [14, s. 179]. Позднее канцлер будет утверждать, что провал ЕОС убедил мировой коммунизм в победе в «холодной войне», и вхождение ФРГ в НАТО, следовательно, помогло бы «восстановить уверенность свободных народов в себе» [Ibid].

Тем временем, обмен нотами между СССР и западными державами принес некоторые плоды. В период с 25 января по 18 февраля 1954 г. по инициативе СССР прошло Берлинское совещание министров иностранных дел, на котором советская сторона в очередной раз заявила о необходимости обеспечить единство Германии на условиях неучастия в военных блоках и союзах. С этой целью было предложено вывести с территории Германии оккупационные войска, создать временное общегерманское правительство и возложить на него проведение свободных выборов. Все эти предложения были отвергнуты, как и предложение о созыве всемирной конференции по всеобщему сокращению вооружений. К. Аденауэр в ходе совещания стремился выдвинуть на обсуждение лишь эпизодические вопросы,

касающиеся возможного референдума в Германии по вопросу объединения, тогда как советская сторона настаивала на более широком спектре вопросов, включающем в себя подписание мирного договора с Германией [4, с. 7]

В конце сентября 1954 г. в Лондоне были обсуждены общие черты новой системы безопасности, в которую войдут ФРГ и Италия. Легитимную форму должно было принять то, что У. Черчилль в личном послании К. Аденауэру называл «истинным местом» немецкого народа «во всемирной семье свободных наций» [15]. В период с 19 по 23 октября достигнутые договоренности были оформлены в виде Парижских соглашений, включавших протокол о присоединении ФРГ к НАТО. Германский договор 1952 г. был переработан и в новом виде гарантировал ФРГ «полномочия суверенного государства во внутренних и внешних делах». Оккупационный статут прекращал свое действие, а Западная Германия получила право на создание собственных вооруженных сил – бундесвера, - министерства обороны и министерства иностранных дел.

Вступление ФРГ в НАТО свело на «нет» многолетние усилия, которые СССР прилагал для недопущения ее ремилитаризации. На фоне неоднозначного отклика населения ФРГ и стран Западной Европы на идею воссоздания немецкой армии советская дипломатия предприняла попытку решить вопрос об объединении Германии накануне вступления ФРГ в НАТО. 15 января 1955 г. правительство СССР заявляет о готовности нормализовать отношения с ФРГ, вместе с тем, однако, указывая, что, в случае вступления последней в НАТО, будет вынуждено «содействовать укреплению мира и безопасности в Европе». В заявлении шла речь о желании Москвы в течение года поспособствовать проведению свободных выборов и объединению Германии, при условии, что бундестаг отклонит Парижские соглашения. 25 января 1955 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О прекращении состояния войны между СССР и Германией», что открыло юридическую возможность для вступления в договорные отношения с ФРГ. 8 февраля 1955 г. В.М. Молотов от лица правительства Н.А. Булганина еще раз подчеркнул советскую позицию касательно Парижских соглашений: в случае их ратификации объединение Германии больше не будет возможным.

Внутри ФРГ последнее предложение СССР нашло свой отклик среди оппозиции. Говоря от имени СДПГ, Эрих Олленхауэр в своем письме от 23 января 1955 г. призывал канцлера не ратифицировать Парижские соглашения до тех пор, пока не будет предпринята серьезная попытка обсудить объединение Германии в рамках конференции

четырёх держав. Протестантская оппозиция, которая и раньше поднимала свой голос против милитаристской политики К. Аденауэра, в конце января обратилась вместе с социал-демократами к согражданам с «Германским манифестом», где предлагалось организовать народное движение против перевооружения Германии. Ощутимого эффекта это, впрочем, не возымело. [26, р. 306] В период с 27 февраля по 8 марта 1955 г. бундестаг ратифицировал Парижские соглашения. 5 мая 1955 г. они вступили в силу. На следующий день Т. Бланк, ранее ответственный за подготовку к перевооружению, был назначен первым министром обороны. 7 мая ФРГ вступила в обновленный Брюссельский пакт, переименованный в Западноевропейский союз, а 9 мая – в НАТО. Когда 7 июня 1955 г. К. Аденауэру была направлена советская нота с предложением об установлении прямых дипломатических, торговых и культурных отношений, он начал подготовку к визиту в Москву в качестве главы суверенного государства.

Заключение

Цель, поставленная для ФРГ Конрадом Аденауэром в 1949 г., была достигнута в относительно короткие сроки. Проявив себя внешне тем «канцлером союзников», каким считал его К. Шумахер, он на данном этапе развития западногерманской государственности предпочел путь вхождения в военно-политические и экономические структуры западных стран посредством наднациональной интеграции, что дало возможность добиться полной отмены Оккупационного статута и формального признания суверенных прав ФРГ. Отношения с ГДР, странами «народной демократии» и Советским Союзом, при этом, объединялись под общим знаком вопроса и отбрасывались на периферию внешней политики ФРГ. В то же время, факт существования сразу двух государств, претендующих на единоличное представительство всех немцев, и постоянные попытки Советского Союза решить германский вопрос на своих условиях накладывали на внешнюю политику ФРГ серьезный отпечаток. Так, едва ли западные страны и СССР, обсуждая будущую политику в отношении побежденного Третьего Рейха, допускали, что пройдет всего десять лет, прежде чем хотя бы на одной его части восстановление суверенных прав окажется сопряжено с созданием полноценных вооруженных сил. К тому же – без принятия нормативных актов, которые регламентировали бы их нейтралитет. Однако, благодаря успешному использованию советского фактора стало возможным восстановление военного потенциала всей Западной Германии.

Позиционируя советские и восточногерманские инициативы и предложения как акты агрессии, канцлер сумел поддержать образ угрозы с

Востока в сознании достаточного количества западных немцев, без чего даже полное устранение оппозиции от решения внешнеполитических задач едва ли позволило бы добиться успеха в политике перевооружения. Движение в сторону Запада позиционировалось им как нечто, что не просто не противоречило идее воссоединения Германии, а, напротив, являлось необходимым условием для такого воссоединения; как движение вспять от Советского Союза, в которое со временем, когда станет возможным диалог между СССР и ФРГ «на равных», втянется и Восточная Германия.

«Оттепель» 1950-х – 1960-х гг. не поколебала заинтересованности США и Великобритании в сильном западногерманском государстве на своей стороне, так что провал ЕОС не означал провала интеграционной политики К. Аденауэра. А после вступления ФРГ в НАТО Восток начал предоставлять новые перспективы. Открывшаяся возможность налаживания дипломатических отношений с социалистическим блоком в качестве сильной суверенной державы означала для ФРГ, что в ближайшем будущем она сможет вывести свой международный статус на новый уровень.

Список литературы

1. Гавриловец Л.В. К вопросу о польско-германских отношениях в 1949-1955 гг. // Современная научная мысль. 2020. №4. С. 162-169.
2. Документы, касающиеся политического развития Германии в будущем [Франкфуртские документы], 1 июля 1948 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0012_fra&object=translation&l=ru (дата обращения: 26.09.2021)
3. Левченко М.В. Взаимоотношения СССР и ФРГ в 1952-1955 годах. Поиск путей решения «немецкого вопроса» Советским Союзом // Вестник Удмуртского университета. – 2019. Т. 29, вып 1. С. 77-86
4. Мозговая О.С. Политика К. Аденауэра в отношении СССР (1953–1955 гг.) // Общественные науки: вопросы и тенденции развития / сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2015. С. 6-8
5. Новик Ф.И. «Оттепель» и инерция холодной войны: Германская политика СССР в 1953-1955 гг. Институт Российской истории РАН, 2001. 276 с.
6. Нота Советского правительства Правительствам США, Великобритании и Франции о мирном договоре с Германией, 10 марта 1952 // 100(0) ключевых документов по российской и советской истории [Электронный ресурс]. URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0031_not&object=context&l=ru (дата обращения: 26.09.2021)
7. Остерман К. США и события 17 июня 1953 г. в ГДР. Вопросы истории, 1999, № 11-12. С. 49-66.
8. Павлов Н.В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. М.: Международные отношения, 2012. 800 с.
9. Петелин Б.В. Был ли план объединения Германии // Россия и современный мир. 2002. №4. С. 162-170.
10. Петелин Б.В. Конрад Аденауэр: патриарх германской политики // Новая и новейшая история. 2006. №3. С. 142-269
11. Родович Ю.В. О «ноте Сталина» от 10 марта 1952 г. по германскому вопросу // Новая и новейшая история. 2002. №5. С. 63-79.
12. Сорокин А.Н. На периферии восточной политики ФРГ: Аденауэр и страны Восточной Европы // Омский научный вестник. 2015. №4. С. 36-39.
13. Тимошенкова Е.П. Германский вопрос во внешней политике Советского Союза (1945-1955) М.: Ин-т Европы РАН, 2008. 134 с.
14. Adenauer K. Germany, the New Partner // Foreign Affairs. Jg. 33. 1955, № 2 (Januar), S. 177-183.
15. Aufzeichnung des Leiters de Politischen Abteilubg des Auswärtigen Amts, Herbert Blankenhorn, vom 2. September 1954, in: Bundesarchive, NL Blankenhorn N 1351/33b, Bl. 184.
16. Bulletin des Presse- und Informationsamts der Bundesregierung. Nr. 116, 24. Juni 1953.
17. Fragen des Bundeskanzlers Adenauer zur Prager Erklärung der Regierungsvertreter Albaniens, Bulgariens, der DDR, Polens, Rumaniens, der Tschechoslowakei, der UDSSR und Ungarns, 21. Oktober 1950 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.konrad-adenauer.de/seite/21-oktober-1950> (дата обращения 01.01.2023)
18. Frohn A. Adenauer und die deutschen Ostgebiete in den funfzig Jahren // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1996. Heft 4. S. 485-525.
19. Government declaration by Grotewohl on the note from the Soviet government to the Western powers on the peace treaty with Germany before the GDR People's Chamber, March 14, 1952 [Электронный ресурс]. URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0031_gro&object=translation&l=de (дата обращения: 26.09.2021)
20. Konrad Adenauer: Briefe über Deutschland 1945-1955. Eingeleitet und ausgewählt von Hans Peter

Mensing aus der Rhöndorfer Ausgabe der Briefe. München, 1999. 221 S.

21. Konrad Adenauer, Bundestagsreden. Hg. von Josef Selbach. Bonn 1967.

22. Konrad Adenauer: "Die Demokratie ist für uns eine Weltanschauung": Reden und Gespräche 1946 bis 1967. Hg. von Felix Becker. Köln-Weimar-Wien 1998. 280 S.

23. Regierungserklärung vom 20. Oktober 1953, abgegeben von Bundeskanzler Dr. Adenauer von dem Deutschen Bundestag. Hg. vom Press- und Informationsamt der Bundesregierung. Bonn 1953.

24. Verhandlungen des Deutschen Bundestages, 1 Wahlperiode 1949-1953, Bd. 17: Stenografische Berichte 1953.

25. Vertrag über die Beziehungen zwischen der Bundesrepublik Deutschland und den Drei Mächten [Электронный ресурс]. URL: <https://www.verfassungen.de/de45-49/deutschlandvertrag52.htm> (дата обращения: 26.09.2021)

26. Winkler A. Germany: Long Road to the West: Volume 2: 1933-1990. Oxford University Press, 2007. 600 p.

GERMAN-SOVIET AND GERMAN-GERMAN RELATIONS AS A FACTOR OF THE INTEGRATION POLICY OF K. ADENAUER IN 1949-1955

The article analyzes the foreign policy course of Chancellor Konrad Adenauer in 1949-1955 in order to determine how much the specifics of Soviet-German and German-German relations during these years delayed or, on the contrary, brought closer the success of West European integration of the FRG. K. Adenauer drew a direct connection between the entry of the FRG into Western Europe and overcoming the occupation situation, which deprived the West German state of real subjectivity. At the same time, the chancellor was connected with the countries of the socialist camp by the need to respond to the development of events, which in one way or another would affect all-German interests. These included, for example, the attempts of the USSR and the GDR to implement the points of the Potsdam agreements related to the preservation of the integrity of Germany and the regulation of its borders. A direct threat to the integration policy of K. Adenauer was Soviet initiatives aimed at neutralizing Germany, preventing the remilitarization of the FRG and forcing Western countries to comply with post-war agreements on the German question. An analysis of foreign and domestic scientific research, as well as various sources (letters, author's articles, transcripts of Bundestag sessions and speeches) allows us to see how, under these conditions, K. Adenauer's policy combined the course for the long existence of two German states and the declared desire for the unification of Germany.

Keywords: Konrad Adenauer, neutral Germany, remilitarization, Potsdam agreement, European Defense Community, Western European integration, NATO, "Stalin's note", events of June 17, 1953.

References

1. Gavrilovets L.V. (2020). K voprosu o polsko-germanskikh otnosheniakh v 1949-1955 gg [On the question of Polish-German relations in 1949-1955.]. *Sovremennaya nauchnaya mysl* [Modern scientific thought], 4, 162-169.

2. Dokumenty, kasayushchiesya politicheskogo razvitiya Germanii v budushchem, 1 iyulya 1948 g. [Documents concerning the political development of Germany in the future, July 1, 1948. from https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0012_fra&object=translation&l=ru (accessed: 26.09.2021)

3. Levchenko M.V. (2019). Vzaimootnosheniya SSSR i FRG v 1952-1955 godakh. Poisk putey resheniya «nemetskogo voprosa» Sovetskim Soyuzom [Relations between the USSR and the FRG in 1952-1955. Search for ways to solve the "German question" by the Soviet Union]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 1, 77-86.

4. Mozgovaya O.S. (2015). Politika K. Adenauera v otnoshenii SSSR (1953–1955 gg.) [K. Adenauer's policy towards the USSR (1953–1955)], *Obshchestvennyye nauki: voprosy i tendentsii razvitiya: sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Krasnoyarsk, 6-8.

5. Novik F.I. (2001). «Ottepel'» i inertsia kholodnoy voyny: Germanskaya politika SSSR v 1953-1955 gg. ["Thaw" and the inertia of the Cold War: German policy of the USSR in 1953-1955]. Institut Rossiyskoy istorii RAN.

6. Nota Sovetskogo pravitel'stva Pravitel'stvam SSHA, Velikobritanii i Frantsii o mirnom dogovore s Germaniyey, 10 marta 1952 [Note of the Soviet government to the Governments of the USA, Great Britain and France on a peace treaty with Germany, March 10, 1952]. 100(0) klyuchevykh dokumentov po rossiyskoy i sovetskoy istorii. From https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0031_not&object=context&l=ru (accessed: 26.09.2021)

7. Osterman K. (1999). SSHA i sobytiya 17 iyunya 1953 g. v GDR [USA and the events of June 17, 1953 in the GDR]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. 11-12, 49-66.

8. Pavlov N.V. (2012). Istoriya vneshney politiki Germanii ot Bismarka do Merkel' [History of German foreign policy from Bismarck to Merkel]. M.: *Mezhdunarodnyye otnosheniya*.

9. Petelin B.V. (2002). Byl li plan ob'yedineniya Germanii [Was there a plan for the unification of Germany]. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the modern world], 4, 162-170.

10. Petelin B.V. (2006). Konrad Adenauer: patriarkh germanskoy politiki [Konrad Adenauer: Patriarch of German Politics]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [New and recent history]. 3, 142-269.

11. Rodovich Yu.V. (2002). О «note Stalina» от 10 марта 1952 г. по германскому вопросу [On the "Stalin's note" of March 10, 1952 on the German question]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [New and recent history], 5, 63-79.
12. Sorokin A.N. (2015). Na periferii vostochnoy politiki FRG: Adenauer i strany Vostochnoy Yevropy [On the periphery of the East policy of Germany: Adenauer and the countries of Eastern Europe], *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 4, 36-39.
13. Timoshenkova Ye.P. (2008). *Германский вопрос во внешней политике Советского Союза (1945-1955)* [The German question in the foreign policy of the Soviet Union (1945-1955)]. Moscow: Insitut Yevropy RAN.
14. Adenauer K. (1955). Germany, the New Partner. *Foreign Affairs*. 2, 177-183.
15. Aufzeichnung des Leiters de Politischen Abteilubg des Auswärtigen Amts, Herbert Blankenhorn, vom 2. September 1954, in: Bundesarchive, NL Blankenhorn N 1351/33b, Bl. 184.
16. Bulletin des Presse- und Informationsamts der Bundesregierung. 24. Juni 1953.
17. Fragen des Bundeskanzlers Adenauer zur Prager Erklärung der Regierungsvertreter Albanien, Bulgariens, der DDR, Polens, Rumaniens, der Tschechoslowakei, der UDSSR und Ungarns, 21. Oktober 1950 from <https://www.konrad-adenauer.de/seite/21-oktober-1950> (accessed 01.01.2023)
18. Frohn A. (1996). Adenauer und die deutschen Ostgebiete in den fünfzig Jahren. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 4, 485-525.
19. Government declaration by Grotewohl on the note from the Soviet government to the Western powers on the peace treaty with Germany before the GDR People's Chamber, March 14, 1952 from https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0031_gro&object=translation&l=de (accessed: 26.09.2021)
20. Konrad Adenauer: Briefe über Deutschland 1945-1955. (1999). Eingeleitet und ausgewählt von Hans Peter Mensing aus der Rhöndorfer Ausgabe der Briefe. München.
21. Konrad Adenauer, Bundestagsreden. (1967). Hg. von Josef Selbach. Bonn.
22. Konrad Adenauer: "Die Demokratie ist für uns eine Weltanschauung": Reden und Gespräche 1946 bis 1967. (1998). Hg. von Felix Becker. Köln-Weimar-Wien. 280 S.
23. Regierungserklärung vom 20. Oktober 1953, abgegeben von Bundeskanzler Dr. Adenauer von dem Deutschen Bundestag. (1953). Hg. vom Press- und Informationsamt der Bundesregierung. Bonn.
24. Verhandlungen des Deutschen Bundestages, 1 Wahlperiode 1949-1953, Bd. 17: Stenografische Berichte. (1953).
25. Vertrag über die Beziehungen zwischen der Bundesrepublik Deutschland und den Drei Mächten from <https://www.verfassungen.de/de45-49/deutschlandvertrag52.htm> (accessed: 26.09.2021)
26. Winkler A. (2007). *Germany: Long Road to the West: Volume 2: 1933-1990*. Oxford University Press.

Об авторе

Кристов Илья Юрьевич – аспирант кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения, Воронежский государственный университет (Россия), E-mail: ely.krstv@gmail.com

Kristov Ilya Yurievich – post-graduate student of the Department of Contemporary History, Historiography and Records Management, Voronez State University (Russia), E-mail: ely.krstv@gmail.com

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕРМАНСКОГО ПОСОЛЬСТВА В МОСКВЕ В 1918 Г.: ДЕФИЦИТ ПОКАЗАНИЙ

Политика Германской империи на Востоке после заключения Брестского мира имела важнейшее значение для хода последней кампании Великой войны и эскалации Гражданской войны в России. По целому ряду причин она исследована до сих пор недостаточно, поэтому важен вопрос об уточнении источниковой ситуации и перспективах расширения имеющейся базы. Германских эмиссаров в Москве в 1918 г. можно разделить на несколько групп: дипломаты, военные, экономисты и журналисты. Анализ их личных свидетельств способен дать ценные результаты при учете профессиональной специфики и деталей пребывания в РСФСР. Важнейшее значение имели бы свидетельства двух послов (Мирбаха и Гельфериха) и их заместителей (Рицлера и Бассевица), а также военных атташе, однако по различным причинам следует констатировать явный дефицит воспоминаний либо намеренное их искажение ради политической конъюнктуры не только 1920-1930-х, но и 1950-1970-х гг. Шансы на существенное пополнение источников невелики, однако необходима дальнейшая работа по уточнению состава кайзеровских миссий в РСФСР и тщательный отбор сохранившихся материалов для последующего ввода в оборот отечественной историографии. Расширение источниковой базы является базовым условием для создания уточненной истории советско-германских отношений на первом их этапе, что стало бы важнейшим шагом к подлинной историзации событий 1918 г. на пространстве бывшей Российской империи.

Ключевые слова: Германская империя, РСФСР, Брестский мир, дипломатические отношения, мемуары, архивы, В. фон Мирбах, К. Рицлер, К. Гельферих.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-100-109

Введение

Одним из важных условий для конструктивного развития отечественной историографии того комплекса процессов, который по сей день принято называть Гражданской войной в России (а то и в СССР!), является критический пересмотр целого ряда ложных аксиом и специфических традиций. Одной из таковых является грубая недооценка, а порой и сознательное игнорирование воздействия Центральных держав на генезис и ход кампании 1918 г. на просторах распавшейся Российской империи, особенно за пределами оккупированных германской коалицией территорий. В условиях вошедшей в стадию кульминации Великой войны с заключением Брестского мира противостояние двух воюющих блоков на одной шестой части суши не окончилось и не приостановилось, а лишь деформировалось, усложнив набор средств ведения конфликта. Маскируемое под «гениальную ленинскую стратегию лавирования» стремление РСФСР к нейтралитету, который уважали бы сошедшиеся в схватке за мировое господство державы, было явной и сознательной утопией, призванной позволить большевикам удержаться у власти до окончания очевидно последней кампании с наименьшими (как казалось зимой 1917-1918 гг.) потерями. Перед антибольшевистскими силами стояла зеркальная по сути своей задача: солидаризоваться с одной из коалицией ради получения максимальной и скорейшей поддержки для борьбы с Совнаркомом, стилизовав это под «верность союзникам», старым или новым.

Для целостного раскрытия данной грани многослойного вооруженного конфликта, стре-

мительно обретавшего в течение 1918 г. тотальный размах «войны всех против всех», необходима не только переоценка, но и существенное дополнение базы введенных в научный оборот источников. При необозримых масштабах уже опубликованных материалов лакуны обнаруживаются без труда, да и конъюнктурные причины их сохранения на протяжении вот уже столетия лежат на поверхности. Однако в ряде случаев скрывается не только и не столько политизированность тематики и конструирование «зон умолчания», но и не всегда осознаваемая инерция привычных представлений и терминов либо элементарное забвение «немодных» сюжетов. Именно к этой категории следует отнести недостаточную разработанность и в российской, и в зарубежной историографии проблемы германской политики на Востоке (*Ostpolitik*) в 1918 г. [см., подр.: 7] Доказательством этому является хотя бы то, что и в Германии, и в России (а тем более в странах Запада) до сих пор нет достойной альтернативы исследованиям 1960-80-х гг. [13; 6; 5], которые приходится переиздавать или использовать, несмотря на откровенные идеологические штампы и поныне. Аналогичная ситуация с тематическими подборками дипломатических источников [11], причем даже новейшие сборники касаются по-прежнему в основном периода до заключения Брестского мира, затрагивая имплементацию последнего лишь частично [2].

Объекты и методы исследования

Значительным подспорьем в ликвидации критического дефицита информации о политике

Кайзеррейха в отношении Советской России и антибольшевистских сил за пределами прямой досягаемости Центральных держав (т.е. в Поволжье, на Урале, в Туркестане и Сибири) могла быть статья публикация источников, связанных с деятельностью германского посольства в Москве в апреле-августе 1918 г. Именно туда сходились нити обсуждаемых альтернатив большевикам как прогерманскому режиму, там пытались проводить собственный (и часто почти противоположный берлинскому) курс на российском направлении. В отчаянных попытках сколько-нибудь точно спрогнозировать развитие событий в России на ближайшие 2-3 месяца, пока в боях в Шампани решается судьба мировой войны, в здании в Денежном переулке, 5 обрабатывался огромный объем информации, включая личные впечатления. Разумеется, в официальной дипломатической документации, а тем более в нотной переписке между Москвой и Берлином эти важнейшие направления неофициальной работы германской миссии в лучшем случае упоминались. Информацию, которая позволила бы оценить истинные приоритеты и многовекторность *Ostpolitik*, возможно найти лишь в личной переписке работников посольства, их секретных донесениях, отправляемых на Вильгельмштрассе и отложившихся в фондах Политического архива (РА АА), а также в сохранившихся воспоминаниях, зафиксированных в различной форме. Эти источники по меньшей мере взаимодополняемы, ведь в донесениях, например, часто избегали называть фамилии, справедливо опасаясь шпионажа и грубого нарушения дипломатической неприкосновенности. Немало и других специфических особенностей, заставляющих специально обратиться к вопросу об источниковой ситуации в целостной истории российско/советско-германских отношений 1918 г. Для оценки перспектив исследований на данном направлении необходимо суммировать уже опубликованные материалы, а также наметить пути возможного существенного пополнения базы материалов этого рода.

Кайзеровское посольство в Москве проработало с 23 апреля по 8 августа 1918 г., затем выехав в Петроград, а через полтора суток оттуда в Гельсингфорс. После краткого пребывания в столице Финляндии оно было отправлено в Ревель, а оттуда лишь часть его чинов прибыла в Псков. Полноценно германская миссия в РСФСР более не функционировала, ведь нового посла Германская империя так и не назначила. Остатки миссии на оккупированной территории Советской России должной активности не проявляли, в том числе из-за отсутствия должных технических возможностей. Лишь часть германских эмиссаров в течение сентября-октября вернулась в Москву, где до

середины ноября продолжало работу генеральное консульство, ставшее в отсутствие посольства главным представительством Германской империи в Советской России. Значительную роль в отношениях двух стран в этот же период играло и генеральное консульство в Петрограде, ведь инерция столичного статуса города на Неве пока что оставалась чрезвычайно сильной. Слабо изученная до сих пор попытка замены кайзеровских представительств революционными «дипломатами» из образованных в РСФСР Советов германских солдат [см., напр.: 20, s. 108-113] на преемственность с прежней *Ostpolitik* претендовать, разумеется, не может.

После редуцирования контактов между Москвой и Берлином на высшем представительном уровне интенсивность и размах неофициальной деятельности германской дипломатии на территории РСФСР существенно сократились, а потому центр тяжести взаимодействия между антибольшевистскими силами и Германией сместился в регионы (Новочеркасск, Киев, Севастополь и т.д.), тем более, что по белому подполью в столицах был в июле-сентябре 1918 г. нанесен мощный удар, как по итогам подавленных мятежей, так и в результате деятельности ЧК и последующего начала основной фазы красного террора. Это заставляет обратить особое внимание именно на время пребывания в Москве германского посольства, выделив его из общей истории первой попытки советско-германских отношений в марте-ноябре 1918 г. 3,5 месяца полноценных дипломатических отношений были чрезвычайно насыщенным периодом как в истории обеих стран, так и всего мира, а потому краткость этого периода вполне компенсируется темпом и значимостью событий.

Первоначально размер германской миссии в РСФСР был очень скромным, ведь 19 апреля 1918 г. с послом графом В. фон Мирбахом из Германии выехало лишь около двух десятков человек, включая технический персонал, а также представителей союзных Германии держав. При огромном разнообразии в деятельности германского представительства в России, охваченной гражданской войной, а также с учетом объема проблем, накопившихся за почти 4 года разрыва официальных отношений, вызванного Великой войной, персонал различных кайзеровских инстанций в РСФСР (как и количество советских граждан с дипломатическим статусом в Германии) постоянно пополнялся. Достаточно поводов к этому давала хотя бы острая потребность в переводчиках, ведь ни один из германских дипломатов русским языком не владел даже на базовом уровне. Посольство и консульства стали центрами притяжения для желавших репатрироваться немцев, а также всех представителей элит,

претендовавших на особое покровительство Кайзеррейха либо рассчитывавших на родственные узы. Поэтому в конце ноября 1918 г. при обмене на демаркационной линии в Белоруссии счет отпускаемым на родину уже шел на несколько сотен, несмотря на все предшествующие отъезды дипломатов и эмиссаров обеих сторон, а также побеги и переход на нелегальное положение.

Помимо кадровых чинов посольства особенно крупную роль с самого начала играли представители различных военных инстанций, а позднее эмиссары по торгово-экономическим вопросам. В условиях специфической этики взаимоотношений Москвы и Берлина, а также в обстановке упорной борьбы внешнеполитических ориентаций в политических группировках любого спектра требовалась повышенная активность на информационном фронте, что обеспечило высокую потребность в представителях прессы, особенно тех, кто был способен взять на себя часть агентурной работы. Помимо четырех указанных групп (дипломатов, военных, экономистов и журналистов) важные сведения могли бы сохраниться в свидетельствах чиновников центральных инстанций, которые вели (и порой не только официальную) переписку с германскими эмиссарами в РСФСР, оставаясь в Берлине и/или при германской Ставке в Спа. Особое место в этой категории занимают не только главы германского дипломатического ведомства (АА) в указанный период (Р. фон Кюльман и П. фон Хинтце) или их ближайшие сотрудники и заместители, но и ряд дипломатов, специализировавшихся на Востоке в целом и на России, в частности, из которых позднее и образовался «русский отдел» в АА [40].

Целый ряд косвенных указаний, слухов и намеков содержится и в мемуарах или опубликованных дневниках ряда высокопоставленных военных. Однако в силу ведомственной этики и сложных взаимоотношений между военными и дипломатами в Кайзеррейхе (тем более в годы Великой войны) прямые и доверительные контакты с германскими эмиссарами в Москве они не поддерживали. Корреспонденция германской Ставки или прусского военного министерства с военными представителями в РСФСР оставалась чисто служебной (хотя бы из-за скромного чина последних, майорского максимум) и потому почти не отразилась в воспоминаниях. Да и для чрезмерного увлечения мелкими нюансами шедшей на просторах Советской России закулисной борьбы у вершителей судеб воюющей Германии слишком силен был приоритет Западного фронта в кампании 1918 г. К сведениям, поступающим по дипломатическим каналам или от дипломатов, и вовсе относились не без предубеждения [см., напр.: 29]. Указанные выше оговорки значительно

сужают круг возможных источников по неизвестной истории Ostpolitik, что позволяет перейти к адресному их разбору.

Результаты и их обсуждение

За 3,5 месяца германское посольство в Москве возглавляли В. граф фон Мирбах и К. Гельферих, а также – в промежутке между ними, 6-28 июля, и после отъезда Гельфериха, с 6 августа – в качестве поверенного в делах К. Рицлер. Граф Мирбах по хорошо известным причинам никаких воспоминаний о работе в Москве оставить не успел. Не осталось – по меньшей мере за московский период – и личных его дневников. Чрезвычайно интересную подборку его донесений из Москвы опубликовал более полувека назад В. Баумгарт [15, позднее частично переведена: 4, с. 212-233], однако она вовсе не претендует на полноту и упускает из виду целый ряд других известных специалисту источников из РА АА, полный текст которых до сих пор в научный оборот не вводился. Так как до сих пор не существует ни одной научной биографии графа Мирбаха (при целой литературе насчет обстоятельств его убийства!), а тем более особого сборника документов о его жизни и деятельности, доступные за пределами архива личные свидетельства первого кайзеровского посла в Москве ограничиваются указанной выше статьёй. Пробывший в Москве всего около 9 дней Карл Гельферих уже в 1919 г. выпустил объемистые мемуары [22], однако их ценность сильно снижается откровенно политической целью написания «по горячим следам», ведь второй посол вынужден был долго оправдываться насчет истинных причин своего «бегства» из РСФСР, отмечая обвинения едва ли не в трусости. Шансов на более позднюю и, возможно, поэтому менее пристрастную версию воспоминаний у Гельфериха не было: он погиб уже в 1924 г., когда страсти вокруг Рапальского договора и вообще любого сотрудничества с большевиками в Германии еще далеко не улеглись. Биографии Гельфериха концентрируются на его роли в экономике и внутренней политике, но не дипломатии Германии, уделяя московскому эпизоду лишь беглое внимание [43]. Имеющаяся литература на немецком языке немногочисленна, а на русском – не считая быстро последовавшего перевода мемуаров – еще меньше [см., подр.: 8]. В лучшем случае научно-популярная, а зачастую и явно художественного плана книга о германских послах в Москве [26] имеющиеся лакуны компенсировать не может.

Тяжелее всего ситуация вокруг периода руководства германским посольством К. Рицлера. Это тем более прискорбно, что именно Рицлер был главным инициатором резко антибольшевистского курса на базе дипломатического представительства и имел большой личный вклад в подготовке с германской помощью целого ряда антибольше-

вистских заговоров, в том числе сознательно действуя вопреки указаниям из Берлина. Почти 3 недели ему удалось подталкивать Германию к немедленному разрыву Брестского мира и вводу германских войск в Москву, пользуясь «междоусобицей» в АА и полной поддержкой военных эмиссаров. Позднее именно он быстро привлек к этим усилиям и прибывшего К. Гельфериха, провоцируя разрыв дипломатических отношений и отъезд посольства уже с помощью его немалого политического веса. К сожалению, все личные материалы Рицлера стали жертвой ожесточенного спора германских историков вокруг тезисов Ф. Фишера в 1960-70-х гг. Будучи ближайшим соратником рейсканцлера Т. фон Бетман-Гольвега, будущий поверенный в делах в Москве знал слишком многое о логике действий кайзеровских верхов в ходе Июльского кризиса. Для доказательства (или опровержения) тезиса о сознательной эскалации Великой войне не столько военными, сколько политиками и были активно использованы и изданы весьма специфические по качеству и достоверности дневниковые записи, заметки и письма Рицлера [30]. Однако позднее не раз высказывались обоснованные подозрения в намеренном цензуровании, а то и прямой фальсификации наследия бывшего дипломата его родственниками (или им самим?) [38]. На фоне наиболее жгучих для германской общественности вопросов московский период деятельности Рицлера совершенно померк. Мало того, что и сам он категорически отказывался (до 1950-х гг.) написать целостную версию мемуаров, дав лишь зарисовку убийства Мирбаха, но и составители сборника его материалов 1918 г. в его карьере уделили очень немного внимания, дав лишь менее пары десятков документов [30, s. 709-732].

Младшие дипломатические чины германского посольства оказались еще более немногословны. Скупые детали их карьеры удастся восстановить лишь с помощью соответствующего 5-томного справочника [16]. Вторым по старшинству в кайзеровской миссии был Р. граф фон Бассевиц, которому довелось руководить остатками посольства в Пскове осенью 1918 г. Никаких воспоминаний он не оставил, да и служебная его переписка за этот период крайне обрывочна, особенно на фоне постоянных и интересных донесений генеральных консулов в столицах – Й. Брайтера и Г. Хаушильда. Все трое, несмотря на достаточно долгую последующую карьеру, никаких воспоминаний, в том числе о пребывании в РСФСР, не оставили. Особенно молчалив – почти никаких публикаций – оказался именно Бассевиц. Внимания биографов эти дипломаты до сих пор не привлекли, как и предшественник Брайтера на его посту (до середины июля 1918 г.) М. Бирманн. Об их личных архивных фондах никаких данных к настоящему моменту нет.

Огромную роль, несмотря на неоднозначное отношение к дипломатам вообще и к членам миссии в Москве, в деятельности германских миссий в РСФСР играли три майора – К. фон Ботмер, В. Хеннинг и В. Шуберт, являвшиеся представителями высших военных инстанций и призванные курировать процесс репатриации военнопленных, работу железных дорог и обязанности военного атташе. Каждый из них впоследствии использовал свой московский опыт в публицистике и политической карьере, однако сколько-нибудь информативными являются лишь мемуары первого из майоров. Помимо опубликованной в 1922 г. в знак протеста против Рапалльского договора (что уже показательно) книги «С графом Мирбахом в Москве», позднее переведенной на русский язык [1], значительно позже были обнаружены и опубликованы В. Баумгартом подлинные дневники Ботмера [18], существенно отличающиеся от воспоминаний, особенно мелкими деталями неофициальной деятельности германских эмиссаров. Они пока в отечественный научный оборот почти не введены, так как ошибочно отождествляются с оригиналом мемуаров. Их текст дает частичное представление о масштабе усилий по свержению большевиков под видом конструктивного взаимодействия в рамках Брестского мира, однако очевидно, что о деятельности своих соседей-дипломатов, особенно до убийства Мирбаха Ботмер был осведомлен очень плохо. Его коллега В. Хеннинг ограничился впоследствии необходимыми для карьеры в НСДАП памфлетами [23], а вернувшийся после отъезда в августе остававшийся в Москве вплоть до высылки остатков дипломатических миссий В. Шуберт не сумел опубликовать свои подготовленные в середине 1950-х гг. мемуары [37]. В них бывший генерал люфтваффе, оказывавший немалое влияние на нацистскую оккупационную политику в СССР, обосновывал захватывающую гипотезу, планируя добиться одобрения со стороны коллег. По очевидным причинам издателя в боннской ФРГ он так и не нашел. В. Баумгарту удалось поговорить с уже очень пожилым Шубертом в 1960-х гг., однако остались лишь магнитофонные записи воспоминаний последнего о пребывании в Москве.

В германских миссиях в РСФСР и в том числе в Москве работали и другие офицеры, однако о большинстве из них известны лишь фамилии (Милецки, Вельфинг, Шмандт и т.д.). Некоторым исключением является лишь уехавший из РСФСР, сопровождая траурную процессию с телом Мирбаха, эмиссар из германского Главкомандования на Востоке О. Шмидт-Ганновер, который немного затрагивает свою московскую миссию в мемуарах [35]. Благодаря своей последующей политической карьере он удостоился и специального исследования [41], где сведения о

деятельности О. Шмидта в 1918 г. очень скудны. С учетом гибели подавляющего большинства германских военных архивов в 1945 г. шансы на обнаружение документов и даже элементарных деталей биографии офицеров, работавших в германских миссиях в РСФСР, почти нулевые. Так, например, почти ничего неизвестно о выжившем при покушении на Мирбаха переводчике лейтенанте Л. Мюллере, хотя он давал важнейшие показания о ходе событий 6 июля.

Аналогичная ситуация и с приезжавшими в РСФСР и подолгу ведшими различные переговоры с представителями Наркомвнешторга германскими экономистами и финансистами. Важнейшую роль среди играл доктор Альфред Лист, выехавший из Москвы после менее 1,5 месяцев пребывания вместе с посольством. Детали его дальнейшей биографии установить не удалось, а в дипломатических архивах сохранились копии лишь единичных его донесений, ведь очевидно, что основным его адресатом были иные ведомства, документация которых почти не опубликована и тем более не оцифрована. Подробности одной из иных (и, вероятно, многочисленных) миссий финансово-экономического плана, тесно связанной и с антибольшевистским курсом Рицлера, были опубликованы лишь недавно [9].

Куда большего можно было бы ожидать от пишущей братии, а также от тех, кто не был связан годами профессиональной выучки дипломатов и военных, направленной на сокрытие информации вербальным или невербальным способом. Особую роль в желании рассказать о пережитом в России и о почти чудесном спасении с помощью долгожданного посольства в Москве должны были играть интернированные, многие из которых пытались получить в Денежном переулке не только средства на дорогу домой, но и возможность поправить свое катастрофическое положение. Среди них выделялся занявший впоследствии исключительное место в истории отношений двух стран Г. Хильгер, на многие годы ставший главным и лучшим переводчиком германских миссий. Его мемуары вызвали немалый интерес, однако на русский были переведены лишь сравнительно поздно, с английского их издания [12], причем на фоне глав, связанных с пактом Молотова-Риббентропа и предысторией Великой Отечественной войны, и здесь 1918-й год явно потерялся в даваемой автором общей панораме. Куда менее известны в России, зато некогда оказался чрезвычайно востребован на родине воспоминания еще одного пленного, Э. Штадтлера, устроившегося на работу в кайзеровскую миссию в Москве, а затем благодаря этому возглавившему Антибольшевистскую лигу в Германии, уже пережившей Ноябрьскую революцию. Достоверность

их изрядно снижают обстоятельства и фон публикации, к тому же идеологический путь автор был слишком извилист, чтобы в описании им его позиции в 1918-м можно было бы полагаться на текст, созданный в середине 1930-х гг. [39] Куда более захватывающими и информативными являются мемуары и дневники А. Паке. Если воспоминания представляют собой беллетризованный сборник серии статей этого корреспондента, далеко не случайно допущенного большевиками в Москву в качестве едва ли не единственного представителя германской прессы [10], то дневники значительно интереснее, насыщены деталями и описаниями эксклюзивного характера и представляют яркое полотно событий в РСФСР в июле-ноябре 1918 г. Они были опубликованы В. Баумгартом более полувека назад [42, s. 49-255], однако до сих пор не переведены на русский язык и достаточно слабо востребованы отечественными специалистами по истории первых лет большевистского режима.

Казалось бы, значительно лучше по объективным причинам должно было обстоять дело с освещением секретных сторон германской политики на Востоке со стороны тех, кто занимался ее координацией в Берлине, располагая множеством информационных каналов и возможностями для постоянной фиксации и анализа. Однако и здесь дал о себе знать ряд неблагоприятных факторов. В период пребывания кайзеровских послов в Москве германское внешнеполитическое ведомство возглавляли Р. фон Кюльман (до 8 июля 1918 г.), а затем П. фон Хинтце (до 4-7 октября 1918 г.). В связи с острым внутривнутриполитическим кризисом, последовавшим за речью Кюльмана в рейхстаге, можно говорить о явном «междоусобице» в АА между 26 июня и 19 июля 1918 г., когда прибыл из Христиании руководить германской дипломатией Хинтце. Кроме того, оба статс-секретаря вообще подолгу отсутствовали в Берлине, так что воздействие на решение всех вопросов *Ostpolitik* их заместителей – Х. фон дер Бушпе-Хадденхаузена и В. фон Штумма – зачастую было едва ли не более существенным, чем у их начальства. Все четверо научных биографий до сих пор не удостоились. На мемуары лишь под конец жизни, так что они вышли (возможно, умышленно) лишь посмертно осмелился только Р. фон Кюльман [28]. Ценнейшую тематическую подборку документов, где довольно подробно отражен период руководства на Вильгельмштрассе, и объемную вступительную статью посвятил П. фон Хинтце Й. Хюртер [33], использовавший многие, но далеко не все папки из его богатейшего архивного фонда. Остается лишь надеяться, что постепенно – в связи с явным предпочтением дипломатам, проявившим себя в другие периоды

германской истории – на фоне общих успехов биографического жанра очередь дойдет и до тех, что около 2 лет возглавлял германскую внешнюю политику. Правда, опубликованные биография и документальная подборка о членах мирной делегации в Брест-Литовске, в т.ч. о подписавшем этот договор от имени Германии Ф. фон Розенберге, демонстрируют, что звездным часом и самым важным этапом их карьеры участие в попытке выстроить гегемонию Кайзеррейха евразийского масштаба не считается [21; 36; 25].

Несколько благополучнее обстоит дело с фигурами второго плана. Среди них выделяется Р. Надольны, отдавший почти всю свою жизнь активизации германской политики на Востоке, в т.ч. с помощью нормализации отношений с Россией, какой бы она ни была. Он опубликовал мемуары [31], похожие на приключенческий роман, как общим тоном, так и детальностью и степенью цепительности изложения собственной роли в событиях. Спустя десятки лет последовал и тематический сборник документов [19], однако в нем основное место занимают документы, посвященные пребыванию Надольны по посту посла в Москве в 1933-1934 гг., в то время как события 1918 г. затронуты незначительно. К огромному сожалению, нет ни воспоминаний, ни тематических сборников, ни соответствующих документов в личном фонде И. Криге, многолетнего главы юридического отдела АА, сыгравшего ключевую роль в подготовке важнейшей советско-германской сделки – Добавочного договора от 27 августа 1918 г. [см., подр.: 3], который тщетно пытались сорвать и Рицлер, и Гельферих [см., подр.: 14].

В период междуцарствия на Вильгельмштрассе в конце июня – середине июля неожиданно крупную роль в определении дальнейшего направления *Ostpolitik* получили совсем молодые дипломаты, особенно Г. граф Кесслер, но также ближайший сотрудник Р. Надольны В. фон Блюхер. Дневники и мемуары их, к счастью, опубликованы [27; 17]. Они делились полученной информацией со сверстниками и коллегами, однако последние, разумеется, потом довольно скупо упоминали о некогда услышанном [34]. Приходится серьезно сожалеть о нежелании поведать детали своих усилий в 1918 г. Э. барона фон Терманна (проведшего в русском плену более 3 лет и успевшего освободиться незадолго до Брестского мира) и О. Траутманна, двух чиновников АА, которые были заняты первичной обработкой едва ли не всех поступающих о России донесений. Оба они сделали завидную карьеру, дослужившись до

посольских постов, но о публикациях их авторства о проблемах *Ostpolitik* до сих пор ничего не известно. Все источники данной группы способны передать в лучшем случае берлинское видение происходившего в Москве, еще более искаженное, нежели та картина, что представляла в донесениях Мирбаха, Рицлера и Гельфериха, которые нередко выглядят в глазах сколько-нибудь знакомого с историей РСФСР российского читателя почти фантазмагорией. Это снижает их ценность, к тому же нередки существенные неточности в датах, деталях и даже фамилиях упоминаемых лиц. Восполнить острую нехватку свидетельств непосредственных участников событий вокруг здания в Денежном переулке, 5 эти небезынтересные пересказы не в состоянии.

Заключение (выводы)

Рассмотренные выше группы источников личного происхождения, частью обработанных впоследствии в мемуарах или сборниках документов, либо пока не прошедших эту стадию ввода в научный оборот оставляют достаточно много пробелов в целостной картине функционирования германских дипломатических миссий в РСФСР, а особенно в сфере их неофициальных усилий, прямо направленных на подрыв большевистского режима и на иные нарушения несоблюдаемого обеими сторонами Брестского мира. Существенное пополнение имеющейся базы выглядит сколь необходимым, столь и мало вероятным, не считая активной публикации фондов РА АА, содержательно существенно ограниченных особенностями получения в Берлине информации из Советской России и тем более территорий под контролем Белого движения. Источников и литературы о деятельности миссий других Центральных держав и того меньше [см., напр.: 24], к тому же все они вместе взятые не имели даже сопоставимого воздействия на ход Гражданской войны в России (в отличие от аналогичных процессов на Украине или в Закавказье). Определенную надежду на позитивные сдвиги в изучении германской *Ostpolitik* и в постановке многослойного конфликта на постимперских пространствах Российской империи в контекст Великой войны может дать лишь продолжающееся пополнение, обработка и цифровизация личных фондов в архивах, в первую очередь в германских. Необходимые технические условия к максимальному из возможных дополнению и переосмыслению источниковой базы по истории международных отношений в рамках Брестской системы к настоящему моменту созданы.

Список литературы

1. Ботмер К. фон. С графом Мирбахом в Москве / под ред. Ю.Г. Фельштинского. М.: Книжный клуб «Книговек», 2010. 395 с.
2. Брестский мир: пролог, заключение, итоги: сборник документов / отв. сост. А.В. Репников; сост. А.В. Борисова; пред., комм., прим., указ. Л.В. Ланника и А.В. Репникова, при участии Б.С. Котова. М.: РОССПЭН, 2022. 839 с.
3. Ватлин А.Ю., Ланник Л.В. Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208-230.
4. Германия и революция в России 1915-1918 / Сб. док-тов. Сост. Ю.Г. Фельштинский. М.: Центрполиграф, 2013. 510 с.
5. Зимица В.Д. Крах германфильской монархической контрреволюции на юге России в годы Гражданской войны и интервенции. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1989. 87 с.
6. Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М.: Наука, 1977. 320 с.
7. Ланник Л.В. Имплементация Брестского мира как проблема современной историографии // Новая и новейшая история. 2020. № 4. С. 21-36.
8. Ланник Л.В. Миссия Гельфериха в Москве: забытая флуктуация советско-германских отношений летом 1918 г. // Россия и современный мир. 2020. № 4. С. 189-212.
9. Ланник Л.В., Тарасов К.А. Финансист контрреволюции. Прогерманский политико-экономический проект К.И. Ярошинского в 1918 г. // Россия и современный мир. 2022. № 4 (117). С. 23-41.
10. Паке А. В коммунистической России. Письма из Москвы / Пер. Н.А. Власов, науч. ред. и комм. Л.В. Ланника. СПб.: Евразия, 2021. 286 с.
11. Советско-германские отношения от Октябрьской революции до заключения Рапалльского договора: В 2 т. Т. 1. От Октябрьской революции до конца 1918 г. М.: Политиздат, 1968. 782 с.
12. Хильгер Г., Мейер А. Россия и Германия. Союзники или враги? / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2008. 413 с.
13. Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München: Oldenbourg, 1966. 462 p.
14. Baumgart W. Die „geschäftliche Behandlung“ des Berliner Ergänzungsvertrags vom 27. August 1918. Eine Episode der deutschen Verfassungsgeschichte // Historisches Jahrbuch für den Kreis Herford. Bd. 89 (1969). S. 116-152.
15. Baumgart W. Die Mission des Grafen Mirbach in Moskau April-Juni 1918 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. Bd. 16 (1969). Hf. 1. S. 66-96.
16. Biographisches Handbuch des deutschen Auswärtigen Dienstes 1871-1945: 5 Bde. Paderborn u.a.: Schöningh, 2000-2014.
17. Blücher W.v. Deutschlands Weg nach Rapallo. Erinnerungen eines Mannes aus dem zweiten Gliede. Wiesbaden: Limes, 1951. 180 p.
18. Bothmer K.v. Moskauer Tagebuch 1918 / hrsg. von G. Böhme, bearb. von W. Baumgart. Paderborn u.a.: Schöningh, 2010. 137 p.
19. Botschafter Rudolf Nadolny: Rußlandkenner oder Rußlandverstehrer? Aufzeichnungen, Briefwechsel, Reden 1917-1953 / hrsg. W. Baumgart, J. Zinke. Paderborn, 2017.
20. Brandt W., Lowenthal R. Ernst Reuter. Ein Leben für die Freiheit. Eine politische Biographie. München: Kindler, 1957. 758 p.
21. Frederic von Rosenberg. Korrespondenzen und Akten des deutschen Diplomaten und Außenministers 1913-1937 / hrsg. von W. Becker. München: Oldenbourg, 2011. 594 p.
22. Helfferich K. Der Weltkrieg: 3 Bde. B.: Ullstein, 1919.
23. Henning W. Das Geheimnis des Bolschewismus: Die geheimen Gründe unseres wirtschaftlichen Elends; eine Warnung an alle Kulturvölker. Leipzig: Reichenbachsche Verlag, 1925. 24 p.
24. Horčička V. Die österreichisch-ungarische Politik gegenüber Sowjetrußland im Sommer und Herbst 1918. Die Mission des Generalkonsuls Georg de Pottere in Moskau // Österreichische Osthefte. 2004. Hf. 4. S. 485-514.
25. Joeres N. Der Architekt von Rapallo: Der deutsche Diplomat Ago von Maltzan in Kaiserreich und in der frühen Weimarer Republik. Diss. Heidelberg, 2005. 662 p.
26. Joost W. Botschafter bei den roten Zaren. Die deutschen Missionschefs in Moskau 1918 bis 1941. Wien: Molden, 1967. 336 p.
27. Kessler H. Graf. Das Tagebuch 1880-1937 / hrsg. von S. Kamzelak, U.Ott: 9 Bde. Stuttgart: Cotta, 2004-2018. Bd. 6 / hrsg. von G. Riederer, C. Hilse.

28. Kühlmann R.v. *Erinnerungen*. Heidelberg: Schneider, 1948. 590 p.
29. Kurt Freiherr von Lersner: *Hinter den Kulissen von Oberster Heeresleitung und Reichsleitung: Erinnerungen 1914–1920* / hrsg. von W. Baumgart. Paderborn: Schöningh, 2021. 485 p.
30. Kurt Riezler. *Tagebücher, Aufsätze, Dokumente* / hrsg. von K.-D. Erdmann, Vorw. von H. Afflerbach. Göttingen: Vandenhoeck&Rupprecht, 2008. 766 p.
31. Nadolny R. *Mein Beitrag*. Wiesbaden: Limes, 1955. 188 p.
32. Paquet A. *Im kommunistischen Russland. Briefe aus Moskau*. Jena: Diederichs, 1919. 203 p.
33. Paul von Hintze: *Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär; Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918* / engl. und hrsg. von J. Hürter. München: Boldt, 1998. 754 p.
34. Prittwitz und Gaffron F.W.v. *Zwischen Petersburg und Washington: ein Diplomatenleben*. München: Isar, 1952. 238 p.
35. Schmidt-Hannover O. *Umdenken oder Anarchie: Männer, Schicksale, Lehren*. Göttingen: Göttinger Verl., 1959. 392 p.
36. Schmidt-Klugmann A. *Bernhard Wilhelm von Bülow (1885-1936): Eine politische Biographie*. Paderborn: Schöningh, 2020. 707 p.
37. Schubert W. *Der Zweite Weltkrieg hat 1918 begonnen. Arbeitshypothese zur Geschichtsforschung unserer Zeit. Aus den Lebenserinnerungen eines Militärattachés*. München, 1957 // Bibliothek des Instituts für Zeitgeschichte.
38. Schulte B.F. *Die Verfälschung der Riezler Tagebücher: ein Beitrag zur Wissenschaftsgeschichte der 50iger und 60iger Jahre*. Frankfurt/M.: Lang, 1985. 244 p.
39. Stadler E. *Als politischer Soldat 1914-1918*. Düsseldorf: Neuer Zeitverl., 1935. 181 p.
40. Sütterlin I. *Die „Russische Abteilung“ des Auswärtigen Amtes in der Weimarer Republik*. B.: Duncker&Humblot, 1994. 284 p.
41. Terhalle M. *Otto Schmidt (1888-1971): Gegner Hitlers und Intimus Hugenbergs*. Diss. Bonn, 2006. 455 p.
42. *Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918* / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen: Vandenhoeck&Rupprecht, 1971. 750 p.
43. William J.G. *Karl Helfferich, 1872–1924: economist, financier, politician*. Princeton: Princeton Univ., 1971. 439 p.

SOURCES OF PERSONAL ORIGIN ABOUT THE ACTIVITIES OF THE GERMAN EMBASSY IN MOSCOW IN 1918: LACK OF EVIDENCE

The policy of the German Empire in the East after the conclusion of the Brest Peace possessed a crucial importance for the course of the last campaign of the Great War and the escalation of the Civil War in Russia. For a number of reasons, it has been still understudied, that's why particularly important are the question of clarifying the source situation and the problem of the prospects for expanding the existing base. The German emissaries in Moscow in 1918 can be divided into several groups: diplomats, military, economists and journalists. The analysis of their personal testimonies can give valuable results under considering the professional specifics and details of their stay in the RSFSR. The testimonies of two ambassadors (Mirbach and Helfferich) and their deputies (Ritzler and Bassewitz), as well as military attaches, would be of crucial importance, but for various reasons it should be stated that there is a clear shortage of memories or their deliberate distortion for the sake of the political conjuncture not only of the 1920s-1930s, but also of the 1950s-1970s. The chances for the significant replenishment of the sources are small, but further work is needed to clarify the composition of the Kaiser's missions in the RSFSR, and a careful selection of preserved materials could provide the subsequent introduction into the actual pool of sources of Russian historiography. The complementing of the source base would be a basic condition for creating a refined history of Soviet-German relations at their first stage, which could be an important step towards a genuine historicization of the events of 1918 in the former Russian Empire.

Keywords: German Empire, RSFSR, The Brest Treaty, diplomatic relations, archives, memoires, W. von Mirbach, K. Riezler, K. Helfferich.

References

1. Botmer K. fon (2010). *S grafom Mirbahom v Moskve / pod red. Ju.G. Fel'shtinskogo*. Moskva: Knizhnyi Klub Knigovek.
2. *Brestskij mir: prolog, zakljuchenie, itogi: sbornik dokumentov (2022)* / otv. sost. A.V. Repnikov; sost. A.V. Borisova; pred., komm., prim., ukaz. L.V. Lannika i A.V. Repnikova, pri uchastii B.S. Kotova. Moskva: ROSSPEN.
3. Vatlin A.Ju., Lannik L.V. (2021). *Tajnye noty k Dobavochnomu dogovoru 27 avgusta 1918 g.: neizvestnyj sjuzhet iz istorii sovetско-germanskih otnoshenij na ishode Pervoj mirovoj vojny* // *Novaja i novejšaja istorija*, 5, 208-230.
4. *Germanija i revoljucija v Rossii 1915-1918 (2013)* / Sb. dok-tov. Sost. Ju.G. Fel'shtinskij. Moskva: Zentrpoligraf.
5. Zimina V.D. (1989). *Krah germanofil'skoj monarhicheskoj kontrrevoljucii na juge Rossii v gody*

Grazhdanskoj vojny i intervencii. Kalinin: Kalinin Univ.

6. Ioffe G.Z. (1977). *Krah rossijskoj monarhicheskoj kontrrevoljucii*. Moskva: Nauka.

7. Lannik L.V. (2020). Implementacija Brestskogo mira kak problema sovremennoj istoriografii // *Novaja i novejšaja istorija*,4,21-36.

8. Lannik L.V. (2020). Missija Gel'feriha v Moskve: zabytaja fluktuacija sovetsko-germanskih otnoshenij letom 1918 g. // *Rossija i sovremennij mir*,4,189-212.

9. Lannik L.V., Tarasov K.A. (2022) Finansist kontrrevoljucii. Progermanskij politiko-jekonomičeskij proekt K.I. Jaroshinskogo v 1918 g. // *Rossija i sovremennij mir*,4(117),23-41.

10. Pake A. (2021). V kommunističeskoj Rossii. Pis'ma iz Moskvy / Per. N.A. Vlasov, nauch. red. i komm. L.V. Lannika. SPb.: Evrazija.

11. Sovetsko-germanskie otnoshenija ot Oktjabr'skoj revoljucii do zaključenija Rapall'skogo dogovora (1968): V 2 t. T. 1. Ot Oktjabr'skoj revoljucii do konca 1918 g. Moskva: Politizdat.

12. Hil'ger G., Mejer A. (2008). *Rossija i Germanija. Sojuzniki ili vragi?* / Per. s angl. L.A. Igorevskogo. Moskva: Zentrpoligraf.

13. Baumgart W. (1966). *Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges*. Wien; München: Oldenbourg.

14. Baumgart W. (1969). Die „geschäftliche Behandlung“ des Berliner Ergänzungsvertrags vom 27. August 1918. Eine Episode der deutschen Verfassungsgeschichte // *Historisches Jahrbuch für den Kreis Herford*,89,116-152.

15. Baumgart W. (1969). Die Mission des Grafen Mirbach in Moskau April-Juni 1918 // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*,16,1,66-96.

16. *Biographisches Handbuch des deutschen Auswärtigen Dienstes 1871-1945 (2000-2014): 5 Bde.* Paderborn: Schöningh

17. Blücher W.v. (1951) *Deutschlands Weg nach Rapallo. Erinnerungen eines Mannes aus dem zweiten Gliede*. Wiesbaden: Limes.

18. Bothmer K.v. (2010) *Moskauer Tagebuch 1918* / hrsg. von G. Böhme, bearb. von W. Baumgart. Paderborn: Schöningh.

19. Botschafter Rudolf Nadolny (2017): *Rußlandkenner oder Rußlandversther? Aufzeichnungen, Briefwechsel, Reden 1917-1953* / hrsg. W. Baumgart, J. Zinke. Paderborn: Schöningh.

20. Brandt W., Lowenthal R. (1957) *Ernst Reuter. Ein Leben für die Freiheit. Eine politische Biographie*. München: Kindler.

21. Frederic von Rosenberg (2011). *Korrespondenzen und Akten des deutschen Diplomaten und Außenministers 1913-1937* / hrsg. von W. Becker. München: Oldenbourg.

22. Helfferich K. (1919). *Der Weltkrieg: 3 Bde.* Berlin: Ullstein.

23. Henning W. (1925). *Das Geheimnis des Bolschewismus: Die geheimen Gründe unseres wirtschaftlichen Elends; eine Warnung an alle Kulturvölker*. Leipzig: Reichebachsche Verl.

24. Horčička V. (2004). Die österreichisch-ungarische Politik gegenüber Sowjetrußland im Sommer und Herbst 1918. Die Mission des Generalkonsuls Georg de Pottère in Moskau // *Österreichische Osthefte*,4,485-514.

25. Joeres N. (2005). *Der Architekt von Rapallo: Der deutsche Diplomat Ago von Maltzan in Kaiserreich und in der frühen Weimarer Republik*. Diss. Heidelberg.

26. Joost W. (1967) *Botschafter bei den roten Zaren. Die deutschen Missionschefs in Moskau 1918 bis 1941*. Wien: Molden.

27. Kessler H. Graf. (2006). *Das Tagebuch 1880-1937* / hrsg. von S. Kamzelak, U.Ott: 9 Bde. Stuttgart: Cotta. Bd. 6 / hrsg. von G. Riederer, C. Hilse.

28. Kühlmann R.v. (1948). *Erinnerungen*. Heidelberg: Schneider.

29. Kurt Freiherr von Lersner (2021): *Hinter den Kulissen von Oberster Heeresleitung und Reichsleitung: Erinnerungen 1914–1920* / hrsg. von W. Baumgart. Paderborn: Schöningh.

30. Kurt Riezler (2008). *Tagebücher, Aufsätze, Dokumente* / hrsg. von K.-D. Erdmann, Vorw. von H. Afflerbach. Göttingen: Vandenhoeck&Rupprecht.

31. Nadolny R. (1955). *Mein Beitrag*. Wiesbaden: Limes.

32. Paquet A. (1919). *Im kommunistischen Russland. Briefe aus Moskau*. Jena: Diederichs.

33. Paul von Hintze (1998): *Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär; Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918* / engl. und hrsg. von J. Hürter. München: Boldt.

34. Prittwitz und Gaffron F.W.v. (1952). *Zwischen Petersburg und Washington: ein Diplomatenleben*. München: Isar.

35. Schmidt-Hannover O. (1959). *Umdenken oder Anarchie: Männer, Schicksale, Lehren*. Göttingen: Göttinger Verl.

36. Schmidt-Klugmann A. (2020). Bernhard Wilhelm von Bülow (1885-1936): Eine politische Biographie. Paderborn: Schöningh.
37. Schubert W. (1957). Der Zweite Weltkrieg hat 1918 begonnen. Arbeitshypothese zur Geschichtsforschung unserer Zeit. Aus den Lebenserinnerungen eines Militärattachés. München // Bibliothek des Instituts für Zeitgeschichte.
38. Schulte B.F. (1985) Die Verfälschung der Riezler Tagebücher: ein Beitrag zur Wissenschaftsgeschichte der 50iger und 60iger Jahre. Frankfurt/M.: Lang.
39. Stadler E. (1935) Als politischer Soldat 1914-1918. Düsseldorf: Neuer Zeitverl.
40. Sütterlin I. (1994). Die „Russische Abteilung“ des Auswärtigen Amtes in der Weimarer Republik. Berlin: Duncker&Humblot.
41. Terhalle M. (2006) Otto Schmidt (1888-1971): Gegner Hitlers und Intimus Hugenberg's. Diss. Bonn.
42. Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution (1971). Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen: Vandenhoeck&Rupprecht.
43. Williamson J.G. (1971). Karl Helfferich, 1872–1924: economist, financier, politician. Princeton: Princeton Univ.

Об авторе

Ланник Леонтий Владимирович – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия), E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Lannik Leontiy Vladimirovich – Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Лохов А.Ю., кандидат исторических наук, Дальневосточное высшее общеобразовательное командное ордена Жукова училище имени Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского (Россия)

Еремин И.Е., доктор технических наук, профессор, Амурский государственный университет (Россия)

Нацвин А.В., аспирант, Амурский государственный университет (Россия)

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ АЛБАЗИНСКОГО ОСТРОГА ПЕРИОДА ВТОРОЙ ОСАДЫ. II

В работе рассматривается технология компьютерной реконструкции утраченного уникального исторического архитектурного оборонительного комплекса, реализуемая с использованием различных источников по своему содержанию отражающих лишь фрагментарную справочную информацию по исследуемой проблеме. В данном случае авторами проведена верификация раскопов, содержащихся на схемах топографических планов археологических экспедиций, разных периодов, которые детализировано представлены на созданном синтетическом топографическом плане. Т.е. обнаруженные в ходе различных экспедиций архитектурные объекты были системно расположены в соответствии с привязкой к современному топографическим данным. Такая детализация раскопов различных крепостных построек, а также детальное изучение их архитектурных аналогов позволяют выявить линейные параметры, объективно необходимые для их трехмерного компьютерного моделирования. Другими словами, авторами в работе предпринят комплексный подход при воспроизведении уникального облика фортификационного укрепления, максимально соответствующего основной концепции строительства и требованиям, предъявляемым к военным оборонительным сооружениям исследуемого периода. Уникальность данной работы заключается в том, что в качестве инструмента выступает использование современных информационных технологий, которые позволяют не только восстановить утраченный облик первого военно-административного центра Приамурья, но и способствовать проведению перспективных исследований истории освоения Российского Дальнего Востока.

Ключевые слова: Албазинская крепость, бастион, верификация, раскоп, топографический план, тын, трехмерное компьютерное моделирование, фортификационная конструкция, экспедиция.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-110-118

Введение

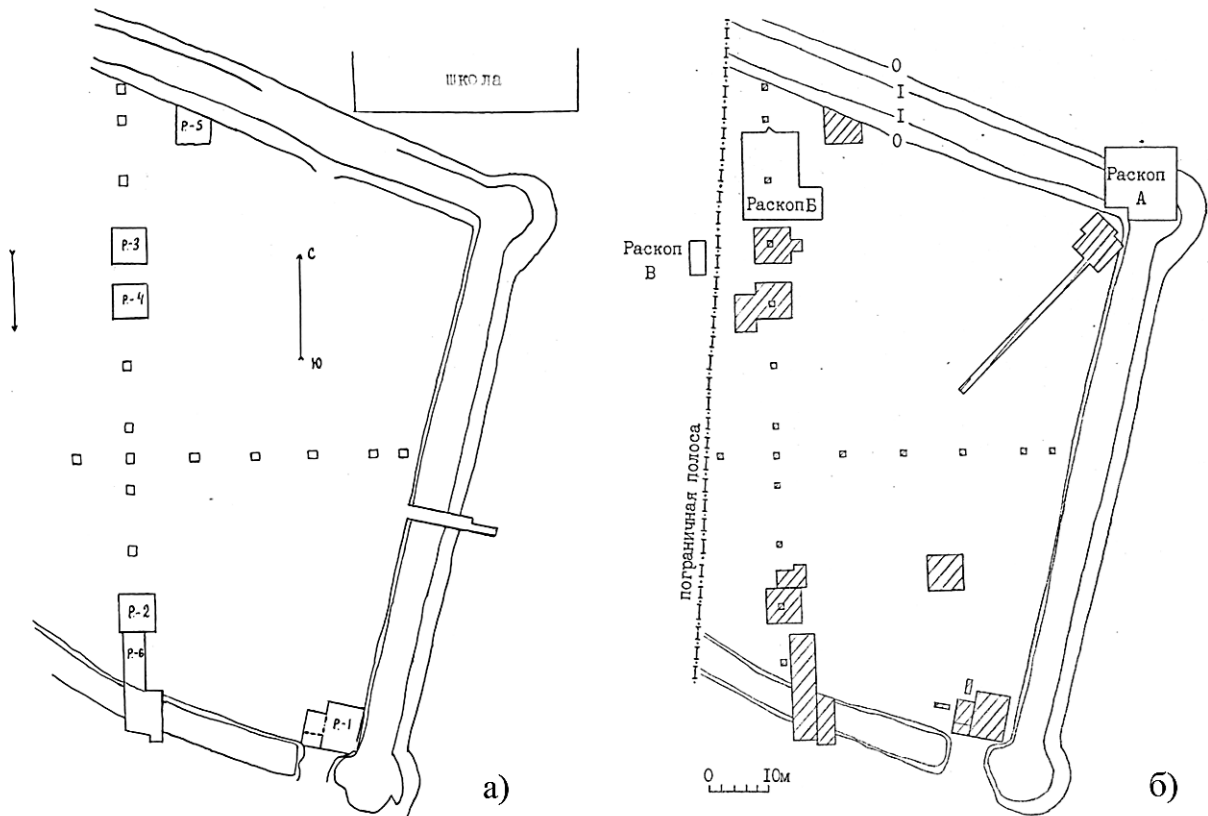
В первой части работы [9] было рассмотрено текущее состояние рассматриваемой задачи, а также представлено предварительная компьютерная модель внешней ограды исследуемого архитектурного комплекса. Однако более детальное изучение контрольных данных, представленных топографическими планами Албазинского городища, выявило два основных недостатка текущего решения. Во-первых, существенное различие в месторасположении одних и тех же раскопов на топографических планах, составленных разными экспедициями в разное время. Во-вторых, наличие остатков внутренних сооружений острога, оказавшихся за пределами его предварительной модели. Перечисленные обстоятельства потребовали комплексного решения соответствующих задач, что привело к значительной коррекции первоначальной позиции авторов.

Объекты и методы исследования

История археологических исследований Албазинского городища берет свое начало с первого амурского сплава, организованного графом Муравьевым-Амурским в 1854 году. Следом за ним, на следующий год, место расположения Албазинского городища посетил известный исследователь и ботаник Приамурья Р. Маак, который составил

его первую топографическую схему. Однако наиболее ценными и содержательными в настоящее время являются все же результаты стационарных археологических работ, которые в разное время были проведены Амурским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР в 1974-1976 и 1979-1980 гг. (рук. Сухих В.В., Глинский С.В.), Амурской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН в 1988-1997 гг. (рук. Артемьев А.Р.), Албазинской археологической экспедицией, созданной фондом «Петропавловск» при поддержке ЦСН Амурской области, в 2011-2022 гг. (рук. Черкасов А.Н.).

Первоначально экспедиция Сухих заложила две перпендикулярные линии разведочных шурфов, относительно которых и проводилась топографическая привязка всех вновь разрабатываемых раскопов. При этом согласно данным первой экспедиции, был найден колодец, в котором обнаружилось множество изделий и предметов быта, а также раскопана южная проездная башня [1]. В свою очередь, результаты изысканий были нанесены на первоначальный план (рис. 1, а), который постепенно развивался всеми последующими экспедициями (рис. 1, б).

Рис. 1. Ранние топографические планы городища: а) – экспедиция В.В. Сухих; б) – первые полевые сезоны экспедиции А.Р. Артемьева.

Позднее, экспедицией Артемьева была подробно исследована северная часть острога, а также обнаружена юго-восточная башня и другие отдельные сооружения (рис. 2, а). Наиболее современные результаты представлены в отчетах экспедиции Черкасова, обнаружившей остатки

Воскресенской церкви (рис. 2, б). Однако сравнительный анализ рассматриваемых топографических планов выявил их объективное расхождение, скорее всего связанное с несовершенством методов географической привязки, используемых ранними экспедициями.

Рис. 2. Современные топографические планы городища: а) – последние полевые сезоны экспедиции А.Р. Артемьева; б) – экспедиция А.Н. Черкасова.

Для устранения выявленного недостатка авторы статьи попытались наиболее корректно совместить все имеющиеся исходные данные в рамках реализации синтетического топографического плана. Для наибольшей наглядности, контуры шурфов на плане исполнены в различной цветовой гамме, где зеленым цветом отмечены раскопы экспедиции Сухих, оранжевым – экспедиции Артемьева, черным и красным - экспедиции Черкасова (рис. 3).

Является очевидным, что сохранившиеся артефакты Албазинского острога имеют прямое отношение к его последней конфигурации, то есть изучаемой авторами деревоземляной крепости, архитектурные элементы которой были возведены поверх остатков деревянного острога, сожженного маньчжурами после первой осады летом 1685 года. Поэтому на раскопах, относящихся к первому периоду его существования, часто присутствует информация полезная для детализации непосредственного объекта исследования. Например, археологический раскоп северо-восточной башни деревянного острога дает информацию о расположении соответствующего угла тыновой ограды

деревоземляной крепости, повторяющей очертания ранней деревянной стены (рис. 4, а). Таким образом, раскоп южной проездной башни, естественным образом отсутствующей в исследуемой крепости, дает информацию о наиболее вероятном расположении южной стены ее ограды (рис. 4, б).

В свою очередь, в общем массиве остатков исторических сооружений, обнаруженных на территории Албазинского городища, имеются объекты, относящиеся исключительно к позднему этапу существования крепости. Во-первых, можно отметить детальный план жилой полуземлянки, обнаруженной экспедицией Артемьева (рис. 4, в), который дает ее точное местоположение и общую конфигурацию [3]. Во-вторых, имеет место детальный план раскопа III экспедиции Черкасова (рис. 4, г), в котором была найдена еще одна аналогичная по конфигурации полуземлянка. При этом стены землянок оказываются примерно одинаково ориентированными на местности. Кроме того, в отчетах экспедиции Сухих упоминаются полуземлянки [1], обнаруженные в раскопах Р-2 и Р-4, детальные планы которых авторам статьи, к сожалению, не доступны.

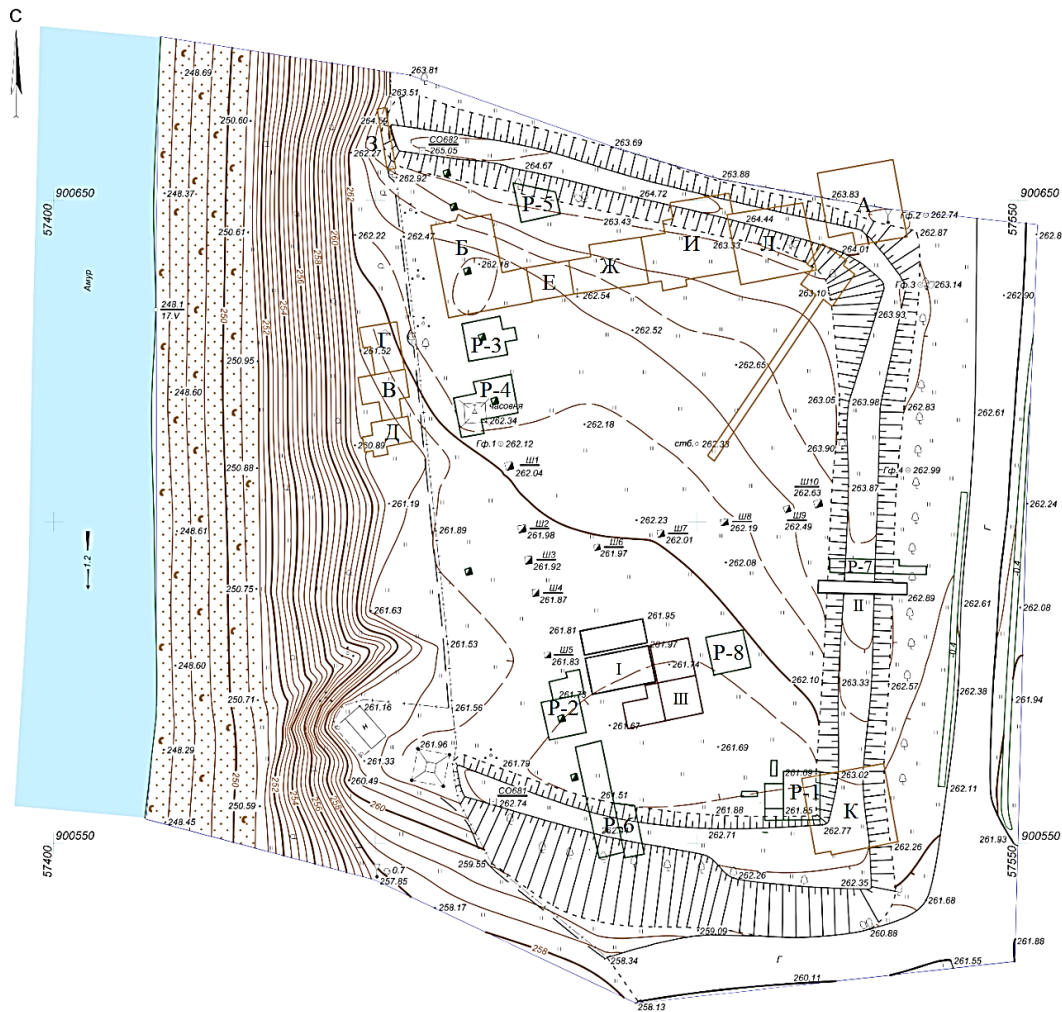
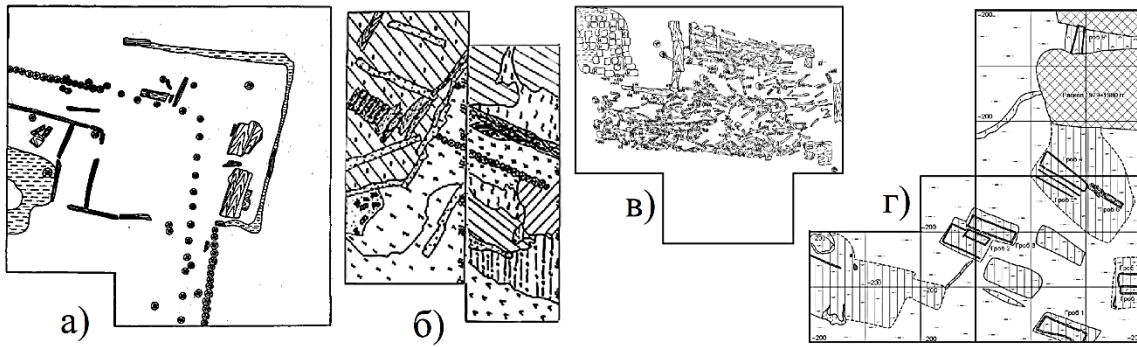

Рис. 3. Синтетический топографический план, верифицирующий привязку археологических раскопов всех экспедиций.

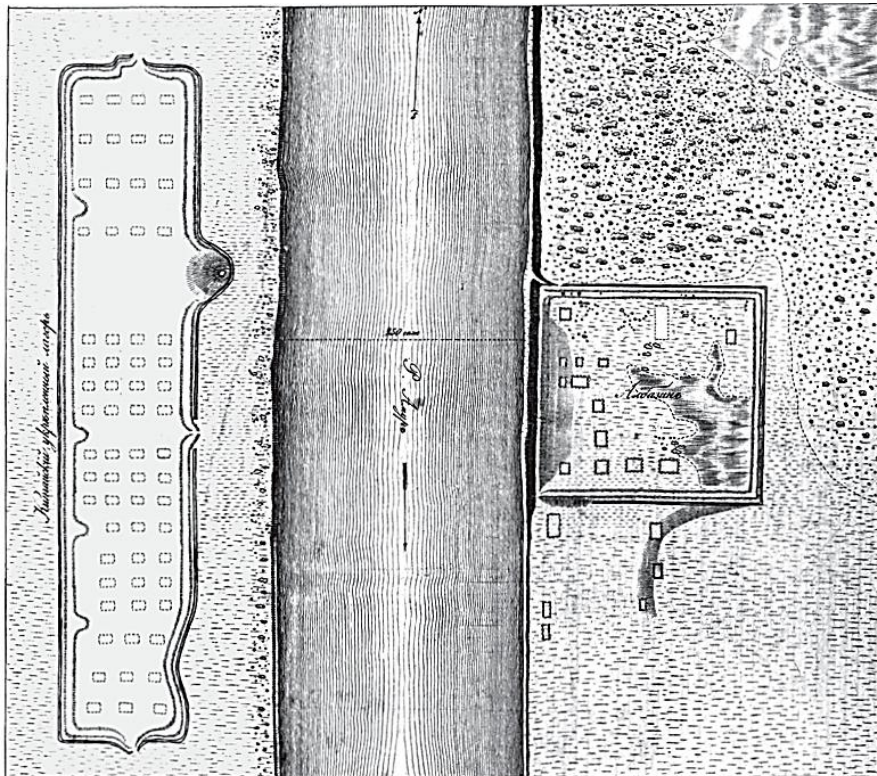

Рис. 4. Детализированные раскопы элементов деревоземляной крепости:
 а) – северо-восточная башня (раскоп А, экспедиция Артемьева);
 б) – южная проездная башня (раскоп Р-6, экспедиция Сухих);
 в) – жилая полуземлянка (раскоп В, экспедиция Артемьева);
 г) – жилая полуземлянка (раскоп III, экспедиция Черкасова).

Результаты и их обсуждение

Отметим, что общий объем справочных данных может быть существенно расширен за счет включения в их рассмотрение самого первого топографического плана острога составленного Р. Мааком в 1855 году. При этом, следуя рассматриваемому описанию [10], линейная длина, сохранившихся на то время валов, составляла 36 и 40 саженей. Если предположить, что названные величины были измерены по внутреннему периметру крепостной ограды, то имеет место четкая корреляция старого и нового топографических планов. Кроме

того, ширина стены крепостной ограды оказывается известной из архивных записей и составляет 4 сажени по ее основанию [2]. В свою очередь, согласно плану Маака (рис. 5), крепостная ограда не обладала бастионными выступами, традиционный учет которых обусловлен исторической картой второй осады, опубликованной Н. Винсеном в 1705 году (рис. 6). Таким образом, обобщенная информация позволяет сформировать модель общего устройства Албазинской деревоземляной крепости, основанную на онтологической методике обработки интегрируемых исходных данных.

Рис. 5. Топографический план Албазинского острога 1855 г. [10].

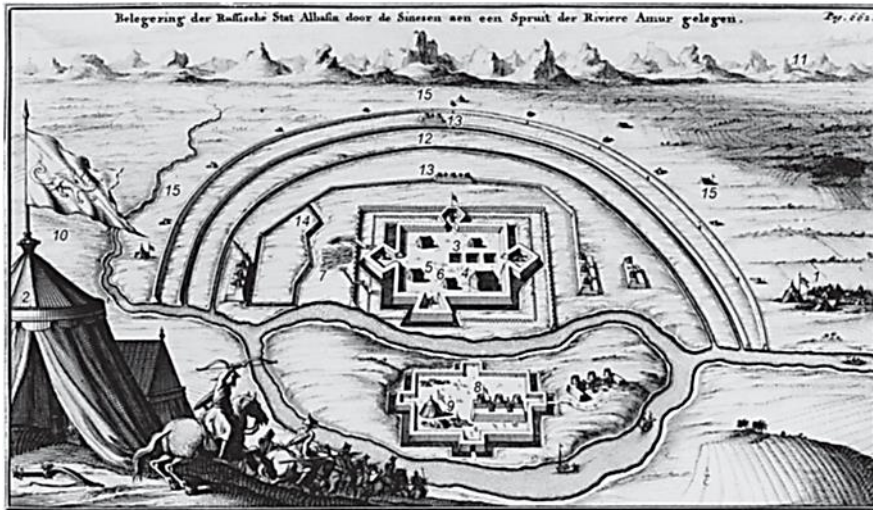
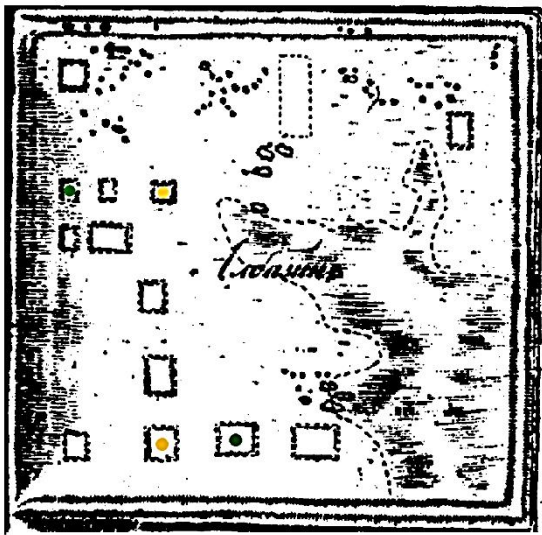

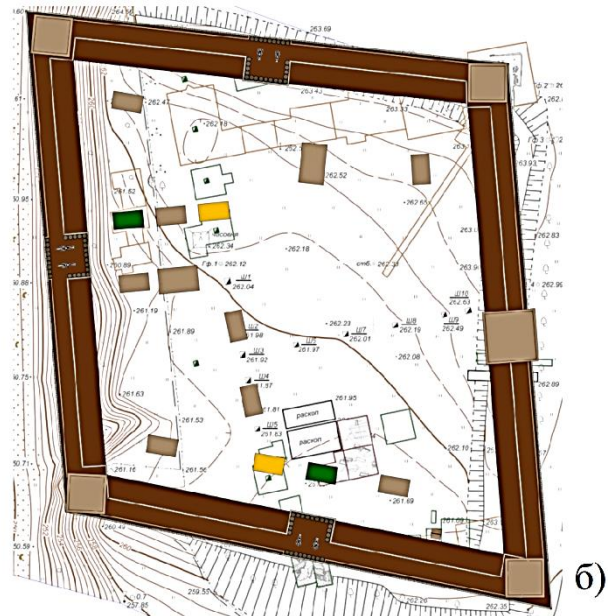
Рис. 6. Голландская карта второй осады Албазина, опубликованная в 1705 году.

Во-первых, наличие прямолинейных внешних сторон крепостной ограды указывает на то, что бастионы были обустроены в качестве внутренних защищенных площадок, тыловые стороны которых размещались заподлицо с краями внутренних насыпных участков стен. Следовательно, можно предположить, что размеры этих площадок составляли 4х4 печатные сажени. При этом, наличие угловых блокгаузов, обоснованная в первой части работы [9], остается неизменным. Аналогичное обстоятельство распространяется и на предлагаемую авторами трактовку восточной проездной башни исследуемой крепости.

Во-вторых, сравнительный анализ месторасположения вышеупомянутых раскопов полуземлянок, отмеченных на современном топографическом плане, с их возможными аналогами, представленными на плане Маака, выявляет достаточно четкую корреляцию рассматриваемых данных. При этом землянка из раскопа «В» (рис. 3) оказывается в пределах внутреннего пространства крепостной ограды, а не за ее пределами, как это было реализовано в первой части статьи. Следовательно, современный топографический план может быть дополнен схематичными изображениями пока не найденных землянок (рис. 7).

а)

б)

Рис. 7. Сопоставительный анализ справочных (археологических) данных:

- а) – топографический план городища, составленный в 1855 году;
- б) – авторская модель крепости на фоне общего плана раскопов.

В-третьих, наиболее крупный объект из всех внутренних элементов крепости, показанных Мааком, целесообразнее всего трактовать в

качестве порохового погреба, упомянутого, в том числе, и на голландской карте Винсена.

В заключение текущего раздела можно

отметить, что предлагаемое авторами решение рассматриваемой задачи, с одной стороны, вступает в заметное противоречие с традиционно используемыми архивными данными (рис. 6). С другой стороны, оно является наиболее точной интерпретацией общей совокупности археологических исследований изучаемой крепости, доступных на текущий момент времени. В свою очередь, детализация раскопов различных крепостных построек, а также детальное изучение их архитектурных аналогов позволяют выявить линейные параметры, объективно необходимые для их трехмерного компьютерного моделирования.

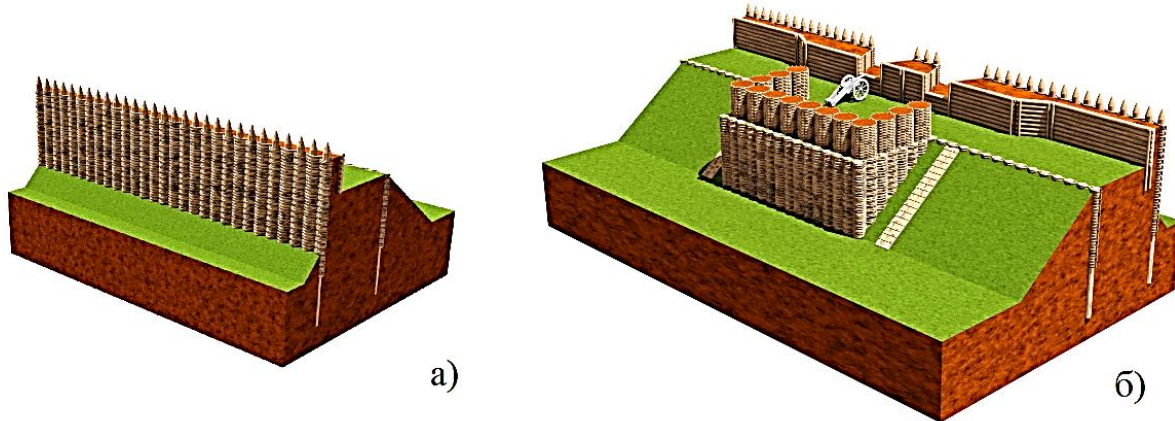

Рис. 8. Трехмерная компьютерная реконструкция устройства ограды (а) и бастиона (б).

В свою очередь, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, базовая модель фортификационной конструкции, называемой бастионом, была кардинально переработана в форму квадратной боевой площадки размером 4х4 сажени, конструктивно представляющей собой уширение межтынового пространства. Кроме того, пространство между внутренней бревенчатой стеной и внешним плетнем было увеличено в два раза, а также сквозь него были проделаны амбразуры трапециевидной формы. Дополнительной мерой защиты является закрытие обратной стороны бастиона габрионами для исключения пролета вражеских снарядов насквозь (рис. 8, б).

Достаточно очевидно, что в виду большого количества археологических данных, объективно доступна возможность достаточно точной реконструкции жилых полуземлянок. А именно, согласно описанию раскопа «В», разработанного экспедицией Артемьева, первые признаки захоронений найденных в нем человеческих останков были найдены на глубине полуметра. При этом сам слой захоронений продолжался в глубину еще на 0,3 метра, что дает основание предполагать, что подземная часть исследуемого помещения (глубина котлована) должна составлять величину равную половине печатной сажени. Стоит отметить, что стены найденного сооружения были ориентированы строго по сторонам света и

Авторская реконструкция крепостной стены, предложенная в первой части работы, представляет ее в виде внешнего оплетенного тына, высотой в две с половиной печатные сажени, сооруженного в совокупности с внутренним плетнем высотой в полторы сажени (рис. 8, а). При этом межтыновое пространство, равное двум сажням, засыпалось землей, вынутой из крепостного рва, а верхняя часть внешнего плетня могла быть усилена внутренней бревенчатой стеной, отстоящей от него на один аршин. Необходимо отметить, внутренний плетень дополнительно усиливался откосом шириной в две сажени [9].

составляли в длину 6 и 3,5 метра, а в его северо-западном углу был отведен участок под печь размером 1,5 на 1,5 метра [3]. Кроме того, линейные размеры стен аналогичного сооружения, найденного в раскопе III экспедиции Черкасова, обладают примерно такими же значениями, что позволяет выдвинуть предположение об использовании типовой конструкции всех находившихся внутри крепости жилых полуземлянок [1].

В свою очередь, существующие архитектурные аналоги жилых полуземлянок имеют в своем основании один из двух вариантов сооружения своих стен: бревенчатый сруб или же столбовая конструкция [11]. Однако, факт отсутствия каких-либо признаков срубных элементов конструкций, фактически обнаруженных в рассматриваемых археологических раскопах, наталкивает на адекватность использования именно второго типа стен (рис. 9, а). Таким образом, проведенный авторами фактологический анализ непосредственно используемых исторических данных позволяет реализовать соответствующую им компьютерную реконструкцию общего устройства типовой полуземлянки (рис. 10).

Необходимо отметить, что нынешнее состояние рассматриваемой задачи позволяет достаточно достоверно реконструировать еще один объект, а именно – пороховой погреб, основные характеристики которого можно получить по

аналогии с параметрами архитектурных аналогов исследуемого периода. Кроме того, в работе П.Г. Данилова был рассмотрен пороховой погреб XVII века, находившийся в городе Тобольске [4]. При этом установлено, что его основными характеристиками считались: во-первых, котлован глубиной около сажени; во-вторых, конструкция стен, представляющая собой два вложенных друг в друга сруба, пространство между которыми было засыпано хрящем; в-третьих, размеры внешних

стен составляли 12 на 12 метров (рис. 9, б). В свою очередь, предполагаемый остов аналогичного сооружения, отмеченный на карте Маака, имеет форму прямоугольника с приблизительным соотношением сторон 1:2. Следовательно, достаточно обоснованная репликация порохового погреба Албазинской крепости может быть интерпретирована в виде конструкции, изображенной на рисунке 11.

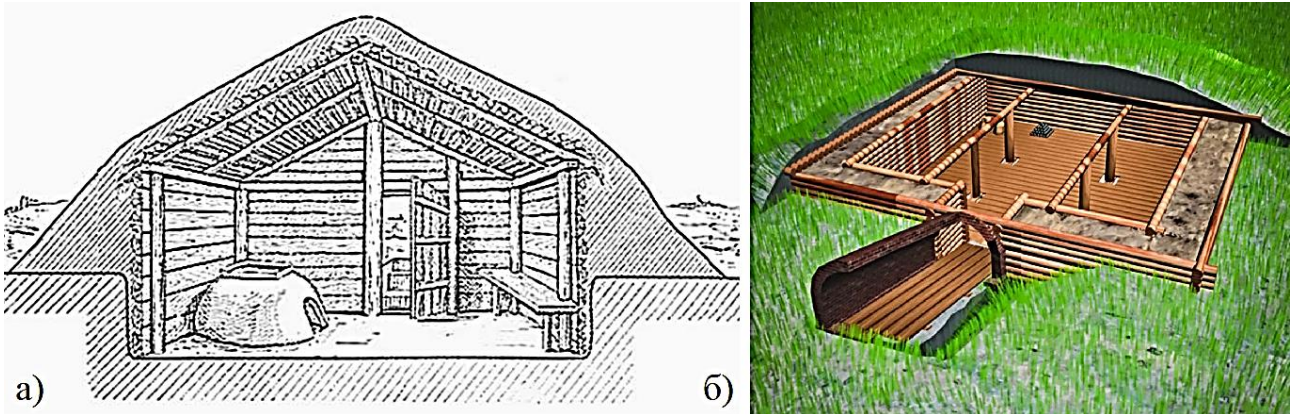

Рис. 9. Графические реконструкции деревоземляных построек:
а) – типовая полуземлянка, имеющая столбовую конструкцию стен [11];
б) – пороховой погреб Тобольска XVII века [4].

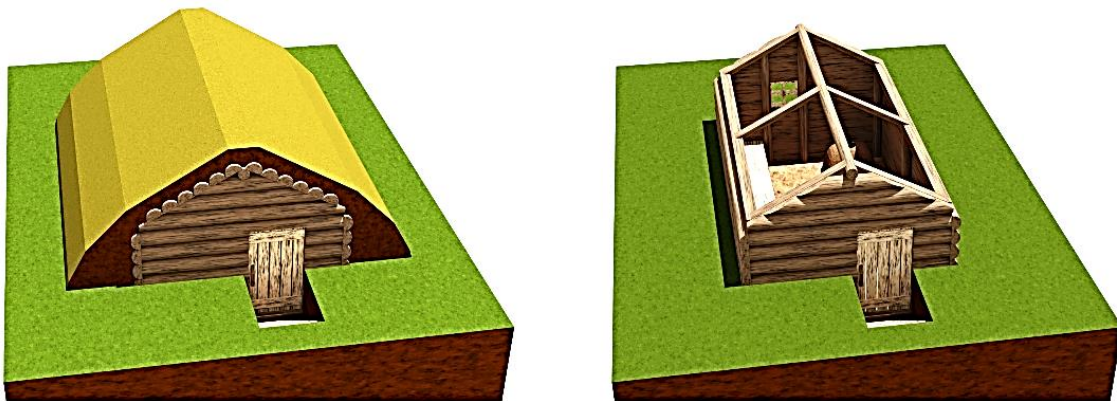

Рис. 10. Трехмерная компьютерная реконструкция общего устройства полуземлянки.

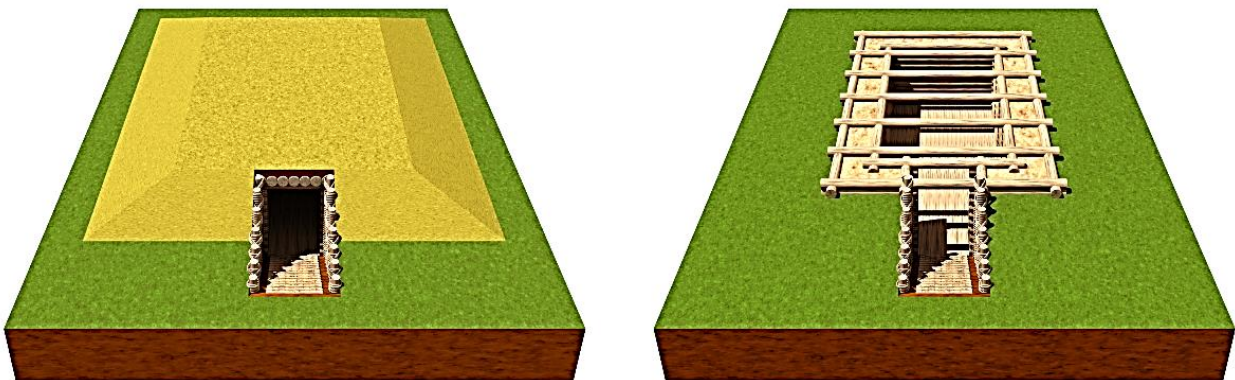

Рис. 11. Трехмерная компьютерная реконструкция устройства порохового погреба.

Заключение

Ключевое отличие предлагаемого авторами подхода от проведенной ранее компьютерной исторической реконструкции Албазинского острога второго этапа его развития [5-8], заключается в существенной недостаточности геометрических параметров сооружений Албазинской деревоземляной крепости, так называемого «бастионного»

типа, практически отсутствующих в доступных архивных источниках. В свою очередь, выход из сложившейся ситуации может быть найден путем рассмотрения соответствующих архитектурных аналогов. При этом представленный в настоящей работе промежуточный результат оказывается достаточно обоснованным и обладает явно выраженной научной новизной.

Список литературы

1. Албазинский острог: история, археология, антропология народов Приамурья / Забияко А.П., Черкасов А.Н. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2019.
2. Албазинское воеводство: сборник документов / Трухин В.И., Крюков В.В. – Хабаровск: Библиотека Дальневосточного казачества, 2019.
3. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. – Владивосток: Изд-во Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1999. 336 с.
4. Данилов П.Г. Пороховой погреб Тобольска XVII века по археологическим и историческим материалам // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2014. – №5. – С. 209-220.
5. Еремин И.Е., Нацвин А.В., Трухин В.И., Черкасов А.Н. Трехмерное компьютерное моделирование Албазинского острога периода 1684 г. IV // Информатика и системы управления. – 2020. – № 4(66). – С. 3-16.
6. Еремин И.Е., Нацвин С.В., Трухин В.И. Трехмерное компьютерное моделирование Албазинского острога периода 1684 г. II // Информатика и системы управления. – 2020. – № 2(64). – С. 43-56.
7. Еремин И.Е., Нацвин С.В., Трухин В.И., Лохов А.Ю. Трехмерное компьютерное моделирование Албазинского острога периода 1684 г. III // Информатика и системы управления. – 2020. – № 3(65). – С. 14-25.
8. Еремин И.Е., Трухин В.И., Бугаев С.Н. Трехмерное компьютерное моделирование Албазинского острога периода 1684 г. I // Информатика и системы управления. – 2019. – № 4(62). – С. 10-25.
9. Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В. Историко-археологическое моделирование Албазинского острога периода второй осады. I // Вестник Брянского государственного университета. – 2022. – № 3. – С. 70-81.
10. Маак Р.К. Атлас к «Путешествию на Амур, совершенному по распоряжению Сибирского отдела Императорского русского географического общества в 1855 году». – СПб., 1859. 211 с.
11. Раппапорт П.А. Древнерусское жилище – Ленинград.: Наука, 1975.

HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL MODELING OF THE ALBAZIN FORT DURING THE SECOND SIEGE. II

The paper considers the technology of computer reconstruction of a lost unique historical architectural defensive complex, implemented using various sources in their content reflecting only fragmentary background information on the problem under study. In this case, the authors verified the excavations contained in the schemes of topographic plans of archaeological expeditions of different periods, which are presented in detail on the created synthetic topographic plan. I.e. the architectural objects discovered during various expeditions were systematically arranged in accordance with the reference to modern topographic data. Such detailed excavation of various fortress buildings, as well as a detailed study of their architectural analogues, allow us to identify linear parameters objectively necessary for their three-dimensional computer modeling. In other words, the authors have taken an integrated approach in reproducing the unique appearance of the fortification, which maximally corresponds to the basic concept of construction and the requirements for military fortifications of the period under study. The uniqueness of this work lies in the fact that the use of modern information technologies acts as a tool, which allow not only to restore the lost appearance of the first military-administrative center of the Amur region, but also to promote promising research on the history of the development of the Russian Far East.

Keywords: Albazinskaya fortress, bastion, verification, excavation, topographic plan, tyn, three-dimensional computer modeling, fortification structure, expedition.

References

1. Albazinskiy ostrog: istoriya, arkheologiya, antropologiya narodov Priamur'ya. (2019). [Albazinsky ostrog: history, archeology, anthropology of the peoples of the Amur region] / Zabayako A.P., Cherkasov A.N. – Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.
2. Albazinskoe voevodstvo: sbornik dokumentov (2019). [Albazinsky Voivodeship: collection of documents] / Trukhin V.I., Kryukov V.V. – Khabarovsk: Library of the Far Eastern Cossacks.
3. Artemyev A.R. (1999). Goroda i ostrogi Zabajkal'ya i Priamur'ya vo vtoroj polovine XVII–XVIII

vv. [Cities and prisons of Transbaikalia and the Amur region in the second half of the XVII–XVIII centuries] – Vladivostok: Publishing house of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS., 336 p.

4. Danilov P.G. (2014). Poroxovoj pogreb Tobol'ska XVII veka po arxeologicheskim i istoricheskim materialam. [Powder cellar of Tobolsk of the XVII century on archaeological and historical materials] // Bulletin of the NSU. Series: History, Philology.— No.5.— pp. 209-220.

5. Eremin I.E., Natsvin A.V., Trukhin V.I., Cherkasov A.N. (2020). Trexmernoe komp'yuternoe modelirovanie Albazinskogo ostroga perioda 1684 g. IV. [Three-dimensional computer modeling of the Albazinsky prison of the period 1684 IV] // Informatics and control systems. — № 4(66). – Pp. 3-16.

6. Eremin I.E., Natsvin S.V., Trukhin V.I. (2020). Trexmernoe komp'yuternoe modelirovanie Albazinskogo ostroga perioda 1684 g. II. [Three-dimensional computer modeling of the Albazinsky prison of the period 1684 II] // Informatics and control systems. — № 2(64). – Pp. 43-56.

7. Eremin I.E., Natsvin S.V., Trukhin V.I., Lokhov A.Yu. (2020). Trexmernoe komp'yuternoe modelirovanie Albazinskogo ostroga perioda 1684 g. III. [Three-dimensional computer modeling of the Albazinsky prison of the period 1684 III] // Informatics and control systems. — № 3(65). – Pp. 14-25.

8. Eremin I.E., Trukhin V.I., Bugaev S.N. (2019). Trexmernoe komp'yuternoe modelirovanie Albazinskogo ostroga perioda 1684 g. I. [Three-dimensional computer modeling of the Albazinsky prison of the period of 1684 I] // Informatics and control systems. — № 4(62). – Pp. 10-25.

9. Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2022). Istoriko-arxeologicheskoe modelirovanie Albazinskogo ostroga perioda vtoroj osady. I. [Historical and archaeological modeling of the Albazinsky prison during the second siege. I] // Bulletin of the Bryansk State University. — No. 3. – pp. 70-81.

10. Maak R.K. (1859). Atlas k «Puteshestviyu na Amur, sovershennomu po rasporyazheniyu Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva v 1855 godu». [Atlas to "A trip to the Amur, made by order of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in 1855."] – St. Petersburg, 211 p.

11. Rappaport P.A. (1975). Drevnerusskoe zhilishhe. [Ancient Russian dwelling] – Leningrad.: Nauka.

Об авторах

Лохов Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры тактики, Дальневосточное высшее общевойсковое командное ордена Жукова училище имени Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, Благовещенск, (Россия), E-mail: kluger999@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1285-6987>

Еремин Илья Евгеньевич – доктор технических наук, профессор, профессор Кафедры информационных и управляющих систем, Амурский государственный университет (Россия), E-mail: ilya.eremin.70@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4038-9124>

Нацвин Алексей Викторович – аспирант Кафедры информационных и управляющих систем, Амурский государственный университет (Россия), E-mail: natsvin1998@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5392-7462>

Lokhov Alexey Yuryevich – Candidate of historical sciences, associate professor of the Department of tactics Far Eastern higher combined arms command of the order of Zhukov, Marshal of the Soviet Union K. K. Rokossovsky school, Blagoveshchensk, (Russia), e-mail: kluger999@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1285-6987>

Eremin Ilya Evgenievich – Doctor of technical sciences, Professor, professor of the Department of information and control systems, Amur state university (Russia), e-mail: ilya.eremin.70@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4038-9124>

Natsvin Alexey Viktorovich – Postgraduate student of the Department of Information and control systems, Amur state university (Russia), e-mail: natsvin1998@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5392-7462>

Майоров А.А., кандидат исторических наук, Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина (Россия).

ВЯТИЧСКОЕ ЭТНОПОТЕСТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ IX - X ВВ.

В статье проведён анализ хронологически систематизированной источниковой базы, посвящённой взаимодействию вятичского этнопотестарного объединения с рядом значимых акторов востока Русской равнины IX - X вв.: Хазарским каганатом, Волжской Булгарией, гипотетическим восточнославянским объединением во главе с северянами и Русью. *Цель исследования:* выявление результатов воздействия указанных выше формирований на заселённый вятичами Верхнеокский исторический регион в условиях регионального военно-политического соперничества. *Материалы исследования:* средневековые русские летописи), данные восточных географов и путешественников, результаты археологических исследований, нумизматики. В работе использовались методы комплексного регионально-исторического анализа. *Результаты и научная новизна:* анализ собранных и систематизированных данных позволяет говорить о существовании прочных экономических и политических связей Верхнеокского региона в лице вятичского этнопотестарного образования с различными структурами востока Русской равнины (Хазарским каганатом, северянским протогосударственным объединением и Волжской Булгарией). Более подробно рассматриваемая Волжская Булгария, судя по всему, в позднехазарское и постхазарское время, выступая в роли эмиссионного и торгового центра региона, была центром притяжения для противостоящих киевским Рюриковичам этнополитических объединений. Существованию Земли вятичей в качестве организованного автономного регионального образования способствовало наличие прямых транспортных путей между Верхнеокским бассейном и булгарскими землями. *Выводы:* Существование государственных и квазигосударственных формирований на востоке и юго-востоке Русской равнины способствовало длительному сохранению самостоятельности верхнеокского славянского вятичского этнопотестарного образования.

Ключевые слова: Верхнеокский регион, вятичи, Волжская Булгария, Хазария, торговля, денежная эмиссия, Древняя Русь, экспансия киевских Рюриковичей, политическое соперничество и взаимодействие, экономическое взаимодействие.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-119-130

Введение

Проблематика влияний соседних регионов (Хазарии, Руси, Волжской Булгарии и иных) на Верхнеокский исторический регион и его население в IX-X вв. в силу ряда причин недостаточно освещена в исторической литературе. К числу наиболее значимых следует отнести, в первую очередь, малое число письменных сообщений о собственно Верхнеокском регионе и о населявших его вятичах, а также явная недостаточность (на фоне широких и активных внешних экономических, политических и военных контактов) информации об их соседях и их связях с восточнославянскими объединениями. Важной субъективной причиной недостаточности проработки указанной тематики следует также полагать редкость рассмотрения Верхнеокского (Верховского) региона и его населения в качестве самостоятельных политических и административных субъектов на фоне впечатляющих событий, имевших место в Восточной Европе конца I - начала II тысячелетия н.э. [25, с.65-75]. Напротив, Волжская Булгария к IX в. уже имела явную этнокультурную специфику и прошла весьма сложный путь политогенеза, прослеживаемого благодаря многочисленным письменным и археологическим источникам, а потому признание её в качестве самостоятельного формирования не оспаривается.

Объекты и методы исследования

Объектом настоящего исследования являются взаимоотношения вятичское этнопотестарное объединение со значимыми акторами востока Русской равнины IX - X вв.: Хазарским каганатом, Волжской Булгарией, гипотетическим восточнославянским объединением во главе с северянами и Русью. Методической основой выступает, наряду с традиционными подходами, многофакторный междисциплинарный анализ базирующийся на диахронно-компаративистском подходе.

Как известно, населявшие бассейн Верхней Оки вятичи не входили ни в число группировок, согласно летописям призвавших новых варягов «изъ заморья», ни в число носителей «Словенскъ языкъ в Руси», ни в числе прочих – «инии языци, иже дань дают Руси» [24, с.10, 18-20]. То есть с Русью того времени имели отношения, скорее, внешнеполитические, а потому рассматривать связи Верхнеокского региона и населявшего его вятичского этнопотестарного образования следует отдельно от Древней Руси, по крайней мере, до конца XI столетия [21, с.38].

Схожесть ресурсных баз и климатических особенностей Верхнеокского региона, Среднего и Нижнего Подонья, а также Среднего Поволжья делают (при всех возможных оговорках) перспективу организации коммерчески выгодной торговли

собственными товарами весьма низкой, но данные археологии позволяют проследить существование контактов между этими регионами, начиная, по меньшей мере, с IX в. – времени восточнославянской колонизации. Географически эти территории соединены крупными реками (Окой, Доном, Волгой). Волжский путь выступал в качестве одного из важнейших компонентов разветвлённой сети торгово-транспортных маршрутов Восточно-Европейской равнины, опирающейся, в первую очередь, на обширную и переплетённую речную сеть региона (Волжский, Донской, Днепровский, Западнодвинский и иные бассейны), выходящую далее на морские (черноморские и каспийские) торговые пути, тесно связанные с продолжающими их сухопутными караванными, что позволяет говорить о единой транспортной системе, связывавшей Центральную Азию с Северной и Центральной Европой [23, с.397].

Согласно сложившемуся мнению, транспортные маршруты юго-восточной части Русской равнины в VIII-X вв. находились под контролем Хазарского каганата [26, с.92-94, 108-112]. Товарные и финансовые потоки, проходившие по ним, автоматически попадали в сферу непосредственного влияния и контроля органов управления данного государственного образования. Даже расселение восточных славян в бассейне Верхней Оки могло быть частично обусловлено необходимостью освоения малонаселённых территорий вокруг двух важнейших торговых маршрутов: окского и донского. Волжская Булгария входила в хазарскую сферу влияния и контролировала восточные маршруты (сухопутные и речные), связанные со средним и северным течением Волги, а Верхнеокский регион – транспортный узел на пересечении донского, окского, деснинского (днепровского) и западнодвинского путей.

Результаты и их обсуждение

Обнаружение на верхнеокских землях значительного числа кладов, состоящих (в подавляющем большинстве) из куфических монет, подтверждает активное использование этой территории для торговых операций, по меньшей мере, начиная с IX в. [29, с.59-60] Чётко прослеживается, что сюда «с самого начала IX в. ... начинает поступать арабское серебро. Этот процесс хорошо фиксируется по отложившимся здеськладам монет, относящихся к первому и второму периодам обращения дирхема. Концентрация кладов IX в. столь высока, что может считаться одной из наибольших для Восточной Европы. Полное совпадение времени поступления дирхема и существования памятников раннего периода, определяемого нач. IX — нач. X вв., позволяет предположить связь этих

явлений. Подобная связь возможна при условии прохождения через изучаемую территорию важных торговых путей и участия в их функционировании местного населения» [9, с.146].

Приток в эту местность монетного серебра осуществлялся двумя основными путями – со стороны Волги (по Оке) и со стороны Дона. Причём, первоначально (в IX в.) преобладал именно донской маршрут: «Из бассейна Верхнего Дона движение монетного потока становилось многовариантным и расходилось радиально. Очевидно, происходило и распространение по отдельным участкам окского течения... В IX в. скопления находок дирхамов на территории проживания представителей культур роменского типа локализуются по Упе с прилегающим к ней участком Оки, в междуречье Оки и Большой Смедовы и в треугольнике, образованном реками Ока, Осетр и Москва... в западной части... особенно выделяется городище Супруты ...В восточной части ... Борковское селище (на территории современной Рязани – М.А.)... Очевидно, эти два населенных пункта осуществляли контроль над близлежащими торговыми маршрутами и обеспечивали движение по Окскому пути» [7, с.20-21]. Вопросы эксплуатации донского торгового пути, проходившего по хазарским владениям от Азовского моря к верховьям Дона, являются отдельной и важной темой [11, с.67-71; 21, с.8]. Активность донского маршрута в периоды, соотносимые с этапами становления вятичского этнополитического объединения, до сих пор является дискуссионной, хотя присутствие здесь в этот период времени тесно связанных с Хазарским каганатом поселений и воинских формирований, имевших в своём составе местных славян, вполне доказано [32, с.462; 10, с.154, 159-160, 181, 184, 188, 190].

Далее оба маршрута идут единообразно: либо по р. Угре к днепровским и западнодвинским верховьям, что позволяло использовать практически любое направление – на юг, север и запад (к Балтике, в Северную и Центральную Европу, к среднему Поднепровью и т.п.), либо по притокам Верхней Оки в течение р.Десны и далее – на р.Днепр [22, с.8]. Наличие единого перехода подтверждается тем фактом, что найденные в окрестностях Гнёздова «дирхемы и подражания, вышедшие с монетных дворов Востока, составляют 90% нумизматической коллекции» [31, с.262].

Становление Волжской Булгарии и расселение восточных славян в бассейне Верхней Оки имеют ряд параллелей: оба региона являлись территориями, зависимыми от Хазарского каганата и первое время выполняли в его управленческой системе схожую функцию – обслуживание и

охрана транзитного торгового сообщения. Представляется, что некоторое время даже существовала определённая вероятность «подтягивания» уровня развития хронологически более «молодого» Верхнеокского региона к показателям Волжской Булгарии в силу величины и объёма пропускаемого первоначально им через себя «траффика» и, соответственно, высокой доходности его обслуживания. Но позднее ситуация существенно изменилась: штурм, осада и разгром в первых десятилетиях X в. Супрутского городища некой «северной дружиной» привели к разрушению уже сложившейся в IX в. системы сопровождения транспортных маршрутов, включавшей в себя славянские поселения бассейна Верхней Оки [10, с.162-165]. Её сохранившиеся составные части (речь, в первую очередь, идёт о системе обеспечения и организации денежного обращения) были успешно инкорпорированы в новую структуру: «с начала 920-х гг. дирхамы из Волжской Булгарии по Оке через земли вятичей стали проходить к северянам... в 930-е – 940-е гг. окончательно формируется замкнутая система обращения и использования дирхамов. Установились торговые отношения между волжскими булгарами и финскими племенами Нижнего Поочья, вятичами на Средней и Верхней Оке и северянами в Курском Посемье» [7, с.23]. Принимая во внимание появление монетных подражаний, источником которых предполагается поступательно развивавшаяся Волжская Булгария, можно констатировать возникновение особой системы монетного обращения в Поочье, Подонье и северянской части Днепровского левобережья, центром которого являлась (как источник и, частично, эмитент) Волжская Булгария.

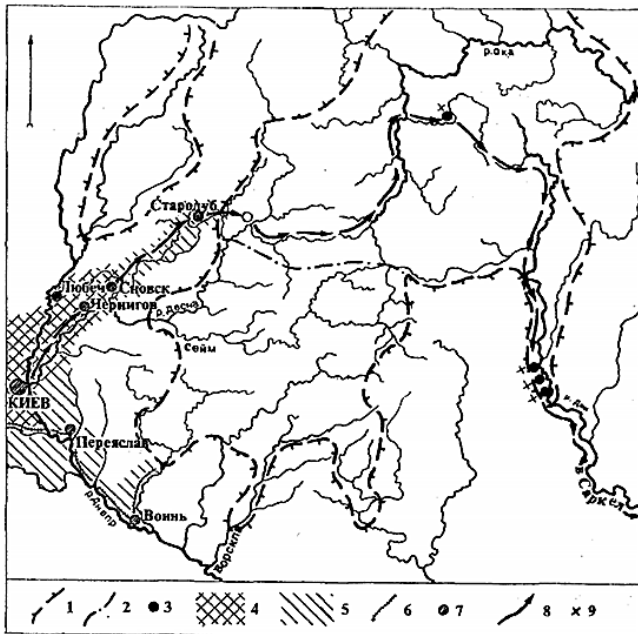
Становление этой специфической денежной системы происходило, по всей видимости, одновременно с формированием относительно самостоятельного союза восточнославянских этнополитических структур, ранее находившихся в тесных отношениях с Хазарским каганатом (в составе северян, вятичей, радимичей и донских славян) [40, с.253-256; 38, с.193-208]. Вятичи, ещё только организовываясь в качестве этнополитического феномена, в первые десятилетия своего существования могут рассматриваться (при всех возможных оговорках) в качестве его северо-восточной составной части, что, исходя из накопленного информационно-аналитического материала, позволяет трактовать статус их общественно-политического развития как, по меньшей мере, «предгосударственный» [39, с.65]. Фактором, способствовавшим успеху становлению нового союза в первой четверти X в., судя по всему, было

практически одновременное ослабление как каганата, так и державы Рюриковичей, что дало этому объединению возможность укрепиться [6, с. 132-133, 141-142; 28, с.215-219].

Таким образом, к середине X в. Верхнеокский регион был неотъемлемой составной частью, по меньшей мере, двух крупных структур: политической, во главе (по всей видимости) с северянами, и валютно-экономической, основу которой составляли торговля и поставки Волжской Булгарией монетного серебра (частично её собственной чеканки). Это подтверждается имеющимся археологическими и нумизматическими материалами. Археология позволяет говорить о многочисленных примерах болгарского влияния на вятичей, вплоть до воздействия на ряд вятичских этноопределяющих атрибутов, и подтверждает предположение о связях, несомненно более тесных, нежели простая торговля [41, с. 34-35.]. Участие в (по меньшей мере) двух самостоятельных объединениях с восточными соседями вело вятичей, как и прочих участников этих союзов, к прямой конфронтации с державой Рюриковичей.

Следует напомнить, что Волжская Булгария в отдельные периоды также не являлась единой: в качестве равновеликих административных центров и вероятных мест чеканки монеты первой половины X в. указываются два основных населённых пункта – города Булгар и Сувар: «...в 930-940-е гг.... Булгария распалась на два владения – Болгарский и Суварский... эмираты» [18, с.233-234]. О соперничестве свидетельствует нахождение в каждом из их центров – городах Булгаре и Суваре соответственно – по собственной статусной соборной мечети [17, с.37-38]. Интересным представляется возможный анализ особенностей деятельности на восточнославянских землях каждого из волжских эмиратов, выступавших в качестве монетных эмитентов [5, с.43-48]. Отличное от одного число действующих субъектов болгарской внешней политики статистически предполагает разнообразие форм её вероятной активности на восточнославянском направлении.

Исходя из вышеизложенного, нападение (после знаменитого «иду на Вы») киевского князя Святослава Игоревича на вятичское этнополитическое образование, по всей видимости, преследовало несколько целей, среди которых значимыми, в контексте настоящей статьи, представляются установление контроля за транспортными путями и поступлением монетного серебра из Волжской Булгарии, а также подчинение себе хазарских данников, ранее явно не задействованных в системе киевского полудья [24, с.63].

1 — граница распространения памятников роменского типа в X в.; 2 — предполагаемая северная граница Северной земли; 3 — поселения роменского типа; 4 — территории Руси в кон. IX — нач. X в.; 5 — территории Руси к рубежу X—XI вв.; 6 — «Змиевы валы» (по М. П. Кучера); 7 — древнерусские города; 8 — вероятный маршрут похода Святослава Игоревича 964—965 гг.; 9 — поселения, погибшие в походе ок. сер. X в.

Рис. 1. Вероятный маршрут похода Святослава Игоревича

Маршруты летописных походов Святослава 964/966 гг. до настоящего времени являются предметом дискуссии, тем не менее, наиболее вероятным представляется наиболее короткий и логичный путь: через г.Стародуб, по деснинским и окским притокам — до р.Оки, затем — от р.Оки по р.Упа на р.Дон и далее — вниз по Дону до Саркела [9, с. 211]. Летописное сообщение: «иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе Вятичи», по всей видимости в части реализации «хождения» на Волгу выглядит неверно трактуемым [24, с.63].

А.В.Григорьев обоснованно полагал, что провозглашённая Святославом победа над вятичами и взятие Саркела (Белой Вежи) не могли привести к падению хазарской государственности [9, с.210]. Имеющиеся сообщения восточных авторов, скорее, указывают на захват и разорение столицы каганата г.Итиль какими-то *некиевскими* группировками («русскими», тюрками, хорезмийцами и т.д.) [13, с.88-89, 94, 96; 12, с.219-221]. Сообщение о «сдвоенном» покорении вятичей (964 и 966 гг.) также выглядит малодостоверным в части достижения устойчивого административного контроля, поскольку позднее он со стороны Киева явно отсутствовал [42]. Хронологически близко прослеживается стремительное увядание среднедонских славянских поселений, которое могло быть обусловлено как действиями Святослава Игоревича, так и банальным разрушением ранее действенной (хазарской?) системы обеспечения безопасности от степных набегов [16, с. 269].

Т.М.Калинина убедительно показывает, что поход Святослава 964-965 гг. имел прямое

отношение исключительно к западным окраинам каганата, поскольку «трудно вообразить, зачем вообще мог понадобиться правителям Киева тотальный разгром торговых городов Итиля и Самандара» [19, с. 228]. Приписываемое же Святославу падение Хазарского каганата произошло, согласно «Книге путей и странствий» Ибн Хаукала, лишь через несколько лет — в 968-969 гг., после чего «русы... отправились тотчас же к стране Византия и в Андалусию» [13, с.88-89, 92]. Участие князя Святослава в столь дальнем походе выглядит невозможным, поскольку именно в это время он декларировал необходимость обращения на ближний Запад: «не любо ми есть въ Києве быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середя земли моей» [24, с.66]. А в следующем году хоронил свою мать, перед тем «высидевшую» «со унуки» печенежскую осаду Киева [24, с.65-66].

Согласно общепризнанной версии, атака «руссов» на Хазарию, приведшая к её сокрушению (согласно Ибн Хаукалу), предварялась агрессией против Волжской Булгарии, и даже разрушением собственно Булгара в 968/969 гг., которое для болгарской государственности того времени, судя по всему, не имело принципиального значения: «Булгар — город небольшой, нет в нем многочисленных округов, и был известен, тем, что был портом... И опустошили его русы» [13, с.88-89, 92]. Разрушение полноценного столичного центра должно было привести к явному падению экономической активности всей Булгарии, чего не наблюдается, а потому требует дополнительных пояснений [28, с.221-225; 20, с.95-97]. Можно полагать вероятным разрушение лишь портовых сооружений «небольшого города», либо неких пунктов, находившихся под контролем Булгарии (и не обязательно на «коренной» болгарской территории). В пользу предположения говорит и сообщение ал-Балхи: «Внешний Болгар есть маленький город, не занимающий большого пространства и известный только тем, что он есть главнейший торговый пункт этого государства» [34, с. 82]. Вероятно, рост Булгара как столичного центра произошёл позднее.

Как бы то ни было, для Поочья 964/966 гг. стали значимым хронологическим рубежом: «Одним из результатов... стало выпадение земель к западу от Осетра из ареала обращения дирхамов. В то же время прохождение куфических монет по данному участку Окского пути в Посемье продолжилось, о чем свидетельствует состав курских комплексов» [7, с.23]. Представляется, что изменения в политической жизни Восточной Европы, обусловленные «нестроениями» в Аббасидском халифате, падением Хазарского каганата, активностью русов (одной из частей которых для

внешних наблюдателей могли быть киевские князья) и необходимостью прокладки новых караванных путей, стали наиболее вероятными причинами резкого прекращения выпадения кладов практически по всей Оке в 960-х гг. [7, с.23]

Возвращение дирхамов в клады фиксируется в конце десятилетия и продолжается до 980–х гг. Препятствий для продолжения функционирования на Верхней Оке в этот период двух явно связанных между собой значимых союзов – политического (во главе с северянами) и валютно-экономического (во главе с Волжской Булгарией) – не наблюдается. Принципиальным противником этих объединений выглядит киевская держава Рюрикovichей, активно претендовавшая на роль господина всех восточных славян. Впрочем, смерть Святослава в 972 г. от рук печенегов на некоторое время приостановила былую экспансионистскую активность киевлян на Оке: «нападе на нь Куря, князь Печенежский, и убиша Святослава» [24, с.72]. В это время, с точки зрения транспортной логистики, резко выросло значение собственно окского транспортного коридора, вследствие хаотизации Северного Причерноморья.

Севший в 980 г. на киевский стол князь Владимир на следующий же год занял города на границе «с ляхами», а вторым наиважнейшим направлением он посчитал окские леса, куда ему пришлось организовывать последовательно два похода: в 982 г. «...вятичи победи. и възложи на ня дань ...заратишася Вятичи. и иде на ня Володимерь. и победи я вѣторое» [24, с.72]. Важность окончательного решения «славянского вопроса», тесно связанного с болгарским, прослеживается и в последующих решениях: в 984 г. «иде Володимерь на Радимичи... и победи Радимиче», а затем, в 985 г. «иде Володимерь на Болгары... в лодьяхъ, а Торьки берегомъ приведе на конихъ; и победи Болгары... И створи миръ Володимерь съ Болгары, и роте заходиша межю собе» [24, с.82]. Принимая во внимание очевидное участие перечисленных этнических групп в упомянутых выше политическом и экономическом союзах, действия Владимира Святославовича демонстрируют его стремление эти объединения: оторвать от северянского союза его удалённую радимичскую часть, располагавшуюся на днепровском Правобережье, а в случае с Волжской Булгарией – отрезать её от союзных северян и вятичей.

Примерно в то же время (около 984/985 гг.) был осуществлён разгром северян Посеймья (Посемья): археологические данные демонстрируют высокую вероятность стремительного удара киевской дружины вдоль р.Сейм, приведшего к уничтожению большинства северянских поселений и укреплений этого региона, а в итоге – падению здесь роменской археологической культуры. Местное население, в

значительной своей части, бежало (либо было изгнано), а местный социум (чьё практически непрерывное развитие отслеживается археологами на протяжении столетия) был, как социальная структура, фактически уничтожен [16, с.275; 15].

Денежное обращение, как и во время походов Святослава, чётко отреагировало на военную активность Владимира Святославовича, что «подтверждает... следующая по времени лакуна, выделенная в земле вятичей после находок 970-х – начала 980-х гг. Данное явление было обусловлено уже походами Владимира начала 980-х гг., которому вновь понадобилось покорять восставших вятичей» [7, с.24]. Чтобы не послужило причиной возникновения описанной лакуны – военное разграбление, «эффективный» сбор дани, общее разорение экономики – в её основе находится вмешательство в жизнь рассматриваемого региона со стороны киевского князя.

Происходит увеличение на верхнеокских территориях числа предметов материальной культуры, типичных для северян, что говорит о высокой вероятности перемещения сюда значительной части беженцев от киевских властей [16, с.288, 305]. Такого рода данные весьма многочисленны на всей верхнеокской территории [16, с. 305-306]. Сведения, указывающие на явный рост численности местного населения, также подтверждают реальность указанных событий [14, с.39-45]. В то же время отсутствие прямых летописных указаний на столь яркие и важные изменения, приведших к росту подконтрольной Киеву территории, заставляет задаться вопросом об ассоциировании их с какими-то иными событиями. И здесь хронологически нет более близкого варианта, нежели «болгарский» поход Владимира: для летописца решение «северянского вопроса» могло выглядеть частью болгарской проблематики.

Моментом фиксации результатов уничтожения единой организационной структуры восточнославянского союза во главе с северянами можно полагать начало обширного строительства укрепленных поселений по рр.Сула, Стугна и Десна (под 988 г.), что означало окончательную ликвидацию здесь вероятного северянского сопротивления. Для реализации этих планов была реализована политика взятия фактических заложников у покорённых этнических групп: отбирались «...мужи лутши от Словень. и от Кривичъ. и от Чюдии. и от Вятичъ и от сихъ насели и грады...» [30, с.106].

Следует полагать, что население бассейна Верхней Оки преимущественно негативно воспринимало деятельность киевских князей отнюдь не потому, что кто-то извне его негативно настроивал против Древней Руси [33, с.8-9; 35, с.70]. Рюрикovichи и их структуры выглядели и являлись одной

из воинственных группировок-«пришельцев», основной целью которой являлось покорение окрестных этнотерриториальных групп, их подчинение и установление с ними даннических отношений.

Детали заключённого в итоге Владимиром с болгарскими правителями соглашения в настоящее время не вполне ясны из-за отсутствия оригинального текста. Вероятно, оно признавало право болгар на продолжение торговых отношений по Оке и, по сути, являлось фиксацией старого положения, где Волжская Булгария играла роль экономического и эмиссионного центра. Указания на признание соглашением административной подчинённости Верхней и Средней Оки за Киевом нет. Представляется, что права на владение, распоряжение и управление землями бассейна Верхней Оки и вятичами (как, впрочем, и рядом других группировок Восточной Европы) у киевских Рюриковичей в X в. ещё не было – ни по праву покорения, ни по праву присяги. Краткосрочные оккупации времён Святослава Игоревича и Владимира Святославовича, прекращавшиеся в момент ухода киевской дружины с Верхней Оки, не могли стать основанием (даже по нормам обычного права) для владения этими территориями и управления их населением.

Вероятнее всего, обязательства («рота») между Владимиром Святославичем и Булгарией, определённые по результатам похода 985 г., распространялись (как следует из приведённого в летописях текста) только на самого Владимира либо на непосредственно подчинённую ему Русь: «толи не будет межю нами мира, оли камень начнет плавати, а хмель почнет тонути» [24, с.82]. Касательно лет жизни князя Владимира ситуация вполне известна. Собственно же Русью, по А.Н.Насонову, вплоть до XII в. (а в более раннее время тем более) называлась относительно узкая полоска прикиевского Приднепровья [27, с.29-36]. Режим безопасности «неРуси», т.е. покорённых данников, являлся вопросом второстепенным.

Интересно отследить ряд аспектов киевского восприятия славян (и вятичей в их числе) на основе устойчивых стереотипов, письменно зафиксированных не ранее конца 30-х гг. XI в. [36, с.14-15] Известная формулировка летописного объяснения причин приостановки похода 985 г. против Волжской Булгарии - «...суть вси в сапозехъ; симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ» [24, с.82] – указывает на явное высокомерие, чем подтверждается сугубая утилитарность причин похода: стремление захватить трофеи и, по возможности, собрать дань; определяющим является то обстоятельство, что данник должен быть относительно слаб (не в «сапозехъ»), чтобы не суметь оказать сопротивление. В дальнейшем восприятие восточных славян всё же несколько

«смягчилось»: «с точки зрения летописца, восточнославянские племена, несмотря на негативную оценку их языческого прошлого, были предопределены к спасению в будущем, тогда как тюркские племена выполняли функцию «баюга Божьего» и им было суждено погибнуть» [1, с.27; 2, с.102-117].

В свете появления на следующий же 986 г. в Киеве болгарского посольства с предложением о принятии ислама в роли государственной религии, объявленная военная победа князя Владимира вызывает серьёзные сомнения: выглядит невероятным, что проигравшие, непосредственно после поражения, явятся к победителю с предложением разделить их идеологические установки. Позиция идеологического «светоча» выглядит более естественной, если допустить, что предложение о принятии новой религии было одним из условий примирения для слабой стороны конфликта. Ситуация, когда сразу после якобы победоносного похода в Киев «пришли Болгары веры Божьей, глаголюще: «яко ты князь еси мудръ и смыслень... веруй в закон нашъ», выглядит, скорее, как исполнение неких ранее принятых князем на себя обязательств [24, с.82]. Широко известный летописный рассказ, повествующий о стремительном и одновременном появлении у княжеского стола миссионеров от «немцев» («учитель нашъ Павелъ»), официально якобы разгромленных Святославом хазарских иудеев («Жидове Казарьстии... веруем единому Богу Аврамову, Исакову, Яковлю»), философа от греков («прислаша Грыцы къ Володимеру философа») и о выборе веры князем Владимиром предстаёт как лихорадочная попытка переиграть ранее взятые на себя обязательства (принесённую присягу) [24, с.83-84]. В любом случае, киевскому князю пришлось сразу после похода на Волгу прибегать к сложному идеологическому и политическому маневрированию.

И.А.Гагин, основательно работающий над темой взаимодействия Булгарии с Рязанской землёй, вслед за А.Х.Халиковым и А.М.Членовым, допускает, что болгары довольно сильно воздействовали на вятичей, вследствие чего те противились «объединительной политике киевских князей» [4, с. 168]. Предположения же о вероятности некоего протектората (над всеми либо какой-то частью вятичей) либо династической связи пока выглядят гипотетическими и ещё не подкреплёнными достаточным количеством материальных подтверждений [см. 37, с.137, 139]. Хотя в его пользу говорят не только некоторые нумизматические данные, но и признаваемое многими исследователями явно сомнительным сообщение «Джагфар Тарихы»: «Зимой (931 г.)... Хаддад со своими ближайшими джурами ушел к батышчам (вятичам). Те... избрали Хаддада своим беком... сам

Хаддад Качкын и его потомки были опасны для правителей Булгара и Руси, как принцы дома Дуло и, значит, претенденты на оба трона, поэтому и те и другие не жалели усилий для искоренения этой болгарской династии» [3, с.76-77]. Представляется, скорее, абсолютно реальным, что как-либо специально воздействовать на вятичей не являлось необходимым в силу их изначально скептического отношения к благотворности киевского правления, основанного на собственном и северянском негативном опыте. Как точно отметил А.А.Горский, «...объединение всех восточных славян в одном государстве... является уникальным: ведь объединение в одном государстве не произошло ни у западных, ни у южных славян» [8, с.23]. Традиционно упоминаемая в качестве обоснования экспансии Киева на славянские земли внешняя угроза («защита территории и жителей») для вятичей звучала явно демагогически: Верхнеокский регион находился относительно далеко от опасных границ восточного славянства и именно киевские Рюриковичи были самой агрессивной группировкой восточной Европы (из вятичских соседей), которая вела активную, широкую и постоянную экспансионистскую кампанию.

Выводы

Анализ собранной информации позволяет сделать выводы о наличии ряда специфических черт, характеризующих воздействие восточных соседей на Верхнеокский регион в IX-X вв. Судя по всему, само их существование (начиная с

Хазарского каганата, продолжая северянским объединением и Волжской Булгарией) оказывало значительное влияние на политико-экономическую ситуацию в Восточной Европе в целом и расположенные относительно недалеко восточно-славянские образования в частности.

Установившиеся ещё во времена господства Хазарского каганата контакты Волжской Булгарии с различными административно-управленческими формированиями по течению р.Оки (одним из которых был Верхнеокский исторический регион) после падения каганата не были утрачены, но, судя по всему, получили дальнейшее развитие, выразившееся в болгарском экономическом влиянии на эти территории.

Информация русских летописей об успешности военных походов против иноверцев и «поганных» (в данном случае – волжских болгар и вятичей) не всегда выглядит достоверной и зачастую не имеет объективного подтверждения. Разгром киевскими князьями восточнославянского союза во главе с северянами сделал Волжскую Булгарию единственным независимым из сохранившихся традиционных партнёров вятичского этнопотестарного образования. Наличие признаков существования экономических и политических соглашений и договорённостей Булгарии с близкими и дальними соседями (Русью, Хорезмом, различными тюркскими объединениями и т.д.), по всей видимости, способствовало продлению существования фактически самостоятельного Верхнеокского региона.

Благодарность

Хочется искренне поблагодарить профессора Е.А.Шинакова за целый ряд ценных критических замечаний и рекомендаций, сделавших возможным окончательное оформление и публикацию настоящей статьи.

Список литературы

1. Андрейчева М.Ю. Образы иноверцев в Повести временных лет. Автореф. дис. к.и.н. М.: 2017. 30 с.
2. Андрейчева М.Ю. Поход Владимира Святославовича на Волжских болгар в статье 6493 года ПВЛ: к вопросу о семантике сюжета// Люди и тексты. Исторический альманах. 2012. М.: ИВИ РАН. С.102-117.
3. Бахши Иман. Джагфар тарихы. Т. I. Свод болгарских летописей 1680 года. Изложение текста Джагфар тарихы на русском языке, сделанное жителем города Петропавловска И.М.-К.Нигматуллиным в 1939 году. Оренбург: Редакция вестника «Булгария», 1993. 400 с.
4. Гагин И.А. Волжская Булгария: очерки средневековой дипломатии (X - первая половина XIII в.). Монография/ Ряз. обл. ин-т развития образования; СПб. гос.ун-т. Рязань: Изд-во Рязан. обл. ин-та развития образования, 2004. 236 с.
5. Гоглов С.А., Големихов А.В. О монетном чекане Волжской Булгарии X в.// Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Том 3. Спецвыпуск «Русь Домонгольская». Минск: РИФТУР ПРИНТ, 2017. С.40-63.
6. Голб Норман, Прицак Омелян. Хазарско-еврейские документы X в. Науч.ред., посл. и комм В.Я.Петрухина. М., Иерусалим: Гешарим, 1997. 240 с.
7. Гомзин А.А. Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в среднем и нижнем Поочье. Автореферат диссертации... к.и.н. М.: 2013. 28 с.
8. Горский А.А. Зарождение русской государственности: ключевые проблемы// Вестник Московского университета. Сер.12. Политические науки. 2012. № 6. С.16-34.
9. Григорьев А.В. Северская земля в VIII - начале XI века по археологическим данным. Тула:

Гриф и К°, 2000. 263 с.

10. Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I - начале II тыс. н.э. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2005. 207 с.

11. Григорьев А.В. Торговый путь по реке Дон в IX в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т.Пашуто. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2011. С.67-71.

12. Древняя Русь в свете зарубежных источников/ Под ред. Е.А.Мельниковой. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. 622 с.

13. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия/ Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г., Коноваловой и А. В. Подосинова. Том III: Восточные источники. Сост. части I — Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова; части II — В. Я. Петрухин. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. 264 с.

14. Енуков В.В. Посемье и семичи (По данным письменных, археологических и нумизматических источников) // Очерки феодальной России. Сборник статей. Вып.6. Редактор: С.Н.Кистерев. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 3-46.

15. Енуков В.В. Русь и судьбы северян (по материалам раскопок Курска) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 3(47). <http://scientific-notes.ru/#new-number?id=52> (дата обращения: 20.10.2021)

16. Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель, 2005. 352 с.

17. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Том II. Булгары, мадьяры, народы Севера, русы, славяне. М.: Наука, 1967. 212 с.

18. Измайлов И.Л. Становление Волжской Булгарии: от племени к государству // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. № 2 (12). Июль – декабрь. С. 217-242.

19. Калинина Т.М. Поход Святослава на восток в контексте борьбы за «хазарское наследство» // *Stratum plus*. 2000. №5. С.226-235.

20. Калинина Т.М. Сведения Ибн Хаукаля о походах руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975 г. М.: Наука, 1976. С. 90–101.

21. Котляр Н.Ф. О социальной сущности древнерусского государства IX – первой половины X в. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992-1993 годы. М.: Наука, 1995. С.33-49.

22. Леонтьев А.Е. Волжско-Балтийский торговый путь. КСИА. Вып.182. М.: Наука, 1986. С.3-9

23. Леонтьев А.Е., Носов Е. Н. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII – X в. // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Ин-т археологии РАН. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С.382-401.

24. Летопись по Лаврентьевскому списку. Издание археографической комиссии. СПб.: Тип-я Императорской Академии наук, 1872. 590 с.

25. Майоров А.А. «Верховская историко-географическая провинция»: территориальная локализация и правомерность использования понятия // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т.21, вып.2 (154). С.67-75.

26. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.

27. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.: Издательство АН СССР, 1951. 282 с.

28. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.

29. Петрухин В.Я. Путь «из варяг в греки»: летописная реконструкция и трансконтинентальные магистрали // Древнейшие государства Восточной Европы/ Ин-т всеобщей истории РАН. - 2009: трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М.: Индрик, 2010. С.58-65.

30. ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. Издание второе. СПб.: Тип-я М.А.Александрова, 1908. 574 с.

31. Пушкина Т.А., Мурашёва В.В., Ениосова Н. В. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама/ Ин-т археологии РАН. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 242–273.

32. Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X в.). Харьков: ХГАК, 2006. 554 с.

33. Халиков А. Х. Волжская Булгария и Русь (этапы политических и экономических связей в X—XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь (К 1000-летию русско-булгарского договора): сборник статей. Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ, 1986. С. С. 3-36.

34. Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даства. СПб.: Тип-я Императорской Академии наук, 1869. 214 с.

35. Членов А.М. Из истории ранних русско-болгарских связей // Из истории ранних болгар. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 69-82.
36. Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV-XVI вв. Москва, Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1938. 374 с.
37. Шинаков Е.А. Болгарский контекст происхождения лучевых головных колец [Bulgarian context for the origin of ray head rings] // Археологически хоризонти: Сборник в чест на 70-годишнината на доц. д-р Иван Джамбов/ Съставителство и редакция: Георги Митрев, Стоян Попов, Божидар Драганов. Пловдив: УНИВЕРСИТЕТСКО ИЗДАТЕЛСТВО «ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИ», 2018. С. 121-147.
38. Шинаков Е.А. Ещё раз об «альтернативном» восточнославянском предгосударственном образовании X в. (по данным археологии и нумизматики) // Верхнедонской археологический сборник. «Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова Тян-Шанского». Вып. 8. Липецк: ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С.193-208.
39. Шинаков Е.А. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства/ Отв. ред. сер. Е.А.Мельникова. Институт всеобщей истории РАН. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С.34-93.
40. Шинаков Е.А., Григорьев А.В. Об этнопотестарной «общности среднего уровня» на юго-востоке Древней Руси в X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Античные и средневековые общности. XXIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т.Пашуто. Материалы конференции. М.: Институт Всеобщей истории РАН, 2017. С.253-256.
41. Шинаков Е.А., Чубур А.А. Урало-поволжский контекст генезиса лучевых головных колец // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2020. № 1(8). С. 31-39.
42. Щавелев А.С. Реконструкции и интерпретация рассказа «Древнейшего сказания» (начало – середина XI в.) о походе князя Святослава Игоревича на вятичей и хазар // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 1(48). С.122-129.

VYATICHI ETHNO-POTESTAR FORMATION IN THE CONTEXT OF ECONOMIC AND POLITICAL PROCESSES WITHIN EASTERN EUROPE IN THE 9TH-10TH CENTURIES

The author of this article carried out a comprehensive analysis of a chronologically systematized source base dedicated to the military-political and economic interaction of the Vyatichi ethno-political association with a number of significant actors in the east of the East European Plain in the 9th - 10th centuries, such as the Khazar Khaganate, Volga Bulgaria, a hypothetical East Slavic association led Severi and Rus. The purpose of the study is to identify the direct and indirect consequences of the impact of the formations listed above as economic and political structures on the Upper Oka historical region populated by the Vyatichi in the context of constant military and political rivalry. Research materials: medieval Russian chronicles, data from Eastern geographers and travelers, results of archaeological research, numismatics. The methods of complex regional-historical analysis were used in the work. Results and scientific novelty: the analysis of the collected and systematized data suggests the existence of strong economic and political contacts of the Upper Oka region in the face of the Vyatichi ethno-political association with the formations of the east of the East European Plain (Khazar Khaganate, Severi's proto-state association and Volga Bulgaria). Considered in more detail, the Volga Bulgaria, apparently, in the late Khazar and post-Khazar times, acting as the emission and trade center of the region, was the center of attraction for ethno-political associations opposing the Kievan Rurikids. The existence of the Vyatichi Land as an organized autonomous regional formation was facilitated by the presence of direct transport routes between the Upper Oka basin and the Bulgar lands. Conclusions: The existence of state and quasi-state formations in the east and southeast of the East European Plain contributed to the preservation of the independence of the Upper Oka Slavic Vyatichi ethno-political association.

Keywords: Upper Oka region, Vyatichi, Volga Bulgaria, Khazaria, trade, money issue, Old Rus, expansion of the Kiev's Rurikids, political competition and interaction, economic interaction.

References

1. Andrejcheva M.Yu. (2017). *Obrazy inovercev v Povesti vremennyh let* [Images of Gentiles in the Russian Primary Chronicle]. Thesis for the degree of candidate of historical sciences. M. 30 p.
2. Andrejcheva M.Yu. (2012). *Pohod Vladimira Svyatoslavovicha na Volzhskih bulgar v stat'e 6493 goda PVL: k voprosu o semantike syuzheta* [Vladimir Svjatoslavovich's campaign against the Volga Bulgars in article 6493 of PRC: on the issue of plot semantics]. *Ljudi i teksty. Istoricheskij al'manah*. M. IVI RAN. pp.102-117.
3. Bahshi Iman. (1993). *Dzhagfar tarihy. T.I. Svod bulgarskih letopisej 1680 goda. Izlozhenie teksta Dzhagfar tarihy na russkom yazyke, sdellanoe zhitelem goroda Petropavlovsk I.M.-K.Nigmatullinym v 1939 godu* [Code of Bulgarian chronicles of 1680. Exposition of the text of Jagfar Tarihi in Russian, made by a resident of the city of Petropavlovsk I.M.-K.Nigmatullin in 1939]. Orenburg: Redakciya vestnika «Bulgariya». 400 p.
4. Gagin I.A. (2004). *Volzhskaya Bulgariya: ocherki srednevekovoj diplomatii (X - pervaya polovina XIII v.)* [Volga Bulgaria: Essays on Medieval Diplomacy]. Ed. prof. R.H.Bahrieva. Rjaz. obl. in-t razvitija obrazovanija; SPb. gos.un-t. Ryazan': Publishing house Ryazan region Institute of Development of Education. 236 p.
5. Goglov S.A., Golemihov A.V. (2017). *O monetnom chekane Volzhskoj Bulgarii X v.* [On the coinage

- of the Volga Bulgaria in the 10th century]. Rus', Litva, Orda v pamyatnikah numizmatiki i sfragistiki. Tom 3. Special issue "Pre-Mongol Rus". Minsk: RIFTUR PRINT. pp.40-63.
6. Golb Norman, Pricak Omel'jan. (1997). Hazarsko-evrejskie dokumenty X v. [Khazar-Jewish documents of the 10th century]. Ed. V.YA.Petruhina. M., Ierusalim: Gesharim. 240 p.
7. Gomzin A.A. (2013). Vostochnoe monetnoe srebro IX – nachala XI v. v srednem i nizhnem Pooch'e [Silver coins of the Eastern countries of the 9th - early 11th centuries in the middle and lower Oka basin]. Thesis for the degree of candidate of historical sciences. M. 28 p.
8. Gorskij A.A. (2012). Zarozhdenie russkoj gosudarstvennosti: klyuchevye problemy [The emergence of Russian statehood: key problems]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.12. Ser. 12. Political science. № 6. pp.16-34.
9. Grigor'ev A.V. (2000). Severskaya zemlya v VIII - nachale XI veka po arheologicheskim dannym [Land of the Severians in the VIII - early XI century according to archeology]. Tula: Grif i K°. 263 p.
10. Grigor'ev A.V. (2005). Slavyanskoe naselenie vodorazdela Oki i Dona v konce I - nachale II tys. n.e. [Slavic population of the Oka-Don watershed at the end of the 1st - the beginning of the 2nd millennium AD]. Tula: State Museum-Reserve "Kulikovo field". 207 p.
11. Grigor'ev A.V. (2011). Torgovyj put' po reke Don v IX v. [Trade route along the Don River in the 9th century]. Vostochnaja Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Rannie gosudarstva Evropy i Azii: problemy politogeneza. XXIII chtenija pamyati chl.-kor. AN SSSR V.T.Pashuto. Materialy konferencii. Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 2011. M. pp.67-71.
12. Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov [Old Rus illuminated by foreign sources]. (2013). Ed. E.A. Melnikova. M.: Russkij Fond Sodejstvija Obrazovaniju i Nauke. 622 p.
13. Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov: Hrestomatiya [Old Rus illuminated by foreign sources: Reader]. (2009). Edited by T.N. Jackson, I.G., Konovalova and A.V. Podosinova. Tom III: Vostochnye istochniki. Sost. chasti I — T. M. Kalinina, I. G. Konovalova; chasti II — V. YA. Petruhin. M.: Russkij Fond Sodejstvija Obrazovaniju i Nauke. 264 p.
14. Enukov V.V. (2002). Posem'e i semichi (Po dannym pis'mennyh, arheologicheskikh i numizmaticheskikh istochnikov) [Lands along the Seim and Semichi (According to written, archaeological and numismatic sources)]. Essays on Feudal Russia. Digest of articles. Vyp.6. M.: Editorial URSS. pp. 3-46.
15. Enukov V.V. (2018). Rus' i sud'by severyan (po materialam raskopok Kurska) [Rus and the fate of the Severians (based on materials from the excavations of Kursk)]. Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. № 3(47). Retrieved 20 October 2021 from <http://scientific-notes.ru/#new-number?id=52>
16. Enukov V.V. (2005). Slavyane do Ryurikovichej [Slavs before Rurikids]. Kursk: Uchitel'. 352 p.
17. Zahoder B.N. (1967). Kaspiskij svod svedenij o Vostochnoj Evrope. Tom II. Bulgary, mad'yary, narody Severa, rusy, slavyane [Caspian collection of information about Eastern Europe. Tom II. Volga Bulgars, Magyars, peoples of the North, Rus, Slavs]. M.: Nauka. 212 p.
18. Izmajlov I.L. (2012). Stanovlenie Volzhskoj Bulgarii: ot plemeni k gosudarstvu [Formation of the Volga Bulgaria: from tribe to state]. Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. № 2 (12). pp. 217-242.
19. Kalinina T.M. (2000). Pohod Svyatoslava na vostok v kontekste bor'by za «hazarskoe nasledstvo» [Svyatoslav's campaign to the east in the context of the struggle for the “Khazar heritage”]. Stratum plus. №5. pp.226-235.
20. Kalinina T.M. (1976). Svedeniya Ibn Haukalya o pohodah rusi vremen Svyatoslava [Ibn Haukal's information about the campaigns of Rus during the reign of Svyatoslav]. Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya. 1975 g. [Ancient states on the territory of the USSR. Materials and research. 1975]. M.: Nauka. pp. 90-101.
21. Kotlyar N.F. (1995). O social'noj sushchnosti drevnerusskogo gosudarstva IX – pervoj poloviny X v. [The social essence of the ancient Russian state in the 9th - first half of the 10th century]. The ancient states of Eastern Europe. Materials and research. 1992-1993. M.: Nauka. pp.33-49.
22. Leont'ev A.E. (1986). Volzhsko-Baltijskij torgovyj put' [Volga-Baltic trade route]. KSIA [Brief reports of the Institute of Archeology]. 182. M. Nauka. pp.3-9.
23. Leont'ev A.E., Nosov E. N. (2012). Vostochnoevropejskie puti soobshcheniya i torgovye svyazi v konce VIII – X v. [Transport routes and trade relations of Eastern Europe at the end of the 8th - 10th centuries]. Rus in the 9th - 10th centuries: an archaeological panorama. In-t arheologii RAN. M.; Vologda: Drevnosti Severa. pp.382-401.
24. Letopis' po Lavrentievskomu spisku [Chronicle on the Laurentian list]. (1872). Izdanie arheograficheskoy komissii. SPb.: Tip-ja Imperatorskoj Akademii nauk. 590 p.
25. Mayorov A.A. (2016). Verhovskaya istoriko-geograficheskaya provinciya: territorial'naya lokalizaciya i pravomernost' ispol'zovaniya ponyatiya ["Verkhovskaya Historical and Geographical Province":

- Territorial Localization and Legality of the Concept Use]. Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. Tambov. T.21, vyp.2 (154). pp.67-75.
- 26.Nazarenko A.V. (2001). Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnyh putyakh: Mezhdisciplinarnye ocherki kul'turnyh, torgovyh, politicheskikh svyazey IX-XII vv. [Old Rus on International Routes: Interdisciplinary Essays on Cultural, Trade, Political Relations of the IX-XII Centuries]. M.: Yazyki russkoj kul'tury. 784 p.
- 27.Nasonov A.N. (1951). «Russkaya zemlya» i obrazovanie territorii Drevnerusskogo gosudarstva ["Land of Rus" and the formation of the territory of the old Rus state]. M.: Izdatel'stvo AN SSSR. 282 p.
- 28.Novosel'cev A.P. (1990). Hazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoj Evropy i Kavkaza [Khazar state and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus]. M.: Nauka. 264 p.
- 29.Petruhin V.Ya. (2010). Put' «iz varyag v greki»: letopisnaya rekonstrukciya i transkontinental'nye magistrali [The route "from the Varangians to the Greeks": chronicle reconstruction and transcontinental highways]. Ancient states of Eastern Europe. Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. - 2009: transcontinental and local paths as a sociocultural phenomenon. M.: Indrik. pp.58-65.
- 30.Polnoe sobranie russkikh letopisej T.2. Ipat'evskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles. T.2. Ipatiev Chronicle]. (1908). SPb.: Tip-ja M.A.Aleksandrova. 574 p.
- 31.Pushkina T.A., Murashjova V.V., Eniosova N. V. (2012). Gnyozdovskij arheologicheskij kompleks [Gnezdovo archaeological complex]. Rus in the 9th-10th centuries. Arheologicheskaja panorama. In-t arheologii RAN. M.; Vologda: Drevnosti Severa. pp. 242-273.
- 32.Tortika A.A. (2006). Severo-Zapadnaya Hazariya v kontekste istorii Vostochnoj Evropy (vtoraya polovina VII – tret'ya chetvert' X v.) [Northwestern Khazaria in the context of the history of Eastern Europe (second half of the 7th - third quarter of the 10th century)]. Har'kov: HGAK. 462 p.
- 33.Khalikov A. Kh. (1986). Volzhskaya Bulgariya i Rus' (etapy politicheskikh i ekonomicheskikh svyazey v X—XIII vv.) [Volga Bulgaria and Rus (stages of political and economic ties in the X-XIII centuries)]. Kazan: "Tatar Book Publishing House". pp. 3-36.
- 34.Hvolson D.A. (1869). Izvestiya o hozarah, burtasah, bolgarah, mad'yarah, slavyanah i russah Abu-Ali Ahmeda ben Omara Ibn-Dasta [Messages about Khozars, Burtases, Bulgarians, Magyars, Slavs and Russians of Abu-Ali Ahmed bin Omar Ibn-Dast]. SPb.: Tip-ya Imperatorskoj Akademii nauk. 214 p.
- 35.Chlenov A.M. (1981). Iz istorii rannih rusko-bolgarskikh svyazey. Iz istorii rannih bulgar. [From the history of early Russian-Bulgarian relations. From the history of the early Bulgars]. Kazan: "Tatar Book Publishing House". pp.69-82.
- 36.Shahmatov A.A. (1938). Obozrenie russkikh letopisnyh svodov XIV-XVI vv. [Review of Russian chronicle vaults of the XIV-XVI centuries]. Moskva, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 374 p.
- 37.Shinakov E.A. (2018). Bolgarskij kontekst proiskhozhdeniya luchevyh golovnyh kolec [Bulgarian context for the origin of ray head rings]. Arheologicheski horizonti: Sbornik v chest na 70-godishninata na doc. d-r Ivan Dzhambov/ S"stavitelstvo i redakciya: Georgi Mitrev, Stoyan Popov, Bozhidar Draganov. Plovdiv: UNIVERSITETSKO IZDATELSTVO «PAISIJ HILENDARSKI». pp. 121-147.
- 38.Shinakov E.A. (2017). Eshchyo raz ob «al'ternativnom» vostochnoslavjanskom predgosudarstvennom obrazovanii X v. (po dannym arheologii i numizmatiki) [Once again about the "alternative" East Slavic pre-state formation of the X century. (according to archeology and numismatics)]. Upper Don archaeological digest. «Lipeckij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet». Vyp. 8. Lipeck : LGPU imeni P. P. Semenova-Tyanshanskogo. pp.193-208.
- 39.Shinakov E.A. (2012). Plemena Vostochnoj Evropy nakanune i v processe obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [Tribes of Eastern Europe on the eve and in the process of the formation of the Old Russian state]. The oldest states of Eastern Europe: 2010: Prerequisites and ways of formation of the Old Russian state. Ed. ser. E.A.Mel'nikova. Institut vseobshchej istorii RAN. M.: Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke. pp.34-93.
- 40.Shinakov E.A., Grigor'ev A.V. (2017). Ob etnopotestarnoj «obshchnosti srednego urovnya» na yugovostoke Drevnej Rusi v X v. Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Antichnye i srednevekovye obshchnosti [On the ethnopotestary "community of the middle level" in the south-east of Old Rus in the 10th century. Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Ancient and medieval communities]. XXIX Readings in memory of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences V.T. Pashuto. Materialy konferencii. M.: Institut Vseobshchej istorii RAN. pp.253-256.
- 41.Shinakov E.A., Chubur A.A. (2020). Uralo-povolzhskij kontekst genezisa luchevyh golovnyh kolec [Ural-Volga context of the genesis of radial head rings]. Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya. № 1(8). pp. 31-39.
- 42.Shchhavelev A.S. (2020). Rekonstrukcii i interpretaciya rasskaza «Drevnejshego skazaniya» (nachalo – seredina XI v.) o pohode knyazya Svyatoslava Igorevicha na vyatichej i hazar [Reconstruction and

interpretation of the story "The Ancient Legend" (early - mid-11th century) about the campaign of Prince Svyatoslav Igorevich against the Vyatichi and Khazars]. Vestnik Permskogo universiteta. Istorija. [Bulletin of Perm University. History]. № 1(48). pp.122-129.

Об авторе

Майоров Анатолий Александрович – кандидат исторических наук, исполняющий обязанности заведующего кафедрой истории, философии и русского языка ФГБОУ ВО «Орловский государственный аграрный университет им. Н.В.Парахина» (Российская Федерация). ORCID: 0000-0002-4758-7553. E-mail: aamajorov@rambler.ru

Mayorov Anatoliy Alexandrovich – Cand. Sci. (History), acting Head of the Department of History, Philosophy and the Russian Language, Oryol State Agrarian University named after N.V.Parakhin (Russia). ORCID: 0000-0002-4758-7553. E-mail: aamajorov@rambler.ru

Меер Е.С., кандидат исторических наук, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (Россия)

И. ТАЛМОН И ШКОЛА А. КОББЕНА: ПРОСВЕЩЕНИЕ, ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ТОТАЛИТАРИЗМ

В статье осуществляется анализ дискурсов о связи между Просвещением, Французской революцией и тоталитарной демократией израильского историка И. Талмона, английского ревизиониста А. Коббена и его ученицы, британской исследовательницы Дж. Макдональд. Автор отмечает остающийся за кадром историографической литературы факт консультирования А. Коббеном И. Талмона при написании им знаменитой работы «Истоки тоталитарной демократии». В исследовании выделяются основные линии споров историков Великобритании относительно поиска истоков тоталитаризма в мысли Просвещения и Французской революции. Обращается внимание, что А. Коббен был не согласен с утверждением И. Талмона о тоталитарном характере Просвещения и опровергал его, критикуя написание истории с конца, «генеалогию идей», абстрактность освещения мыслей, конструирование репрессивной модели философов на основе отдельных примеров, неправомерное использование психоанализа, одномерность оценки. Демонстрируется, что сам А. Коббен склоняется к использованию линейных схем мысли, когда соглашается на проведение тоталитарных параллелей между Французской революцией и политическими режимами XX в., хотя временами колеблется в этом вопросе. Показано, что его диссертантка Дж. Макдональд, за счет использования, по сути, дискурсивного подхода, более комплексно отвергает тоталитарные оценки И. Талмона в отношении Просвещения, а также раннего этапа революции на основе широкого ряда контраргументов, которые продолжают мысль ее учителя и в то же время корректируют ее. Автор выясняет, что все три историка расходятся в интерпретации идей Сийеса.

Ключевые слова: Талмон, Коббен, Макдональд, Просвещение, Французская революция, тоталитарная демократия, Руссо, генеалогия идей, дискурс, психоистория.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-131-136

Введение

В 50-е гг. XX в. в условиях «холодной войны» в западной гуманитарной науке распространились различные концепции тоталитаризма для оценки фашистских режимов и сталинской модели власти в СССР [1]. Свой вклад тогда внес израильский историк Иаков (Джеймс) Талмон знаменитой книгой 1952 г., в которой он, вероятно, первым применил термин «тоталитарная демократия» [2, с.15,30]. В труде была предпринята попытка найти теоретические истоки тоталитаризма в идеях Просвещения, а первые практические шаги по его реализации – в политике Французской революции. Среди историков, откликнувшихся на эти новации, был англичанин Альфред Коббен, в то время приобретающий репутацию ревизиониста за пересмотр буржуазного характера Французской революции. Он как раз был специалистом по мысли Просвещения и сыграл важную роль в переоценке ее прямолинейной связи с революционной практикой. Ученица А. Коббена Джоан Макдональд, изучавшая влияние Руссо на революционеров в 1789–1791 гг., также присоединилась к обсуждению взглядов И.Талмона вслед за своим наставником. Мнения, исходящие именно от школы А. Коббена, представляют особый интерес, учитывая, что во введении к «Истокам тоталитарной демократии» И. Талмон благодарит британского историка (наряду с Э. Карром) за кураторство при написании монографии и за прояснение многих ее идей [14, p.viii].

Этот любопытный факт сотрудничества

остался за кадром в историографических исследованиях. Обсуждение взаимодействия мысли И. Талмона о связи Просвещения, Французской революции и тоталитаризма и школы А. Коббена по этой проблеме не было

предметом специального рассмотрения в российской историографии. Что касается англоязычных трудов, то мнения А. Коббена еще в 1960-е гг. привлекли внимание американского историка Питера Гэя, тогда изучавшего Просвещение, но он ограничивается анализом его контраргументов только в одной из работ [9, p. 280–281]. В 1990–2000-е гг. в монографии исследователя из США Эббота Глисона о тоталитаризме и «холодной войне» и в статье бельгийско-итальянского политического теоретика Алессандро Мулиери, сравнивающей концепции тоталитарной демократии И. Талмона и позитивной свободы И. Берлина, критики А. Коббена фигурируют в качестве цитаты и в сноске соответственно и также ограничены использованием одного источника [10, p.117–118; 13, p.460–461]. Какой-либо разбор интеллектуальных реакций Дж. Макдональд нами обнаружен не был, но современный израильский историк Жозе Бруннер в своей статье по «Истокам тоталитарной демократии» упоминает ее книгу о Руссо в качестве одного из примеров критики И. Талмона [4, p. 62, 81]. Интересно что в этом случае не фигурирует ее учитель. В этой статье мы ставим перед собой в качестве цели определить актуальные точки взаимодействия дис-

курса И. Талмона и школы А. Коббена, позволяющие лучше понять подходы обеих сторон относительно проблемы связи Просвещения, Французской революции и тоталитарной демократии.

Объекты и методы исследования

Источниковую базу, использованную в исследовании, составляют труды А. Коббена о Просвещении и Французской революции 1950–60-х гг., монография его ученицы Дж. Макдональд о влиянии Руссо на революционеров в 1789–1791 гг. (1965 г.), сама книга И. Талмона 1952 г., связывающая воедино Просвещение, революцию и тоталитаризм. В качестве методов в статье применяются историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и дискурс-анализ.

Результаты и их обсуждение

Существенным для понимания ситуации научного взаимодействия является тот факт, что И. Талмон, польский еврей-эмигрант, закончивший в 1939 г. Еврейский университет в Иерусалиме на территории Палестины и работавший там же после образования государства Израиль, в промежуточный период между своими пребываниями на «земле обетованной» занимался наукой в Европе – во Франции, а после ее оккупации нацистами, в Великобритании. В Лондонском университете, где работал А. Коббен, в 1943 г. он защитил диссертацию [11, р.147–149; 14, р.viii, 265]. Благодарность, которую выражает А. Коббену И. Талмон во введении к «Истокам тоталитарной демократии», весьма похожа на те слова признательности, которые ученики английского историка оставляли ему в своих первых монографиях, публикуемых на основе диссертаций. Легко можно предположить на основе вышеупомянутого схожего дискурса, места защиты и единой сферы интересов, что книга И. Талмона была итогом написания диссертации, ранним плодом усилий школы А. Коббена. Но перед нами иной вариант научного сотрудничества, вероятно, ограниченный консультированием при написании монографии. Свою не особо любимую диссертацию под названием «Доктрина бедности в ее религиозных, социальных и политических аспектах как проиллюстрированная некоторыми движениями XII и XIII вв.» [14, р.265] И. Талмон защищал, скорее всего, под руководством оксфордского медиевиста Мориса Поуика, а «Истоки тоталитарной демократии» были отдельным проектом, вынашиваемым после окончания Второй мировой войны в Великобритании, на создание и продвижение которого повлияли разные историки [11, р.149–150], упоминавшиеся во введении к его книге. Загадочным образом имя А. Коббена в биографиях И. Талмона при изложении истории его первой монографии исчезает.

Интригуя читателя важной ролью своего

консультанта при написании «Истоков тоталитарной демократии», между тем И. Талмон в своей работе не комментирует взгляды английского историка на Просвещение и Французскую революцию. О влиянии последнего можно судить только по сноскам в обзорах литературы в самой монографии, но они весьма скупы. Вполне логично, что сослаться в 1952 г. И. Талмон мог на имеющееся тогда первое издание книги А. Коббена «Руссо и современное государство» 1934 г. (работа наряду с другими подтверждает мысль о неисчерпаемости литературы о всеобщей воле). Он также упоминает ряд работ, и Коббена в том числе, чтобы заявить тезис о том, что философ далек от преобладающих механистических и легалистических концепций государства и нации [14, р.277–278, 280–281]. Положение весьма абстрактное и мало понятное для читателя.

А. Коббен же в своих работах по Просвещению, опубликованных в 1950–1960-е гг., сделал позиции И. Талмона предметом для регулярного обсуждения, что означало, что с его точки зрения, они этого достойны [6, р. 181–182]. Однозначно он не был согласен на выведение практики тоталитарных демократий XX в. из мысли философов. Его основные возражения можно свести к следующим.

А. Коббен не одобрял написания истории с конца, в данном случае истории идей (эта критика станет популярной среди ревизионистских и постревизионистских историков впоследствии, вспомним хотя бы современного французского историка Р. Шартье, который пишет о подобном, хотя его мысль никоим образом не вытекает из книг английского коллеги) [3, с. 13–14]. Критерий установления связи между тоталитарной демократией и мыслью Просвещения, который его не убеждает, это сходство мысли [6, р. 183]. Сам А. Коббен практиковал противоположный подход. В своей книге о Руссо он изучал идеи философа в контексте его эпохи, абстрагируясь от интерпретаций последующих веков, которые акцентировали внимание на актуальных для их времени аспектах мыслей XVIII в. («приключений идей») [7, р. 14–16; 8, р.20]. И. Талмон же демонстрирует подход, который сам же обозначил как «генеалогия идей» [14, р. 253]. Он представляет собой веру в линейную схему исторического развития. Английский историк обращает внимание на то, что в отношении Руссо израильский исследователь допускает искажения мысли, игнорирует пояснения философа. Так А. Коббен и И. Талмон вследствие своих подходов интерпретируют всеобщую волю Руссо по-разному, хотя оба признают, что она для него являлась идеалом. И.Талмон видит ее как навязывание народу единодушия и беспрестанного участия в политическом

процессе сродни ситуациям тоталитарных демократий XX в., А. Коббен же настаивает, что суверенный народ у философа находится вне сферы действия исполнительной власти, он принимает законы, но это редкое явление, исключительная функция, кроме того описываемая модель касается малых по размеру государств [7, р. 30, 88, 91; 8, р.24; 14, р. 41, 43, 46–47].

А. Коббен показывает, что по сути И. Талмон конструирует тоталитарное Просвещение. Метод, который он здесь критикует, – это подбор отдельных примеров, среди которых самыми иллюстративными должны быть Гольбах, Гельвеций, Морелли, Мабли и Руссо, все остальные случаи французских философов единичны или отсутствуют, как английские мыслители вообще. Гольбах либерален, Гельвеций нетипичен и с сомнительными доказательствами, Морелли незначителен, Мабли всеобъемлющ в своей мысли и противоречив. Для Руссо А. Коббен применяет излюбленный аргумент из дискурса ревизионистов– «даже если согласиться, чего я не делаю». Если Руссо тоталитарен, а философы его считали врагом, это только будет означать, что Просвещение либерально [6, р. 183–184]. Сам А. Коббен оценивал мысль Руссо неоднородно, находя в его трудах либеральные, консервативные и революционные положения.

Во втором издании своей книги о Руссо (1964 г.) английский историк также пеняет И. Талмону, что тот приписывает теоретику «тоталитарный мессианский темперамент» на основе неверно приписанных идей, а потом оправдывает интерпретацию этих мыслей его характером [7, р. 29]. Действительно, И. Талмон пытается объяснить тоталитарный выбор Руссо его метаниями «измученного параноика» между природой и обществом, между свободой и дисциплиной. Он и предпочтение людьми тоталитарной демократии пытается объяснить через бегство от свободы к безопасности, стремление к бесконфликтности и полнейшей гармонии, склонность к перфекционизму [14, р. 38–39, 253–255]. Таким образом, подход «генеалогии идей» сочетается у И. Талмона с азами психологии. Сам А. Коббен, не соглашаясь на подобные научные изыски, в своем разделе по Руссо тем не менее вынужден обратиться к психологической стороне его биографии для понимания контекста возникновения идей, но без столь глобальных выводов, как у И. Талмона [7, р. 147–160].

А. Коббен пытается убедить читателя, что И. Талмон не понимает, что либерализм проистекает из мысли Просвещения. Но проблема израильского историка состоит в другом [14, р.1]. Кажется, что он местами игнорирует этот момент, вероятно, в связи с тем, что истоки либеральной демократии не являются предметом его изучения.

И в этом противоречие И. Талмона. С другой стороны, А. Коббен, понимая, что из мысли можно вывести разное, но апеллируя, что доказательств для тоталитарности Просвещения недостаточно, и делая его монолитным на либеральной основе [6, р. 185], просто уходит решать проблему в другую область. И в этом состоит его противоречие, хотя здесь это только следствие изучения идей в контексте своего времени.

Спасая мысль Просвещения от обвинений в тоталитаризме, А. Коббен не делает этого в отношении Французской революции. В этой точке его полемика с И. Талмоном прекращается, и он применяет терминологию, напоминающую теорию тоталитарной демократии, но не идентичную ей. Вторая мировая война навеивает ему аналогии с войнами революционной Франции, и он обнаруживает в конце XVIII в. первый набросок «тоталитарной войны» (у И. Талмона это «глобальная война за свободу»). Она основана на идее народного или национального суверенитета, заявленной в 1789 г. аббатом Сиейесом. Английский историк трактует ее как отождествление правительства с народом и отмечает ее пагубные последствия, в том числе для современного ему мира, ибо на практике такая демократия невозможна, но возможна такая вера, которая оправдывает любую политику тирании и агрессии, если она ведется от имени народа или нации [6, р. 188–193; 8, р.23–24; 14, р. 119–120, 129–131]. В отличие от А. Коббена, идея неограниченного народного суверенитета Сиейеса, изложенная И.Талмоном, содержит тоталитарный потенциал скорее в том, что за рамками нации остаются привилегированные меньшинства, превратившиеся во врагов, с которыми будет вестись беспощадная борьба [14, р. 72–75].

Английский историк напрямую и косвенно признает конструктивность противопоставления эмпирической либеральной и тоталитарной мессианской демократий и их уместность для описания ситуаций XX в. у И. Талмона [6, р. 182–183, 185, 192]. Но казалось бы окрестив революционную идею народного и национального суверенитета как тоталитарную, А. Коббен делает важные развороты. Он заявляет, что современные либеральные демократии тоже находятся под влиянием идей Французской революции [6, р. 193], мысль, которую И. Талмон тоже излагает [14, р. 70]. В первом томе «Истории современной Франции» 1965 г. историк сомневается, стоит ли применять современный термин «тоталитарное государство» для описания власти якобинцев (эта мысль осталась неизменной с первого издания книги 1957 г.). Основой для сомнений является религиозная толерантность Робеспьера [5, р.230]. В своей финальной статье по Просвещению 1965 г. он находит эмбрион тотали-

таризма скорее в диктатуре Наполеона, а не в революционных собраниях [8, р.24]. Это положение никак не комментируется, более того оно противоречит тому, что он писал ранее, заявляя, что Бонапарту нечему было учить французскую республику [6, р. 188]. Таким образом, призрак «генеалогии идей» И. Талмона то появляется, то исчезает в трудах А. Коббена, то смещается по времени.

Джоан Макдональд, ученица А. Коббена, в отличие от своего учителя последовательна в своем подходе при споре с И. Талмоном. Она, как и ее наставник, против написания истории с конца, того, чтобы судить о влиянии идей Руссо на революционеров на основе сравнений мысли, установления сходств, параллелей между ними. Она определенно не разделяет линейный подход «генеалогии идей». Более того, она идет дальше А. Коббена. Не используя в своей работе 1965 г. понятие «политический дискурс», но применяя термин «политический язык», она пытается показать, как многообразно интерпретировалась мысль Руссо революционерами в начальный период революции [12, р.vii, 4–10, 13, 22], предвосхищая тем самым новую политико-культурную историю, громко заявившую о себе в связи с празднованием двухсотлетия Французской революции (которая при этом может вовсе не происходить из ее труда).

Как и А. Коббен, его ученица, обсуждает выдвинутую И. Талмоном идею тоталитарности всеобщей воли у Руссо. Она прочитывает ее в контексте XVIII в., как и ее учитель, предлагая абстрагироваться от знания того, что произошло в истории впоследствии. Как и он, она считала, что речь шла о участии народа только в законодательстве, а не в осуществлении им исполнительных функций, а также, что это предполагалось редким явлением, чего И. Талмон не понимал. Дж. Макдональд обращает внимание более развернуто, чем А. Коббен, что осуществление всеобщей воли предполагалось в маленьких обществах, связанных общими традициями и интересами, и не имеет отношения к Франции. Этот идеал выборной аристократии не вязался с тем образом, который описал И. Талмон, – с прямой демократией и диктатурой у Руссо. Отсутствие меньшинств в таком варианте считается не признаком тоталитаризма, а следствием именно существования микрокосма. И. Талмон же призывает обратить внимание на неприятие французскими теоретиками XVIII в. разнообразия взглядов, партийности, их предпочтение единодушия, сопряженное с критикой привилегий и неравенства. При этом он, рассуждая о Руссо, отчего-то ссылается на Гольбаха, Морелли и физиократов. Если израильский историк ищет истоки коммунизма у Руссо, Дж. Макдональд настаивает на том, что мыслитель видится сторонником идеального общества среднего

класса. Признавая, что принуждение индивида в государстве – вопрос весьма скользкий и пограничный, Дж. Макдональд, в отличие от И. Талмона, находит его у Руссо только в качестве элементарного, без которого общество вообще не будет существовать. Она видит у философа идеального индивидуума, ответственного и сознательного, справедливого, высокоморального гражданина. Великого законодателя у Руссо Дж. Макдональд находит у истоков создания обществ в прошлом, и для нее он вовсе не диктатор будущего и революционер, как считает И. Талмон. При этом оба историка признают, что вдохновение мыслитель находит в истории прошлого – в Спарте и Риме (версия И. Талмона), в идеальном государстве Платона и кальвинистской Женеве (вариант Дж. Макдональд). Идеальное общество Руссо оценивается Дж. Макдональд, подобно А. Коббену, как статичное и консервативное, сам философ как антиреволюционер по своим взглядам, и в этой точке она явно имеет более умеренный взгляд, чем ее наставник. В конечном итоге исследовательница считает, что у Руссо в идеальном варианте общество и государство существуют для человека, для И. Талмона все наоборот [7, р. 88–89; 12, р.27–40; 14, р. 40–49].

На примере Сиейеса, Робеспьера и Сен-Жюста, которые считались И. Талмоном последователями Руссо в тоталитаризме, она пытается оборвать их простую, прямую связь. Сиейесу не нужен был Руссо, чтобы осуждать аристократические привилегии, Робеспьеру, чтобы освоить представление об абсолютной государственной власти. Сен-Жюст, когда он утверждал в 1791 г., что монархия – это лучшая форма правления для больших государств, мог следовать вовсе не Монтескье, как считает И. Талмон, а с тем же успехом Руссо, ибо в «Общественном договоре» была эта мысль. Но подчеркивает Дж. Макдональд, тоталитарная параллель мешает подобному признанию, а ее дискурсивный анализ, как мы видим, нет, всего лишь нужны доказательства. Руссо могли цитировать и монархисты во время революции, и это значение извлечено из чтения источников [12, р.17–21]. Особо Дж. Макдональд останавливается на оценке Сиейеса как главного руссоиста 1789 г. На основе источников она показывает, что аббат считал Руссо весьма слабым философом и вдохновлялся не им. Она утверждает также, что данный революционер ратовал за представительную систему, при которой депутаты были агентами суверенитета народа на период своего избрания, за редким исключением. Свой взгляд она оценивает, как противоположный позиции И. Талмона (вероятно, уподоблению Сиейесом Национального собрания народу Руссо [12, р.18,105; 14, р.74]. Сложность заключается в том, что израильский историк пишет и о представительных собра-

ниях, предполагаемых после принятия конституции, у Сиейеса. Очевидно также, что позиция Дж. Макдональд в этой точке расходится со взглядом ее наставника А. Коббена. Поскольку книга английской исследовательницы ограничена в историческом времени, она не имеет возможности серьезно обсуждать дальнейшие политические дискурсы, но очевидно, что никакие тоталитарные параллели в отношении Просвещения и революционных событий с точки зрения ее подхода не имеют смысла.

Заключение (выводы)

В результате написания данной статьи мы пришли к следующим выводам, которые могут рассматриваться как вклад автора в историческую науку. И. Талмон, израильский историк, получивший в Великобритании важный опыт взаимодействия с западным миром, А. Коббен, английский ревизионист, и Дж. Макдональд, британская исследовательница, представляют интересный случай научного взаимодействия по проблеме Просвещение–Французская революция–тоталитарная демократия. В этом треугольнике именно А. Коббен является связующим звеном, играя функциональную роль консультанта для первого и роль наставника для последней. Несмотря на то, что И. Талмон заявляет о влиянии на него английского историка, его историографический дискурс

не позволяет обнаружить существенных конкретных воздействий. А. Коббен же занимает промежуточное положение между позициями консультируемого им историка и ученицы, возвращенной в рамках его школы, находясь в ситуации сложного симбиоза уже сформированных у него взглядов и подходов с предложенными более молодым поколением. Несмотря на то, что сам А. Коббен заявляет свой подход как противоположный И. Талмону, Французская революция является той точкой, где подход «генеалогии идей» израильского историка просачивается в концепцию английского ревизиониста, несмотря на то, что мысль последнего активно сопротивляется этому влиянию. Дж. Макдональд, с другой стороны, предлагает противоположный И. Талмону подход, который по сути является дискурсивным анализом, и поддерживает мысль А. Коббена в опровержении им тоталитарного характера Просвещения. Точкой диссонанса и наполнения разными смыслами у всех трех историков является мысль Сиейеса, которая как перекресток влечет за собой разные заключения. В конечном итоге, самым противоречивым в своих дискурсах о Просвещении, Французской революции и тоталитарной демократии является именно А. Коббен, сочетающий в себе как историка, так и политического мыслителя.

Список литературы

1. Корнева Л. Н. Германский фашизм: немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма (1945–90-е годы). Кемерово: КемГУ, 1998. 128 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28364992> (дата обращения: 05.10.2019)
2. Михайленко В. И. Тоталитаризм в XX веке: Теоретический дискурс/ Михайленко В. И., Нестерова Т. П. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. 196 с.
3. Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М.: Издательский дом «Искусство», 2001. 256 с.
4. Brunner J. From Rousseau to Totalitarian Democracy: The French Revolution in J. L. Talmon's Historiography// History and Memory. 1991. Vol. 3. №1. P. 60–85.
5. Cobban A. A History of Modern France. Book 1. The Old Regime and the Revolution. 1715–1799. New York: George Braziller, 1965. 278 p.
6. Cobban A. In Search of Humanity. The Role of Enlightenment in Modern History. New York: George Braziller, 1960. 259 p.
7. Cobban A. Rousseau and the Modern State. London – New York: Routledge, 2019. 184 p.
8. Cobban A. The Enlightenment and the French Revolution // Cobban A. Aspects of the French Revolution. New York: George Braziller, 1968. P. 18–28.
9. Gay P. The Party of Humanity. Essays in the French Enlightenment. New York: Alfred A. Knopf, 1964. 290 p.
10. Gleason A. Totalitarianism. The Inner History of the Cold War. New York– Oxford: Oxford University Press, 1995. 306 p.
11. Nacohen M. H. Jacob Talmon between Zionism and Cold War Liberalism// History in European Ideas. 2008. Vol. 34. №2. P.146–157.
12. McDonald J. Rousseau and the French Revolution, 1762–1791. London–New Delhi–New York–Sydney: Bloomsbury, 2013. 190 p.
13. Mulieri A. Liberalism against Democracy: A Comparative Analysis of the Concepts of Totalitarian Democracy and Positive Liberty in Jacob Leib Talmon and Isaiah Berlin // History of European Ideas. 2013. Vol. 39. №3. P.449–466.
14. Talmon J. L. The Origins of the Totalitarian Democracy. London: Mercury Books. 1961. 369 p.

J. TALMON AND SCIENTIFIC SCHOOL OF A. COBBAN: THE ENLIGHTENMENT, THE FRENCH REVOLUTION AND THE TOTALITARIANISM

The article analyzes the discourses on the connection between the Enlightenment, the French Revolution and totalitarian democracy by the Israeli historian J. Talmon, the English revisionist A. Cobban and his student, the British researcher J. McDonald. The author notes the fact that A. Cobban consulted J. Talmon while writing his famous work "The Origins of Totalitarian Democracy", which remains behind the scenes of historiographical literature. The study highlights the main lines of debate among British historians regarding the search for the origins of totalitarianism in the thought of the Enlightenment and the French Revolution. Attention is drawn to the fact that A. Cobban did not agree with the statement of J. Talmon about the totalitarian nature of the Enlightenment and refuted it, criticizing the writing of the history from the end, the "genealogy of ideas", the abstractness of the illumination of thoughts, the construction of a repressive model of philosophers on the basis of individual examples, the misuse psychoanalysis, one-dimensionality of assessment. It is shown that A. Cobban himself tends to use linear schemes of thought when he agrees to draw totalitarian parallels between the French Revolution and the political regimes of the 20th century, although he sometimes hesitates on this issue. It is shown that his dissertation student J. McDonald, due to the use of an essentially discursive approach, more comprehensively rejects the totalitarian assessments of J. Talmon in relation to the Enlightenment, as well as the early stage of the revolution, based on a wide range of counterarguments that continue the thought of her teacher and at the same time correct it. The author finds out that all three historians differ in their interpretation of Sieyès' ideas.

Keywords: Talmon, Cobban, McDonald, the Enlightenment, the French Revolution, the Totalitarian Democracy, Rousseau, genealogy of ideas, discourse, psychohistory.

References

1. Korneva, L.N. (1998). *Germanskii fashizm: nemeckie istoriki v poiskah ob'iasneniya fenomena natsional-sotsializma (1945–90-e gody)* [German Fascism: German Historians in Search of an Explanation of the Phenomenon of National Socialism (1945–90s)]. Kemerovo: KemGU. Retrieved 5 October, 2019 from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28364992>.
2. Mihailenko, V. I. (2000). *Totalitarizm v XX veke: Teoreticheskii diskurs* [Totalitarianism in the 20th century: Theoretical discourse]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
3. Shart'e, R. (2001). *Kul'turnye istoki Francuzskoi revolyusii* [Cultural origins of the French Revolution]. M.: Izdatel'skii dom «Iskusstvo».
4. Brunner, J. (1991). From Rousseau to Totalitarian Democracy: The French Revolution in J. L. Talmon's Historiography // *History and Memory*, 1, 60–85.
5. Cobban, A. (1965). *A History of Modern France. Book 1. The Old Regime and the Revolution. 1715–1799*. New York: George Braziller.
6. Cobban, A. (1960). *In Search of Humanity. The Role of Enlightenment in Modern History*. New York: George Braziller.
7. Cobban, A. (2019). *Rousseau and the Modern State*. London – New York: Routledge.
8. Cobban, A. (1968). *The Enlightenment and the French Revolution // Aspects of the French Revolution*. New York: George Braziller. P. 18–28.
9. Gay, P. (1964). *The Party of Humanity. Essays in the French Enlightenment*. New York: Alfred A. Knopf.
10. Gleason, A. (1995). *Totalitarianism. The Inner History of the Cold War*. New York– Oxford: Oxford University Press.
11. Nacohen, M. H. (2008). Jacob Talmon between Zionism and Cold War Liberalism // *History in European Ideas*, 2, 146–157.
12. McDonald, J. (2013). *Rousseau and the French Revolution, 1762–1791*. London–New Delhi–New York–Sydney: Bloomsbury.
13. Mulieri, A. (2013). Liberalism against Democracy: A Comparative Analysis of the Concepts of Totalitarian Democracy and Positive Liberty in Jacob Leib Talmon and Isaiah Berlin // *History of European Ideas*, 3, 449–466.
14. Talmon, J. L. (1961). *The Origins of the Totalitarian Democracy*. London: Mercury Books.

Об авторе

Меер Евгения Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (Россия), E-mail: jenumeer13@gmail.com

Meer Evgeniya Sergeevna – Candidate of History, Associate Professor of the department of General history, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva (Russia), E-mail: jenumeer13@gmail.com

УДК 930.2

Мякотин А.А., кандидат исторических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (Россия)

Кузьмин В.Ю., доктор исторических наук, доцент, Самарский государственный медицинский университет (Россия)

ГУБЕРНАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ САМАРСКИХ АРХИВОВ)

В статье рассматриваются комплексы архивных документов, образовавшиеся в деятельности губернаторской власти. Дан обзор публикаций по источниковедческим проблемам изучения губернского управления в постреформенный период. Представлена характеристика видового и количественного состава документации, ее сохранности, ведомственной принадлежности, поисковых метаданных, информативности. Выявлены лакуны в составе архивных фондов, обусловленные неполной сохранностью документов. Рассмотрены вопросы архивной эвристики, т. е. местонахождения и путей поиска документальных материалов. Корпус документальных источников, отложившихся в самарском государственном архиве, характеризуется системностью; он позволяет исследовать губернаторскую власть с разных «ракурсов»: кадровый состав, материальная база, функциональные и информационные связи и т.д. Анализ распорядительных актов губернатора показал, что «начальник губернии» в своей распорядительной функции был, прежде всего, «диспетчером» и контролером поручений (заданий, распоряжений) органов центральной власти. Документы, изданные губернатором в инициативном порядке, составляли небольшую (4-5%) часть распорядительной документации. Главным (видовым) недостатком делопроизводственной документации является обезличенность, т.е. малый объем информации о носителях (субъектах) власти. Для его минимизации целесообразно более активное использование материалов губернской переписки, которая по информационным свойствам примыкает к документам личного происхождения.

Ключевые слова: история власти, губернатор, ретроспективные документы, историография, источниковедческая критика, делопроизводство, губернаторские отчеты, информационная ценность, Самарская губерния.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-137-146

Введение

Непрерывность (континуальность) времени проявляется в наличии «следов» (материальных, информационных) прошлого в современности. В этом состоит объективная (онтологическая) предпосылка для научной реконструкции исторического процесса. Материальные объекты, несущие информационный образ событий прошлого, составляют источниковый базис исторических исследований. Источник опосредует отношение исследователя к познаваемой реальности; он является своеобразным медиатором между познающим субъектом и реалиями прошлого. Историческое исследование представляет собой распаковку и обработку информации, содержащейся в источниках. Вместе с тем фиксация и передача «сигнала» во времени сопровождается его неизбежным искажением и потерями. Получение полной и достоверной (аутентичной) информации предполагает использование методик, учитывающих природу исторического источника, контекст его создания, свойства материального носителя. Историческое познание включает критическое изучение источников ретроспективной информации, их атрибуцию, оценку подлинности и т.д. Поэтому показателем глубины и детализации разработки темы является освоение ее источниковедческого аспекта.

Анализ системы власти в последние десятилетия империи представлен длительной историографической традицией. Тем не менее многие ее

аспекты, в том числе источниковедческие, недостаточно «освоены» исследователями. В большинстве публикаций источниковедческая критика присутствует в качестве второстепенного, периферийного сюжета. Значительный массив источниковедческих работ посвящен одной группе источников – губернаторской отчетности [5, 7, 8, 9, 14, 16 и др.]. Другие виды делопроизводственной документации – ведомственная переписка, распорядительная документация – исследованы в меньшей степени. Документы делопроизводства представляют собой сложный информационный комплекс, включающий значительный объем скрытой (многослойной) информации. Для раскрытия информационного потенциала этих документов необходимы дальнейшие источниковедческие исследования.

Объект и методы исследования

В статье рассматривается документация губернаторской власти (последняя треть XIX в.), представленная в фонде 3 Самарского государственного архива (ЦГАСО). Изучены документы основных функциональных подсистем: нормативная, распорядительная, справочно-информационная, финансово-хозяйственная документация. В исследовании использованы общенаучные (анализ, синтез, аналогия) и специальные исторические методы (историко-типологический, ретроспективный, проблемно-хронологический). Массовость делопроизводственной документации позволила использовать методики статистической обработки

данных. При изучении массива однородных документов (переписка, распорядительные акты) составлялись репрезентативные выборки. Количественные характеристики документооборота губернаторской власти определялись по регистрационно-учетным формам (журналам, реестрам).

Результаты

Изучение служебной документации губернаторской власти постреформенного периода было начато современниками. Характерно, что уже в первых (дореволюционных) исследованиях рассматривалась источниковедческая проблематика. Предметом источниковедческой критики стали ежегодные отчеты губернаторов как «квинт-эссенция» губернского делопроизводства. Внимание к этому документу было обусловлено его информационным потенциалом, а также особой ролью «посредника» между губернской и центральной властью. Авторы подчеркивали сложную (составную) природу документа, содержащего черты эпистолярного жанра, делопроизводственной бумаги и сводного статистического отчета. В исследованиях А.И. Блинова, А.Ф. Фортунатова, Ю.Э. Янсона было показано, что материалы губернаторских отчетов, представляя несомненную ценность, содержат вместе с тем немало лакун, невыверенных и взаимно противоречащих сведений [4; 5; 61]. С точки зрения назначения и методов подготовки губернаторская отчетность не относится к «строгой» статистической документации. Дореволюционными авторами были отмечены объективные (структурные) причины неточностей в статистике отчетов: отсутствие единой статистической службы, процедур проверки собранных сведений и т. д. [61, с.291, 300-302]

В первые советские десятилетия губернаторские отчеты использовались ограниченно, главным образом, в исследованиях экономической истории. Возобладал скептицизм (восходящий к В.И. Ленину) в отношении достоверности отчетов «хозяев губернии». Возобновление источниковедческого интереса к нему связано с работами Н.Н. Улащика, акцентировавшего главное достоинство документа – систематический характер сведений (при всей «округленности» и невысокой точности), позволяющий выделить тенденции развития региона [24]. Публикации Н.Н. Улащика инициировали активное источниковедческое изучение губернаторских отчетов. Рассматривалась эволюция формуляра [8, 15], достоверности сведений и методика и их обработки [7, 9, 10, 17], влияние отчетов на формирование центральной и региональной политики [3, 14, 16, 17]. Весьма интересным «сюжетом» является изучение отчетности как управленческой технологии, т.е. элемента имперской административной си-

стемы. По мнению М.И. Шумилова, губернаторские отчеты были бюрократическим орудием централизации. Становление регулярной отчетности способствовало превращению губернского аппарата в придаток центральной власти [59].

Долгосрочное влияние на историографию оказали работы Б.Г. Литвака, «обогатившие» методологию исследований. Отчетность рассматривается исследователем как сложный информационный объект, включающий текстовую часть, статистические данные, комплекс приложений. По мнению историка, главную ценность составляют статистические приложения, которые гораздо содержательнее формализованной (трафаретной) текстовой части. [11, с. 150] Ежегодная отчетность отнесена к массовой документации с ее характерными признаками: однородность, клишированность, периодичность составления, типизированная структура и содержание. Эти особенности делают возможным (и целесообразным) использование статистических методик для обработки ее «контента». В исследованиях Б.Г. Литвака и И.Д. Ковальченко был предложен математический аппарат для обработки статистических массивов, представленных в отчетах. Положительная оценка Б.Г. Литваком достоверности губернаторской статистики обоснована авторской методикой перекрестной проверки источников. Дискуссионным является суждение автора о том, что губернаторские обзоры — ввиду унифицированного содержания, большого числа «общих мест» — не содержат «персональных данных» и малоинформативны для изучения личности губернаторов. [11, с. 151-155] Эта точка зрения не получила поддержки в историографии и опровергнута дальнейшими исследованиями.

В «новейшей» историографии губернаторская отчетность рассматривается как элемент имперской политической «вертикали». Подробный анализ информационных свойств этого документа представлен в работах С.А. Минакова. Принципиальное значение имеет вывод исследователя об информационной многослойности отчетов; они содержат значительный объем неявной информации [17, с. 32-34]. Формуляр, текстовая часть, делопроизводственные отметки и резолюции фиксируют сведения о подготовке решений, должностных связях, стиле деятельности губернаторов, служебной субординации, требованиях центрального руководства и т.д. Для прочтения этой «неявной» информации требуется аналитическая обработка текста. Вполне обоснованным является утверждение, что отчетность необходимо рассматривать как комплекс документов, включающий черновые материалы, переписку при подготовке и исполнении отчетов, сопроводительные бумаги и т.д. [17, с. 71]

А.Н. Бикташева, оппонируя мнению об

обезличенности губернаторской отчетности, определяет ее как «персональный текст». Губернаторская подпись под отчетом является достаточным основанием для его рассмотрения в качестве персонализированного документа [3, с. 19]. Подобный подход позволил индивидуализировать характеристику губернаторского корпуса; получить новые сведения о карьере губернаторов, их политических настроениях, общественных инициативах, влиянии на правительственную политику и вкладе в развитие губернии.

В современной (постсоветской) литературе документы губернского делопроизводства активно используются в региональных, в т.ч. краеведческих исследованиях. Исследователи изучают сохранность, уникальность/дублетность, достоверность, правовой статус делопроизводственной документации (отчетной, эпистолярной, распорядительной), ее потенциал для реконструкции истории власти [1, 9, 13, 14, 20, 21, 24, 25, 61 и др.].

Работа с источником предполагает изучение условий его создания, т.е. делопроизводственной среды. Делопроизводственная «ипостась» документа предшествует (и во многом предопределяет) его функционированию в качестве источника. Поэтому источниковедческая критика опирается на исследование систем делопроизводства. С рубежа 2000-х гг. историко-делопроизводственные исследования становятся самостоятельным направлением историографии. Они позволили «добыть» новые сведения о номенклатуре и соотношении видов документов, маршруте их движения, этапах обработки, местах хранения, информационных связях между документами [6, 19, 22]. К сожалению, в этих публикациях почти отсутствуют статистические данные об объеме документооборота, интенсивности документопотоков, сроках прохождения документов. Эти сведения позволят изучить «служебный регламент» губернаторов, степень загруженности рутинной («бумажной») работой, должностные информационные связи, объем и состав служебной информации и т.д. Работы по этой тематике посвящены начальному этапу министерского делопроизводства. С учетом «лакун» в историографии определена цель статьи: дать анализ — на материалах самарских архивов — информационного потенциала документации, «оформлявшей» губернаторскую деятельность в последней трети XIX века.

Деятельность главы региона определялась, в значительной мере, целевыми установками центрального руководства. Губернатор являлся чиновником Министерства внутренних дел, т.е. исполнителем заданий этого ведомства [2, с. 84]. Поэтому анализ оснований (мотивов) губернаторской деятельности требует изучения входящей директивной документации, прежде всего, циркуляров Мини-

стерства внутренних дел. Входящие распорядительные акты МВД за 1870 – 1890 гг. выявлены в фонде канцелярии самарского губернатора. В гораздо меньшем – почти единичном – количестве циркуляры Министерства МВД содержатся в фонде губернской земской управы и городской думы [27, л. 16]. Это вторичные экземпляры (копии) документов, которые дублируют документацию фонда губернаторской канцелярии. Циркулярные предписания МВД сформированы в архивные комплексы, как правило, отдельно от других документов; гораздо реже в делах с циркулярами содержится переписка по их исполнению. Циркуляры разделены, в ряде случаев, значительными хронологическими интервалами. Это свидетельствует о лакунах, т.е. неполной сохранности этих документов. Например, отсутствуют директивные документы МВД за апрель-начало мая 1878 г., июнь-август 1884 г. и т.д. Неполнота массива сохранившихся директив подтверждается, косвенным образом, реестрами входящей документации; они содержат записи о регистрации циркуляров МВД, отсутствующих в архивных делах. Среди документов канцелярии гражданского губернатора за 1870 — 1900 гг. выявлены 187 единиц хранения с распорядительными актами МВД и Сената [28; 31; 36; 41; 44; 45; 46; 47; 49; 51; 57 и др.]. Это многократно превышает количество дел с распорядительными документами, изданными губернатором. Заметим, что делопроизводители, в ряде случаев, регистрировали в качестве циркуляров сугубо информационные документы (уведомления, циркулярные письма, запросы).

Тематика циркуляров характеризует функциональное «поле», в котором происходило взаимодействие губернаторской власти и правоохранительных структур. Большая часть директивных документов МВД (более 60%), полученных губернской администрацией в 1870-е – 1890-е гг., посвящена проблемам охраны правопорядка, расследования дел, розыска правонарушителей и т.д. В частности, значительный общественный резонанс имело дело о «покушении на убийство» земского служащего А.А. Бострома, совершенном уездным предводителем дворянства Николаем Александровичем Толстым (отцом писателя А.Н. Толстого). Более полугодя это происшествие находилось в эпицентре внимания самарской «общественности». Его расследование сопровождалось интенсивной перепиской губернатора А.Д. Свербеева с судебно-правоохранительными органами – министром внутренних дел, департаментом общих дел МВД, прокурором Самарского окружного суда, уездным исправником [34, л. 3-6, 9-об, 11-об, 12,13]. Материалы переписки не позволяют установить личного отношения А.Д. Свербеева к обстоятельствам этого дела. Его участие в судебном процессе заключалось в передаче (с

минимальной обработкой) сведений, полученных от уездных властей, на верхний «этаж» управления. Тем не менее, материалы ведомственной переписки позволяют выявить устойчивые информационные (и функциональные) связи губернской власти с другими властными учреждениями.

Другими проблемами, затронутыми в директивах МВД, были: сбор налогов, платежей, недоимок; учет населения, поземельные отношения, «филантропические» мероприятия, порядок применения правовых актов и др. Значительная часть входящей документации, поступившей из МВД (более 20%), представляла собой запросы о предоставлении информации о социально-хозяйственных объектах, группах населения, налоговых мероприятиях и т.д. Как правило, эти сведения требовались для разработки проекта решения или нормативно-правового акта. Переписка по исполнению запросов МВД представляет интерес, поскольку она характеризует информационно-аналитическую работу местной власти. Эти материалы позволяют исследовать стиль административной деятельности А.Д. Свербеева.

Большой массив социально-хозяйственной информации был обработан губернатором (и его аппаратом) в связи с исполнением циркуляра от 13 августа 1882 г., поступившим из земского отдела МВД [33, л.1-3]. В этом ведомственном запросе губернскому руководству предлагалось изложить своё мнение о причинах переселения крестьян из губернии и целесообразности предоставления льгот переселенцам. В циркуляре требовалось обосновать (или опровергнуть) необходимость издания правового акта, регламентирующего переселение; предложить рекомендации по его составлению. Подготовка ответа на этот запрос сопровождалась длительной «раскачкой» губернского аппарата и заняла более трех месяцев. Поэтому в середине ноября 1882 г. из Министерства внутренних дел было получено уведомление, адресованное самарскому губернатору. В нем сообщалось, что сроки исполнения циркуляра (15 октября) нарушены; это создает «замедление» в работе Особого Сопровождающего при МВД. В этом письме в корректной форме было высказано служебное замечание губернатору за недостаточную исполнительскую оперативность. В течение октября – ноября 1882 г. самарским губернатором были получены от уездных властей (исправников, присутствий по крестьянским делам) отчетно-аналитические документы (доношения и др.) уровня, содержавшие «экспертное» заключение по проблеме переселения. Авторы документов единодушно отмечали, что не существует долгосрочных экономических причин для массового переселения крестьян из Самарской губернии. Большинство случаев переселения обусловлены

конкретными причинами: неурожай, разорение, раздел имущества, социальный конфликт и т.д. По мнению местных властей, нецелесообразно излишнее материальное стимулирование переселенцев, поскольку это вызовет «необоснованное» движение крестьян из губернии; достаточно ограничиться налоговыми льготами. Спорным вопросом, по которому мнения авторов документов разделились, был порядок землепользования на месте переселения. Большинство из них высказались за традиционную (мирскую) форму владения землей. Вместе с тем была обоснована точка зрения, что более рациональным, способствующим «улучшению» хозяйства, является индивидуальное (хуторского типа) землевладение [34, л. 23-24]. По отдельным вопросам, связанным с крестьянским переселением, Министерство внутренних дел вело переписку с местной властью напрямую, минуя аппарат губернатора. Например, статистические материалы о территориальном и демографическом «движении» сельского населения были представлены в земский отдел МВД удельной и переселенческой конторами. В приложениях к письмам – в качестве иллюстрации и «подтверждения» – приводились учетные документы (ведомость). Они содержат статистику, характеризующую территориально-поселенческий аспект развития деревни.

Результатом исполнения запроса МВД стал сводный (итоговый) документ, подписанный А.Д. Свербеевым в декабре 1882 г. «Номинация», т.е. вид документа, в нём не определена; можно – с долей условности – обозначить его как «отчет» [34, л.68-75]. Этот документ не был простым «суммированием» доношений, полученных от уездных учреждений. Он был результатом аналитической работы и представлял – в некоторых отношениях – личную точку зрения самарского губернатора. Составителем отчета обоснован тезис о том, что в Самарской губернии более предпочтительным является не переселение, а наделение крестьян землей из фонда казенных или удельных земель. «Благоустройство» крестьян на государственных/удельных землях может быть произведено на условиях долгосрочной аренды или выкупа (за счет ссуды, предоставленной Крестьянским банком). Автор документа не поддержал точку зрения уездных властей о целесообразности предоставления переселенцам налоговых льгот. Сложение с переселенцев налоговых недоимок вызовет «ложное» (необоснованное) стремление к переселению. Поэтому льготы должны быть ограничены облегчением выхода из общества и помощью «в способах передвижения». Рекомендации, предложенные составителем, не ограничены масштабом губернии. Например, в документе предлагается внести изменения в закон об аренде земли, разрешив её на срок

более 12 лет [34, л. 72]. Глава губернии не обозначил своей позиции по вопросу о целесообразной форме землевладения крестьян на месте переселения (общинная или «фермерская»). Вместе с тем переписка, предшествовавшая составлению отчета, позволяет заключить, что губернатор придерживался «традиционной» точки зрения о предпочтительности мирской формы землевладения.

В контексте исследования губернаторской деятельности, ее содержания и результатов, важнейшее значение имеют распорядительные (директивные) документы, изданные им в должности губернатора. В заголовках архивных дел эти документы обобщенно обозначаются как «циркуляры». Вместе с тем это широкая «номенклатура» документов, включающая распоряжения, предписания, предложения, циркуляры и т.д. Распорядительные документы можно разделить на документацию, издаваемую по «принципиальным» и текущим (оперативным) вопросам управленческой деятельности. Граница между ними относительна; тем не менее, к первой категории принято относить постановления, приказы, предписания; ко второй – предложения и распоряжения. Количество распорядительных актов, изданных губернатором, является важным параметром его деятельности. Этот показатель интенсивности работы губернатора; он характеризует число ситуаций, потребовавших вмешательства «начальника губернии». В фонде канцелярии самарского губернатора период с 1878 по 1899 г. представлен 64 делами с циркулярными предписаниями, изданными губернатором [36; 37; 38; 39; 40; 41; 42; 43; 47 и др.]. Кроме того, значительное количество распоряжений (предложений, предписаний и т.д.) содержится в делах с губернаторской перепиской. Поэтому оценить общее количество распорядительных актов губернатором можно на основе журналов (реестров) исходящих бумаг. Среди них приблизительно равный удельный вес (по 20-25%) имеют циркуляры, изданные по вопросам общественного правопорядка, сбора налогов (платежей, недоимок) и городского благоустройства.

Анализ распорядительных документов показывает, что большинство из них (около 90%) содержат – в преамбуле – ссылки на документы (правовые, директивные) высших органов власти. Они изданы во исполнение входящих документов высших органов власти – Министерства внутренних дел, Сената, Минюста и т.д. При этом губернаторские циркуляры не содержат, как правило, дополнительных поручений; они ограничиваются сжатым изложением, комментарием входящего документа и постановкой срока исполнения. Характерным (типовым) в этом отношении является циркуляр самарского губернатора от 1 ноября 1882 г. № 5385, направленный в земские управы [33, л. 59].

Его изданию предшествовало представление А.Д. Свербеевым отчета в МВД о состоянии посевов в губернии. На основании отчета, свидетельствовавшего о «незначительности» озимого посева, министром было дано распоряжение принять меры к засеву пустующих полей яровым хлебом. Преамбула и распорядительная часть представляет собой сжатое повторение распоряжения министра. Единственным дополнением, сделанным губернатором, является просьба уведомить его о «распоряжениях, которые будут сделаны по означенному предмету», т.е. выбор форм (методов) и сроков исполнения предоставляется исполнителям.

Содержание циркулярных предписаний губернатора показывает, что «начальник губернии» в своей распорядительной функции был, прежде всего, «диспетчером» и контролером поручений (заданий, распоряжений) органов центральной власти. Документы, изданные губернатором в инициативном порядке, составляли небольшую (4-5%) часть распорядительной документации. Эта категория директивных документов, на наш взгляд, представляет наибольший интерес с точки зрения изучения «административного стиля» главы губернии. К ним относятся, например, предписания о проведении социальных и «филантропических» мероприятий: о сборе пожертвований в пользу изувеченных воинов, на содержание богадельни и читального зала при Святогорском монастыре, строительство памятника А.С. Пушкину и др. [30; 49]

Заключение

Массив источников о губернском управлении, выявленный в Самарском госархиве, характеризуется системностью. Он позволяет исследовать губернаторскую власть с различных «ракурсов»: функциональность, должностной и персональный состав, организационно-штатная структура и т.д. Единственным комплексом документации, отмеченным низкой сохранностью, являются губернаторские отчеты. А.Д. Свербеевым за годы губернаторства было составлено 12 отчетов; только 5 из них (за 1878 г., 1884 г., 1886 г., 1889 г. и 1890 г.) представлены в фондах ЦГАСО [52; 53; 54; 55; 58].

Делопроизводственная документация, ввиду массовости и разнородности, имеет высокую информативность. Тем не менее, необходимо учитывать содержательную ограниченность этой категории источников. Она лишь в минимальной степени раскрывает личностный (субъективный) аспект государственного управления, например, личные и деловые качества чиновников, неформальные связи в управленческой среде, мотивация управленческих решений и т.д. С другой стороны, делопроизводственная документация включает группу документов, которая, в значительной мере, лишена этого недостатка. Это служебная переписка; она является

наименее «официозным» видом документации. По своим информационным свойствам переписка при- мыкает к документам личного происхождения. Она регламентирована (унифицирована) в меньшей степени, чем другие служебные документы. Ее содержание и стиль характеризуются более высоким уровнем индивидуализации, эмоциональной экспрессии. В системе управления письма были основным носителем информации. Материалы переписки позволяют судить об информационной основе решений, принятых губернатором. Канцелярия губернатора в 1879 г. и 1880 г. зарегистрировала, соответственно, 12038 и 14514 исходящих писем за подписью губернатора А.Д. Свербеева [30, л. 1-25]. Большинство писем не были инициативными; они были составлены в порядке исполнения заданий

(поручений), либо в качестве ответа на входящее письмо. Определить точное число писем невозможно ввиду несовершенства делопроизводственного учета. Заметим, что письма (сообщения) выявлены в большинстве единиц хранения, в том числе в делах с финансово-хозяйственной, кадровой и др. документацией. Служебная переписка позволяет с большой «точностью» и детализацией описать управленческий процесс. Она позволяет, в отличие от других делопроизводственных документов, в какой-то мере осуществить интроспекцию, т.е. судить о мотивах управленческой деятельности. Информационный потенциал личной и деловой переписки в исследованиях по истории власти реализован далеко не полностью.

Список литературы

1. Абхазов А.Х. Губернаторские отчеты как источник по изучению политико-правовых и социально-экономических аспектов инкорпорации Южного Кавказа в состав Российской империи в середине 40-х — первой половине 60-х гг. XIX в. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2020. № 6 (98). С. 210-216.
2. Алексушин Г.В. Развитие губернаторской власти в России: опыт и уроки (1708-1917 гг.): дис. ...докт. ист. наук. М., 2009. 416 с.
3. Бикташева А.Н. Казанское губернаторство первой половины XIX века: антропология власти: дисс. докт. ист. наук. Казань, 2011. 544 с.
4. Блинов А.И. Губернаторы: историко-юридический очерк. СПб., 1905.
5. Бражникова А.И. Губернаторский отчет: изучение источника в отечественной историографии // Вестник Челябинского университета. 2013. №12. Вып.55. С.83-89.
6. Виноградова Т.Н. Организация делопроизводства губернских административных учреждений Российской империи в первой половине XIX века: на материалах Олонецкой губернии: дис. ...канд. ист. наук. М., 2004. 214 с.
7. Гермизеева В.В. Годовые отчеты губернаторов и генерал-губернаторов: еще раз к вопросу о достоверности источника // Новое прошлое. 2021. № 1. С.236 — 245.
8. Дятлова Н.П. Отчеты губернаторов как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения. Л.: Наука, 1964. С. 227-246.
9. Кискидосова Т.А. Губернаторские отчеты как источник по изучению городского населения Восточной Сибири в 50 — 80-е гг. XIX века // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 50-53.
10. Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX — начала XX веков. М.: РОС-СПЭН, 2004. 503 с.
11. Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начало XX вв. М.: Наука, 1979. 294 с.
12. Лысенко Л.М. Генералы и генерал-губернаторы в системе власти дореволюционной России: дис. докт. ист. наук. М., 2001. 515 с.
13. Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892 — 19144 гг.): дис. ...докт. ист. наук. Самара, 2008. 869 с.
14. Магханова Н., Родигина Н. Образ Сибири в отчетах генерал-губернаторов второй половины XIX в. // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7. № 3. С. 835-850.
15. Минаков А.С. Развитие нормативной базы формуляра отчетов губернаторов России в первой половине XIX века // История государства и права. 2014. № 2. С. 28-32.
16. Минаков А.С. Отчеты губернаторов как канал «обратной связи» между провинциальной и верховной властью // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии. Российская академия наук, Поволжский филиал Института Российской истории РАН. Екатеринбург-Ижевск, 2010. С. 363-366.
17. Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам Черноземного центра России второй половины XIX — начала XX вв.): дис. ...докт. ист. наук.

Орел, 2011. 524 с.

18. Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX века: по материалам ежегодной статистики урожаяев европейской России. М.: Наука, 1974. 318 с.

19. Подоплелова Н.Н. Исследование организации делопроизводства губернских административных учреждений Российской империи (на материалах Пермской губернии конца XVIII – XX веков): автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 2013. 25 с.

20. Пономарева Е.Л. Всеподданейшие отчеты генерал-губернаторов как источник по истории Восточной Сибири (50-е — 80-е гг. XIX века) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-1. С. 112-115.

21. Пономарева Е.Л. Проблема определения достоверности всеподданейших отчетов генерал-губернаторов по управлению Восточной Сибирью // Наука и образование в XXI веке. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 34 частях. 2013. С. 103-104.

22. Русакова С.В. Эволюция системы документирования деятельности губернских учреждений XVIII – начала XIX вв. (по материалам Государственного архива Тверской области): автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 2006. 22 с.

23. Рыгалова М.В. Обзоры Российской империи как источник по истории образования (на примере областей Степного края и Туркестана) // Известия Алтайского государственного университета. 2021. № 2 (118). С. 66-70.

24. Семенова Н.Л. Губернаторские отчеты первой половины XIX века: источник информации или элемент бюрократической системы? // Новое прошлое. 2021. № 1. С. 226-235.

25. Улащик Н.Н. Отчеты губернаторов Литвы и Западной Белоруссии как исторический источник (1804-1861 гг.) // Проблемы источниковедения. Т. 9. Москва: Издательство академии наук СССР, 1961. С. 15-55.

26. Храпцов А.Б. Источники по истории городского самоуправления Тобольской губернии (последняя треть XIX – начало XX в.): дис. ...канд. ист. наук. Тюмень, 2007. 275 с.

27. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.3. Канцелярия Самарского гражданского губернатора. Оп.4. Д.3.

28. ЦГАСО. Ф.3. Оп.28. Д.11, 14-20.

29. ЦГАСО. Ф.3. Оп.28. Д.22.

30. ЦГАСО. Ф.3. Оп. 28. Д.33.

31. ЦГАСО. Ф.3. Оп. 30. Д. 12,13, 71.

32. ЦГАСО. Ф.3. Оп. 30. Д.44.

33. ЦГАСО. Ф.3. Оп. 30. Д.62.

33. ЦГАСО. Ф.3. Оп.30. Д.71.

34. ЦГАСО. Ф.3. Оп.30. Д.72.

35. ЦГАСО. Ф.3. Оп.31. Д.1,2, 33.

36. ЦГАСО. Ф.3. Оп.32. Д.2,22.

37. ЦГАСО. Ф.3. Оп.35. Д.10-12;

38. ЦГАСО. Ф.3. Оп.36. Д.2,3,18-20.

39. ЦГАСО. Ф.3. Оп.40. Д.1,15.

40. ЦГАСО. Ф.3. Оп.42. Д.1.

41. ЦГАСО. Ф.3. Оп.42. Д.51-56, 60, 63.

42. ЦГАСО. Ф.3. Оп.89. Д.1.

43. ЦГАСО. Ф.3. Оп.94. Д.1,2.

44. ЦГАСО. Ф.3. Оп.96. Д.1,14,21.

45. ЦГАСО. Ф.3. Оп.97. Д.1.

46. ЦГАСО. Ф.3. Оп.98. Д.1,2.

47. ЦГАСО. Ф.3. Оп.102. Д.1.

49. ЦГАСО. Ф.3. Оп.102. Д.18-20.

50. ЦГАСО. Ф.3. Оп.105. Д.1.

51. ЦГАСО. Ф.3. Оп.111. Д.26.

52. ЦГАСО. Ф.3. Оп.164. Д.69.

53. ЦГАСО. Ф.3. Оп.171. Д.61.

54. ЦГАСО. Ф.3. Оп.173. Д.124.

55. ЦГАСО. Ф.3. Оп.175. Д.73.

56. ЦГАСО. Ф.3. Оп.176. Д.1,2;

57. ЦГАСО. Ф.3. Оп.200. Д.1.

58. ЦГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.945.

59. Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-е — начале 80-х гг. XIX в. М.: Прометей, 1991. 218 с.
60. Янсон Ю.Э. Сравнительная статистика России и западноевропейских государств. М.: Наука, 1990.
61. Ярцев А.А. Губернаторские отчеты как источник по истории самоуправления в Российской империи // Калининградские архивы. 2015. № 12. С.12-15.

GOVERNOR'S POWER IN THE FINAL THIRD OF THE 19TH CENTURY (BASED ON SAMARA ARCHIVES)

The article deals with the complex groups of archive documents, formed during the activities of the governor's rule. A review of publications on the problems of source studies of the governor's administration in the post reformation period is given. The author describes the type and quantity of documents, their preservation, departmental affiliation, metadata used for search, and information value. The author reveals lexical gaps in the composition of archive fonds, caused by incomplete preservation of documents. The issues of archival heuristics, i.e., the location and ways of searching for documentary materials, were considered. The pool of documentary sources deposited in the Samara Regional Archive is characterized by systematicity; it allows to study the governor's rule from different "angles": staff composition, resource base, functional and informational connections, etc. An analysis of the administrative acts of the governor showed that the head of the region in his administrative function was, first of all, a "dispatcher" and controller of instructions (tasks, orders) of the central authorities. The documents issued by the governor on his own initiative made up a small (4-5%) part of the administrative documentation. The main (type-like) disadvantage of administrative documentation is depersonalization, i.e. small amount of information about the holders (subjects) of power. To minimize it, it is reasonable to use more actively the materials of governor's correspondence, which is close to the documents of personal origin by information characteristics.

Keywords: history of power, governor, retrospective documents, historiography, source criticism, record keeping, governor's reports, information value, Samara governorate.

References

1. Abkhazov A.Kh. (2020). Gubernatorskie otchety kak istochnik po izucheniyu politiko-pravovyh i social'no-ekonomicheskikh aspektov inkorporacii Yuzhnogo Kavkaza v sostav Rossijskoj imperii v seredine 40-h — pervoj polovine 60-h gg. XIX v. [Governor's Reports as a Source for the Study of Political, Legal, Social and Economic Aspects of the Incorporation of the South Caucasus Into the Russian Empire in the Middle 40's - First Half of the 60's of the XIX Century] // Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. 2020. № 6 (98). S. 210-216.
2. Aleksushin G.V. (2009). Razvitie gubernatorskoj vlasti v Rossii: opyt i uroki (1708-1917 gg.) [The Development of the Governor's Power in Russia: Experience and Lessons (1708-1917)]: dis. ...dokt. ist. nauk. M., 2009. 416 s.
3. Biktasheva A.N. (2011). Kazanskoe gubernatorstvo pervoj poloviny XIX veka: antropologiya vlasti [Kazan Governorship of the First Half of the 19th Century: Anthropology of Power]: dis. ...dokt. ist. nauk. Kazan, 2011. 544 s.
4. Blinov A.I. (1905). Gubernatory: istoriko-yuridicheskij ocherk [Governors: Historical and Legal Analytical Review]. St. Petersburg, 1905.
5. Brazhnikova A.I. (2013). Gubernatorskij otchet: izuchenie istochnika v otechestvennoj istoriografii [Governor's Report: Study of the Source in the National Historiography] // Vestnik Chelyabinskogo universiteta. 2013. №12. Vyp.55. S. 83-89.
6. Vinogradova T.N. (2004). Organizaciya deloproizvodstva gubernskih administrativnyh uchrezhdenij Rossijskoj imperii v pervoj polovine XIX veka: na materialah Oloneckoj gubernii [Organization of Records Management of the Provincial Administrative Institutions of the Russian Empire in the First Half of the XIX Century: on the Materials of the Olonets Province]: dis. ...kand. ist. nauk. M., 2004. 214 s.
7. Hermizeeva V.V. (2021). Godovye otchety gubernatorov i general-gubernatorov: еще раз к вопросу о достоверности источника [Annual Reports of Governors and Governors-General: Once Again to the Question of the Source Reliability] // Novoe proshloe. 2021. № 1. S. 236 — 245.
8. Dyatlova N.P. (1964). Otchety gubernatorov kak istoricheskij istochnik // Problemy arhivovedeniya i istochnikovedeniya [Governors' Reports as a Historical Source] // Problemy arhivovedeniya i istochnikovedeniya. L.: Nauka, 1964. S. 227-246.
9. Kiskidosova T.A. (2016). Gubernatorskie otchety kak istochnik po izucheniyu gorodskogo naseleniya Vostochnoj Sibiri v 50 — 80-e gg. XIX veka [Governor's Reports as a Source for the Study of the Urban Population of Eastern Siberia in 50 - 80-ies of the XIX century] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. №. 412. S. 50-53.
10. Kovalchenko I.D. (2004). Agrarnyj stroj Rossii vtoroj poloviny XIX — nachala XX vekov [Agrarian System of Russia in the Second Half of the 19th Century - the Beginning of the 20th Century]. M.: ROSSPAN, 2004. 503 s.
11. Litvak B.G. (1979). Ocherki istochnikovedeniya massovoj dokumentacii XIX — nachala XX vv [Essays on the Source Study of Mass Documentation]. M.: Nauka, 1979. 294 s.
12. Lysenko L.M. (2001). Generaly i general-gubernatory v sisteme vlasti dorevolucionnoj Rossii [Generals

And Governors-General in the Power System of Pre-Revolutionary Russia]: dis. ...dokt. ist. nauk. M., 2001. 515 s.

13. Lubichankovsky S.V. (2008). Gubernskaya administraciya i problema krizisa vlasti v pozdneimper-skoy Rossii (na materialah Urala, 1892 — 19144 gg.) [The Governorial Administration and the Problem of Power Crisis in Late Imperial Russia (on the Materials of the Urals, 1892 - 19144)]: dis. ...dokt. ist. nauk. Samara, 2008. 869 s.

14. Matkhanova N., Rodigina N. (2019). Obraz Sibiri v otchetah general-gubernatorov vtoroj poloviny XIX v. [The Image of Siberia in the Reports of the Governors-General of the Second Half of the XIX Century] // Quaestio Rossica. 2019. T. 7. № 3. S. 835-850.

15. Minakov A.S. (2014). Razvitie normativnoj bazy formulyara otchetov gubernatorov Rossii v pervoj polovine XIX veka [Development of the Normative Base of the Reports Form of the Governors of Russia in the First Half of the XIX Century] // Istoriya gosudarstva i prava. 2014. №. 2. S. 28-32.

16. Minakov A.S. (2010). Otchety gubernatorov kak kanal «obratnoj svyazi» mezhdru provincial'noj i verhovnoj vlast'yu [Governors' Reports as a Channel of "Feedback" Between the Provincial and Supreme Authorities] // Mestnoe upravlenie v poreformennoj Rossii: mekhanizmy vlasti i ih effektivnost'. Svodnye materialy zaochnoj diskussii. Rossijskaya akademiya nauk, Povolzhskij filial Instituta Rossijskoj istorii RAN. Ekaterinburg-Izhevsk, 2010.S. 363-366.

17. Minakov A.S. (2011). Gubernatorskij korpus i central'naya vlast': problema vzaimootnoshenij (po materialam Chernozemnogo centra Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv.) [Governor's Corps and the Central Government: the Problem of Relations (on the Materials of the Black Earth Center of Russia in the Second Half of the 19th - Early 20th Centuries)]: dis. ...dokt. ist. Nauk. Orel, 2011. 524 s.

18. Nifontov A.S. (1974). Zernovoe proizvodstvo Rossii vo vtoroj polovine XIX veka: po materialam ezhegodnoj statistiki urozhayev evropejskoj Rossii [Grain production in Russia in the second half of the 19th century: based on the annual statistics of harvests in European Russia]. M.: Nauka, 1974. 318 s.

19. Podoplelova N.N. (2013). Issledovanie organizacii deloproizvodstva gubernskih administrativnyh uchrezhdenij Rossijskoj imperii (na materialah Permskoj gubernii konca XVIII – XX vekov) [Investigation of the Organization of Records Management of the Provincial Administrative Institutions of the Russian Empire (on the Materials of the Perm Province, Late 18th - 20th Centuries)]: avtoref. dis. ...kand. ist. nauk. M., 2013. 25 s.

20. Ponomareva E.L.(2008). Vsepoddanejschie otchety general-gubernatorov kak istochnik po istorii Vostochnoj Sibiri (50-e — 80e gg. XIX veka) [Reports of the Most Loyal Governor-Generals as a Source for the History of Eastern Siberia (50th - 80th years. XIX century)] // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. №. 4-1. S. 112-115.

21. Ponomareva E.L. (2013). Problema opredeleniya dostovernosti vsepoddanejschih otchetov general-gubernatorov po upravleniyu Vostochnoj Sibir'yu [Problem of Reliability Determination of Reports of the Most Loyal Governor-Generals on Administration of East Siberia] // Nauka i obrazovanie v XXI veke. Sbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 34 chastyah. 2013. S. 103-104.

22. Rusakova S.V. (2006). Evolyuciya sistemy dokumentirovaniya deyatel'nosti gubernskih uchrezhdenij XVIII – nachala XIX vv. (po materialam Gosudarstvennogo arhiva Tverskoj oblasti) [Evolution of the System of Documentation Activities of Province Institutions in the 18th - the Beginning of the 19th Century (on the Materials of the State Archives of the Tver Region)]: avtoref. dis. ...kand. ist. nauk. M., 2006. 22 s.

23. Rygalova M.V. (2021). Obzory Rossijskoj imperii kak istochnik po istorii obrazovaniya (na primere oblastej Stepnogo kraja i Turkestana) [Reviews of the Russian Empire as a source on the history of education (on the example of the regions of the Steppe Territory and Turkestan)] // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. №. 2 (118). S. 66-70.

24. Semenova N.L. (2021). Gubernatorskie otchety pervoj poloviny XIX veka: istochnik informacii ili element byurokraticheskoy sistemy? [Governor's reports of the first half of the 19th century: a source of information or an element of the bureaucratic system?] // Novoe proshloe. 2021. №. 1. S. 226-235.

25. Ulashchik N.N. (1961). Otchety gubernatorov Litvy i Zapadnoj Belorussii kak istoricheskij istochnik (1804-1861 gg.) [Reports of the governors of Lithuania and Western Belarus as a historical source (1804-1861)] // Problemy istochnikovedeniya. T. 9. Moskva: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 1961. S. 15-55.

26. Khramtsov A.B. (2007). Istochniki po istorii gorodskogo samoupravleniya Tobol'skoj gubernii (poslednyaya tret' XIX – nachalo XX v.) [Sources on the History of Tobol'sk Province Municipal Autonomy (Final Third of XIX-Beginning of XX Century)]: dis. ...kand. ist. nauk, Tyumen, 2007. 275 s.

27. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Samarskoj oblasti [Central State Archive of the Samara Region] (CGASO). Foundation 3. Kancelyariya Samarsokgo grazhdanskogo gubernatora. Op.4. D.3.

28. CGASO. Foundation.3. Op.28. D. 11, 14-20.

29. CGASO. Foundation 3. Op.28. D. 22.

30. CGASO. Foundation 3. Op. 28. D. 33.

31. CGASO. Foundation 3. Op. 30. D. 12, 13, 71.
32. CGASO. Foundation 3. Op. 30. D. 44.
33. CGASO. Foundation 3. Op. 30. D. 62.
33. CGASO. Foundation 3. Op. 30. D. 71.
34. CGASO. Foundation 3. Op. 30. D. 72.
35. CGASO. Foundation 3. Op. 31. D. 1, 2, 33.
36. CGASO. Foundation 3. Op. 32. D. 2, 22.
37. CGASO. Foundation 3. Op. 35. D. 10-12;
38. CGASO. Foundation 3. Op.36. D. 2, 3, 18-20.
39. CGASO. Foundation 3. Op.40. D.1, 15.
40. CGASO. Foundation 3. Op.42. D. 1.
41. CGASO. Foundation 3. Op.42. D. 51-56, 60, 63.
42. CGASO. Foundation 3. Op. 89. D.1.
43. CGASO. Foundation 3. Op. 94. D.1, 2.
44. CGASO. Foundation 3. Op. 96. D.1, 14, 21.
45. CGASO. Foundation 3. Op. 97. D. 1.
46. CGASO. Foundation 3. Op. 98. D. 1, 2.
47. CGASO. Foundation 3. Op. 102. D.1.
49. CGASO Foundation 3. Op. 102. D. 18-20.
50. CGASO. Foundation 3. Op. 105. D. 1.
51. CGASO. Foundation 3. Op. 111. D. 26.
52. CGASO. Foundation 3. Op.164. D. 69.
53. CGASO. Foundation 3. Op. 171. D. 61.
54. CGASO. Foundation 3. Op. 173. D. 124.
55. CGASO. Foundation 3. Op. 175. D. 73.
56. CGASO. Foundation 3. Op. 176. D.1, 2.
57. CGASO. Foundation 3. Op. 200. D. 1.
58. CGASO. Foundation 3. Op. 233. D. 945.
59. Shumilov M.M. (1991). Mestnoe upravlenie i central'naya vlast' v Rossii v 50-e — nachale 80-h gg. XIX v. [Local government and central government in Russia in the 50s - early 80s XIX century]. M: Prometheus, 1991. 218 s.
60. Janson Y.E. (1990). Sravnitel'naya statistika Rossii i zapadnoevropejskikh gosudarstv [Comparative Statistics of Russia and Western European States]. Moscow: Nauka, 1990.
61. Yartsev A.A. (2015). Gubernatorskie otchety kak istochnik po istorii samoupravleniya v Rossijskoj imperii [Governor's Reports as a Source for the History of Autonomy in the Russian Empire] // Kaliningradskie arhivy. 2015. № 12. S.12-15.

Об авторах

Мякотин Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, Самарской национальный исследовательский университет им. ак. С.П. Королева, e-mail: andrey_mn_75@mail.ru

Кузьмин Владимир Юрьевич – доктор исторических наук, доцент, Самарской государственной медицинской университет, e-mail: k-socpolit@yandex.ru

Myakotin Andrey Alexandrovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Samara National Research University named after academician S.P. Korolev, e-mail: andrey_mn_75@mail.ru

Kuzmin Vladimir Yurievich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Samara State Medical University, e-mail: k-socpolit@yandex.ru

Пуневский Я.В., аспирант Московского государственного областного педагогического университета (Россия)

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЯРОСЛАВСКОГО КУПЕЧЕСТВА В ГОРОДСКОМ САМОУПРАВЛЕНИИ (1870–ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1914 ГОДА)

Статья посвящена анализу купеческой благотворительности в органах ярославского городского самоуправления в 1870 – 1914 годах. Автор выявляет социальный состав ярославской городской думы, подтверждая сложившееся в историографии представление о купеческом характере городских дум в России в рассматриваемый в работе период. В статье исследован персональный состав ярославской городской думы, изучение которого подтверждает представление о преимущественно купеческом социальном составе органов городского самоуправления в России. Автором рассмотрены капиталы как основная форма купеческой благотворительности в городском самоуправлении, способы их дарования и функционирования, а также основные инициативы и мероприятия ярославского купечества в этом направлении деятельности: открытие богаделен, домов призрения сирот, помощи бедным жителям города. Сделан вывод о взаимовыгодности сотрудничества ярославского городского самоуправления и купечества в сфере общественного призрения, а также о широком масштабе и разнообразии усилий предпринимателей в этой сфере, проведенных через городскую управу. Городскому бюджету, ограниченному в расходах, были необходимы благотворительные капиталы, а купечеству, стремившемуся к участию в общественной жизни, признание их как благотворителей, стремившихся к улучшению жизни низов города.

Ключевые слова: городское самоуправление, купечество, гласные, городская дума, городская управа, благотворительность, капиталы, общественное призрение.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-147-154

Введение

Целью настоящей работы является изучение благотворительной деятельности ярославского купечества в рамках органов городского самоуправления. Благотворительной деятельности российского купечества во второй половине XIX – начале XX века посвящены многочисленные исторические исследования [3, 41–42, 45]. Для получения целостной картины деятельности ярославского купечества в этой сфере имеющихся публикаций по этой теме недостаточно [44]. Поэтому, важно на конкретно-историческом материале показать возможности, которые давали органы городского самоуправления для благотворительной деятельности ярославского купечества и наиболее значимые примеры такой деятельности.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является деятельность ярославского купечества в сфере благотворительности, проводившаяся посредством органов городского самоуправления. Хронологические рамки исследования обусловлены сложившейся в отечественной историографии традицией комплексного рассмотрения самоуправления российских городов в 1870–первой половине 1914 года [43, с. 21, 47, с. 39]. Хронологические рамки начала исследования обусловлены введением в действие «Городового положения» 1870 года, а датировка окончания исследования – началом Первой мировой войны, знаменовавшейся общественным подъемом и осознанием необходимости перенесения на общество части государственных

функций. В основе исследования лежит анализ делопроизводственной документации органов ярославского городского самоуправления, а также периодической печати. В работе применялись историко-системный, хронологический и сравнительно-исторический методы.

Результаты и их обсуждение

Расширение прав городского самоуправления, вызванное реформой 1870 года, во многом способствовало активизации купеческой благотворительности. Рост благотворительной деятельности российского купечества в этой сфере стал частью магистрального процесса увеличения роли купечества в жизни городов в конце XIX века [30, с. 174]. В историографии существуют различные оценки купеческой благотворительности второй половины XIX–начала XX века. Некоторые авторы пишут о тесной связи истории купечества и истории городского самоуправления, в котором купечество играло ключевую роль [1, с. 81]. Исследуя изменение характера благотворительной деятельности российского купечества во второй половине XIX в. И.В. Антонович пишет о формировании в среде купечества к концу XIX в. «кагорты людей ярко выраженной гражданской направленности их общественной деятельности, с ясным пониманием своей роли в культурном и социальном развитии страны» [1, с. 141]. Другой исследователь, А.В. Османов, сделал акцент на материальных компонентах мотивации купеческой активности в благотворительной сфере: награды, медали, почетные звания [37, с. 300–301]. Среди иных причин акти-

визации благотворительной деятельности российского купечества историк называет: «возрастание значимости общественных установок, культуры, социума», по его наблюдению «совместные усилия на благотворительном поприще способствовали дальнейшему сближению этих людей (купцов), укрепляли их взаимное доверие и готовность к сотрудничеству» [37, с. 335].

С.И. Кубицкий, Л.Ф. Бабкина и А.В. Владова совершенно справедливо отмечают, что «правильное представление о мотивах купеческой благотворительности, да и вообще о моделях общественного поведения купечества, невозможно без осознания степени воздействия корпоративных организаций и корпоративного поведения купеческого сословия на поведение отдельного его представителя» [31, с. 69]. Атрибутом принадлежности к купеческому сословию становились добровольные пожертвования на благотворительные цели. Большую роль играла оценка обществом масштабов пожертвований [32, с. 209]. Например, уральские промышленники предпочитали заниматься благотворительными акциями в столицах, поскольку в этом случае общественный резонанс был больше [31, с. 71]. Во второй половине XIX века социальные аспекты благотворительности начинают доминировать над церковными, возрастает роль взаимной гражданской и социальной ответственности предпринимателей [4, с. 222; 21, с. 55]. Нам представляется, что необходимо комплексно оценивать мотивы купеческой благотворительности в изучаемый в нашей работе период, учитывая как материальные аспекты, так и социокультурные.

Бюджеты городских управ были скудными, а расходов, возложенных на городское самоуправление, было много: обязательных и необязательных. П.А. Попов и Б.А. Фирсов указывали на тот факт, что ни в одном городском законодательстве расходы города на содержание школ, больниц, богаделен ... не были отнесены к обязательным расходам самоуправления [39, с. 35]. В то же время, в соответствии с Городовым положением 1870 г. «обеспечение благосостояния городского населения, устройство благотворительных заведений» были по прямому указанию закона возложены на городское самоуправление [40, с. 823]. Купеческие капиталы, в этом смысле, могли компенсировать недостаток финансирования социальной сферы. Тем более, что органы городского самоуправления, получившие довольно существенные права после реформы 1870 года, представляли большой интерес для купечества, в среде которого созрели идеи гражданской активности и социальной ответственности. В результате такого «взаимовыгодного сотрудничества» купеческие

капиталы служили хорошим средством в реализации важных, социальных направлений деятельности, на которые не всегда хватало бюджетных средств [34, с. 49]. Тем более, что финансы, по выражению публицистов, считались «большим местом» городского самоуправления [19 с. 10; 20, с. 67]. Изучение бюджетов ярославской городской управы показывает, что за 1874–1912 гг. 10 из них было сведено с дефицитом [38].

Вложение купеческих капиталов в сферу благотворительности облегчал тот факт, что большую часть гласных городских дум составляло купечество. В отечественной историографии господствует убеждение о преобладании купечества в городском самоуправлении [48, с. 27; 36, с. 96]. По приведенным В.А. Нардовой обобщенным данным доля купцов в городских думах России составляла в 1871–1914 гг. от 30 до 70,2 % [35, с. 70]. Архивный материал позволяет уточнить данные В.А. Нардовой применительно к ярославской городской думе. Анализ списков гласных показывает, что за 1781–1913 гг. доля купцов в ярославской думе варьировалась от 41,25 до 69,23 %¹. Целые купеческие фамилии были гласными думы. Например, династия купцов Вахромеевых [49, с. 175]. Некоторые гласные купеческого сословия десятилетиями заседали в ярославской городской думе. Однако, из этого совсем не следует вывод о «засилии» отдельных купеческих семей. Состав гласных думы за некоторые четырехлетия менялся весьма значительно. За 1871–1913 гг. в целом состав гласных городской думы обновлялся на 26–75 %.

Большую роль в деятельности ярославского городского самоуправления играли городские головы, которые были известными предпринимателями купеческого происхождения: А.И. Вахромеев, Д.И. Чистяков, Р.И. Кокуев, И.Н. Соболев. О значении городского головы в системе городского самоуправления говорит тот факт, что И.А. Вахромеев по данным на 26 февраля 1906 г. занимал 12 должностей «безвозмездно» [14, л. 40–40об.].

Если обратиться к персональному составу гласных ярославской городской думы: купцы Д.И. Чистяков и А.И. Вахромеев и П.А. Ерыкалов были гласными городской думы с 1875 по 1905 г. (за исключением четырехлетия 1883–1886 гг.), кроме того Д.И. Чистяков был городским головой в 1906–1908 гг., а И.А. Вахромеев в 1881–1887 и 1897–1905 гг. [33]. Среди других сторожил ярославской городской думы следует назвать купцов: А.Г. Лопатина (1879–1913 гг.), Я.С. Лопатина (1879–1913 гг.), П.А. Долганова (1883–1905 гг.), А.А. Белова (1887–1913 гг.), А.П. Крылова (1891–1909 гг.) и целый ряд других гласных.

Ярославское купечество имело богатые традиции благотворительности. Крупные суммы

жертвовали купцы из семейств Вахромеевых, Дунаевых и Друженковых. Во второй половине XIX в. благотворительная деятельность в Ярославле активизируется. По данным В.Б. Успенского, М.В. Мазаевой и П.А. Шиханова за период с 1860 по 1890 гг. число благотворительных обществ в городе возросло более чем в два раза [44, с. 190].

Одной из форм благотворительной деятельности ярославского купечества было вложение капиталов в городской общественный банк под проценты, выплаты из которых тратились на благотворительные цели. В 1872 г. внимание ярославских обывателей привлекло пожертвование купца Н.Ф. Сорокина в размере 6000 р., внесенных в городской общественный банк под проценты, с тем, чтобы доходы от этого капитала выдавались «бедным ярославцам перед рождеством и пасхой» [51]. Важным учреждением общественного призрения был Соболевский дом призрения сирот, открытый согласно прошению предпринимательницы П.А. Соболевой 2 сентября 1877 г. Управление Соболевским домом призрения осуществляли совместно попечительница (П.А. Соболева), совет дома и городская управа. Звание попечительницы принадлежало П.А. Соболевой пожизненно с правом назначения своей преемницы [24, с. 214]. В приют принимались «беднейшие сироты женского пола» с возраста пяти лет [6, л. 4об.].

В июле 1883 г. в Ярославле была открыта вторая богадельня, финансируемая городским общественным управлением. Для устройства богадельни И.А. Вахромеев отдал собственный дом на Семеновском съезде [2, с. 38]. В богадельне призревалось 20 человек. Надзирательнице богадельни назначалось содержание и предоставлялась готовая бесплатная квартира в помещении богадельни. Призреваемым предоставлялось «право заниматься работой в свою пользу, но, только не нарушая чистоты и спокойствия заведения». Содержание богадельни обеспечивалось процентами с капитала 20 000 рублей, пожертвованного ее учредителем, хотя при входе в богадельню имелась традиционная кружка для сбора добровольных пожертвований [25, с. 286–287]. Ф.Е. Вахромеев также пожертвовал на содержание богадельни имени А.И. Вахромеева небольшой капитал [29, с. 307].

Благотворительным вкладом, который могли использовать в городской управе, был вклад купца Н.Н. Понизовкина, полученный 1 мая 1889 года. Он состоял из: 1). 100 000 р. в неприкосновенный капитал на нужды г. Ярославля, 2). 10000 рублей в капитал на богадельню г. Ярославля, 3). 5000 рублей в капитал на ночлежные дома г. Ярославля, 4). 10 000 рублей в комитет для призрения неимущих для оказания помощи «преимущественно бедным чиновникам и

семействам их» [9, л. 1]. Из приведенных данных видно – это было весьма крупное пожертвование, охватившее в своей целевой направленности практически все существовавшие в городе сферы общественного призрения.

В 1899 г. гласный городской думы купец Д.А. Друженков подарил городу двухэтажный дом на Духовской улице для помещения детского приюта, который он считал нужным учредить, а также капитал 75 000 рублей [11, л. 1–1об.]. В результате, городским общественным управлением был учрежден сиротский дом, названный в честь Д.А. и А.Н. Друженковых. По завещанию предпринимательницы Е.П. Соболевой в сиротский дом имени Д.А. и А.Н. Друженковых был направлен капитал в размере 3000 рублей [15, л. 2]. В 1905 г. решением ярославской городской думы сиротский дом им. Д.А. и А.Н. Друженковых был не только полностью освобожден от взыскания оценочного сбора в пользу города, но также, органы городского самоуправления взяли на себя расходы по оплате казенного налога [11, л. 4.].

Знаменитый городской голова И.А. Вахромеев в своем завещании также уделил значительное место благотворительности. В частности, 10 000 р. он назначил для учреждения трех стипендий в Александровском приюте, 10 000 р. в качестве неприкосновенного капитала в комитет призрения неимущих, 10 000 р. на учреждение трех стипендий в приют имени Н.А. Горяинова, 5000 р. на содержание одной кровати в детской больнице, 4000 р. на содержание одной кровати в глазной лечебнице, 3000 р. на содержание призреваемых в Леонтьевской богадельне сверх установленной нормы [16, л. 1–2об.]. Другой представитель большого купеческого рода Вахромеевых Ф.Е. Вахромеев в 1909 г. 2200 р. положил на «вечный вклад в пользу Городского убежища для внебрачных детей» [17, л. 1]. Половина процентов с пожертвованного Ф.Е. Вахромеевым капитала могла расходоваться на «необязательные расходы», по усмотрению думы, а другая половина – для увеличения вклада должна была вноситься в государственную сберегательную кассу и при накоплении 1000 р. обращаться в казначейские билеты на вечный вклад, который также мог быть потрачен по усмотрению городского самоуправления.

1 января 1899 года ярославский купец А.Н. Горяинов предоставил дом для учреждения в городе Дома Трудолюбия в память спасения императора 17 октября 1888 г., которое стало возможным благодаря пожертвованиям жителей г. Ярославля, по большей части купечества [8, л. 1об.]. Персональный состав жертвователей можно отчасти установить по делопроизводственной документации ярославской городской управы [18, л. 4.]. В

том же году Е.Я. Пастухова предоставила находящееся в ее собственности помещение для сиротского ночлежного отделения при приюте Н.А. Горяинова, который содержался при Доме трудолюбия. Приют был открыт благодаря пожертвованиям ярославского купечества, однако в дальнейшем финансировался комитетом для призрения немощных, который состоял в ведении Министерства внутренних дел. Здание было довольно вместительным, вдвое превышающим по размерам уже существующее помещение приюта. Более того Е.Я. Пастухова снабдила помещение мебелью, утварью и хозяйственными принадлежностями для детей [10, л. 1–2]. Приют, находившийся под контролем городского самоуправления, содержал и купец А.Д. Топленинов [23, с. 170–171].

Стоит отметить благотворительную деятельность купца К.П. Коренева, неоднократно бывшего гласным ярославской городской думы. Так, в 1880 г. К.П. Коренев по соглашению с городской управой отпускал муку по уменьшенной цене бедным жителям [7, л. 1]. Городская управа занималась раздачей специальных билетов для получения хлеба из лавки Коренева. Общая сумма пожертвования Коренева составила 3600 рублей [7, л. 4].

Щедрое пожертвование на благотворительные цели сделала Е.Я. Дунаева [13, л. 1–4]. Купец А.Д. Топленинов внес благотворительный капитал на содержание Николаевского детского приюта [5, л. 5]. В 1887 г. было разрешено сделать пристройку к зданию Леонтьевской богадельни на пожертвованные К.Н. Огняновым средства [26, с. 81]. В 1888 г. поступил еще ряд пожертвований на расширение Леонтьевской богадельни [27, с. 138]. Пожертвования И.С. Соболева, сделанные им в течение всей жизни, составили 20 000 рублей [50]. В 1910 г. за счет купца Л.А. Карпычева была обустроена ограда и скамейки для общего пользования на Ильинской площади [12, л. 1–15].

Хорошим примером совместной деятельности общественности под начальством городского самоуправления в сфере общественного призрения была организация гуляний при Казанском бульваре доходы от проведения которых пошли в пользу бедных города Ярославля и погорельцев города Любима. Гуляние состоялось 6 августа 1897 года. Проведение мероприятия стало возможным лишь благодаря протекции купеческой части гласных, которые обладали широким кругом знакомств

и смогли привлечь к бесплатному, благотворительному участию в мероприятии большое количество лиц и организаций: оркестр одного из Гренадерских полков, оркестр и хор певчих фабрики ЯБМ, хоры Власьевских и Предтеченских певчих, артист Ф.Ф. Молодцев и другие.

Некоторые современники упрекали купечество в ярославской городской думе за то, что оно недостаточно было вовлечено в проблемы городских жителей [46, с. 89]. Напротив, о заинтересованности ярославского купечества в развитии социальной сферы говорит тот факт, что ряд вопросов вызывал активные споры в городской думе. Например, 17 апреля 1903 г. дума обещала помочь материально правлению общества трудовой помощи в содержании лечебницы для алкоголиков в г. Ярославль [28, с. 76–79]. Вопрос вызвал споры в здании городской думы. Д.И. Чистяков выступал против, так как излечиваются немногие, а затраты на это были бы «совершенно непроизводительным расходом за счет бедных и многодетных тружеников – горожан, плательщиков городских налогов». Целый ряд гласных возразил Д.И. Чистякову, отстаивая необходимость открытия лечебницы [28, с. 79].

Заключение (выводы)

Органы городского самоуправления, наделенные согласно реформе 1870 г. обязанностью участвовать в деятельности по общественному призрению, были хорошим местом вложения благотворительных капиталов купечества, все более стремившегося к участию в общественной жизни. Использование купеческих капиталов было выгодно и для городского самоуправления, ограниченного в доходной части городского бюджета. Кроме того, ярославская городская дума была преимущественно купеческой и сами благотворители часто были гласными городской думы. Изучение благотворительной деятельности ярославского купечества в органах городского самоуправления показало ее разнообразный характер и широкий масштаб. Такая деятельность состояла из пожертвования процентов с банковских вкладов на благотворительные цели, открытия учреждений общественного призрения за свой счет с последующей их передачей в ведение городской управы, организации народных платных народных гуляний в благотворительных целях и других форм.

Список литературы

1. Антонович И.В. Благотворительность в российском обществе: история и современность: учебное пособие. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2005. 134 с.
2. Велитченко Н.С. Деятельность И.А. Вахромеева на посту городского головы в 1881–1887 гг. // VIII Золотаревские чтения: тезисы докладов научной конференции (16–17 октября 2000 г.). К 90-летию Рыбинского музея. Рыбинск: Рыбинское подворье, Рыбинский музей-заповедник, 2000. 179 с.
3. Верещагин А.С. Хайрtdинов Р.Х. История российского предпринимательства: от истоков до

начала XX века: учебное пособие. Уфа, Изд-во УГНТУ, 2009. 245 с.

4. Гаврилина Н.А. Благотворительность в России как фактор социальной стабилизации условиях рыночных трансформаций в XVII – XIX веках. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2014. 117 с

5. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 41.

6. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 184.

7. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 185.

8. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 903.

9. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 904.

10. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 907.

11. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 911.

12. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 1043.

13. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 1102.

14. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 1115.

15. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 1336.

16. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 1338.

17. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 1339.

18. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 3151.

19. Городское дело. 1909. № 1.

20. Городское дело. 1914. № 2.

21. Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века. М.: РОССПЭН, 2007. 298 с.

22. Ермашов М.Н. Благотворительная деятельность воронежского купечества во второй пол. XIX – начале XX вв. // Научные труды преподавателей и студентов исторического факультета. Вып.3. Воронеж: ВГПУ, 2008. С. 79–86

23. Журналы Ярославской городской думы за 1873 год. Ярославль: изд-во Ярославской городской управы, 1874. 301 с.

24. Журналы Ярославской городской думы за 1877 год. Ярославль: изд-во Ярославской городской управы 1878. 348 с.

25. Журналы Ярославской городской думы за 1883 год. Ярославль: изд-во Ярославской городской управы, 1884. 312 с.

26. Журналы Ярославской городской думы за 1887 год. Ярославль: изд-во Ярославской городской управы, 1888. 223 с.

27. Журналы Ярославской городской думы за 1888 год. Ярославль: изд-во Ярославской городской управы, 1889. 356 с.

28. Журналы Ярославской городской думы 1903 год. Ярославль: изд-во Ярославской городской управы, 1904. 296 с.

29. Журналы Ярославской городской думы за 1906 год. Ярославль: изд-во Ярославской городской управы 1907. 468 с.

30. Исаева А.А. Купечество в системе городского самоуправления во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Самарской и Симбирской губернии). дисс. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2010. 226 с.

31. Кубицкий С.И. Благотворительность: теория, история, современность: Монография. Челябинск: Фотохудожник, 2005. (ООО Фотохудожник), 2005. 159 с.

32. Кузнецова О.А. Культурный облик российской провинциальной буржуазии в XIX–начале XX века: (на материалах Верхнего Поволжья). Иваново: Ивановская гос. текстильная акад., 2006. 299 с.

33. Марасанова В.М. Городские головы Ярославля: [электронный ресурс]. URL: <https://yarwiki.ru/article/1216/gorodskie-golovy-yaroslavlya> (дата обращения 08.04.2022)

34. Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Наука: Санкт-Петербург. изд. Фирма, 1994. 157 с.

35. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х–начале 90-х годов XIX в: правительственная политика Ленинград: Наука, 1984. 257 с.

36. Нигаметзинов Ф.Ф. Татарское купечество Казанской губернии (конец XIX–начало XX вв.). дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2004. 268 с.

37. Османов А.И. Петербургское купечество в последней четверти XVIII – начале XX века: Монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. 363 с.

38. Отчеты Ярославской городской управы за 1874–1912 годы. Ярославль: изд-во Ярославской городской управы, 1874–1912.

39. Попов П.А. Фирсов Б.А. Старый Воронеж. Из истории городского быта XVIII–XX веков. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2013. 324 с.
40. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. 12 декабря 1825— 28 февраля 1881 гг. В 129 т. Т. 45. Отделение 1. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1874. 897 с.
41. Соколов А.Р. Российская благотворительность. Исторические исследования []. СПб.: Гиперион, 2005. 223 с.
42. Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX вв.). автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Санкт-Петербург, 2006. 41 с.
43. Судавцов Н.Д. Земское и городское самоуправление в России в годы Первой мировой войны М.: Ставрополь, 2001. 718 с.
44. Успенский Б.В. Мазаева М.В. Шиханов П.А. Из истории благотворительности и меценатства в ярославском крае // Ярославский педагогический вестник. 2004. С. 185–191
45. Холостова Е.И. Социальная работа: история, теория и практика: учебник, М.: изд-во Юрайт, 2011. 905 с.
46. Чехов, С.М. О семье Чеховых М.П. Чехов в Ярославле. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1970. 224 с.
47. Чудаков О.В. Городское самоуправление Сибири в годы Первой мировой войны, период социальных катаклизмов (июль 1914–первая половина 1918 гг.). Омск: изд-во Омского гос. ун-та, 2013. 422 с.
48. Шумилов М.М. Новгородское городское самоуправление в 60–80-е гг. XIX века // Местное самоуправление в России: история и современность: материалы региональной научно-практической конференции. Новгород, 1997. С.25–30.
49. Энциклопедия Ярославского края с древнейших времен до 1917 г. Антология. Ярославль: ЯрИнвестПроект, 2009. 239 с.
50. Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. 1873. № 31.
51. Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. 1873. № 2

CHARITABLE ACTIVITY OF THE Yaroslavl MERCHANTS IN THE CITY GOVERNMENT (1870-THE FIRST HALF OF 1914)

The article is devoted to the analysis of merchant charity in the bodies of Yaroslavl city self-government in 1870-1914. The author reveals the social composition of the Yaroslavl City Duma, confirming the idea that has developed in historiography about the merchant character of the city duma in Russia in the period considered in the work. The paper examines the personal composition of the Yaroslavl City Duma, concludes about the presence in the Duma of entire dynasties of merchant families of the city. The author considers capitals as the main form of merchant charity in the city government, the ways of their gift and functioning, as well as the main initiatives and activities of the Yaroslavl merchants in this area of activity: the opening of almshouses, orphanages, assistance to poor residents of the city. The conclusion is made about the mutually beneficial cooperation of Yaroslavl city self-government and merchants in the field of public charity, as well as about the wide scale and diversity of entrepreneurs' efforts in this area conducted through the city council. The city budget, limited in expenditures, needed charitable capital, and the merchants, who sought to participate in public life, recognition of them as benefactors who sought to improve the lives of the lower classes of the city.

Keywords: city self-government, merchants, vowels, city Duma, city council, charity, capital, public charity

References

1. Antonovich I.V. (2005) *Blagotvoritel'nost' v rossiiskom obshchestve: istoriia i sovremennost': uchebnoe posobie* [Charity in Russian Society: History and Modernity: textbook]. Barnaul: izd-vo Alt. un-ta, 134 p.
2. Velitchenko N.S. (2000) *Deiatel'nost' I.A. Vakhromeeva na postu gorodskogo golovy v 1881– 1887 gg.* [I.A. Vakhromeev's activity as mayor in 1881 – 1887.] // VIII Zolotarevskie chteniia: tezisy dokladov nauchnoi konferentsii (16–17 oktiabria 2000 g.). K 90-letiiu Rybinskogo muzeia. Rybinsk: Rybinskoe podvor'e, Rybinskii muzei-zapovednik,. 179 p.
3. Vereshchagin A.S. (2009) *Khairtdinov R.Kh. Istoriia rossiiskogo predprinimatel'stva: ot istokov do nachala XX veka: uchebnoe posobie* [The history of Russian entrepreneurship: from the origins to the beginning of the XX century: textbook]. Ufa, Izd-vo UGNTU, 245 p.
4. Gavrilina N.A. (2014) *Charity in Russia was considered as a factor of social stabilization in the conditions of market transformations in the XVII – XIX centuries* [Charity in Russia as a factor of social stabilization in the conditions of market transformations in the XVII – XIX centuries]. Tula: Publishing House of TSPU named after L. N. Tolstoy, 117 p.
5. GAIaO. F. 509. Op. 1.1. D. 41.
6. GAIaO. F. 509. Op. 1.1. D. 184.

7. GAIaO. F. 509. Op. 1.1. D. 185.
8. GAIaO. F. 509. Op. 1.1. D. 903.
9. GAIaO. F. 509. Op. 1.1. D. 904.
10. GAIaO. F. 509. Op. 1.1. D. 907.
11. GAIaO. F. 509. Op. 1.1. D. 911.
12. GAIaO. F. 509. Op. 1.1. D. 1043.
13. GAIaO. F. 509. Op. 1.1. D. 1102.
14. GAIaO. F. 509. Op. 1.1. D. 1115.
15. GAIaO. F. 509. Op. 1.1. D. 1336.
16. GAIaO. F. 509. Op. 1.1. D. 1338.
17. GAIaO. F. 509. Op. 1.1. D. 1339.
18. GAIaO. F. 509. Op. 1.1. D. 3151.
19. Gorodskoe delo. 1909. № 1.
20. Gorodskoe delo. 1914. № 2.
21. Grazhdanskaia identichnost' i sfera grazhdanskoi deiatel'nosti v Rossiiskoi imperii. Vtoraia polovina XIX – nachalo XX veka (2007) [Civil identity and the sphere of civil activity in the Russian Empire. The second half of the XIX – the beginning of the XX century]. M.: ROSSPEN, 298 p.
22. Ermashov M.N. (2008) Blagotvoritel'naia deiatel'nost' voronezhskogo kupechestva vo vtoroi pol.XIX –nachale XX vv. [Charitable activity of Voronezh merchants in the second half of the XIX –early XX centuries.] // Nauchnye trudy prepodavatelei i studentov istoricheskogo fakul'teta. [Scientific works of teachers and students of the Faculty of History] Vyp.3. Voronezh: VGPU, S. 79–86.
23. Zhurnaly Iaroslavskoi gorodskoi dumy za 1873 god (1874) [Journals of the Yaroslavl City Duma for 1883]. Iaroslavl': izd-vo Iaroslavskoi gorodskoi upravly, 301 p.
24. Zhurnaly Iaroslavskoi gorodskoi dumy za 1877 god (1878) [Journals of the Yaroslavl City Duma for 1883]. Iaroslavl': izd-vo Iaroslavskoi gorodskoi upravly, 348 p.
25. Zhurnaly Iaroslavskoi gorodskoi dumy za 1883 god (1884) [Journals of the Yaroslavl City Duma for 1883.]. Iaroslavl': izd-vo Iaroslavskoi gorodskoi upravly, 312 p.
26. Zhurnaly Iaroslavskoi gorodskoi dumy za 1887 god (1888) [Journals of the Yaroslavl City Duma for 1883]. Iaroslavl': izd-vo Iaroslavskoi gorodskoi upravly, 223 p.
27. Zhurnaly Iaroslavskoi gorodskoi dumy za 1888 god (1889) [Journals of the Yaroslavl City Duma for 1883]. Iaroslavl': izd-vo Iaroslavskoi gorodskoi upravly, 356 p.
28. Zhurnaly Iaroslavskoi gorodskoi dumy 1903 god (1904) [Journals of the Yaroslavl City Duma for 1883]. Iaroslavl': izd-vo Iaroslavskoi gorodskoi upravly. 296 p.
29. Zhurnaly Iaroslavskoi gorodskoi dumy za 1906 god (1907) [Journals of the Yaroslavl City Duma for 1883]. Iaroslavl': izd-vo Iaroslavskoi gorodskoi upravly, 468 p.
30. Isaeva A.A. (2010) Kupechestvo v sisteme gorodskogo samoupravleniia vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka (na materialakh Samarskoi i Simbirskoi gubernii) [Merchants in the system of city self-government in the second half of the XIX - early XX century (based on the materials of the Samara and Simbirsk provinces).], diss. ... kand. ist. nauk. Orenburg, 226 s.
31. Kubitskii S.I. (2005) Blagotvoritel'nost': teoriia, istoriia, sovremennost': Monografiia. [Charity: Theory, History, Modernity: Monograph.]. Cheliabinsk: Fotokhudozhnik, 2005 (OOO Fotokhudozhnik), 159 p.
32. Kuznetsova O.A. (2006) Kul'turnyi oblik rossiiskoi provintsial'noi burzhuazii v XIX-nachale XX veka: (na materialakh Verkhnego Povolzh'ia) [The cultural image of the Russian provincial bourgeoisie in the XIX-early XX century: (based on the materials of the Upper Volga region)]. Ivanovo: Ivanovskaia gos. tekstil'naia akad, 299 p.
33. Marasanova V.M. Gorodskie golovy Iaroslavlia [Mayors of Yaroslavl]: [elektronnyi resurs]. URL: <https://yarwiki.ru/article/1216/gorodskie-golovy-yaroslavlya> (data obrashcheniia 08.04.2022).
34. Nardova V.A. (1994) Samoderzhavie i gorodskie dumy v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. [Autocracy and City councils in Russia in the late XIX – early XX centuries]. St. Petersburg.: Nauka: Sankt-Peterburg. izd. Firma, 157 p.
35. Nardova V.A. (1984) Gorodskoe samoupravlenie v Rossii v 60-kh–nachale 90-kh godov XIX v: pravitel'stvennaia politika [Urban Self-government in Russia in the 60s–early 90s of the XIX century: government policy] Leningrad: Nauka, 257 p.
36. Nigametzinov F.F. (2004) Tatarskoe kupechestvo Kazanskoi gubernii (konets XIX–nachalo XX vv.) [Tatar merchants of Kazan province (late XIX–early XX centuries)]. diss. ... kand. ist. nauk. Kazan', 268 p.
37. Osmanov A.I. (2005) Peterburgskoe kupechestvo v poslednei chetverti XVIII – nachale XX veka: Monografiia [St. Petersburg merchants in the last quarter of the XVIII – early XX century: Monograph]. SPb.:

Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 363 p.

38. Otchety Iaroslavskoi gorodskoi upravy za 1874–1912 gody [Reports of the Yaroslavl City Council for 1874–1912]. Iaroslavl': izd-vo Iaroslavskoi gorodskoi upravy, 1874–1912.

39. Popov P.A. Firsov B.A. (2003) Staryi Voronezh. Iz istorii gorodskogo byta XVIII–XX vekov [Old Voronezh. From the history of urban life of the XVIII–XX centuries]. Voronezh: Tsentri dukhovnogo vrozhdeniia Chernozemnogo kraia, 324 p.

40. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Vtoroe (1874) [The complete collection of laws of the Russian Empire. The Second Meeting]. 12 dekabria 1825— 28 fevralia 1881 gg. V 129 t. T. 45. Otdelenie 1. SPb.: Tip. II Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii, 897 p.

41. Sokolov A.R. (2005) Rossiiskaia blagotvoritel'nost'. Istoricheskie issledovaniia [Russian charity. Historical research]. St. Petersburg: Giperion, 223 p.

42. Sokolov A.R. (2006) Blagotvoritel'nost' v Rossii kak mekhanizm vzaimodeistviia obshchestva i gosudarstva (nachalo XVIII – konets XIX vv.) [Charity in Russia as a mechanism of interaction between society and the state (early XVIII – late XIX centuries)]. avtoref. diss. ... d-ra ist. nauk. Sankt-Peterburg, 41 p.

43. Sudavtsov N.D. (2001) Zemskoe i gorodskoe samoupravlenie v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny [Zemstvo and city self-government in Russia during the First World War] M.: Stavropol', 718 p.

44. Uspenskii B.V. Mazaeva M.V. Shikhanov P.A. (2004) Iz istorii blagotvoritel'nosti i metsenatstva v iaroslavskom krae [From the history of charity and patronage in the Yaroslavl region] // Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik. S. 185–191.

45. E. Kholostova. I. (2011) Social work: History, theory and practice: Textbook [Social work: History, theory and practice: textbook]. Moscow: Yurayt Publishing House, 905 p.

46. Chekhov, S.M. (1970) O sem'e Chekhovykh M.P. Chekhov v Iaroslavle [About the Chekhov family M.P. Chekhov in Yaroslavl]. Iaroslavl': Verkh.-Volzh. kn. izd-vo, 224 p.

47. Chudakov O.V. (2013) Gorodskoe samoupravlenie Sibiri v gody Pervoi mirovoi voiny, period sotsial'nykh kataklizmov (iiul' 1914–pervaia polovina 1918 gg.) [Urban self-government of Siberia during the First World War, the period of social cataclysms (July 1914–the first half of 1918)]. Omsk: izd-vo Omskogo gos. un-ta, 422 p.

48. Shumilov M.M. (1997) Novgorodskoe gorodskoe samoupravlenie v 60–80-e gg. XIX veka [Novgorod city self-government in the 60–80s of the XIX century] // Mestnoe samoupravlenie v Rossii: istoriia i sovremennost': materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Novgorod. S. 25–30.

49. Entsiklopediia Iaroslavskogo kraia s drevneishikh vremen do 1917 g. Antologiia (2009) [Encyclopedia of the Yaroslavl region from ancient times to 1917. Anthology]. Iaroslavl': IarInvestProekt, 239 p.

50. Iaroslavskie gubernskie vedomosti. Chast' ofitsial'naia [Yaroslavl provincial vedomosti. The official part]. 1873. № 31.

51. Iaroslavskie gubernskie vedomosti. Chast' ofitsial'naia [Yaroslavl provincial vedomosti. Official part]. 1873. № 2.

Об авторе

Пуневский Ярослав Викторович – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени факультета истории, политологии и права Московского государственного областного педагогического университета (Россия). Email: moskva221090an@gmail.com

Punevsky Yaroslav Viktorovich – post-graduate student of the Department of the History of Russia of the Middle Ages and Modern Times of the Faculty of History, Political Science and Law of the Moscow State Regional Pedagogical University (Russia). Email: moskva221090an@gmail.com

Турыгин А.А., кандидат исторических наук, доцент, Костромской государственной университет (Россия)

ПАНГЕРМАНИЗМ: НЕГЕРМАНСКИЙ ВЗГЛЯД НА ГЕРМАНСКУЮ ПРОБЛЕМУ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВВ.

В статье речь идёт об оценках и интерпретациях пангерманизма в трудах историков и публицистов начала XX в. Их объединяло негерманское происхождение и стремление представить пангерманизм как целостное явление национального и общеевропейского характера. Интерес историков к Германии связывается с активизацией её внешней политики и началом Первой мировой войны. Пангерманизм рассматривается как идеология национализма, общественное движение и внешняя политика правительства Германской империи в эпоху Вильгельма II (1888-1918). Французские, английские и американские учёные, опубликовавшие свои работы в канун Первой мировой войны, стремятся на основании доступных им источников понять причины пангерманизма, условия его возникновения и характер влияния на ход европейской истории. Автор акцентирует внимание на интуитивном характере интерпретаций пангерманизма, обращаясь к понятию «дистанционное видение», взятому из аналитической психологии начала XX в. На этом основании можно предположить, что попытки осмыслить пангерманизм в большей степени определялись личным опытом, политическими пристрастиями и характером развития дипломатических отношений между странами, чем научной необходимостью. Тем не менее, на примере французской историографии первой четверти XX в. рассматривается опыт объективного научного анализа германской истории (Ш. Андлер, А. Лихтенбергер) и создания французской школы германистики. В научный оборот вводятся опубликованные, но ранее не переведённые на русский язык тексты зарубежных историков.

Ключевые слова: пангерманизм, идеология, национализм, историография, историческая германистика, интеллектуалы, Первая мировая война, публицистика, империализм.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-155-162

Введение

Новые ориентиры внешней политики Германии в сторону усиления её влияния на международные отношения и защиты колониальных интересов, наметившиеся сразу после отставки канцлера О. Бисмарка (1815-1898), нашли живой отклик в немецком обществе. Поддержку правительству Вильгельма II (1859-1941) стала оказывать так его часть, которая всё более решительно требовала активного участия Германии в конкурентной борьбе народов за «место под солнцем» и защиты национальных интересов, которые чаще соотносились с идеями «мирового германства», чем с внутривнутриполитическим единством. Возникновение представлений о всеобщем германском единстве было вызвано убеждением в незавершённости национального строительства в 1871 г. и необходимостью обеспечения имперской идентичности германской нации, идеи которого стала развивать та часть немецкого общества, которую можно охарактеризовать понятием «альянса интеллигенции и олигархии» (*Bildung und Besitz*). Пангерманизм, сопровождавшийся стремлением к территориальной и экономической экспансии (*Weltpolitik*), которая должна была привести к созданию германской колониальной империи в ответ на британский и французский империализм, стал идеологией этого альянса. В то же время работы английских, австрийских и французских теоретиков расизма, антисемитизма, социал-дарвинизма и экспансионизма (Ф. Гальтон, М. Грант, Э. Готье, Ж. А. де Гобино, Х. С. Чемберлен), придавшие пангерманизму новые импульсы, не позволяют рассматривать

пангерманизм исключительно как феномен немецкой национальной истории, напротив, его понимание становится возможным в общеевропейском контексте. Осознавая это, европейские и американские историки конца XIX – начала XX вв. приложили немало усилий, чтобы воздержаться от субъективных оценок и понять природу пангерманизма с научной точки зрения.

Объекты и методы исследования

Одним из центральных понятий аналитической психологии Карла Густава Юнга (1875-1961) является понятие «дистанционного видения». Под ним у швейцарского психолога, основные труды которого были написаны в первую половину XX в., понимается особенность восприятия, не доступная вследствие удалённости в пространстве или времени, пяти основным органам чувств (интуитивное восприятие) [6, с. 2; 15]. В настоящей статье, объектом которой является такое сложное явление, как пангерманизм, использование понятия К. Г. Юнга кажется наиболее уместным, так как речь пойдёт о современниках, желавших понять и объяснить это явление.

Осмысление пангерманизма современниками было характерно не только для самой Германии, где уже в начале XX в. существовала официально опубликованная версия истории «Пангерманского союза» Отто Бонграда (1893-1979) [11], но и для её европейских соседей, оказавшихся в фокусе германской внешней политики. Пожалуй, самыми известными негерманскими авторами на тему пангерманизма являются: профессор истории университета Вашингтона в Сент-Луисе Роланд Грин Ашер (1880-1957), британский

публицист Остин Харрисон (1873-1928), французский учёный, специалист по геополитике Андре Шерадам (1871-1948) и профессор Сорбонны Шарль Андлер (1866-1933), основавший во Франции научную школу германистики [14].

Методологическую основу исследования составили историзм, системность и объективность при обосновании тенденций общественно-исторического развития Германии, интеллектуальной и политической атмосферы, в которой происходило формирование пангерманизма.

Использование дискурсивно-аналитического метода позволяет рассматривать пангерманизм через авторский нарратив (личный и профессиональный опыт историков, национальные традиции историописания, политические взгляды). Понимание пангерманизма как международного и национального явления с помощью интерпретационного метода даёт возможность оценить его внешние эффекты в контексте международных отношений и внешней политики Германии.

Результаты и их обсуждение

Roland G. Asher

Рис. 1. Роланд Грин Ашер

Профессор истории Р. Г. Ашер был представителем американской школы национальной историографии, набравшей силу с конца XIX в. в университетах Среднего Запада. Для самого Р. Г. Ашера и его коллег (Фредерик Джексон Тёрнер, Карл Беккер, Чарльз и Мэри Бирд) Средний Запад в отличие от традиционализма Новой Англии (Массачусетс, Коннектикут, Вермонт) олицетворял собой новую историографическую традицию, устремлённую в демократическое будущее [1; 3; 5]. Сферу

интересов историков Среднего Запада составили проблемы роли и места США в системе современных международных отношений, экономические основания американской исключительности, идеи атлантизма. Эти и другие вопросы стали краеугольными и для творчества Р. Г. Ашера [20-26].

Написанный в жанре историко-политического очерка «Пангерманизм» Р. Г. Ашера изобилует блестящими обобщениями, но практически полностью лишён ссылок. Пространные выводы, сделанные историком незадолго до начала Первой мировой войны, рисуют зловещую картину пангерманизма, как своего рода таинственного культа, который был «направлен на получение Германией и её союзниками контроля над миром и сохранении этого контроля» [21, с. 101, 102].

Понимание Р. Г. Ашером неизбежности войны, которая завершала *Belle Époque* общеевропейского равновесия, равно как и хронология изданий его произведений, наводят на мысль о том, что очерк американского историка о пангерманизме был важен для более глубокого понимания похожего феномена в США. Год спустя в нью-йоркском издательстве выходит его работа о панамериканизме [20]. В этом исследовании, объёмом в два раза больше, чем очерк по пангерманизму, Р. Г. Ашер формулирует противоречивое определение панамериканизма, называя его «утопией мира, демонстрацией превосходства морали Запада над Восточным полушарием, Нового Света и его христианства над Старым» [20, с. 203], а также вполне реалистичной для США перспективой структурирования интересов американских «пацифистов, капиталистов, империалистов», желающих придать основания своим желаниям и амбициям, «лицемерными заявлениями заботы старшего брата о младшем» [20, с. 204].

Возвращаясь к пангерманизму, Р. Г. Ашер заключает, что он стал продуктом немецкой интеллектуальной мысли, хотя «никто из современников не поверит, что его важные аспекты не были итогом аналогичных рассуждений в Италии или Австро-Венгрии» [21, с. 117]. Бисмарк был первым государственным деятелем, увидевшим все его возможности, «хотя мы пока не можем быть уверены, за какую часть того, что сейчас называют пангерманизмом, он действительно несёт ответственность. Фон Биберштейн, фон Тирпиц и, прежде всего, нынешний император несут ответственность за многое и, безусловно, заслуживают похвалы (или дискредитации) за то, что довели пангерманизм до его нынешнего состояния совершенства, но сам пангерманизм является продуктом различных политик, последовательно отстаиваемых немецкими государственными деятелями после образования современной империи» [21, с. 117].

Рассматривая пандвижение с точки зрения его адаптивных механизмов, Р. Г. Ашер делает ряд важных выводов. Кроме того, что для победителя в уже шедшей войне панидеология станет триумфом и руководством к действию, для Германии, в случае её проигрыша, она может изменить фокус направленности с Запада на Восток. Интересы, скрытые за заявлениями о помощи слабым народам или за декларацией о выживаемости немцев, вынудят Германию выбрать новое пространство, достигаемое по суше, куда она сможет добраться даже без статуса морской державы [20, с. 142-144]. Эти рассуждения американского профессора истории не лишены здравого смысла, так как последовавшее несколькими годами позже поражение Германии привело к переориентации пангерманизма к возрождению континентальной «Великой Германии».

Ещё одно адаптивное преимущество пангерманизма, по мнению Р. Г. Ашера, связано с его конфедеративным (интеграционным) эффектом. Даже в условиях поражения Германии, пангерманизм, наиболее остро вызывающий к жизни патриотические чувства, способен объединить немцев независимо от гражданства. Несмотря на обоюдную историческую неприязнь Пруссии к Австрии, а также то, что «ни один кайзер не осмеливался отправиться на юг Германии без телохранителей» [21, с. 258], мысль о возрождении империи, ковавшаяся веками, не способна исчезнуть без последствий.

Рис. 2. Остин Харрисон

Авторский взгляд на пангерманизм через призму англо-германского антагонизма предложил британский журналист и редактор литературного журнала *The English Review* Остин Харрисон. Его работа «Пангерманская доктрина», впервые опубликованная в 1904 г., выдержала

несколько последующий переизданий. Ссылаясь на политические, экономические, военно-морские и филологические труды современных ему немецких учёных, писателей, публицистов и, разумеется, массовую периодическую печать, О. Харрисон попытался рассмотреть пангерманизм «с точки зрения его достоинств и недостатков» [15, с. VI]. Пангерманизм виделся британцу, как «серьёзная политическая доктрина» [15, с. VI] и «национальное движение, идеалом которого являлся национальный союз всех немцев» [15, с. VII]. Не было ничего дурного в том, – отмечал О. Харрисон, – чтобы «научить немцев мыслить национально» [15, с. VII].

Условиями возникновения пангерманизма в его современно виде, по мнению О. Харрисона, был сохранявшийся англо-германский антагонизм» [15, с. VIII]. Описывая международные отношения начала XX в., О. Харрисон полагает, что условия возникновения пангерманизма были самыми благоприятными. Он отметил, что после поражения в войне с Японией, «морская мощь России была уничтожена, а с ней в значительной степени и её престиж [...] Весьма вероятно было, что дальше Россия выйдет из европейской борьбы искалеченной дипломатической тенью своего прежнего «я». Германия будет всячески использовать эту ситуацию для сближения со славянами, а слабость России, а тем более её унижение, будут способствовать укреплению пангерманской идеи и силы Германии в европейском концерте» [15, с. VII]. С другой стороны, англо-французское соглашение (1904) оставалось «одним из величайших препятствий на пути к реализации мыслимой пангерманской идеи [...] На данный момент Германия «остановлена»; кажется, что вся её внешняя политика провалилась. У немцев неприятное чувство изоляции – ощущение, что мир делят на части другие, а им суждено смотреть на это с пустыми руками [...] Это побудило «Пангерманский союз» обратиться к канцлеру с просьбой получить западное побережье и внутренние районы Марокко в качестве «компенсации» от Франции», придав импульсы пангерманскому движению [15, с. VII].

Разочарование немцев могло быть преодолимо только в случае неудач их исторических соперников – британцев. На протяжении Трансваальской войны, широко известной как Вторая англо-бурская война (1899-1902), пангерманцы последовательно укореняли в сознании немцев неприязнь к Великобритании. Если бы Великобритания потеряла две бывшие бурские республики, – заключает О. Харрисон, – то пангерманизм, скорее всего, стал бы авторитетным политическим принципом Германии; имея в качестве своей движущей силы враждебность по отношению к англичанам, а главной целью – разрушение

британского могущества [15, с. 9].

Рассуждая о самом «Пангерманском союзе», О. Харрисон подчеркнул качество «подпольной работы» снизу, так как сама организация оставалась сравнительно малочисленной, не будучи ни партией, ни парламентской коалицией, ни частью правительства: «Среднестатистический немец не хочет, чтобы его беспокоили политические проблемы, а правительство считает, что само по себе такое беспокойство является нежелательным» [15, с. 10]. Несмотря на то, что главная сила пангерманцев – агитация – имела и негативный и созидательный эффект, их доктрина, строилась на великом национальном идеале единства, чего не было у англосаксов. Их заслуга в том, что пангерманцы научили немцев осознавать этот идеал, в общем, так и понимать важность военно-морской силы, в частности [15, с. 24].

В отличие от выводов американского коллеги и британского журналиста, французские историки первой четверти XX в. в своих оценках пангерманизма всё ещё оставались под влиянием результатов франко-германской войны, приведшей к образованию Германской империи.

Рис. 3. Андре Шерадам

Учёный и публицист Андре Мари Жозеф Шерадам, ученик историков Альбера Сореля (1842-1906) и Анатоля Леруа – Больё (1842-1912), к началу XX в. был авторитетным специалистом по геополитике, скрупулёзно разрабатывавшим картографический метод. Представитель немецкой школы геополитики Карл Хаусхофер (1869-1946), позднее творчество которого также связано с анализом панидей [4], высоко оценил тщательную проработку карт А. Шерадамом [4, с. 242].

Более чем на трёхстах страницах своего очерка А. Шерадам стремится разоблачить пангерманский экспансионистский план, используя свой собственный богатый картографический материал (31-ну карту), труды географов Фридриха Ратцеля (1844-1904) и Отто Рихарда Танненберга (1867-1916), материалы периодической печати (*Le Temps, The Morning Post, L'Écho de Paris*), воспоминания дипломатов и государственных служащих, как графа Хельмута фон Мольтке (1800-1891) или барона Наполеона Евгения де Байена (1855-1934). Автором часто приводятся ссылки на историков Иоганна Генриха Дитриха Шефера (1845-1929) и своего учителя Альбера Сореля: «Мой учитель красиво выразил истину о том, что дипломаты – нотариусы истории» [12, с. 52-53]. Работа А. Шерадама впервые была опубликована в годы Первой мировой войны (1916), выдержав впоследствии более 17 изданий.

Подчёркивая, что пангерманизм формировался задолго до образования Германской империи, А. Шерадам уделяет много внимания основанию «Пангерманского союза», который придал ему воинственный, милитаристский характер. Рассуждая о степени ответственности пангерманцев за разжигание европейской войны, французский публицист отмечает, что Вильгельм II поддержал образование союза [12, с. 29]: «Основанный в 1894 г. «Пангерманский союз» провёл тысячи лекций и распространил миллионы брошюр, побуждавших массы людей к аннексионизму [...] Именно благодаря «Пангерманскому союзу» все немцы, жившие за пределами империи, были систематически объединены в военную организацию; особенно это касается Австрии и Соединённых Штатов [...] В течение двадцати лет по приказу кайзера по всей империи велась яростная пангерманская пропаганда» [12, с. 32-33].

Оценивая колониальные приобретения Германии в конце XIX в. и анализируя планы пангерманцев, А. Шерадам очертил ядро континентальной пангерманской империи в будущем. По его оценкам оно должно было включать пространство «от Гамбурга до Персидского залива» [12, с. 31], что, собственно, представлял собой «пангерманский план». Его реализация была связана с формированием накануне войны тесных связей Германии с Австро-Венгрией, которая должна была гарантировать лояльность народов Балкан. На преданность монархов Болгарии, Румынии и Греции Гогенцоллерны рассчитывали благодаря династическим связям и давлению императора Франца-Иосифа (1830-1916) [12, с. 31]. Поддержки со стороны султана Германия добивалась развитием германо-турецких экономических отношений ещё со времён визита туда Вильгельма II [12, с. 31], который 8 ноября 1898 г. произнёс

«странную речь со ссылкой на Саладина о том, что он друг трёхсот миллионов магометан» [2, с. 136]. Упоминанием России, которую Германия отесняет на Дальний Восток войной с Японией, А. Шерадам показывает, что так называемый «пангерманский план» и «пангерманизм» в целом отождествляются им с политикой Германии накануне войны [12, с. 30-32].

Определяя «пангерманизм» через абсолютную противоположность и радикальное отрицание принципа национальности, благороднейшей идеи, выдвинутой Французской революцией [12, с. 29], А. Шерадам квалифицирует его механически, по факту сближения территорий в основном населённых немцами, как «доктрину строго прусского происхождения, которая имеет целью, помимо любого вопроса о языке или расе, поглотить внешние области, владение которыми считается полезным для власти Гогенцоллернов» [12, с. 24]. В подтверждение такого экспансионизма А. Шерадам приводит «Пангерманский атлас» картогра Пауля Лангханса (1867-1952) [17].

Берлин, ставший для А. Шерадама центром пангерманизма, метафорически изображён как «центр огромной паутины», от которой расходятся «нити, покрывающие огромные пространства немецкой оккупации», которые Германия смогла соткать в начале войны благодаря, во-первых, искусному политическому руководству и военным действиям, и, во-вторых, последовательно игнорировавшимся союзниками пангерманским планом» [12, с. 335].

Рис. 4. Шарль Андлер

Три последовательно опубликованные работы другого французского историка

пангерманизма, Шарля Андлера, свидетельствуют о более основательной проработке проблемы, приобретшей в годы Первой мировой войны общеевропейский характер [7-10].

Ученик социолога Андре Лихтенбергера (1870-1940) и историка Генриха фон Трейчке (1834-1896), Ш. Андлер посвятил свои исследования германистике. Свою диссертацию о происхождении государственного социализма в Германии Ш. Андлер обсуждал с Фридрихом Энгельсом во время своего визита в Лондон (1891) [19, с. 43]. Поскольку изучение германистики во Франции к началу XX в. всё ещё определялось глубоким франко-германским антагонизмом, Ш. Андлеру вместе с А. Лихтенбергером пришлось приложить немало усилий, чтобы добиться включения дисциплин по немецкой истории, философии и литературе в университетские курсы и стать основателями научной школы [13, с. 401-404].

Исследование пангерманизма Ш. Андлер начинает с обзора идей, сформировавших его облик [8]. Их истоки он находит в самобытной немецкой ментальности, не поддающейся сравнению, например, с французской. Ещё Гёте говорил о французах и немцах, - пишет он, - что они морально и политически составляют вечный контраст [8, с. VII]. основополагающие идеи пангерманизма Ш. Андлер находит в трудах Юстуса Мёзера (1720-1794), Иоганна Готфрида Гердера (1744-1803), Иоганна Готлиба Фихте (1762-1814), Дитриха фон Бюлова (1757-1807), Эрнста-Морица Арндта (1769-1860), Фридриха-Людвига Яна (1778-1852), Фридриха Листа (1789-1846), Хельмута фон Мольтке, Бисмарка, Генриха фон Трейчке (1834-1896), Пауля де Лагарда (1827-1891), Константина Франца (1817-1891) и др.

Попытки систематизации идей пангерманизма привели Ш. Андлер к пониманию четырёх причин его возникновения, две из которых он называет исключительно прусскими, а две остальные - общегерманскими. *Во-первых*, подавляющий славянство воинственный германизм Тевтонского ордена, наследницей которого напрямую является Пруссия. Этот германизм ещё можно было назвать христианским, поскольку он был связан с поощрением колонизации немцами-католиками восточных областей, исходя из расчёта о преумножении церковных богатств. *Во-вторых*, амбиции династии Гогенцоллернов, желавшей добиться независимости от императора Священной Римской империи германской нации. Великий курфюрст Фридрих Вильгельм I (1620-1688), успешно воевавший за выход прусских герцогов из ленной зависимости от Польши, тем самым положил начало вековому польско-германскому антагонизму. *В-третьих*, престиж Священной Римской империи, который важно было поддерживать военными методами, отражая

набеги османов. Этот же престиж определялся внутренней конкуренцией за императорскую корону, где чрезвычайно важными были военные успехи. *В-четвёртых*, торговые и гражданские свободы немецких городов, которые требовали поддержки и коллективной защиты. Свободолюбивые традиции немецкого народа (горожан), создавшего величественный облик классической готики, укрепляли гордость за достигнутые в результате внутренней борьбы свободы, формируя патриотические чувства обычных немцев [8, с. XII-XXI].

Ш. Андлер объяснял пангерманизм как воинственную стратегию, расходясь в этом со своим коллегой А. Лихтенбергом, который считал, что агрессивная пангерманская политика Вильгельма II представляет собой лишь часть такой же агрессивной общеевропейской политики соперничества [18, с. 142-145]. Благодаря пангерманизму, оформившемуся к концу XIX в. уже не как идеология, а как движение, - заключает Ш. Андлер, - Германия в большей мере, чем в остальных европейских странах, чья политика оставалась «кабинетной», оказалась подвержена широкомасштабному воздействию снизу: «Немецкие правители, по своему характеру или для сохранения своей репутации в глазах наиболее уважаемых в обществе классов, должны были следовать за этими меньшинствами. Сам принц Бюлов часто приписывал «Пангерманскому союзу» заслугу в том, что он стимулировал или поддерживал пробуждение национальных

чувств. Как будто нужно было возбудить или подержать чувство, которое все школьное и университетское образование и все привычки немецкой общительности пропитали самой агрессивной гордостью за сорок четыре года! Мы называем «пангерманизмом» амбиции этой умело культивируемой гордыни, которую легко высвободить на дороге авантюризма» [7, с. 65].

Заключение

Попытки рассмотрения пангерманизма американскими, английскими и французскими историками и публицистами, предпринятые с позиций историографических школ, политических позиций или жизненного опыта, красноречиво доказывают, что его понимание выходит за рамки проблемы исключительно национальной истории. Несмотря на редукционизм интуитивного восприятия, труды современников - исследователей пангерманизма - сложно назвать обычными очерками или литературными сочинениями. Они изобилуют имеющимися в распоряжении авторов источниками, отдельно проработанными и систематизированными. Не меньшей заслугой кажется прогностический характер исследований пангерманизма, основанный на альтернативных суждениях о природе его будущего развития в Германии и влиянии на европейские народы. В этом отношении негерманский взгляд на пангерманизм позволяет увидеть то, что осталось за рамками, оценить резонирующий характер пангерманских идей и средств их реализации.

Список литературы

1. Соколов А. Б. История исторической науки. Историография Новой и Новейшей истории: учебник для вузов / А. Б. Соколов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2023. 309 с.
2. Тарле Е. В. Сочинения: В 12-ти т. Т. 5: Европа в эпоху империализма. 1871-1919 г. / Сост.: А. В. Паевская и А. Г. Чернов; ред. В. М. Хвостов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 593 с.
3. Терехов О. Э. Историческая мысль и историческая наука Запада XIX – XX вв. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2006. 163 с.
4. Хаусхофер К. Панидеи в геополитике / Карл Хаусхофер. О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. С. 251-352.
5. Цветков И. А. Американские историки. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. 190 с.
6. Швейвер Д. Юнг и дистанционное видение. Психика и сверхвосприятие / Д. Шейвер; пер. с англ. М.: Кучера, 2014. 134 с.
7. Andler C. Le pangermanisme. Ses plans d'expansion allemande dans le monde. Paris: Colin, 1915. 80 p.
8. Andler C. Les origines du pangermanisme (1800 à 1888). Paris: L. Conard, 1915. 335 p.
9. Andler C. Le pangermanisme colonial sous Guillaume II. Paris, 1916. 335 p.
10. Andler C. Le pangermanisme philosophique (1800-1914). Paris, 1917. 398 p.
11. Bonhard O. Geschichte des Alldeutschen Verbandes. Leipzig-Berlin: Theodor Weicher Verlag, 1920. 291 S.
12. Chéradame A. Le plan pangermaniste démasqué. Le redoutable piège berlinois de «la partie nulle». Paris: Librairie Plon, 1916. 356 p.
13. Décultot E. Germanistik (études allemandes) en France // Dictionnaire du monde germanique. Paris: Bayard, 2007. P. 401-404.
14. Espagne M., Werner M. (ed.): Les études germaniques en France (1900-1970). Paris: CNRS Editions, 1994. 557 p.
15. Harrison A. The Pan-Germanic Doctrine. Being a study of German political aims and aspirations.

London, New York: Harper & Brothers, 1904. 379 p.

16. Jung C. G. Zur Psychologie und Pathologie sogenannter occulter Phänomene. Leipzig: Druck von O. Mutze, 1902. 122 S.

17. Langhans P. Deutscher Kolonial-Atlas: 30 Karten mit 300 Nebenkarten. Gotha: Justus Perthes, 1893-1897. 30 S.

18. Marmetschke K. Feindbeobachtung und Verständigung. Feindbeobachtung und Verständigung in den deutsch-französischen Beziehungen. Köln-Weimar-Wien: Böhlau, 2008. 589 S.

19. Tonnelat E. Charles Andler: sa vie et son œuvre. Paris: Les Belles Lettres, 1937. 328 p.

20. Usher R. G. Pan-Americanism: A Forecast of the Inevitable Clash Between the United States and Europe's Victor. New York: The Century Co., 1915. 466 p.

21. Usher R. G. Pan-Germanism. Boston, New York: Houghton Mifflin company, 1914. 314 p.

22. Usher R. G. The challenge of the future. New York: Grosset & Dunlap, 1916. 350 p.

23. Usher R. G. The Pilgrims and their history. New York: The Macmillan Company, 1918. 310 p.

24. Usher R. G. The reconstruction of the English church. New York: D. Appleton, 1910. 423 p.

25. Usher R. G. The rise and fall of the High commission. Oxford: The Clarendon press, 1913. 380 p.

26. Usher R. G. The rise of the American people. A philosophical interpretation of American history. New York: The Century co., 1914. 413 p.

PAN-GERMANISM: A NON-GERMAN VIEW ON THE GERMAN PROBLEM IN THE END OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES

The article deals with assessments and interpretations of Pan-Germanism in the works of historians and publicists of the early 20th century. They were united by their non-German origin and the desire to present Pan-Germanism as an integral phenomenon of a national and pan-European character. The interest of historians in Germany is associated with the activation of its foreign policy and the beginning of the First World War. Pan-Germanism is seen as a nationalist ideology, social movement and foreign policy of the government of the German Empire in the era of Wilhelm II (1888-1918). French, British and American scholars, who published their work on the eve of the First World War, seek to understand, on the basis of the sources available to them, the causes of Pan-Germanism, the conditions for its emergence and the nature of its influence on the course of European history. The author focuses on the intuitive nature of the interpretations of Pan-Germanism, referring to the concept of "remote vision", taken from the analytical psychology of the early twentieth century. In this regard, attempts to comprehend Pan-Germanism were largely determined by personal experience, political predilections, and the nature of the development of diplomatic relations between countries. On the example of French historiography of the first quarter of the twentieth century, the experience of an objective scientific analysis of German history (Ch. Andler, A. Lichtenberger) and the creation of the French school of German studies are considered. Published but not previously translated into Russian texts by foreign historians are introduced into scientific circulation.

Keywords: Pan-Germanism, ideology, nationalism, historiography, German studies, intellectuals, World War I, opinion journalism, imperialism.

References

1. Sokolov A. B. Istoriya istoricheskoy nauki. Istoriografiya Novoj i Novejshej istorii: uchebnik dlya vuzov [History of historical science. Historiography of Modern and Contemporary History] / A. B. Sokolov. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Izdatel'stvo Yurajt, 2023. 309 s.

2. Tarle E. V. Sochineniya: V 12-ti t. T. 5: Evropa v e`poxu imperializma. 1871-1919 g. [Europe in the era of imperialism. 1871-1919]. / Sost.: A. V. Paevskaya i A. G. Chernov; red. V. M. Xvostov. M: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1958. 593 s.

3. Terexov O. E`. Istoricheskaya my`sli` i istoricheskaya nauka Zapada XIX – XX vv. [Historical thought and historical science of the West in the 19th – 20th centuries]. Kemerovo: Kemerovskij gosudarstvenny`j universitet, 2006. 163 s.

4. Xausxofer K. Panidei v geopolitike [Panideas in geopolitics] / Karl Xausxofer. O geopolitike: Raboty` razny`x let. M.: My`sli`, 2001. S. 251-352.

5. Czvetkov I. A. Amerikanskije istoriki [American Historians]. SPb: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2008. 190 s.

6. Shvejver D. Yung i distancionnoe videnie. Psixika i sverxvospriyatie [Jung and remote vision. The psyche and superperception] / D. Shejver; per. s ang. M.: Kuchera, 2014. 134 s.

7. Andler C. Le rangermanisme. Ses plans d`expansion allemande dans le monde [Rangermanism. His plans for German expansion around the world]. Paris: Colin, 1915. 80 r.

8. Andler C. Les origines du pangermanisme (1800 à 1888) [The origins of Pan-Germanism (1800 to 1888)]. Paris: L. Conard, 1915. 335 r.

9. Andler S. Le pangermanisme colonial sous Guillaume II [Colonial Pan-Germanism under Wilhelm II]. Paris, 1916. 335 r.

10. Andler S. Le pangermanisme philosophique (1800-1914) [Philosophical Pan-Germanism

(1800-1914)]. Paris, 1917. 398 p.

11. Bonhard O. Geschichte des Alldeutschen Verbandes [History of the Pan-German league]. Leipzig-Berlin: Theodor Weicher Verlag, 1920. 291 S.

12. Chéradame A. Le plan pangermaniste démasqué. Le redoutable piège berlinois de «la partie nulle» [The Pan-German plan unmasked. The dreaded Berlin trap of the “draw game”]. Paris: Librairie Plon, 1916. 356 p.

13. Décultot E. Germanistik (études allemandes) en France [German Studies in France] // Dictionnaire du monde germanique. Paris: Bayard, 2007. P. 401-404.

14. Espagne M., Werner M. (ed.): Les études germaniques en France (1900-1970) [German Studies in France (1900-1970)]. Paris: CNRS Editions, 1994. 557 p.

15. Harrison A. The Pan-Germanic Doctrine. Being a study of German political aims and aspirations. London, New York: Harper & Brothers, 1904. 379 p.

16. Jung C. G. Zur Psychologie und Pathologie sogenannter occulter Phänomene [On the psychology and pathology of so-called occult phenomena]. Leipzig: Druck von O. Mutze, 1902. 122 S.

17. Langhans P. Deutscher Kolonial-Atlas: 30 Karten mit 300 Nebenkarten [German Colonial Atlas: 30 maps with 300 additional maps]. Gotha: Justus Perthes, 1893-1897. 30 S.

18. Marmetschke K. Feindbeobachtung und Verständigung. Feindbeobachtung und Verständigung in den deutsch-französischen Beziehungen [Enemy views and communication. Enemy view and understanding in Franco-German relations]. Köln-Weimar-Wien: Böhlau, 2008. 589 S.

19. Tonnelat E. Charles Andler: sa vie et son œuvre [Charles Andler: his life and work]. Paris: Les Belles Lettres, 1937. 328 p.

20. Usher R. G. Pan-Americanism: A Forecast of the Inevitable Clash Between the United States and Europe's Victor. New York: The Century Co., 1915. 466 p.

21. Usher R. G. Pan-Germanism. Boston, New York: Houghton Mifflin company, 1914. 314 p.

22. Usher R. G. The challenge of the future. New York: Grosset & Dunlap, 1916. 350 p.

23. Usher R. G. The Pilgrims and their history. New York: The Macmillan Company, 1918. 310 p.

24. Usher R. G. The reconstruction of the English church. New York: D. Appleton, 1910. 423 p.

25. Usher R. G. The rise and fall of the High commission. Oxford: The Clarendon press, 1913. 380 p.

26. Usher R. G. The rise of the American people. A philosophical interpretation of American history. New York: The Century co., 1914. 413 p.

Об авторе

Турыгин Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Костромской государственной университет (Россия), E-mail: aturigin@mail.ru

Turygin Alexander Alexandrovich – Candidate of History, Docent, Docent of department of History, Kostroma State University (Russia), E-mail: aturigin@mail.ru

Шумаков А.А., кандидат исторических наук, доцент, Тульский филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (Россия)

ОРЛЕАНСКОЕ ВОССТАНИЕ РАБОВ 1811 Г.: ПРИЧИНЫ, ХОД, ПОСЛЕДСТВИЯ

Данная работа представляет собой первую в отечественной историографии попытку анализа самого масштабного вооруженного выступления чернокожих невольников на Юге США – восстания на Немецком побережье или, как его еще называют, Орлеанского восстания рабов 1811 г. В ходе исследования автор подробно анализирует комплекс причин и предпосылок рассматриваемого явления, давая оценку некоторым существующим подходам, ход мятежа и последствия, в том числе косвенные и отсроченные. Работа опирается на обширную источниковую базу и труды ведущих американских специалистов в области афроамериканской истории (Black History) и не только. В качестве основных методов исследования используются нарративный, историко-генетический, сравнительно-исторический и ретроспективный, проводятся параллели с другими известными восстаниями и заговорами рабов в США, в частности, с заговором Габриэля 1800 г., заговором Денмарка Визи 1822 г. и Вирджинским восстанием рабов под руководством Ната Тернера 1831 г. В заключении автор дает общую оценку актуальности выбранной темы и причин поражения восстания на Немецком побережье 1811 г.

Ключевые слова: Шарль Деслонд, Уильям Клэйборн, Орлеанское восстание рабов 1811 г., восстание на Немецком побережье 1811 г., глубокий Юг, восстания рабов, рабство, аболиционизм, афроамериканская история (Black History)

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-163-172

Введение

Это восстание рабов имело все шансы стать одним из самых знаковых и поворотных событий в афроамериканской и американской истории. Достаточно сказать, что речь идет о самом крупном вооруженном выступлении чернокожих невольников в США, произошедшем в одном из самых сложных в социальном и этнополитическом плане регионов страны в один из переломных моментов. По утверждению ряда историков, оно вполне могло повторить сценарий гаитянских событий 1791-1804 гг., с которыми было связано напрямую. Внушительное количество черных невольников и маронов на Орлеанской территории,¹ сложная социальная и этнополитическая обстановка, слабая освоенность региона и подходящие природно-климатические условия позволяли надеяться на удачный для рабов исход. Но история распорядилась иначе.

Несмотря на то, что мятеж на Немецком побережье был довольно быстро и жестоко подавлен, он все же имел заметные последствия. В данной связи особенно странным выглядит отсутствие должного внимания к указанной теме со стороны западных и отечественных исследователей. Это при том, что январское восстание произошло за 20 лет до начала знаменитого и гораздо более популярного среди американистов вооруженного выступления рабов под предводительством **Ната Тернера** [4] и превзошло его по масштабу, продолжительности и последствиям. Причиной такого игнорирования, по всей видимости, является крайняя ограниченность имеющейся источниковой базы, представленной в основном

материалами личной и деловой переписки, газетными публикациями, протоколами и стенограммами судебных заседаний.

Даже в американской историографии данная тема проработана откровенно слабо. В разное время темы восстания рабов на Немецком побережье касались такие историки, как: **Шарль-Этьен Артур Гайарре** [9], **Франсуа-Ксавьер Мартен** [12], **Ульрих Боннелл Филлипс** [14], **Джон Кендалл** [10], **Герберт Антекер** [6], **Джеймс Х. Дормон** [8], **Томас М. Томпсон** [21], **Альберт Трэшер** [22], **Адам Ротман** [18], **Джуниус Петер Родригес** [17], **Натан Буман** [7] и **Дэниэл Расмуссен** [15]. Тем не менее, в подавляющем большинстве случаев речь идет о простом упоминании, в лучшем случае – о некритическом обобщении и воспроизведении имеющейся фактической информации. Исключения составляют статья Д. Дормона, диссертация Н. Бумана и монография гарвардского стипендиата Д. Расмуссена, где предприняты попытки проведения критического анализа указанного события. В этом перечне книга Д. Расмуссена «Нерассказанная история крупнейшего восстания рабов в Америке», вышедшая в 2011, считается наиболее полным и авторитетным исследованием по теме Орлеанского вооруженного выступления рабов. Выход данной работы привел к всплеску интереса к указанному событию не только со стороны исследователей, но и со стороны простых обывателей. Написанная простым и доступным языком, а также удостоенная значительного количества наград, она стала одной из самых популярных в разделе «Афроамериканская история» (Black

© Шумаков А.А.

© Shumakov A.A.

¹ До вхождения в состав США на правах отдельного штата в 1812 г. земли современной Луизианы назывались Орлеанской территорией, куда входило, в том числе, и Немецкое побережье.

History). И в то же время именно данная работа породила огромное количество вопросов. Несмотря на широкое признание, назвать это исследование исчерпывающим нельзя. Для придания большей образности своему повествованию гарвардский историк довольно часто пренебрегает академической методологией, а зачастую и вовсе прибегает к приемам художественного повествования. Работа содержит массу допущений, а справочный аппарат в большинстве случаев не позволяет определить источник того или иного утверждения автора, что вызывает ряд сомнений в обоснованности отдельных тезисов.

В отечественной историографии дело с изучением Орлеанского восстания обстоит еще сложнее. Достаточно сказать, что на данный момент в нашей стране не вышло ни одного исследования, посвященного указанной теме. В данной статье автор попытается восполнить данный пробел, изложив свой собственный анализ январского восстания на Немецком побережье 1811 г.

Объекты и методы исследования

Структуру изложения основных тезисов статьи можно назвать структурой «классического» исторического исследования. В первом параграфе подробно излагаются и анализируются причины и предпосылки Орлеанского вооруженного выступления 1811 г., а также проводятся параллели с другими известными восстаниями рабов в США, такими как: Вирджинский заговор Габриэля 1800 г. [2], Чарлстонский заговор Денмарка Визи 1822 г. [3], Вирджинское восстание рабов под руководством Ната Тернера 1831 г. [1]. Стоит отметить, что все перечисленные события были подробно освещены автором в других работах. Помимо сравнительно-исторического, в статье используется и каузальный метод, позволяющий восстановить причинно-следственную связь между изменением геополитической, социально-политической, экономической и этно-культурной ситуации и складыванием взрывоопасной ситуации на американском Юге, конкретно – т.н. Орлеанской территории, непосредственным выражением которой собственно и стал мятеж на Немецком побережье в январе 1811 г.

Второй параграф посвящен восстановлению непосредственного хода восстания. Опираясь на имеющиеся источники и материалы исследований ведущих западных специалистов, автор последовательно воссоздает картину мятежа и маршрут повстанческой армии Шарля Деслонда. При этом основной акцент делается на анализе и сопоставлении различных точек зрения в американской историографии. Тем не менее, стоит отметить, что в данной части используется по большей части нарративный метод, т.к. подробный анализ истории изучения Орлеанского восстания

1811 г. автор приводит в другой статье.

В третьем параграфе автор касается последствий восстания, которое оказало гораздо более глубокое влияние на американское общество и афроамериканскую историю, чем это принято считать. Здесь ведущим методом становится историко-генетический, позволяющий зафиксировать некоторые важные социально-политические и этнокультурные трансформации.

Результаты и их обсуждение

Причины и предпосылки

Вопрос выделения причин и предпосылок январского вооруженного выступления рабов 1811 г. является, пожалуй, самым сложным и наименее проработанным в американской исторической науке. Достаточно сказать, что подробно он не освещался ни в одном серьезном академическом исследовании. Даже Д. Расмуссен в своей знаменитой работе обходит его стороной, ограничиваясь лишь некоторыми предположениями [15, р. 60] и обобщенной предысторией восстания [15, р. 9-50]. Причиной игнорирования столь важного аспекта является почти полное отсутствие информации о мотивах рабов, решившихся на вооруженный бунт в январе 1811 г. Стенограммы и протоколы судебных допросов дают очень скудную информацию по данному вопросу и вряд ли могут считаться основным источником информации.

То же самое можно сказать и о рассуждениях авторов ранних публикаций о стремлении местного негритянского населения к грабежу, насилию и пьянству, долгое время принимавшихся в качестве едва ли не единственного объяснения произошедшего. При этом даже в указанных публикациях можно видеть явные логические противоречия и несостыковки. К примеру, помимо всего прочего, в них отмечался высокий уровень конспирации, координации и организации повстанческой армии, что идет вразрез с утверждениями о стихийном характере выступления и исключительно «низменных» мотивах его участников.

Другим объяснением для белого традиционалистского общества США на первых порах стало выделение неких факторов внешнего влияния, прямо или косвенно способствовавших складыванию взрывоопасной ситуации на Орлеанской территории.

Почти во всех перечисленных исследованиях можно встретить пространные рассуждения о влиянии идей Французского Просвещения. Данная трактовка выглядит вполне обоснованной, особенно если учесть тот факт, что подавляющее большинство жителей Луизианы и Орлеана на тот момент являлись бывшими подданными Французской республики. В пользу этой версии косвенно свидетельствуют и революционные

лозунги восставших, явно навеянные событиями Великой Французской революции. Правда, нельзя не отметить, что сохранились они в основном в устной народной традиции, а, следовательно, очень тяжело понять, насколько данные утверждения вообще соответствуют действительности. Еще одним косвенным доказательством указанной точки зрения служат сообщения о появлении в Новом Орлеане за несколько лет до этого якобинских агитаторов, проповедующих идеалы свободы, равенства, братства и призывающих рабов к восстанию. Некоторые исследователи упоминают о данном эпизоде как о возможном прологе к январским событиям 1811 г. [15, р. 63], но так ли это было на самом деле – понять сложно. В отличие от Вирджинского заговора Габриэля [2, с. 131], в протоколах судебных допросов не содержится ни одной отсылки, указывающей на т.н. французский след. Хотя гипотетически можно допустить, что после продажи Луизианы Париж был уже не связан обязательствами по поддержанию порядка на данной территории и даже вполне мог рассчитывать на возвращение проданных земель, например, в результате восстания, что являлось довольно распространенной практикой в то время, или, по крайней мере, надеяться на ограничение экспансионистских устремлений США.

Тем не менее, в случае с Орлеанским восстанием прямого влияния далеких европейских событий и соответствующей идеологии не прослеживается. К тому же нужно учитывать, что с момента начала Великой Французской революции прошло 22 года. За это время страна совершила мощный реакционно-консервативный разворот, вернувшись, в частности, к монархической форме, поэтому память о прежних революционных преобразованиях отошла на второй план. Ну а после восстановления рабства и отчаянных попыток подавления гаитянского восстания местные невольники вряд ли могли сохранять какие-либо симпатии к своей бывшей метрополии, связь с которой к тому же была фактически разорвана. Французское влияние ассоциировалось у них скорее с местными или домингуанскими рабовладельческими порядками, чем с аболиционистской якобинской риторикой.

А вот с кем связь действительно оставалась неразрывной, так это с бывшей «жемчужиной Французской колониальной империи» – Сан-Доминго, где в 1804 году завершилась своя революция, ставшая единственным в истории примером успешного восстания рабов. Данное событие вызвало массовый исход французских плантаторов с Гаити, многие из которых по вполне очевидным причинам нашли свое новое пристанище в бывшей Луизиане. Причем в 1809 г. началась новая волна переселения, связанная с фактическим

изгнанием испанцами с Кубы французских переселенцев [7, р. 59].

Связь этих событий казалась современникам настолько очевидной, что уже в первых газетных публикациях [13] можно было встретить прямые утверждения о том, что лидерами повстанцев являлись выходцы с Сан-Доминго, многие из которых участвовали в Гаитянской революции. Впоследствии они переместились и в научные работы. В частности, указанной трактовки придерживались Д. Кендалл [10, р. 145], Д. Дормон [8, р. 391-392] и А. Трэшер. Некоторые, в частности, Г. Аптекер [6, р. 154], даже приписывали лидеру восстания Шарлю Деслонду гаитянское происхождение и участие в тамошнем восстании. Д. Расмуссен и вовсе увязывает оба фактора воедино. *«Вдохновленные историей о гаитянской революции и проникнутые философией Французской революции, – пишет он, – различные группы рабов, присоединившихся к повстанческим ячейкам, верили, что смогут обеспечить свободу, равенство и независимость посредством насильственного восстания»* [15, р. 70]. Однако понять реальную степень вовлеченности местных невольников в домингуанские события практически невозможно. Не сохранилось ни одного свидетельства того, что луизианские повстанцы вдохновлялись примером своих собратьев с Сан-Доминго, как это было, например, в случае с заговором *Денмарка Визи* 1822 г., где гаитянское влияние прослеживалось весьма отчетливо [3, с. 62-63].

Не стоит забывать и о еще одном влиятельном региональном игроке. После Луизианской покупки на здешние земли претендовала и Испанская империя, владевшая обширными территориями западнее Миссисипи до 1800 г. Собственно этим обстоятельством и был обусловлен скрытый американо-испанский конфликт, обострившийся после фактического захвата Батон-Руж в сентябре и восстания в Западной Флориде в декабре 1810 г. Инициатором подобных действий выступил губернатор Орлеанской территории У. Клэйборн. Последний, несмотря на то, что всерьез опасался попыток отвоевания своей территории и вынашивал экспансионистские планы в отношении других испанских земель, впоследствии категорически отрицал всякое внешнее влияние [15, р. 107]. Зато бригадный генерал *Уэйд Хэмpton* открыто называл план организации мятежа «испанским» [8, р. 401].

Единственным свидетельством, косвенно намекающим на испанское влияние, является упоминание о некоем Хосе (в источниках – Джозеф), который согласно одному из свидетельств, созвал рабов на дамбе перед домом свободного цветного человека Шарля Пакета [18, р. 110]. Других убедительных доказательств версии «испанского следа» представлено не было, что, впрочем, не мешает

некоторым исследователям делать выводы о косвенном влиянии данного фактора. Последние, нужно признать, имеют под собой некоторые основания. Дело в том, что испанские губернаторы в то время активно привлекали на свои территории беглых рабов, индейцев и фермеров, недовольных американским правлением. «Испанские земли служили маяком надежды для рабов, стремящихся к побегу и восстанию, а также убежищем для изгнанников из числа коренных американцев, которые были вынуждены покинуть свои земли из-за расширения американского сельского хозяйства» [15, р. 45], – пишет Д. Расмуссен.

Еще менее правдоподобной выглядит версия о связи луизианского мятежа с мексиканским восстанием 1810 г. под руководством *Мигеля Идальго*, выдвинутая историком А. Ротманом [18, р. 109]. Автор напрямую связывает это с радикальной социальной повесткой, выраженной в требованиях отмены рабства и податей, снижении налогов и многом другом [18, р. 109]. Однако не стоит забывать, что восстание М. Идальго носило антииспанский и антиколониальный характер, а не аболиционистский. Кроме того, крайне сомнительно, что рабы на Немецком побережье имели возможность следить за событиями в Новой Испании. Опять же, в материалах дела отсутствуют какие-либо отсылки к восстанию Идальго.

Отдельным дестабилизирующим фактором, безусловно, являлась деятельность маронских поселений, располагавшихся в труднопроходимых болотистых лесах близ озера Понтчартрейн и служивших примером освобождения для местных невольников. С другой стороны – жизнь беглых рабов сложно назвать «привлекательной альтернативой», так что многие из них могли быть заинтересованы в «легализации» своего положения. Собственно, этим, по мнению автора, и объясняется легкость, с которой они откликнулись на призыв своих поработанных собратьев к восстанию. Данная версия находит подтверждение и в материалах дела, где можно встретить упоминания о беглых рабах.

Другим внутривнутриполитическим фактором стала политика губернатора У. Клэйборна, связанная с установлением расового контроля и формированием т.н. трехкастового общества (белые, свободные цветные люди и рабы), что не просто могло не вызвать недовольства последних двух групп. Другим направлением его внутривнутриполитической активности стало преодоление гражданского сопротивления местного испано-, а главное – франкоязычного населения, заметно превосходившего в численности англоязычное. Недовольство новым губернатором постоянно росло. В 1805 году оно вылилось в открытое политическое противостояние, когда делегация местных плантаторов,

возглавляемая *Жаном Нозлем Дестреаном*, отправилась в Вашингтон, чтобы выразить недовольство назначением Клэйборна и «деспотичной и унижительной формой территориального правления» [15, р. 41]. Неизвестно, учитывали ли рабы данное обстоятельство при планировании вооруженного выступления в надежде на раскол белого общества в момент выступления. Но если проводить параллели с Вирджинским заговором 1800 г. [2, с. 126], то подобного рода мотивацию исключать нельзя.

К экономическим факторам, которые привели к складыванию в указанном регионе особо взрывоопасной этносоциальной ситуации, стоит отнести господство крупных плантаций и небольших фермерских хозяйств, способствующее активному использованию рабского труда. Кроме того, спрос на рабов в самом начале XIX в. во многом был стимулирован сахарным бумом. После того как Сан-Доминго утратил роль главного поставщика сахара в Старом и Новом свете ситуацией попытались воспользоваться луизианские фермеры, существенно увеличившие численность рабочей силы на плантации. Французские иммигранты с Сан-Доминго, перебравшиеся в Луизиану, помимо всего прочего, привезли туда новейшие технологии производства сахара. Примечательно, что в начале 1811 г. в Луизиане цены на рабов упали из-за падения нормы прибыли плантаторов [23]. Эта связано с расширением сельскохозяйственных угодий. Данные изменения, несомненно, привели к усилению эксплуатации и соответственно росту недовольства рабов.

Даже дата начала выступления была связана с окончанием сельскохозяйственного цикла по уборке сахарного тростника, дававшего возможность долгожданной передышки рабам из-за чреды праздников у белых плантаторов. Лучшего времени для восстания сложно было себе и представить.

Еще одним важным обстоятельством стало активное функционирование т.н. теневой экономики, в которую были вовлечены не только мароны, но и рабы. Наличие огромного количества речных путей способствовало развитию контрабандной торговли. Последняя активно поддерживалась местными сообществами пиратов-баратарианцев. Д. Кендалл отдельно выделял этот фактор в качестве одной из причин Орлеанского восстания [10, р. 147].

И наконец, последним, но не по значимости, комплексом причин являются демографические изменения, свидетельствовавшие о росте невольничьего населения в Луизиане. Пика оно достигло как раз к 1810 г. Проведенная в это время перепись зафиксировала общее количество чернокожих невольников на Немецком побережье

в 3839 человек, в то время как общее количество белого и свободного черного населения составляло 2442 [8, р. 402]. Используя данные той же переписи, А. Ротман заключает, что на расстоянии от плантации М. Андре до имения *Зенона Трюдо* проживало 274 белых, 89 свободных цветных человека и 1480 рабов [18, р. 107-108]. При том, что 86 процентов всех хозяйств владели невольниками. Схожая картина наблюдалась и в Новом Орлеане, где, по данным переписи 1810 г. проживал 6331 белый, 4950 свободных цветных и 5961 раб [11]. Другой важной демографической тенденцией была креолизация рабского населения после принятия *Томасом Джефферсоном* закона о запрете трансатлантической работорговли в 1807 г.

Ход

В источниках точно зафиксирована дата и время начала восстания – поздний вечер 8 января, когда несколько десятков рабов совершили внезапное нападение на дом полковника *Мануэля Андре* в 36-40 милях к северо-западу от Нового Орлеана. По показаниям задержанных рабов, группу мятежников возглавлял раб-мулат *Шарль Деслонд*, трудившийся надсмотрщиком на местной плантации. Судя по сохранившимся сведениям, он являлся собственностью вдовы *Жана-Батиста Деслонда – Анны Бод Паумет*, но на тот момент был передан в аренду М. Андре. Ряд авторов настаивает, что речь идет о свободном цветном человеке с Сан-Доминго [6, р. 65]. Основанием для подобного рода утверждений является публикация в *New York Evening Post* от 20 февраля 1811 г. [13]. Однако данная версия не подтверждается ни материалами дела, ни описью имущества семейства Деслонд.

Восстание нельзя назвать спонтанным. Согласно показаниям задержанных рабов, оно планировалось самым тщательным образом. За три дня до выступления на плантации Андре состоялась встреча заговорщиков, где был озвучен окончательный план, определены цели, оговорены роли каждого из участников, назначены командиры будущей повстанческой армии. Все проходило в обстановке строжайшей секретности. В пользу данного утверждения свидетельствует тот факт, что согласно показаниям задержанных, 7 января на плантации *Элизабет Трпанье* заговорщики задержали одного из рабов, которого подозревали в предательстве. Целью, по всей видимости, изначально значился Новый Орлеан. По крайней мере, именно такой лозунг был озвучен Ш. Деслондом в первые часы восстания.

Особую роль в замысле играли мароны, присоединившиеся к походу, и, возможно, городские рабы. А. Трэшер, настаивает на том, что восстание в Новом Орлеане должно было вспыхнуть еще до подхода основных сил повстанческой

армии. Инициаторами выступали ячейки местных рабов и свободных цветных. Американский исследователь даже нашел в национальном архиве упоминание о беспорядках в городе и связал это с вооруженным выступлением на Немецком побережье [22, р. 56-57]. Версия А. Трэшера объясняет то, почему армия Ш. Деслонда так и не вступила с бой с силами У. Хэмптона и, в конце концов, повернула назад, не дойдя 15 миль до своей главной цели. Причиной столь странного маневра вполне могло стать известие о провале восстания в городе. После чего дальнейшее продвижение на Новый Орлеан теряло всякий смысл.

В пользу хорошо законспирированного и разветвленного заговора говорит также и то, что выступление проходило в крайне неблагоприятных погодных условиях. Проливный дождь не только не расстроил планы мятежников, как это случилось в случае с заговором Габриэля 1800 г. [2, с. 135], но и напротив, послужил прикрытием для их продвижения.

Несмотря на серьезную проработку, план все же имел существенные изъяны. Причем ряд просчетов был допущен еще на начальном этапе его реализации. Так, например, хозяину плантации М. Андре, несмотря на полученное тяжелое ранение, удалось избежать участи жестокой сына и переправиться на Западный берег Миссисипи. Забрав в доме несколько мушкетов, лошадей и комплектов униформы, рабы двинулись дальше. По мнению историка Н. Бумана, в планы Деслонда входило завладение куда более значительными запасами оружия, т.к. на плантации М. Андре располагался целый арсенал местного ополчения. Однако в конце 1810 г. он был перевезен в другое место [7, р. 77], о чем повстанцы, по всей видимости, не знали.

Как бы то ни было, реализация первоначального плана была продолжена. Повстанческая армия, разделенная на роты во главе с конными «лейтенантами» и вооруженная в основном холодным оружием, под бой барабанов двинулась по Ривер-роуд в сторону Нового Орлеана. По мнению Д. Расмуссена, всего в первом налете на плантацию М. Андре приняло участие не более 25 человек [15, р. 70].

Следующей точкой, по всей видимости, стали плантации Анны Деслонд и местного судьи *Ахилла Труара*. Последняя располагалась в пяти милях на юго-восток. Там к походу присоединилось еще порядка 10 рабов под командованием *Матюрена* [15, р. 71]. После плантации *Джеймса Брауна* в состав повстанческой армии вошла большая группа под руководством африканских рабов *Кука* и *Куаманы*. Общая численность мятежного войска превысила 100 человек.

К этому моменту весть о восстании уже

облетела окрестные плантации, и все белые поспешили скрыться. Единственным исключением стал **Франсуа Трепанье**, который в одиночку принял бой с «армией рабов» в 10 милях вниз по Ривер-роуд. Эта история впоследствии обросла огромным количеством подробностей и была воспета в целом ряде газетных публикаций. Она нашла свое отражение в работах Ш.-Э.А. Гайарре [9, р. 267] и Д. Кендалла [10, р. 145]. Причем в обоих случаях указывалось, что Трепанье удалось обратить нападающих в бегство. В то же время подавляющее большинство исследователей и сам губернатор У. Клэйборн настаивали на том, что плантатор погиб, став второй подтвержденной белой жертвой восстания. На кладбище близ Красной церкви сохранилось надгробие с недвусмысленной эпитафией следующего содержания: «*Франсуа Трепанье, убит восставшими рабами 10 января 1811 года*» [15, р. 139].

В дальнейшем рабы уже двигались, не встречая никакого сопротивления. Плантации **Александра Лабранша, Бернара Бернуди, Пьера Пэна, Ричарда Батлера и Самюэля Маккатчена**, Шарбонне, Ливоз, Арно, **Жана Ноэля Дестреана**, Меуиллиона, **Уильяма Кеннера** и **Стивена Хендерсона**, были заняты без боя. Крайней точкой продвижения стала сахарная плантация **Жака Фортье**, находившаяся в 25 милях от исходной точки и примерно в 11-15 милях от Нового Орлеана. Там было решено сделать привал, хотя по другой версии, в указанном имении рабы добрались до запасов и какое-то время предавались грабежу и пьянству. Можно предположить, что к тому моменту численность повстанческой армии достигла пиковых значений. Сколько именно – понять сложно. В большинстве исследований приводятся оценки губернатора У. Клэйборна, который в своем сообщении государственному секретарю писал о восставших неграх: «*Их число по разным данным составляло от 180 до 500*» [19, р. 95]. В то же время согласно опросу, проведенного среди плантаторов прихода Сент-Чарльз, количество рабов, которые приняли участие в восстании, составило 124 человека [15, р. 160].

Тем временем весть о восстании дошла до Нового Орлеана. По одной версии, это случилось с появлением первых беженцев, по другой – с письмом М. Андре. Как бы то ни было, губернатор У. Клэйборн поспешил принять меры по подготовке города к осадному положению, а именно – ввел комендантский час, приказал закрыть таверны, начать патрулирование улиц, взять под усиленную охрану мосты и арсеналы. По воспоминаниям старшего офицера в округе – бригадного генерала **Уэйда Хэмптона**, примерно в 12:00 9 января, когда мятежная армия уже достигла плантации **Ж. Фортье**, губернатор

обратился к нему с просьбой о помощи [15, р. 80].

К 6 часам вечера У. Хэмптону удалось собрать две роты ополчения и 30 солдат регулярных войск, после чего он выдвинулся навстречу повстанческой армии по Ривер-роуд. Вскоре вслед за этими силами отправился и отряд командующего флотом Нового Орлеана **Джона Шоу**, состоящий из 40 матросов. Если верить письмам, то инициатива такого похода исходила от самого командора. Шоу посчитал силы Хэмптона «слабым отрядом» и принял самостоятельное решение усилить их за счет своих людей. В это время в самом Новом Орлеане оставалось 68 солдат [15, р. 80]. Еще один отряд легкой артиллерии и роты драгун под командованием майора **Гомера Верджилла Мильтона**, двигавшийся в сторону Батон-Руж вдоль озера Понтчартрейн, изменил маршрут, получив сигнал о помощи от губернатора Клэйборна. Стоит отметить, что силы У. Хэмптона и Г. Мильтона встретятся лишь утром 11 января на плантации Дестреана, когда по большому счету все будет уже закончено. А. Ротман упоминает еще об одной разношерстной группе ополченцев численностью около 100 человек, которая собралась вечером 9 января близ плантации Фортье [18, р. 113]. При этом другие историки ничего не сообщают об этой группе.

Около 4-00 10 января объединенные силы достигли сахарного завода Фортье и сразу же попытались атаковать повстанцев, но те сражения не приняли и заблаговременно отступили. Д. Расмуссен называет это «классической западно-африканской военной уловкой» [15, р. 88]. Согласно же отчету Richmond Enquirer от 22 февраля 1811 г., написанному неназванным участником подавления восстания, причиной отступления была фактическая потеря управления. Расположившись на привале, рабы предавались пьянству, обжорству и грабежу [16], обратившись в бегство при приближении неприятеля.

Как бы то ни было, повстанцы отошли на 15 миль на северо-запад к плантации Б. Бернуди, где неожиданно были атакованы отрядом ополченцев под руководством полковника М. Андре. Последний, получив ранение, сумел переправиться на западный берег Миссисипи, где обратился за помощью к местному плантатору **Шарлю Перре**. Вместе они собрали отряд численностью до 80 человек и решили атаковать рабов, переплыв реку на пирогах.

Сражение началось примерно в 9-00 10 января. По оценке одного из командиров Ш. Перре, армия повстанцев на тот момент насчитывала 200 человек [15, р. 92]. Причем восставшие, очевидно, совершенно не ожидали этого нападения, не приняв никаких мер предосторожности, ошибочно полагая, что основные силы неприятеля движутся со стороны Нового Орлеана. Из-за проливного дождя

ополченцам не удалось использовать артиллерию. Рабы первыми выстроились в шеренгу и дали залп. По всей видимости, он оказался преждевременным, т.к. по сообщению того же Андре, ни один ополченец в перестрелке не пострадал. Зато ответный залп внес смятение в ряды восставших. В этом сложно не увидеть определенные параллели с решающим боем на поле Паркера во время восстания Ната Тернера, развивавшимся по аналогичному сценарию [1; 5, с. 566]. Многие начали отступать в лес, а отряд Андре продолжил преследование. Сражение быстро превратилось в бойню. Безвозвратные потери восставших к его окончанию составили от 15 до 66. Еще от 16 до 50 были взяты в плен [8, р. 397].

После окончания сражения отряд из 25 ополченцев продолжил преследовать рабов в лесу. К 10 часам вечера 11 января М. Андре рапортовал Клэйборну, что восстание полностью подавлено, а все лидеры, включая Шарля Деслонда, убиты или взяты в плен.

Стоит отметить, что в историографии существует и другая версия разгрома повстанцев, согласно которой основную роль сыграли объединенные силы под командованием майора Г. Милтона и генерала У. Хэмптона. Такой точки зрения, в частности, придерживались Ф.-К. Мартен [12, р. 349] и Т. Томпсон [8, р. 8].

13 января на плантации Дестрехан начался суд над задержанными и обвиняемыми рабами. Судья округа Сент-Чарльз **Пьер Боше Сен-Мартен** созвал трибунал из пяти местных плантаторов, который вынес 18 [21, р. 9] (по другой версии – 21) [8, р. 398] обвинительных приговоров и 3 оправдательных. Осужденные были расстреляны, обезглавлены, а их головы оказались насажены на пики и выставлены на плантациях хозяев. Еще 6 были взяты под стражу. Их дальнейшая судьба неизвестна. По просьбе губернатора каждому плантатору была предоставлена компенсация за потерю собственности в размере 300 долларов за каждого убитого раба и одной трети от оценочной стоимости любого другого имущества, уничтоженного во время восстания [15, р. 117]. Спустя несколько дней в Новом Орлеане состоялась вторая серия судебных разбирательств. Были казнены еще 11 рабов. Общее же количество погибших невольников варьируется от 95 до 115 [18, р. 111]. Стоит также отметить, что 86 рабов были возвращены владельцам [20].

Последствия

Безусловно, главным итогом восстания стало ускорение вхождения Орлеанской территории в состав США на правах отдельного штата. Данный процесс начался еще в 30 апреля 1803 г., когда после США **Роберт Ливингстон** и **Джеймс Монро** в Париже подписали договор о покупке Луизианы с

директором государственного казначейства Франции маркизом **Франсуа Барбе-Марбуа**. 20 октября договор прошел ратификацию в Сенате. Эта сделка стала одним из крупнейших успехов администрации президента **Томаса Джефферсона**, но вместе с тем принесла ряд существенных проблем. Процесс инкорпорации региона затянулся из-за сложной этносоциальной и геополитической обстановки. Первая заключалась в слабой заселенности и освоенности региона, преобладании франко- и испаноговорящего населения, а также в наличии серьезных разногласий по вопросу рабства. Вторая же выражалась в неопределенности границ с испанскими владениями, что было чревато территориальными конфликтами.

Губернатор территории Орлеана У. Клэйборн пытался решить обе проблемы. Однако это едва не привело к открытому противостоянию местными землевладельцами, ярким выражением которого стала упомянутая выше поездка делегации Ж.Н. Дестреана в Вашингтон, и столкновению с Испанской империей. Последнего он поначалу всеми силами пытался избегать. Дело в том, что Территория Орлеана находилась между испанскими владениями во Флориде и Техасе. Клэйборн долгое время пытался лавировать, избегая обострения, но, тем не менее, четко придерживался позиции продвижения государственных экспансионистских интересов США. В частности, именно он предлагал президенту **Джеймсу Мэдисону** в 1810 г. устроить антииспанское восстание в Батон-Руж и Западной Флориде, чтобы аннексировать эти территории под предлогом исполнения воли тамошнего населения, что собственно и произошло.

После восстания на Немецком побережье у Клэйборна появился весомый аргумент для ускорения процесса инкорпорации территории Орлеана и Луизианы в состав США. В частности, в своем обращении к обеим палатам законодательного органа Территории Орлеана 29 января 1811 г. губернатор заявлял: «Я убежден, джентльмены, что Территория Орлеана будет в скором времени принята в Союз как братский штат, и это вовсе не выглядит чем-то невероятным, т.к. Конгресс может уже на своей нынешней или последующей сессии предусмотреть такое принятие» [19, р. 126].

Конкретной реакцией на восстание стало увеличение численности ополчения, введение обязательных сборов, увеличение штрафов за неявку и неисполнение приказов. Кроме того, по инициативе губернатора новый закон предусматривал выплаты за счет федеральных средств компенсаций плантаторам за потерю имущества в результате восстания, в том числе и за казненных рабов. Но самое главное – по предложению

Клэйборна были приняты дополнительные меры по ужесточению контроля ввоза рабов.

11 февраля 1812 г. по просьбе губернатора законодательный орган Орлеанской территории лично обратился к президенту Д. Мэдисону с просьбой о размещении в городе полка регулярных войск [15, р. 115]. Федеральное правительство удовлетворило эту просьбу, прислав дополнительно три канонерские лодки. Таким образом «проблемный регион» все плотнее входил в систему федерального управления и безопасности США. Стоит отметить, что данные меры впоследствии возымели действие, особенно во время битвы за Новый Орлеан в декабре 1814 г., ставшей заключительным эпизодом Второй англо-американской войны. Причем, как и в случае с Войной за независимость, англичане активно пытались разыгрывать карту недовольства рабов, предлагая им свободу и небольшие земельные наделы в Канаде в случае присоединения к британской армии. Но массового отклика у афроамериканской общины это не нашло. Возможно, причиной стала память об отношении англичан к своей «черной пехоте» во время Войны за независимость.

Разумеется, весть о восстании рабов в Орлеане эхом отозвалась по всему Глубокому Югу, приведя к тем же последствиям в виде ужесточения расового контроля и принятия ряда ограничений. Например, во многих штатах законодательно была ограничена свобода передвижения и собраний рабов, запрещена продажа им спиртного и боеприпасов. Но самое главное – с присоединением еще одного рабовладельческого штата к Союзу сформировался тот самый хрупкий баланс между Севером и Югом, который заложил основу для будущего столкновения.

К 1840 г. Новый Орлеан за счет своего выгодного географического положения стал фактической столицей работорговли в США, отобрав это неофициальное звание у Чарльстона. Причиной стала роль Миссисипи как главной судоходной артерии страны и переориентация местных производителей на внутренний рынок после запрета трансатлантической работорговли.

Заключение

Что касается афроамериканской истории, то восстание 1811 г., несомненно, занимает в ней

особое место. Свидетельством этому служит богатая народная традиция повествования о тех событиях, часто используемая в качестве источниковой базы. Как для черного, так и для белого населения США оно стало важным наглядным примером продолжения Гаитянской революции, которая вполне могла распространиться на Юг США и привести к известным последствиям.

С другой стороны – нельзя не отметить и очевидные сложности при попытке вписывания данного события в контекст истории радикального афроамериканского аболиционизма. Главная из них заключается в невозможности установить связь с последующими эпизодами борьбы, а именно – попытками организации крупных вооруженных выступлений рабов, самыми яркими из которых были заговор Денмарка Визи 1822 г. в Южной Каролине [3] и восстание Ната Тернера 1831 г. в Вирджинии [1]. Мятеж на Немецком побережье в этом ряду выглядит вполне типичным явлением, отличаясь лишь тем, что происходил он в не совсем обычном регионе США.

Если говорить о причинах поражения повстанцев, то они также вполне типичны для вооруженных выступлений рабов на Юге [5], и заключались, в первую очередь, в недостатке боевого опыта и критической нехватке вооружения, слабой дисциплине, а главное – в отсутствии массовой поддержки со стороны местных рабов и свободных цветных граждан. В подтверждение можно сослаться на губернатора У. Клэйборна, который отмечал их «величайшее стремление к общественной безопасности» и участие в подавлении мятежа в составе роты ополчения под командованием майора Дюбурга [19, р. 99-100]. Что касается рабов, то в материалах дела содержится немало историй о том, как невольники предупреждали и спасали своих хозяев, что собственно, и способствовало столь незначительному количеству жертв со стороны белого населения и стало одной из причин провала восстания.

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на отсутствие должного внимания в академической среде, Орлеанское восстание 1811 г. оставило глубокий след в американской и афроамериканской истории, став важнейшим эпизодом в истории борьбе негритянского народа против рабства.

Список литературы

1. Шумаков А.А. Восстание Ната Тернера: хроника основных событий // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 1. С. 294-335.
2. Шумаков А.А. Заговор Габриэля 1800 г.: история несостоявшегося восстания // *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*. 2022. Том 8. № 3 (31). С. 125-142.
3. Шумаков А.А. Заговор Денмарка Визи: причины и предпосылки // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 61-70.
4. Шумаков А.А. Причины и предпосылки восстания Ната Тернера в американской

историографии // Вестник Брянского государственного университета. 2022. №2 (52). С.154-163

5. Шумаков А.А. Причины поражения восстания Ната Тернера // *Via in tempore. История. Политология.* 2022. Т. 49. № 3. С. 563-574.

6. Aptheker H. *American Negro Slave Revolts.* – New York: Columbia University Press, 1943. Copyright transferred 1952 to International Publishers Co. INC. Copyright by international publishers Co.. Inc., 1963, 1969, 1974, All rights reserved, New Edition, 1974. 415 p.

7. Buman N.A. *To kill whites: the 1811 Louisiana slave insurrection.* LSU Master's Theses. Louisiana State University and Agricultural and Mechanical College, 2008. 98 p.

8. Dormon J.H. *The Persistent Specter: Slave Rebellion in Territorial Louisiana* // *Louisiana History* 28 (Fall 1977), 1977. P. 389–404.

9. Gayarré C. *History of Louisiana.* New Orleans: F.F. Hansell & Bro., Ltd., 1903. V. 4. 591 p.

10. Kendall J. S. *Shadow Over the City* // *Louisiana Historical Quarterly* 22 (January 1939), 1939. P. 142-165.

11. Lachance P. *New Orleans in the era of revolution: a demographic profile.* April 1, 1989. [Электронный ресурс] URL: <https://ruor.uottawa.ca/bitstream/10393/34115/1/Profile%20NO%201989.pdf> (дата обращения: 07.01.2023).

12. Martin F.-X. *The history of Louisiana, from the earliest period.* New Orleans: Pelican Publishing Company, 1882. 544 p.

13. *New York Evening Post*, February, 20, 1811.

14. Phillips U.B. *American Negro slavery: a survey of the supply, employment and control of Negro labor as determined by plantation regime.* New York: Appleton, 1929. 523 p.

15. Rasmussen D. *American Uprising: The Untold Story of America's Largest Slave Revolt.* New York: Harper. 2011. 200 p.

16. *Richmond Enquirer*, February 22, 1811.

17. Rodriguez J. P. ed. *Slavery in the United States: A Social, Political, and Historical Encyclopedia*, two volumes. Santa Barbara, California Denver, Colorado Oxford, England, 2007. P.315-316.

18. Rothman A. *Slave Country: American Expansion and the Origins of the Deep South.* Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2005. 296 p.

19. Rowland D. ed. *Official letter books of W.C.C. Claiborne 1801-1816.* Jackson, Mississippi: State department of archives and history, 1917. V.5. 402 p.

20. *The German Coast Uprising (Slave Revolt), a story.* [Электронный ресурс] URL: <https://aaregistry.org/story/slaves-rebel-in-louisiana/>

21. Thompson T.M. *National Newspaper and Legislative Reactions to Louisiana's Deslondes Slave Revolt of 1811: A Thesis.* master's thesis, University of New Orleans, 1990. 29 p.

22. Thrasher A. ed. *On to New Orleans! Louisiana's Heroic 1811 Slave Revolt.* 2nd ed. New Orleans: Cypress Press, 1996. 317 p.

23. Williamson S.H. *Measuring Slavery in 2020 Dollars,* 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://www.measuringworth.com/slavery.php> (дата обращения: 07.01.2023).

ORLEANS SLAVE REVOLT OF 1811: CAUSES, COURSE, CONSEQUENCES

This work is the first attempt in Russian historiography to analyze the largest armed uprising of black slaves in the South of the United States – the uprising on the German coast of 1811. In the course of his research, the author analyzes in detail the complex of causes and prerequisites of the phenomenon under consideration, assessing some existing approaches, the course of the rebellion and the consequences, including indirect and delayed. The work is based on an extensive source base and the works of leading American experts in the field of Black History, the history of the Deep South, American slavery and more. Narrative, historical-genetic, comparative-historical and retrospective methods are used as the main research methods, parallels are drawn with other well-known uprisings and slave conspiracies in the United States, in particular, with the Gabriel conspiracy of 1800, the Denmark Veasey conspiracy of 1822 and the Virginia Uprising led by Nat Turner of 1831. In conclusion, the author gives a general assessment of the relevance of the chosen topic and the reasons for the defeat of the uprising on the German coast of 1811.

Keywords: Charles Deslond, William Claiborne, Orleans Slave Revolt of 1811, uprising on the German coast of 1811, Deep South, slave revolts, slavery, abolitionism, African American history (Black History)

References

1. SHumakov A.A. (2023) *Vosstanie Nata Ternera: hronika osnovnyh sobytij* [The uprising of Nat Turner: a chronicle of the main events] // *Historia provinciae – zhurnal regional'noj istorii.* T. 7. № 1. S. 294-335.

2. SHumakov A.A. (2022) *Zagovor Gabrielya 1800 g.: istoriya nesostoyavshegosya vosstaniya* [Gabriel's Plot of 1800: The Story of the Failed Uprising] // *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates.* Tom 8. № 3 (31). S. 125-142.

3. SHumakov A. A. (2023) Zagovor Denmarka Vizi: prichiny i predposylki [The conspiracy of Denmark Vesey: Causes and prerequisites] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. T. 23, vyp. 1. S. 61-70.
4. SHumakov A.A. (2022) Prichiny i predposylki vosstaniya Nata Ternera v amerikanskoj istoriografii [The causes and prerequisites of the Nat Turner Uprising in american historiography] // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. №2 (52). S.154-163
5. SHumakov A.A. (2022) Prichiny porazheniya vosstaniya Nata Ternera [Reasons for the defeat of the Nat Turner Uprising] // Via in tempore. Istoriya. Politologiya. T. 49. № 3. S. 563-574.
6. Aptheker H. (1974) American Negro Slave Revolts. – New York: Columbia University Press, 1943. Copyright transferred 1952 to International Publishers Co. INC. Copyright by international publishers Co.. Inc., 1963, 1969, 1974, All rights reserved, New Edition. 415 p.
7. Buman N.A. (2008) To kill whites: the 1811 Louisiana slave insurrection. LSU Master's Theses. Louisiana State University and Agricultural and Mechanical College. 98 p.
8. Dormon J.H. (1977) The Persistent Specter: Slave Rebellion in Territorial Louisiana // Louisiana History 28 (Fall 1977). P. 389–404.
9. Gayarré C. (1903) History of Louisiana. New Orleans: F.F. Hansell & Bro., Ltd.. V. 4. 591 p.
10. Kendall J. S. (1939) Shadow Over the City // Louisiana Historical Quarterly 22 (January 1939). P. 142-165.
11. Lachance P. (1989) New Orleans in the era of revolution: a demographic profile. April 1, 1989 from <https://ruor.uottawa.ca/bitstream/10393/34115/1/Profile%20NO%201989.pdf> (data obrashcheniya: 07.01.2023).
12. Martin F.-X. (1882) The history of Louisiana, from the earliest period. New Orleans: Pelican Publishing Company. 544 p.
13. New York Evening Post, February, 20, 1811.
14. Phillips U.B. (1929) American Negro slavery: a survey of the supply, employment and control of Negro labor as determined by plantation regime. New York: Appleton. 523 p.
15. Rasmussen D. (2011) American Uprising: The Untold Story of America's Largest Slave Revolt. New York: Harper. 200 p.
16. Richmond Enquirer, February 22, 1811.
17. Rodriguez J. P. ed. (2007) Slavery in the United States: A Social, Political, and Historical Encyclopedia, two volumes. Santa Barbara, California Denver, Colorado Oxford, England. P.315-316.
18. Rothman A. (2005) Slave Country: American Expansion and the Origins of the Deep South. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 296 p.
19. Rowland D. ed. (1917) Official letter books of W.C.C. Claiborne 1801-1816. Jackson, Mississippi: State department of archives and history. V.5. 402 p.
20. The German Coast Uprising (Slave Revolt), a story from: <https://aaregistry.org/story/slaves-rebel-in-louisiana/>.
21. Thompson T.M. (1990) National Newspaper and Legislative Reactions to Louisiana's Deslondes Slave Revolt of 1811: A Thesis. master's thesis, University of New Orleans. 29 p.
22. Thrasher A. ed. (1996) On to New Orleans! Louisiana's Heroic 1811 Slave Revolt. 2nd ed. New Orleans: Cypress Press. 317 p.
23. Williamson S.H. (2023) Measuring Slavery in 2020 Dollars from <https://www.measuring-worth.com/slavery.php> (data obrashcheniya: 07.01.2023).

Об авторе

Шумаков Андрей Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Тульский филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (Россия), E-mail: takamori@rambler.ru

Shumakov Andrey Andreevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities, Tula Branch of the Plekhanov Russian University of Economics (Russia), E-mail: takamori@rambler.ru

Правила предоставления рукописей

В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (авторов), ранее нигде не опубликованные. Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость.

Статьи обзорного характера к публикации не принимаются.

Научный журнал формируется по научной отрасли по научной отрасли – **исторические науки**.

Группа научных специальностей: 5.6 - исторические науки.

Научные специальности: 5.6.1. - Отечественная история; **5.6.2.** - Всеобщая история; **5.6.3.** – Археология; **5.6.5.** - Историография, источниковедение, методы исторического Исследования; **5.6.7.** - История международных отношений и внешней политики.

Требования к структуре статей (см. образец оформления статьи)

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

1. В начале статьи указываются:

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 12 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 12 pt, жирный, выравнивание по центру, межстрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 12 pt, надпись «Ключевые слова» - жирный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный).

2. Текст статьи на русском языке (Times New Roman 12 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1, 25 см.)

3. После текста статьи размещаются:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 12 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);
- название статьи на английском языке;
- аннотация на английском языке («Abstract»);
- ключевые слова на английском языке («Keywords»);
- список литературы на английском языке (References);
- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учреждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в печатном и электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (*.doc, *.docx, *.rtf) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 12 pt, межстрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1,25 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы не допускаются. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 16 000 знаков с пробелами и не превышать 34 000 знаков с пробелами, включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов (актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы). После аннотации размещаются ключевые слова (8-10). Через строку размещается текст статьи, который должен содержать следующие обязательные элементы:

- **Введение** (актуальность темы, обзор литературы, постановка проблемы, формулирование целей и задач данного исследования);
- **Методы** (детально описываются методы и схема экспериментов/ наблюдений, позволяющие воспроизвести результаты, пользуясь только текстом статьи);
- **Результаты** (представляются фактические результаты исследования);
- **Обсуждение** (содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);
- **Заключение** (содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них).

После основного текста статьи автор или авторы могут поместить благодарности коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку и другие.

На титульной странице оформляется исключительное авторское право на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

После текста статьи размещается «Список литературы» (12 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках).

Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

Затем размещается английский блок: фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

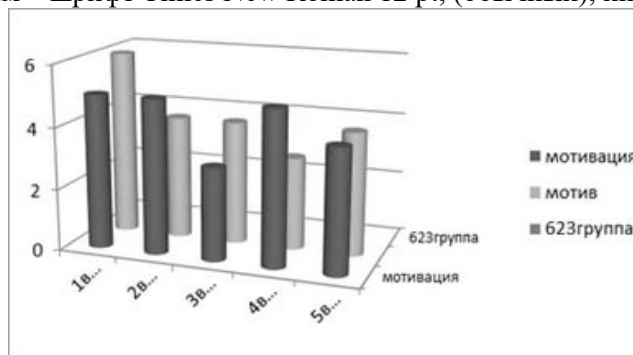
Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 12 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме. (Цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 12 pt, (обычный), интервал – одинарный.

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка (см. образец);
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 80%.

Каждая статья в обязательном порядке проходит процедуру закрытого рецензирования. По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru

Адрес: 241036, г. Брянск, Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: (4832) 66-67-58; **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№1 (55) 2023

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012**

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Михальченко С.И.

Адрес учредителя:

**ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.**

Адрес редакции и издателя:

**РИСО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.**

Адрес типографии:

241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 28.03.2023.

Дата выхода журнала в свет: 31.03.2023.

Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 22. Тираж 500 экз. Свободная цена. 16+